Л. Троцкий

КАК ВООРУЖАЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ

ТОМ ТРЕТИЙ

КНИГА ВТОРАЯ

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. Фидман

КАК ВООРУЖАЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Л. ТРОЦКИЙ

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ КРАСНОЙ АРМИИ

в трех томах

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Москва 1925

Л. ТРОЦКИЙ

КАК ВООРУЖАЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ

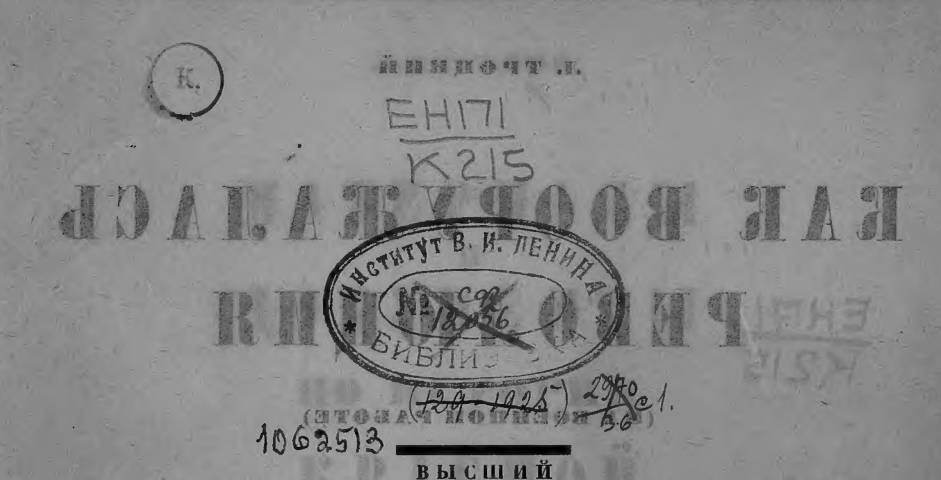
(НА ВОЕННОЙ РАБОТЕ)

ТОМ ТРЕТИЙ

ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ — ТРЕТИЙ ГОДЫ

книга вторая

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Москва 1925

ВЫСШИЙ
ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОН.
СОВЕТ.
Тираж 15000
Ленинградский
Гублит № 7265

Государственная типография имени Ивана Федорова.
Ленинград, Звенигородская, 11.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предисловие *).

Третий том захватывает период демобилизации, свертывания тыловых учреждений, постоянной перестройки армии, применительно к условиям мирного времени. Если в первые три года рабочему государству доводилось в военной области действовать преимущественно широкими мерами «героического» и потому хаотического порядка, то во второй период на переднее место выступают хозяйственные и организационно-воспитательные меры повседневного характера. Открывается полоса упорядочения организации и настойчивой военной и политической учебы. «Внимание к мелочам» становится одним из основных лозунгов строительства. Эта работа, качественно повышаясь и уточняясь, имела своей целью привести нас к плановому военному строительству широкого захвата, т. е. с расчетом на ряд лет вперед.

Но, с другой стороны, в период перевода вооруженных сил на мирное положение армия и флот попадают в самую непосредственную зависимость от общего экономического состояния страны, на перевале от военного коммунизма к нэпу. Разумеется, и в первое трехлетие Советской власти, т. е. в годы гражданской войны, жизнь и борьба армии теснейшим образом связаны были с советской экономикой. Но тогда связь эта имела совсем иной характер. Можно сказать, что во время войны не столько армия равняется по хозяйству, сколько хозяйство — по армии. Положение резко изменяется с момента заключения Рижского мира и ликвидации врангелевщины. Строить государственную оборону дальше можно было только на основе развивающегося хозяйства, иначе все угрожало развалиться. Между тем, первый после-военный период не столько залечивал нанесенные войною хозяйственные раны, сколько обнаруживал их. На грани нового периода стоит кронштадтское восстание, как грозный отголосок невыносимых тягот, наложенных на народные массы предшествующими годами гражданской войны. Через несколько месяцев разражается голод. Правящие классы Польши и Румынии прилагают все силы к тому, чтобы при помощи бандитизма задержать наше возрождение. Под влиянием величайших хозяйственных трудностей страны нужды и потребности сокращаемой армии отступают неизбежно на второй план. Стремление обеспечить

---

*) По независящим от издательства обстоятельствам, предисловие ко всему III тому перенесено ко 2-ой книге III тома.

армию и флот «на сто процентов» разбивается на каждом шагу о нашу нищету, разруху и несогласованность различных элементов хозяйства. Мы прибегаем к такой исключительной, отнюдь не «плановой» мере, как материальное шефство местных исполкомов и различных государственных и общественных организаций над отдельными частями Красной Армии. Иного выхода нет. В казарме голодно и холодно. Положение командного и политического состава армии становится исключительно тяжким. Под влиянием тяги военных работников на хозяйственный и культурный «фронты», наблюдался в это время несомненный упадок политической работы в армии.

Понять смысл и характер военной работы второго трехлетия, ее достижения и неудачи можно только поняв условия, в которых эта работа производилась. Армия и военное ведомство больше всего страдали от своей непомерной численности, от громоздкости своих учреждений, наспех построенных во время войны. Темп демобилизации не поспевал за потребностью облегчить стране как можно скорее непосильную военную ношу. В деле сокращения армии трудно было решить заранее, на какой черте остановиться. Степень достигнутой безопасности прощупывалось лишь постепенно. В соответствии с этим сокращение армии шло ступенчатой линией. Отсюда непрерывный ряд реорганизаций и, как основное последствие и главное бедствие переходного периода, — чрезвычайная текучесть личного состава армии. К этому нужно прибавить, что в таком же состоянии реорганизации, перестройки, текучести находилось все хозяйство страны и, прежде всего, советский рубль. Между тем, устойчивость этого последнего получала для жизни армии решающее значение по мере перевода хозяйственных отношений на денежную основу. Армия живет по штатам и табелям, по жестким нормам, — естественно, что скачки денежной единицы и связанный с этим неизбежный произвол финансирования армии исключали всякую возможность не только планового, но и сколько-нибудь упорядоченного хозяйства. Произведенная в апреле 1923 г. попытка разработать пятилетний план развития сухопутных, морских и воздушных вооруженных сил не дала поэтому непосредственных практических результатов.

Тем не менее, уже в течение 1922—23 годов тенденции возрождения со все возростающим успехом борются с явлениями упадка. Наблюдавшиеся, как отмечено выше, военно-«ликвидаторские» настроения (тяга из армии) были преодолены. Этим и определился благоприятный перелом во всей работе. В исключительно тяжких условиях армия закладывает прочные основы своей дальнейшей учебы, практически подготовляет первые милиционно-территориальные опыты, аппарат управления постепенно сжимается, устанавливается курс на повышение общей военной и политической грамотности низшего командного состава, а через него и рядовых бойцов— курс на хорошего «отделенного командира».

Начало после-военного периода застало флот в трагическом положении. Здесь необходима была работа полного обновления. В труднейших

условиях сколачивалось новое молодое ядро моряков, создавался новый кадр специалистов и техников.

За этот же время производится новая тактическая ориентировка армии, в связи с усилением огня и групповым строем пехоты, со всеми вытекающими отсюда следствиями для других родов оружия. Командный состав переобучается.

Военному ведомству удается привлечь внимание страны к вопросам авиации. Создается Общество Друзей Воздушного Флота, которое приходит на помощь реорганизованному Управлению Воздушных Сил. Авиостроение сдвигается с мертвой точки. Воспитывается новый летный состав. На первый план выдвигается задача моторостроения.

В порядке дня общественного внимания ставится вопрос о химических средствах войны. Создается Доброхим.

Военно-научная мысль за этот период питается несравненно лучшей постановкой информации и постоянным притоком иностранной военной литературы со времени прекращения блокады. Военное издательство вводит в оборот армии и флота целый ряд новых книг, переводных, компилятивных и отчасти оригинальных.

Политико-воспитательная работа в армии и флоте, пришедшая в упадок в момент перехода с военного на мирное положение, снова оживает и за последний период достигает значительных успехов.

Выработка пятилетнего плана, не давшая, как сказано, непосредственных практических результатов, не прошла, однако, бесследно: она явилась сама по себе чрезвычайно ценной школой, привив новый подход к задачам военного строительства; кроме того, исчисления ее явились как бы первым грубым приближением и точкой отправления для всяких военно-плановых работ. Незачем говорить, что только на плановом пути возможны дальнейшие прочные успехи.

Все более крупное место в нашей работе занимало и занимает милиционное строительство. Не надо, однако, представлять себе дело так, как если бы полевые дивизии Красной Армии и милиционные являлись воплощением двух противоположных принципов. На самом деле, задача состоит в том, чтобы постепенно и «с двух концов» перевести Красную Армию, как она исторически создалась, на милиционную основу. При этом надо всегда иметь перед глазами два обстоятельства: если самая возможность перехода к милиции создана впервые установлением советского строя, то темп перехода определяется общим состоянием культуры страны, — техники, путей сообщения, грамотности и пр. Политические предпосылки для милиции у нас заложены прочно, тогда как экономически-культурные — крайне отстали. Красная казарма при нашей деревенской отсталости создает несравненно более высокую культурную обстановку, чем та, в которой красноармеец привык у себя дома. В этом — гвоздь вопроса. Когда то народники хныкали по поводу того, что крестьянин вынужден вариться в фабричном котле. Мы им объясняли, что этот котел выполняет прогрессивную мис-

сию. Советская казарма представляет собой чрезвычайно ценный воспитательный «котел» для деревенского молодняка. Свести постепенно на нет воспитательно-культурное значение красной казармы может только хозяйственно-культурный подъем деревни и укрепление ее связи с городом. В ближайшее же время милиционное строительство должно по необходимости носить подготовительный характер. Каждый последующий шаг должен вытекать из строго проверенного успеха предшествующих шагов.

Реорганизация последнего года является прогрессивным развитием строительства предшествующих лет. Дальнейшее сжатие органов управления, омоложение руководящего состава армии и, наконец, административно-хозяйственная децентрализация, с одной стороны, опираются уже на достигнутые организационно-воспитательные успехи, а с другой стороны — предполагают дальнейшую напряженную борьбу за повышение военно-культурного и общего уровня армии и флота. Лучше снабженный, воспитанный и обученный боец — такова цель реорганизации и вместе с тем ее объективная проверка.

* * *

С прекращением гражданской войны естественно обостряется у руководящих военных работников потребность учесть и теоретически обобщить большой накопленный опыт военного строительства и борьбы. Это приводит к печатной и устной дискуссии, главным образом, вокруг вопроса о взаимоотношении между марксизмом и военным делом. Относящиеся сюда документы составляют значительную часть второй книги третьего тома. Ныне эти споры оставлены позади. Здоровая потребность учесть и охватить проделанный военный опыт не только наш, но и мировой, чтобы извлечь из него наиболее целесообразные правила военного строительства и боевого поведения, сохранилась, разумеется, во всей своей силе и является главной идейной пружиной дальнейших военных достижений. Здесь мы можем сказать только два слова по существу этого трудного и сложного вопроса. В военном деле согласованность применяемых средств и методов более необходима, пожалуй, чем в какой бы то ни было другой области. С другой стороны, именно в военном деле погоня за единством методов и приемов чаще, чем где либо приводила и приводит к догматике и схематизму. Другими словами: формальное единство нередко покупается за счет реальной целесообразности. В такие эпохи, когда военная техника изменялась сравнительно медленно, и военное дело двигалось, в общем и целом, по линии, намеченной последним поворотом (чаще всего—последней большой войной), схематизм, вредный всегда, все же мог и не приводить к непримиримым противоречиям и непоправимым ошибкам. Другое дело — наша эпоха. Середина империалистской войны глубоко отличалась от ее начала, а к концу империалистской войны выдвинулись такие средства и методы, которые

создают совершенно новую перспективу по отношению к войне будущего. А до этой войны, надо думать, недалеко. Несмотря на хозяйственный застой Европы, военно-технический прогресс, получивший за годы войны страшный толчок, не останавливается даже в истощенных и обескровленных европейских государствах, не говоря уже о Соединенных Штатах Северной Америки. Достаточно напомнить, что развитие авиации и военной химии глубочайшим образом меняет природу войны, подкапываясь под многие традиционные ее элементы, подрывая самое понятие «фронта». Какой же отсюда ближайший вывод? Тот, что военный схематизм в наше время во сто крат опаснее, чем когда бы то ни было. Но этим вовсе не устраняется необходимость единообразия в подходе к военным задачам и в методах их разрешения. Суть только в том, что это единообразие приходится теперь завоевывать ценой несравненно более высокой теоретической и практической квалификации во всех областях.

Связь между социальными условиями и военным делом существовала всегда, ибо армия — сколок общества. Полководцы большого масштаба — всегда отдавали себе в этой связи отчет. Руководство военными операциями есть вождение людей во имя определенных целей и уже потому насквозь пропитано политикой.

Однако же, в условиях относительной устойчивости социальных отношений (так называемые «органические» эпохи в отличие от «критических») вторжение «политики» в военное дело было далеко не так явно, очевидно и остро, как в нашу эпоху. Социально-политические предпосылки считались как бы раз навсегда данными; на основе этих предпосылок строились армии и велись войны. Наше время характеризуется прежде всего крайней неустойчивостью социальных отношений, резкими политическими поворотами и потрясениями. Военное дело сочетается с политикой теснее и непосредственнее всего через гражданскую войну, которая нашей эпохой во всех странах мира поставлена в порядок дня. Серьезный военачальник нашего времени не может не быть политиком. Военное искусство сохраняет всю свою специфичность и — в этом смысле — самостоятельность; более того, оно чрезвычайно усложняется в связи с ростом многообразия и силы действия орудий современной военной техники и, следовательно, требует повышенного чисто-военного знания и уменья. А в то же время, в войнах будущего военное дело будет более тесно и непосредственно, чем когда бы то ни было, сочетаться с революционной (или контр-революционной) политикой (восстания, фашизм и пр. и пр.). Поэтому в воспитании нашего красного военачальника развитие способности к синтетической оценке сотрудничества и взаимодействия всех родов современного оружия должно итти рука об руку с усвоением правильной общественно-политической ориентировки, которая дается методом марксизма и проникает собою все предпосылки чисто-военного знания. Вывод из сказанного тот, что современная эпоха предъявляет к революционному военачальнику все более и более повышенные требования. Надо думать, что, прежде чем милитаризм

будет окончательно сдан в музей человеческого варварства, он пройдет еще через свою кульминацию и запишет в книгу освободительной борьбы пролетариата, наряду с именами теоретиков, агитаторов, политиков, организаторов, также и имена великих полководцев пролетарской революции.

Л. Троцкий.

15 октября 1924 г.

ПЯТИЛЕТИЕ КРАСНОЙ АРМИИ.

Приказ

Революционного Военного Совета Республики от 5-го февраля 1923 г. № 279, г. Москва.

К пятилетию Красной Армии.

Склоним знамена перед памятью павших.

На нашем пути было много потерь. В ряде тяжких наступлений и отступлений, поражений и побед Красная Армия дала Советской Республике ее нынешние пределы. На крови героев мы празднуем наш праздник.

23-го февраля 1918 г. под напором врагов рабочее и крестьянское правительство провозгласило необходимость создания вооруженной силы. Немногочисленны и слабы были первые отряды. Под стенами Казани и Симбирска молодая армия получает боевое крещение. Здесь, на Волге, она научается верить в свои силы. В борьбе с Колчаком она растет и крепнет, поднимаясь после каждой неудачи на новую ступень. Враг пытается сломить Красную Армию изнутри, предательство вьет себе гнезда в недрах штабов и частей. Революционная армия очищает себя каленым железом, ни на час не прерывая борьбы с открытым врагом.

Южный, деникинский фронт тянется на соединение с восточным, колчаковским. С донских и кубанских степей контр-революция выбрасывает против революционного Севера опытную степную кавалерию. Перед Красной Армией встает задача: создать свою конницу. Пролетарий садится на коня. В несколько месяцев слагаются конные дивизии, которые становятся красною грозою на полях сражений. На побережьи Ледовитого океана наша пехота ведет упорную позиционную войну против англичан, американцев и белых в снежных траншеях и тесных дефилэ. Красная Армия дважды спасает Петроград от белогвардейских войск, сплошь из опытных бойцов, вооруженных по последнему слову техники.

Весною 1920 г. она отбивает налет шляхетской Польши на Киев и в несравненном порыве — без резервов, без тылов, без сапог — доходит до стен Варшавы, ища революционного стыка с польским рабочим классом. Она вынуждена, однако, отступить перед свежими силами франко-польского империализма, поработителя польских трудящихся масс. В тылу у нее Врангель, последняя ставка Антанты, пособник польской шляхты. На окопавшихся в Крыму белых предателей армия революции обрушивает сокрушающий удар. Бои за Перекоп вошли в историю, как несравненный образец революционного героизма.

Превысив пять миллионов душ, Красная Армия быстро сокращается после разгрома белых фронтов. Непрерывно сжимаясь и обучаясь, она продолжает сражаться. Удар за ударом она ликвидирует наемные польско-румынские шайки петлюровцев и савинковцев в пограничной полосе. По грудь в снегу, нередко по колено в студеной воде, она очищает советскую Карелию от бело-финских отрядов. В Туркестане и в союзной Бухаре она поражает басмаческие банды, формируемые и вооружаемые британской агентурой. Она помогает монгольскому народу освободиться от банд, пытавшихся превратить Монголию в плацдарм для борьбы против Советской Сибири и независимости Китая. Наконец, на Дальнем Востоке рука об руку с местными повстанцами Красная Армия ликвидирует последние опорные пункты белогвардейщины и ее японских покровителей. От Мурманска до Севастополя, от стен Варшавы до Владивостока — таков размах военных действий Красной Армии за эти пять лет.

Почти всюду — в Балтике, и на Белом море, на Волге и на Днепре, на Азове и на Каспии — рука об руку с Красной Армией действовал Красный Флот. И не только на воде: лучшая часть моряков составляла нередко сухопутные дружины, занимавшие в боях наиболее опасные места.

Годы борьбы и славы были вместе с тем годами лишений и нужды. Несмотря на то, что полуголодные рабочие военной промышленности отдавали все свои силы делу снабжения красных бойцов, не хватало всего, от хлеба до патронов. Полки, уже прославленные победами, ходили без сапог. Кровью завоеванные позиции нередко сдавались, потому что нечем было отвечать на выстрелы врага. Только благодаря выносливости и самоотверженности революционных бойцов оказалась возможной борьба. Только поддержка трудящихся масс обеспечила победу.

Чем могла и как могла, Красная Армия все эти годы помогала хозяйственной работе. Обеспечением продовольственной разверстки она спасала от голодной смерти промышленность и города. Она рубила лес, пилила его на дрова, перевозила, охраняя тем от замерзания фабричные корпуса и рабочие кварталы. В промежутках между двумя приливами гражданской войны она отдавала свои дивизии целиком на дело труда — на Урале, в Донецком бассейне, и грозненском нефтяном районе и в других местах.

В эту жизнь боев, труда и лишений врывались опустошительные эпидемии. Их действие бывало несравненно страшнее неприятельского огня. Не только больницы, но и казармы превращались на недели, иногда на месяцы в скопища тифозных. История редко видала такие страдания. Но силой революционного духа пробужденных масс армия все превозмогла, все одолела, через все прошла и вышла к победе.

От 5.300.000 Красная Армия и Красный Флот сокращены ныне до 600.000 душ. Миллионы бывших бойцов рассеяны в разных концах страны, в деревнях, на фабриках, у станков и в разных учреждениях Советского государства. В день своего пятилетия армия мысленно включает их всех в свою семью, и прежде всего она с братскими чувствами прижимает к

своей груди тех красных бойцов, которые на теле своем несут тяжкие следы боев и побед, — наших красных инвалидов. Их сохранилось всего несколько десятков тысяч: враг по общему правилу не только истреблял пленных, но и добивал раненых.

Свою армию Советская Россия строила заново — из рабочих и крестьян. Эксплоататорам в армию доступа нет. Для обучения красноармейцев и для правильного руководства к строительству армии привлечены были тысячи бывших офицеров. Среди них революция нашла немало честных и доблестных слуг, отдавших целиком свои силы делу трудящихся. Одновременно в военных школах воспитывался за эти пять лет новый командный состав, кровно связанный с рабочими и крестьянами.

Доведенная до 600.000 человек армия наша все более превращалась в кадры для многомиллонных пролетарских и крестьянских резервов. Мы вступаем тем самым на путь более широкого применения начал милиционной системы. Тем важнее, тем жизненнее для армии дальнейшее развитие допризывной подготовки и неразрывная связь наших вооруженных сил с трудящимися массами, с местными Советами, с профессиональными объединениями, с союзом молодежи и с организациями коммунистической партии.

Передовые пролетарии в качестве комиссаров, агитаторов, политических руководителей просвещали армию, сплачивали и вдохновляли ее в тягчайшие часы. Неиссякаемую силу Красной Армии составляла вера ее в свое высокое назначение: каждый красноармеец знал и знает, что в отличие от всех армий, бывших до сего времени, наша имеет своей задачей борьбу за благо трудящихся против их эксплоататоров. Красная Армия — щит угнетенных, Красная Армия — меч восставших!

Грубо заблуждаются те, которые говорят, будто войны будут всегда. Нет, войны исчезнут так же, как исчезли кровавые жертвоприношения. Но прекратятся они только вместе с прекращением всех видов человеческого рабства. Мировая коммунистическая партия задачей своей имеет перестроить весь мир на началах солидарности и братства людей, независимо от нации, расы и цвета кожи. Победа коммунизма будет началом новой, поистине, человеческой эпохи — труда, любви и радости.

Но ныне хищный капитал является еще владыкой во всех странах, кроме России. Революционная коммунистическая партия растет всюду. Но буржуазия нигде не сдается без жестокого боя. Она скорее сокрушит весь мир, чем откажется от своих барышей. Эксплоататоры с ненавистью глядят на единственную страну, хозяином которой является рабочий класс. Советская Россия — крепость мировой революции. К Москве тянутся сердца всех трудящихся. Красная Армия — щит угнетенных и меч восставших!

Помните, воины: ненависть империализма к нам не слабеет от времени, а крепнет. На шестом году существования Советской республики мировой капитал по-прежнему отказывает ей в своем признании. Он все еще надеется улучить момент для нанесения ей смертельного удара. Вот

почему Красная Армия нужна ныне рабочей России и мировой революции не меньше, чем в тот час, когда она была призвана к жизни волей Советской власти.

Молодые воины! Пять истекших лет да будут для вас школой великого героизма. Учитесь на прошлом, готовьтесь к будущему. Самоотвержению, выносливости, готовности отдать жизнь свою за дело рабочего класса — вот чему учит нас пятилетняя история нашей армии. Опираясь на это прошлое и вдохновляясь им, вы должны превзойти его. Мы хотим мира; но никто не знает, когда злая воля врагов заставит нас снова выйти в поле. Будем же в наступающем шестом году встречать каждый месяц и каждый день так, как если бы это был последний месяц и последний день нашей подготовки. Воины революции должны не только не уступать солдатам империализма, но наоборот — во всем превосходить их.

Красноармейцы, командиры, комиссары! Склоним сегодня боевые знамена перед памятью погибших. Отдадим дань героическому прошлому,— не для успокоения, а для удесятеренной работы. Наш завтрашний день должен быть и будет славнее вчерашнего.

Учитесь! Крепните! Мужайтесь! Готовьтесь!

Перед вторым пятилетием Красной Армии.

Во второе пятилетие мы входим с большим багажом опыта. Каковы важнейшие его выводы? В чем была наша сила и, главное, в чем слабость? Ибо без познания собственной слабости нет движения вперед.

Мы побеждали безграничным самоотвержением революционного авангарда и неисчислимостью крестьянских резервов. Оба эти основные наши преимущества сохраняются и впредь. Крестьянские резервы чем дальше, тем больше будут подтягиваться к рабочему авангарду, политический уровень которого будет, как мы надеемся, неизменно повышаться. Но обе эти предпосылки наших побед имеют, как совершенно очевидно, невоенный характер: они коренятся в социальной природе Советской власти, в классовых качествах пролетариата. Красная Армия истекшего пятилетия была черновой попыткой использовать эти наши величайшие преимущества для военных целей. Результат налицо: мы отстояли себя. Но какой ценой? Ценою величайших жертв. Военное же искусство, как и всякое иное, состоит в том, чтобы достигать результатов ценою минимальных усилий, или «малой кровью», как говорил Суворов.

Без энтузиазма и самоотвержения нет борьбы и нет победы; но армия начинается там, где есть правильная организация этих качеств, их умелое использование. Все прорехи наши в области организации, обучения, снабжения мы заполняли численностью резервов или беззаветным геройством передовиков. И численность, и геройство понадобятся и впредь. Но нужно снабдить их, и выучкой, и техникой.

Это есть два главных канала, по которым направляются наши усилия во второе пятилетие: личная и коллективная воинская в ы у ч к а и военная т е х н и к а. Мы сократили армию до шестисот тысяч человек: по размерам страны, по численности населения, по протяженности границ и по числу возможных недругов, — это в сущности кадры, а не армия. Но отсюда и вытекает задача довести эту армию — в смысле воспитания и обучения — до кадрового состояния. Обеспечить ей отличного отделенного командира, затем во всех отношениях подготовленного начальника звена с тем, чтобы постепенно всю массу бойцов поднять, примерно, до уровня выучки прежнего унтер-офицера, разумеется, применительно к новым условиям и новому строению вооруженных сил. Это вовсе не утопическая мысль. Молодежь — не только рабочая, но и крестьянская — является в армию с пробужденной восприимчивостью. Старые военные с удивлением наблюдают,

как быстро нынешний красноармейский молодняк научается грамоте по сравнению с новобранцами царской армии. Пробуждение жажды к выучке, возросшая психическая подвижность народных масс и есть, пока что, главнейшее завоевание революции. На этом завоевании будем далее строить во всех областях. Правильно поставленная система допризывной подготовки в связи с разумно построенной системой обучения и воспитания в самой армии должны уже в ближайшие годы обеспечить нам резкое повышение квалификации всей армии, а тем самым и ее способность в минуту необходимости вобрать в себя миллионы мобилизованных.

Вторая задача — техника. Каковы здесь перспективы? Царизм вооружал свою армию в значительной мере при помощи иностранной техники. Это было в природе вещей, так как царизм сам входил в одну из группировок так называемого европейского равновесия. Нас же буржуазия рассматривает — и, пожалуй, не без основания, — как клин, нарушающий и подрывающий всякое равновесие капиталистического мира. Следовательно, на прямое содействие капиталистической Европы или Америки в деле нашей военной техники мы рассчитывать не можем. Тем важнее наши собственные усилия в этом направлении. Военная техника зависит от обще-хозяйственной. Это означает, что чудодейственные скачки в области вооружения и вообще снабжения армии исключены. Возможны только систематические усилия и постепенные улучшения. Но это вовсе не исключает крупных успехов в короткий срок — по крайней мере, в отдельных наиболее важных областях. Все хозяйство Советской Республики — после периода жестокого распада — оживает и идет вперед. Процесс будет на первых порах медленным, с неизбежными перерывами и колебаниями. Задача наша состоит в том, чтобы военную промышленность поставить в особо благоприятные условия — без ущерба, разумеется, для хозяйства в целом, — а в составе самой военной промышленности выдвигать на передний план те отрасли ее, которые сейчас получают для нас исключительное значение.

Такова, несомненно, авиация. Этот род оружия и эту отрасль промышленности мы должны, по крайней мере на ближайший год, поставить в центре внимание всей страны. Это тем более осуществимо, что в области авиации чисто военные потребности плотнее и непосредственнее всего сочетаются с хозяйственно-культурными интересами страны. Авиация есть наиболее высокий, наиболее современный способ преодолевания пространства. Перед ней неизмеримое будущее. И нужно, чтобы наша молодежь была как можно шире захвачена идеей роста и процветания воздушного транспорта. Этим делом должны заинтересоваться наши техники, педагоги, поэты и художники.

Мы говорим о задачах армии на второе пятилетие. Вряд ли сейчас кто-нибудь решится упрекать нас в том, что мы пытаемся заглянуть слишком далеко вперед. Ибо слишком ясно: Красная Армия нужна будет и через год, и через два, и через пять лет. Революционное развитие в Европе может, правда, после нынешнего периода относительного затишья получить сразу

более бурный темп. Но неоспоримо все же, что эпоха империалистических войн и революционных потрясений будет длиться ни месяцы, ни годы, а десятилетия, охватывая мир после коротких передышек новыми все более тяжкими и болезненными спазмами. А если так, то надо готовиться всерьез и надолго, учиться как следует быть, подковываться надежными гвоздями. Программа же нашей работы на ближайшие годы сама собою вытекает из вчерашнего дня и сегодняшней обстановки: энтузиазм помножить на искусство и численность — на технику. Тогда будем побеждать «малой кровью».

«Правда»,
15 февраля 1923 г. № 34.

Еще о задачах военного строительства.

Один из наших газетных работников, озабоченный интересами армии (у Красной Армии в газетах и в стране почти одни друзья, так как врагов она, благодарение судьбе, передавила), спрашивал меня на днях: «не можете ли дать краткую формулу, которая исчерпывала бы в некотором смысле задачи Красной Армии на ближайший период»? В пояснение товарищ этот приводил некоторые лозунги прошлых лет: «долой партизанщину», «пролетарий, на коня» и пр.

Я знаю, насколько такие сжатые формулы удобны для газет и не только для газет. Тем не менее, я вынужден отказаться сейчас от предъявления подобной формулы, ибо она не отвечала бы этапу, через который армия проходит. Время суммарных, простых, односложных лозунгов для Красной Армии уже прошло и—еще не наступило. Путем последовательных опытов, импровизаций, напластований и перестроек армия наша закончена вчерне. Ныне мы проходим через период усовершенствования, уточнения — через полосу деталей и мелочей. Задача строительства не собирается сейчас в одном фокусе, а дробится на частности. В этом, если угодно, и состоит общая «формула» настоящего периода.

На-днях я говорил уже о необходимости довести нашу шестьсот-тысячную армию до квалификации кадров. Это предполагает прежде всего решительное изменение в оценке армии и каждой ее человеческой единицы со стороны государственных учреждений и всего населения страны. В прошлые годы мы широко пользовались армией, как рабочей силой, и для потребностей самой армии и для нужд городов и деревень. Так, в 1920 г. целая армия на Урале рубила и пилила дрова, добывала уголь, пахала. Это происходило в такой момент, когда значительные вооруженные силы наши на Востоке освободились от непосредственной боевой работы, но разоружать их мы не решались в предвидении близких новых военных осложнений. Тогда с воинского «клубка» мы перематывали полки на трудовой «моток». Когда же ударила на Западе гроза, мы спешно опять перемотали уральских рубщиков и пильщиков в боевой клубок. Но и помимо таких периодических превращений, при армии в несколько миллионов душ и при слабом гражданском аппарате государства, воинская сила применялась очень широко и для охранения, и для окарауливания, и для разверстки, и для гужевого налога... Сейчас положение изменилось на этот счет коренным образом. В армии непосредственно содержится минимальное число граждан — и только для того, чтобы с наибольшей полнотой усвоить

военное обучение. Превращать в нынешних условиях армию в рабочую силу было бы бессмысленно: это значило бы вместо хорошего солдата получить, по общему правилу, малопроизводительного и очень дорогого рабочего. Не армия должна обслуживать в трудовом смысле население, а, наоборот, население должно во всех отношениях обслуживать армию. Это выгоднее прежде всего самому населению. Ибо, если уж мы вынуждены отрывать от работы свыше полумиллиона рабочих и крестьян, то нужно, по крайней мере, чтобы они за время службы, то-есть в возможно короткий срок, стали безукоризненными воинами. Для этого необходимо, чтобы красноармеец как можно реже отлучался из обучающихся рядов. Как можно меньше караульных постов! Как можно меньше командировок, нарядов, отпусков! Некомплекта быть не должно, все налицо! Если красноармеец выполняет работу, которую мог бы и должен выполнить «гражданский» рабочий; если красноармеец занимает пост, который мог бы быть занят вооруженным сторожем—то это преступление против армии и страны. Красноармеец послан в армию именно для того, чтобы, не теряя зря ни дня, ни часу, овладеть военным делом. Только при усвоении этого взгляда и самой Красной Армией и страною возможно будет поднять квалификацию армии на неизвестную в прошлом высоту.

Приближение постоянной армии к кадровому состоянию предполагает тем самым переход к милиции. Мы твердо вступили на этот путь. Ныне делается нами первый широкий опыт построения милиционных частей в разных частях страны как преимущественно рабочего, так и чисто крестьянского состава. Это очень важная новая глава в нашем строительстве. При дальнейшем своем развитии этот опыт в течение нескольких лет может совершенно переродить структуру армии. И если до сих пор мы говорили о тесной связи армии с населением, то ныне этой формулы уже недостаточно: в милиционных дивизиях армия непосредственно сливается с населением. Если шефство, столь быстро развернувшееся, означает братское попечение советов, профессиональных союзов и пр. над воинскими частями, то милиционные дивизии потребуют от шефов уже не дружеских забот, только время от времени, а повседневного участия в строительстве и воспитании воинских частей. Это открывает перспективы такого государственно-военного демократизма, рабоче-крестьянского, подлинного, коренастого, с винтовкой и шашкой, о котором «демократические» лакеи капитала не смеют и мечтать.

Милиционное состояние вооруженных сил является, вместе с тем, их рассеянным состоянием. Это предполагает—под углом обороны страны—наличность транспортных средств, способных с достаточной быстротой перебросить мобилизованные миллионы, куда нужно, и такие мобилизационные запасы, при помощи которых эти миллионы могут быть вооружены, обуты, одеты, накормлены. И то и другое—условия хозяйственного порядка. Обороноспособность страны выковывается сейчас в корпусах государственной промышленности. Речь идет не только о тех заводах,

которые непосредственно делают винтовки или солдатскую обувь. Нет, именно от всей промышленности в целом, в первую голову от топливной и металлургической, зависит обеспечение безопасности страны. Военная индустрия — только орган всего промышленного организма. Точно так же и транспорт. Каждый пуд угля, каждый пуд металла повышают силу Красной Армии. Здесь основные вопросы обороны страны целиком сливаются с вопросами возрождения и развития советской промышленности.

Это относится в известном смысле и к культурно-просветительной работе. Чем больше знаний и навыков рабочая и крестьянская молодежь усвоит в школе, чем больше даст ей допризывная подготовка, чем глубже проникнут в умы и сердца ее коммунистический союз молодежи, профессиональный союз и партия, — тем лучше молодой красноармеец овладеет в красной казарме технической и идейной стороной военного дела.

Признание внутренних связей военного дела с другими областями строительства и творчества вовсе не означает, конечно, что мы собираемся ответственность за состояние и рост армии перенести на хозяйство и народное просвещение. Нет, работу надо делать в тех условиях, какие существуют сейчас, с максимальным напряжением сил, во имя наивысшего успеха. Армия ведь не только продукт хозяйственной и культурно-просветительной работы — она и орудие ее, притом крайне важное. Учить армию точности, бережливости, ответственности, распорядительности, добросовестному вниманию к деталям, значит оказывать неоценимые воспитательные услуги хозяйственной работе страны и содействовать подъему ее общекультурного уровня. И вот это мы будем делать изо дня в день в новое пятилетие, и делать убежденно и крепко.

Время сжатых формул уже прошло и — еще не наступило. Этим мы хотим сказать, что будущее вовсе не всегда будет состоять из малых дел и кропотливых деталей. Ибо иначе пришлось бы притти к выводу, что армия есть самоцель, и что внутренним совершенствованием ее частей исчерпывается ее назначение. Нет, это не так. Армия служит для войны, и мы, революционеры, меньше, чем кто-нибудь, можем принадлежать к той старо-прусской школе, которая считала, что больше всего вредит армии — война. Вооруженную силу мы строили и развиваем в сознании глубокой неизбежности войн, доколе существует классовое общество. А нынешняя эпоха неустойчивого равновесия учит нас тому, что время между двумя вооруженными конфликтами оказывается по общему правилу короче, чем мы хотели бы ожидать. Следующая война, которую нам могут навязать, — которую нам не могут не навязать, — принесет с собой обобщающие формулы и сжатые лозунги, ибо поставит в порядок дня большие цели. Если, вообще говоря, война есть продолжение политики, то для нас война явится продолжением революции — только во всеоружии такой организации и такой техники, каких у революции не бывало еще никогда.

«Правда»,
20 февраля 1923 г. № 38.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И КРАСНАЯ АРМИЯ

I. Международное положение осенью 1921 г.

II. Генуя и Гаага.

III. Ультиматум Керзона.

IV. События в Германии осенью 1923 г.

I

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОСЕНЬЮ 1921 г.

Речь

на IV Всероссийском Съезде Р. К. С. М. от 21 сентября 1921 г.

Передавая вам приветствие от имени Центрального Комитета Российской Коммунистической Партии, я, товарищи, при виде вашего многолюдного съезда и того настроения, которое здесь царит, убеждаюсь, что источник пополнения коммунистических рядов неиссякаем. Тут один из членов ЦК напомнил мне, что два года тому назад мне пришлось выступать перед вторым съездом вашего союза. Это было в период ожесточенной борьбы на южном фронте, когда Деникин взял Орел и приближался к Туле. Ваш союз провел тогда широкую мобилизацию; сотни членов союза ушли на фронты; многие из них погибли; но счастье нашей партии в том, что у нее есть неистощимый источник свежей энергии, революционной силы, глубокого энтузиазма — трудовая молодежь. Эту трудовую молодежь, неисчерпаемый источник творчества, я приветствую от имени ЦК нашей партии. Позвольте вместе с тем в двух словах приветствовать вас и от Красной Армии, в рядах которой боролись и будут бороться десятки тысяч рабочих и крестьян, прошедших школу вашего союза.

Теперь разрешите обратиться непосредственно к основным задачам доклада, который мне поручен, — доклада о нашем внутреннем и международном положении.

Внутреннее наше положение мы характеризовали, как переходное от военной эпохи к эпохе мирного строительства. Когда мы так говорили и писали, то мы представляли себе при этом, что наши военные задачи закончены; это, к сожалению, не так. Как раз сейчас, в момент вашего съезда (я об этом во второй части доклада буду говорить подробно), мы переживаем снова тревогу относительно нашего международного положения, относительно наших западных границ. Но несомненно, что борьба за существование Советской Республики раньше составляла все содержание нашей жизни. Только теперь мы вошли в эпоху мирного хозяйственного строительства. Вместе с тем мы начали применять методы свободной

торговли, кооперации, товарообмена, арендных отношений, — словом, давать некоторый простор капиталистическим формам хозяйства.

На вопрос огромного теоретического значения, вопрос о том, как и почему мы сперва произвели всеобщую экспроприацию — сосредоточение в руках государства всех средств производства кроме крестьянских, — а потом начали «освобождать» значительную их часть, на этот вопрос отвечать, как делают часто ссылкой, на потребности переходной к мирному строительству эпохи, — значит говорить слишком общо. Мы обратимся к нашей марксистской теории и спросим, чему она учила на счет того, как мы приступим к социалистическому строительству, когда рабочий класс возьмет власть в свои руки. Об этом марксизм говорил следующее. Переход к социализму — дело огромной важности и трудности. Рабочий класс, взявши власть в свои руки, будет итти по этому пути постепенно; он сперва экспроприирует крупных капиталистов, возьмет в свои руки крупнейшие средства производства, затем будет постепенно переходить к средней промышленности. По мере того, как рабочий класс организуется, он перейдет к экспроприации средних средств производства. Что же касается мелких, то на деле, на опыте он докажет мелким производителям-собственникам преимущества крупного государственного хозяйства. Стало быть, по отношению к крупнейшей буржуазии способом захвата средств производства должно являться непосредственное насилие, экспроприация вооруженной рукой; по отношению к средней буржуазии — отчасти такого же рода методы, поскольку она осмеливалась бы сопротивляться; по отношению к мелкой буржуазии — скорее средства идейного, чем экономического давления, и прежде всего педагогическое воздействие в хозяйственном отношении, воздействие примером: «вот гляди, как у нас, в социалистическом хозяйстве, при меньшей затрате труда получается большее количество продуктов, чем у тебя, мелкого хозяйчика».

Шли ли мы по этому пути? — Нет, мы шли в области экспроприации собственников напролом. Мы экспроприировали огульно буржуазию — и крупную, и среднюю, и мелкую. Значит ли это, что мы в этом отношении разошлись с марксизмом? Значит ли это, что мы нарушили наши теоретические основы?

Так можно было бы сказать, если бы марксизм был евангелием, священным писанием для всех времен и народов. На самом деле, марксизм — определенный метод ориентировки в окружающих условиях, духовное орудие, при помощи которого мы решаем задачи данного времени для данной страны.

С точки зрения социалистической организации производства нам было бы безусловно выгодней действовать систематически, шаг за шагом проводя экспроприацию буржуазии, от крупнейшей к средней, а потом к мелкой указанным мною путем. Если бы в Германии у власти был рабочий класс и мы имели бы с Запада надежную гарантию того, что нас не тронут, мы могли бы терпеливо и педагогически относиться

к мелкой буржуазии, и, пожалуй, до известной степени к средней. Взяв в свои руки крупную промышленность, создав фундамент, мы могли бы присоединять средние предприятия, а затем и мелкие. Мы могли бы действовать шаг за шагом.

Но то, что было бы для нас целесообразным с точки зрения экономической, оказалось бы для нас смертельным с точки зрения нашего политического самосохранения. Наша буржуазия, — не только крупнейшая, но и средняя, а в значительной степени и мелкая, подчиненная средней и крупной, она была не чем иным, в экономическом и финансовом смысле, как агентурой европейской и мировой буржуазии. Тем легче она стала бы политической агентурой мировой контр-революции. В Германии не пролетариат, к сожалению, стоял и стоит у власти, а буржуазия. И вот, если бы мы из соображений экономической целесообразности, постепенности, систематичности хозяйственного строительства, оставили среднюю и мелкую буржуазию на ее экономическом фундаменте с нетронутыми корнями собственности, то эта агентура враждебного нам мирового капитала была бы нам помехой. Нам прежде всего нужно было обеспечить неприкосновенность, устойчивость пролетарского государства.

Стало быть, в данном случае, политическая потребность пролетарской власти в самосохранении столкнулась с потребностями экономического строительства хозяйства. Здесь противоречие было несомненно. Как мы его разрешили? Мы сказали: прежде всего и во что бы то ни стало укрепить государственную власть рабочего класса! Каким путем? У нас был враг — капитал. Нужно было врага задушить внутри, в тылу рабочего класса. Как? Лишив буржуазию ее экономических корней, лишив ее собственности — путем экспроприации. Нам нужно экспроприировать среднюю буржуазию, не потому, что мы были в состоянии организовать из ее предприятий крупные хозяйства, а потому, что нам нужно было убить политического классового врага. Что же касается предприятий, то мы говорили: попробуем в меру сил и возможности их организовать на социалистический лад. Разумеется, мы в этом отношении успели очень мало. Нам пришлось по тем же законам революционной борьбы за самосохранение рабочего государства не только душить буржуазию внутри страны, но и вооруженной рукой бороться против нее на боевых фронтах. Вот в этом смысле можно сказать, что наша хозяйственная политика была продиктована в первую эпоху не столько соображениями экономической целесообразности, сколько потребностью революционного класса в самосохранении. И только после того, как мы отстояли рабочее государство, после того, как мы его укрепили, как факт, с которым приходится считаться, который приходится терпеть, — ненавидя, терпеть, — мы могли поставить перед собою вопросы экономического строительства в собственном смысле.

После этого началось размежевание производительных сил и средств на две большие группы. Государство сказало: «вот, это я охватываю сейчас — крупнейшие средства транспорта и производства; это я, госу-

дарство, могу, опираясь на авангард рабочего класса, организовать на социалистических началах, — а остальные при данном положении будут обременять меня. Здесь нужно привлечь инициативу частных собственников, здесь нужно привлечь частного предпринимателя, его заинтересованность в барыше».

Само собой разумеется, такое решение есть в известном смысле шаг назад. Если бы в прошлом году рабочий класс Германии овладел властью, нам бы не пришлось его делать. Мы получили бы в лице немецкого рабочего государства огромнейшую техническую, производственную и административную помощь, и, опираясь на германскую технику и науку, которые стали бы собственностью рабочего класса, мы легче совладали бы с нашей отсталостью, с мелкобуржуазными хозяйственными формами и навыками. Нам не пришлось бы делать мелкой буржуазии и вообще капиталистическим формам хозяйства уступок, которые мы вынуждены делать сейчас.

Стало быть, наша хозяйственная политика не есть произвольное измышление Совнаркома или Центрального Комитета нашей партии. Наша хозяйственная политика есть жестокий неизбежный вывод из обстановки внутри и во-вне. Наши уступки капиталистическим формам хозяйства являются продуктом нашей внутренней отсталости, с одной стороны, и запоздалости революции рабочего класса в Европе — с другой. Те из вас, которые работают в Союзе Молодежи года два-три, которые вообще пробудились к политической жизни года два-три назад, а тем более—четыре, помнят, что два-три года тому назад мы с нетерпением ждали пролетарской революции в Германии и во Франции. Советская республика в Венгрии нам казалась началом социальной революции во всей Европе. В этом отношении мы пережили известное разочарование в отношении темпа, быстроты развития пролетарской революции. В Венгрии советская республика была раздавлена, в Баварии она имела мимолетный характер [1*]). Буржуазия устояла после войны.

Это — один из основных фактов международной обстановки. Капиталистическое хозяйство войной расшатано до самых сокровенных глубин. Фундамент его истощен. Европа и Америка переживают небывалый кризис, все это — последствия войны, которая сама явилась результатом капиталистического полнокровия. Но в настоящее время, несмотря на то, что у буржуазии почва под ногами подкопана, что буржуазия неспособна руководить экономическим развитием Европы и всего мира, — это выразилось в войне и в небывалом разрушительном кризисе, который буржуазия переживает, — несмотря на все это, она оправилась после войны. И это революционному классу и его организациям надо ясно и отчетливо понять. Когда мы говорим, что буржуазия себя изжила, что она пережила себя, то-есть, что она уже не может выполнять той роли, которую выполняла раньше (она двигала вперед науку, весь государственный механизм,

---

*) См. примечания в конце книги. *Ред.*

культуру), когда мы говорим, что буржуазия кончила в этом смысле свою историческую карьеру, — это не значит, что она отпадает, как падает осенью с дерева засохший, пожелтевший лист. Буржуазия стала теперь реакционной силой, которая мешает движению человечества вперед. Но в то же время она — живой класс, который не хочет умирать, который борется за свое существование, в котором живет инстинкт самосохранения, особенно в тот момент, когда фундамент под ногами ее колеблется. Европейская буржуазия, гораздо более опытная и умудренная жизнью, наученная своим прошлым больше, чем наша буржуазия, в момент опасности сосредоточила весь свой опыт, познания, навыки, уменье обманывать, давить, угнетать, и — сумела удержаться. И это означает, что, несмотря на то, что история подготовила ее падение, она упадет только тогда, когда рабочий класс, организованный, сознательный, сумеет взять ее за глотку, опрокинуть и задушить.

Вот задача, стоящая перед западно-европейским рабочим классом. Там пролетарская революция созрела в экономическом отношении несравненно больше, чем у нас во время Октябрьской революции 1917 года. Так история как бы требует от рабочего класса: «бери власть, пора, иначе буржуазия приведет тебя к распаду путем новых и новых войн и жесточайших кризисов!» Но там буржуазия, благодаря большему экономическому богатству, большему политическому опыту и большим культурным навыкам представляет собою грозную военно-политическую силу. Рабочему классу, чтобы ее опрокинуть, надо гораздо больше стратегического уменья и опыта, который приобретается, как известно, в борьбе. Пока этого опыта еще мало. Его надо гораздо больше, чем понадобилось российскому рабочему классу, стоящему лицом к лицу с буржуазией самой отсталой и нежизнеспособной.

Все это вынудило нас сделать в области экономической несколько шагов назад. Но этого требует и наше международное положение. Укрепилось ли за это время наше международное положение или нет? Бесспорно, укрепилось. Разумеется, мы были бы крепче, если бы в Европе произошла революция. Но даже считаясь с тем, что европейская буржуазия устояла после войны, мы должны дать себе отчет в том, что наиболее мощная часть европейской буржуазии — английский капитал — от военных интервенций перешел к торговому договору и к коммерческим отношениям с нами. Но в то же время в Европе до настоящего дня не исчезают военно-интервенционные группы, которые продолжают считать, что единственным способом ликвидации смертельной опасности для буржуазии является военный разгром Советской России. Центром этой интервенции является Франция, биржа которой имеет большое количество русских долговых обязательств, которые мы объявили неподлежащими оплате.

Наше международное и внутреннее положение уточнилось и определилось на том трагическом факте, который сейчас стоит в центре внимания страны — на голоде в Поволжьи. Как только определились размеры этого

величайшего бедствия, которое, конечно, определялось различными стихийными явлениями, но в конечном итоге являлось выражением нашей экономической отсталости и беспомощности, — вопрос о России был поставлен для пересмотра в мировом масштабе.

Каковы должны были быть первые ближайшие и неизбежные результаты голода? Что означает собой голод? Разумеется, голод мог бы повести за собой упадок и гибель Советской Республики. Но мы рассматриваем его, как острое болезненное явление, которое сплошь и рядом вспыхивает тогда, когда после целого ряда болезней истощенный организм, впавший в худосочие, дает картину нарывов, язв и других острых, но более поверхностных недомоганий. Когда мы будем через несколько лет рассматривать наш поволжский голод в исторической перспективе, мы скажем, что, когда страна наша начала оправляться, прошлое сказалось в виде страшного стихийного голода в Поволжьи.

Европейская буржуазия стала немедленно прикидывать и так, и этак для того, чтобы определить свою ориентацию. Англия спросила себя, не сделала ли она ошибки, вступив с нами в экономические сношения в то время, как голод, может быть, обнаруживает нашу несостоятельность и близкую гибель. Французская буржуазия, в рядах которой имеются элементы, которым надоело ждать столь давно обещанного падения Советской власти, дала этим элементам перевес — они стали упорнее настаивать на неизбежности нашего падения и на необходимости этому падению помочь при помощи военного вмешательства. В конце концов, выявилось, что общественное мнение европейской буржуазии разделилось на две основные группировки. Я не хочу говорить о чувствах западного пролетариата, о его стремлении нам помочь (по мере своих сил пролетариат Европы и Америки проявил свое сочувствие путем сбора, агитации и т. д., и т. д.), ибо с точки зрения международного положения, непосредственное значение имеет пока политика правящей буржуазии. Итак, ориентация буржуазии пошла по двум линиям. С одной стороны, буржуазия, скажем, английская, которую представлял Ллойд-Джордж, разобравшись в том, что происходило, сказала себе: «нет, этот режим сильнее, чем мы думали. Если он выдержал такое ужасающее бедствие, как голод, который охватил десятки миллионов человеческих существ в этой ослабленной истощенной стране; если государственный аппарат не раскололся по всем швам; если Советская власть не растерялась, а сосредоточила свое внимание на наиболее жизненных задачах обсеменения поволжских пашен; если ей удалось в первые же дни собрать миллионы пудов семенного материала, чтобы спасти поволжское крестьянское хозяйство на следующие года, — стало быть, этот режим имеет крепкие корни». Английская буржуазия, разумеется, враждебная нам, но более проницательная, сказала себе, что в Советской России, помимо коммунистической партии, помимо рабочего класса, организованного в государство, нет другой силы, которая способна была бы обеспечить государственный порядок и приступить к государственной работе.

С другой стороны, во Франции элементы буржуазии, которые как бы начали капитулировать, сдаваться перед необходимостью вступить с Россией в хозяйственные сношения, воспрянули духом в тот момент, когда бедствие обнаружилось в полном объеме. В то время, как одни убеждаются в том, что нас повалить нельзя, и что с нами необходимо вступить в хозяйственные отношения, другие говорят: «если мы не свалим Советскую власть в России теперь, когда она изнутри подтачивается страшным ударом голода, то нам это не удастся никогда».

«Теперь или никогда» — таков лозунг самых крайних интервентов во Франции и других странах. В этом отношении они питаются российской эмигрантщиной. Ведь мы не должны забывать, что заграницей прозябают сотни тысяч русских помещиков, капиталистов, банкиров, которые потеряли все, которые желают вернуть, если не все, то хотя бы часть, все мысли которых направлены на военный разгром Советской России. Одна часть мировой буржуазии сказала себе, что эта эмигрантщина уже обнаружила свою несостоятельность, фантастичность, лживость, ненадежность, глупость. А другая часть европейской буржуазии сказала, что настал последний момент для того, чтобы этой эмигрантщине получить власть в России. Мы наблюдаем, как колеблются эти две чаши весов. Никогда вопрос не стоял так остро, как сейчас. Какая из группировок победит, будет ли нам обеспечено мирное хозяйственное существование или же завтрашний день нам несет военную интервенцию — этот вопрос качается на чашах весов.

Когда я говорю о военной интервенции, я в своем рассуждении устраняю весь рабочий класс. Но он существует, к счастью для нас. Этот факт стоял перед нами на последнем III Конгрессе Коммунистического Интернационала, который происходил в Москве [2]. На этом III Конгрессе Коммунистического Интернационала, мы все, как подобает марксистам, т.-е. революционерам-реалистам, которые призваны смотреть в глаза действительности, признали, что буржуазия твердо стоит на ногах и что нужно большое усилие и большое умение для того, чтобы ее опрокинуть. Так мы сказали себе на III Конгрессе. На этом же Конгрессе мы засвидетельствовали, что революционное развитие германского рабочего класса шло гигантскими шагами и что если рабочий класс Германии, Франции и Англии сегодня еще не может протянуть руки, чтобы взять государственную власть, если он к этому только готовится, то в то же время европейский рабочий класс уже сегодня не даст возможности европейской буржуазии протянуть руки, чтобы взять нас за горло и задушить. Если внутри самой буржуазии колеблются две чаши весов — экономическая связь или интервенция (филантропическая помощь, о которой говорит часто буржуазия, является, разумеется, не чистой филантропией, а только небольшим авансом, вкладываемым в русскую почву для того, чтобы потом получить из нее больше барыша) — если, я говорю, внутри самой буржуазии идут колебания, то эти колебания отражают борьбу между буржуазией и

мировым пролетариатом, которая является основной гарантией нашей неприкосновенности.

Вот мировая обстановка, как она стоит перед нами сейчас. Буржуазия хочет военного вмешательства, а пролетариат не допускает. Достаточно ли он силен, чтобы не допустить его? Тот факт, что французская буржуазия до сих пор не бросила против нас своих дивизий и не решается их бросить — показывает, что она боится пролетариата, что она боится померяться с ним силами на этой почве. Но это не значит, что французская буржуазия отказывается от других путей военного вмешательства. Она ищет путей наименьшего сопротивления. Она не имеет поддержки Англии по причинам, о которых я говорил. Англия выбрала другой путь. Франция стремится опереться на страны так называемой Малой Антанты и, прежде всего, на соседние с нами Польшу и Румынию. И вот здесь самые острые вопросы сегодняшнего дня, — вопросы о наших взаимоотношениях с Румынией и Польшей.

С Румынией у нас мирного договора нет. Румыния, как вы знаете, была союзницей царского правительства. В мировой войне у царского правительства с Румынией был общий фронт. Этот общий фронт против немцев и австро-венгерцев сохранился и при Керенском. После свержения Керенского, при Советской власти, этот общий фронт исчез, провалился, — и Румыния использовала преимущества того, что у нее был общий фронт для того, чтобы захватить у нас Бессарабию.

Захват румынской буржуазией Бессарабии в свое время объяснялся самой румынской буржуазией, как временная мера, продиктованная необходимостью прокормить румынские и русские войска в Бессарабии. Французская и итальянская дипломатия тогда, в 1918 году, заявила, что о захвате Румынией Бессарабии не может быть и речи, что это временная мера военной окупации. Это было подписано румынским министром Авереску, нынешним министром-президентом. Тем не менее, вы знаете, что Румыния захватила Бессарабию целиком и объявила ее своей собственностью. Мы из-за этого войны не объявляем потому, что мы вообще, как вы знаете, не легко объявляем войну и воюем только тогда, когда у нас нет другого выхода. Разумеется, захват Бессарабии против воли ее населения (в этом мы не сомневаемся, — население спрошено не было) является чудовищной несправедливостью. Но мы знаем, что несправедливостей много не только в Бессарабии, что она есть и в самой Румынии, что гнет есть и во всем капиталистическом мире, и, поскольку мы твердо рассчитываем на то, что мировая революция совершит свою освободительную работу, постольку мы помирились с тем, что под капиталистическим гнетом останется еще один клин земли — Бессарабия. Но Румыния, которая чувствовала себя неспокойной за свою бессарабскую территорию, боялась приступить даже к разговорам с нами. А для того, чтобы укрепить за собой бессарабские границы, Румыния прибегала к поддержке петлюровских банд, как к вспомогательной военной силе, и вот, наряду с вопро-

сом о Бессарабии, возник вопрос об обеспечении неприкосновенности нашей юго-западной украинской границы.

С Польшей у нас есть, как вы знаете, мирный договор, который дался нам не даром, который тяжко обошелся также и Польше. Те из вас, которые следят за политической жизнью уже года три-четыре, знают, что мы изо дня в день, почти что с первых недель существования Советской власти, прилагали все усилия, чтобы установить нормальные сношения с Польшей, хотя бы и с помещичье-буржуазной Польшей. Вы помните, как наша дипломатия десятки раз предлагала польскому правительству приступить к мирным переговорам для того, чтобы обеспечить мирное существование двух стран. Вы помните, как польская буржуазия систематически уклонялась от мирных переговоров, как Пилсудский и его сторонники довели дело до большой войны до войны, которая стоила больших жертв обеим сторонам, жертв людьми и достоянием. И в результате этой войны мы заключили с Польшей в Риге мирный договор, очень благоприятный для Польши, хотя и не такой благоприятный, как мы ей предлагали до войны. Мы считали, что этот тяжкий урок, тяжкий для обеих сторон, совершенно достаточен для того, чтобы обезопасить нас от повторения этого опыта в дальнейшем. Мы считали и хотим считать сейчас, что это так и есть, что это так и будет.

Однако, ваш съезд совпадает с очень тревожным моментом в русско-польских отношениях. Вчера я говорил об этом на заседании Московского Совета. Третьего дня наш Комиссариат иностранных дел получил из Варшавы ноту, которая звучит так, как звучит ультиматум [3]. А ультиматум есть такое требование, которое ограничено определенным сроком, требование одностороннее, т.-е. «я от тебя требую», «я тебе приказываю выполнить до такого-то числа». Это предполагает, что невыполнение влечет какие-то новые, более серьезные меры воздействия.

Откуда родился этот ультиматум польского правительства? Он формально возник из тех трений, которые имеются у нашей дипломатии с польской дипломатией уже в течение очень значительного времени. Договор, заключенный нами с Польшей, предполагал прекращение открытых враждебных действий с обеих сторон. Польское правительство—правительство помещиков и капиталистов. Оно нас ненавидит и, разумеется, никто не может требовать, чтобы мы относились к этому правительству с любовью. Но договор налагает формальные обязательства на обе стороны. Я уже вчера говорил на Московском Совете о том, что и мы организовывали и посылали отряды на польскую территорию, чтобы они там разрушали железные дороги и взрывали склады, но делали это, когда находились с Польшей в состоянии открытых враждебных действий. С того момента, как мы добились заключения мирного договора, мы это прекратили. У нас был аппарат для формирования такого рода партизанских отрядов. Мы его расформировали.

Были нетерпеливые, ненависть которых к польской буржуазии толкала на продолжение этой борьбы. Но мы сказали: «товарищи, дисциплина

и терпение! Мирный договор заключен, таково решение рабочего класса, этого требуют его интересы. Мы обязаны подчиниться, мы не имеем права проявлять нетерпение, не имеем права этот договор срывать». Так мы сказали. Это наше решение было продиктовано, само собой разумеется, не симпатиями к Польше, — тут элементы сентиментальности нужно отбросить, о симпатиях или антипатиях речи нет, — эта политика диктовалась холодным государственным расчетом.

Но у польской буржуазии, разодранной на отдельные группы, нет единства. У нее есть сторонники вмешательства во что бы то ни стало. Есть сторонники экономических отношений с нами. Есть авантюристы, занимающие ответственные посты. И ни для кого не секрет, что «глава и начальник польского государства», маршал Пилсудский, все время попирал мирный договор, все время считал его ошибкой и преступлением. Разорвать Советскую Россию на отдельные, враждебные друг другу части, создать отдельную буржуазную Белоруссию, подчиненную Польше, создать петлюровскую Украину (в противовес Советской России) под протекторатом Польши, — вот мысль этого мелкобуржуазного шовиниста, который боролся с царизмом и который перенес ненависть к нему на Советскую Россию. Создать федерацию, направленную против русских «варваров» — вот идея, которая владеет им и днем и ночью.

С этим совпадает политика Франции. Я говорил о том, что во Франции шовинизм стал проявляться сильнее, и что французские ростовщики считают момент благоприятным для вмешательства. «Если мы не можем бросить наши собственные войска, — рассуждают они, — наступил момент, когда мы можем бросить польские и румынские». 3 сентября французское правительство потребовало от польского правительства, т.-е. своего вассала, предъявить нам ультиматум. Этот документ, в котором Франция требовала наступления на Советскую Россию, удалось нашей дипломатии получить. И прежде чем польская буржуазия в лице Пилсудского решила обратиться к нам с ультиматумом, мы уже опубликовали предостережение. Народный комиссариат по иностранным делам заявил на весь мир: «Готовится новое неслыханное злодеяние: французские биржевики требуют, чтобы польское и румынское правительства предъявили одновременно ультиматум Советской России и тем самым создали новую войну, новое нападение на Россию». Когда нота тов. Чичерина, неожиданно разоблачившая эту дьявольскую махинацию, была опубликована, французская пресса заявила, что это ложь, клевета, а английская, что она не верит своим глазам, что это невероятно, что это надо проверить. Нота эта была послана из Парижа 3 сентября. А 18 сентября мы получили польскую ноту, подписанную здешним польским представителем, который, от имени польского правительства, предъявляет нам ультиматум, срок которого истекает 1 октября, т.-е. через 10 дней.

Какие требования предъявляет нам польское правительство? Перечислять их детально нет надобности, ибо сущность не в них. Сущность

в том, что польское правительство не выполняет основного условия мирного договора, т.-е. поддержания мирных отношений. Оно направляет к нам банды, оно руководит Савинковым и другими авантюристами, вроде Булак-Балаховича [4]. Польский генеральный штаб этим бандам фактически помогает, их вооружает, питает их всеми необходимыми средствами. В то время, как весь официальный буржуазный мир говорит о помощи голодающей России, польский генеральный штаб, а стало быть и польское правительство, как и румынское, вооружает на французские деньги банды, перебрасывает их к нам, уничтожает продовольственные поезда, убивает продовольственных работников. И сейчас уже можно сказать, что вся мировая буржуазия со всей ее филантропической помощью не сделала половины того, что разрушили в продовольственном смысле банды, посылаемые французской буржуазией через Польшу и Румынию. Естественно, что наша дипломатия предъявила польскому правительству требование держаться рижского договора и прекратить посылку банд. В Варшаве заявили, а в этих случаях дипломатия за словом в карман не лезет, особенно за словом лжи, — что они ничего не знают об этих бандах. У нас имеются захваченные у банд десятки документов и писем офицеров генерального штаба Польши и савинковской белогвардейской организации, ответы на эти письма, денежные счета, требования и мандаты, удостоверения отдельным бандам, даваемые как савинковской белогвардейской организацией, так и поляками. Эти документы неоспоримы, неопровержимы, их можно любому грамотному человеку показать, и он признает, что здесь грубейшее нарушение основ рижского мирного договора. Когда мы установили этот факт, мы заявили: «Мы должны вам вернуть такое-то имущество по договору, мы должны произвести такую-то денежную оплату, — совершенно правильно. Мы готовы это сделать в любой день, в любой час. Вот это имущество, вот эти деньги, которые мы должны уплатить, но мы должны уплатить их в силу договора, а не как премию за набеги бандитов. Вы нам не дали никаких гарантий, что набегов не будет. Пусть смешанная комиссия все эти документы рассмотрит, пусть нам дадут гарантии, что больше к нам не будет никаких бандитских перелетов». Вот в этой плоскости велись переговоры. Мы заявили, что договор есть документ двусторонний, который обязывает и одну, и другую сторону. А польское правительство, отмахиваясь от вопроса о бандитах, требовало внесения нами денежных сумм и соответствующего имущества.

И вот в этот момент падает на голову польского правительства французский ультиматум, — ибо это по существу ультиматум, ибо французское правительство заявило польской буржуазии: «Ваша страна разорена, вам грозит полная гибель, ваши финансы дошли до границ полного банкротства, — вас спасти может только финансовая помощь Франции, а Франция вам этой финансовой помощи не окажет, если вы не поможете задушить Советскую Россию». Одновременно подобная же нота была направлена в Бухарест — Румынии.

Вот картина нашей международной обстановки. Вся мировая печать пишет: «Перед лицом такого страшного стихийного бедствия, какое мы имеем на Волге, ни одно сердце не может оставаться без сочувствия. Большевистская власть — власть преступная, коммунистическая партия — партия преступная, но любовь к голодающим требует активной помощи». Во Франции создается международный комитет помощи голодающим под председательством Нуланса, главного банкира Савинкова, который был его банкиром, когда Савинков организовал ярославское восстание, который давал Савинкову серебреники и который сейчас является посредником между биржей и всеми контр-революционными громилами. Этот самый Нуланс ставится во главе международного комитета помощи голодающим России.

С чего он начинает? С того, что он требует, чтобы ему разрешили послать в Россию ряд анкетных комиссий. Он должен послать несколько десятков и сотен человек, которые должны будут обследовать, нужна или не нужна помощь и в каком виде. Нуланс, или его партнер, министр иностранных дел, посылает одновременно, конечно архисекретным порядком, ноту-ультиматум польскому и румынскому правительству: «Сейчас, когда там пропадают с голоду, когда там корчатся в муках, — благоприятный момент для наступления на Советскую Россию, на Советскую Украину». Товарищи, — тут вся природа буржуазии, буржуазной дипломатии, вся ее мораль целиком. В истории вряд ли был когда-нибудь случай, где подлость, жадность, коварство буржуазии выразилась бы в такой концентрированной отвратительной форме.

В Варшаве получают ноту, колеблются, знают, что означает такой ультиматум, знают, что за ультиматумами нередко идут военные действия. В Варшаве колеблются, а в сейме начинается борьба партий.

Министерство Витоса, министерство мелкобуржуазной земледельческой партии, не согласно подчиниться французскому ультиматуму, боится начинать новую войну, предвидя, что ее результатом будет крушение буржуазного режима в Польше. Витос и его правительство выходит в отставку. Но ни одна партия в польском сейме не способна создать новое правительство. Не получается блока. Происходит парламентская борьба, склока, интриги. Этим пользуется Пилсудский, президент-маршал, «начальник польского государства», и он создает свое министерство из бюрократов-чиновников [5].

Я не помню даже фамилии нового министра-президента. Он — покорное орудие в руках Пилсудского. Это новое правительство чиновников, выполняющих волю Пилсудского, который сам выполняет волю французской биржи, направило нашему правительству ультиматум: «До 1 октября обязательно вы должны выполнить то, чего мы требуем. Если до 1 октября это выполнено не будет, мы угрожаем прекращением дипломатических сношений. Польское представительство, которое сейчас находится в Москве, покинет Москву, а следовательно и ваше советское представительство должно будет покинуть Варшаву».

Разрыв дипломатических сношений не означает еще войны, но этот разрыв нередко в истории предшествовал войне. Когда две страны не воюют, но прервали всякий контакт друг с другом, то очевидно, что это предрешает возможность военной опасности. Сейчас, когда у нас есть представительство польского правительства, когда в Варшаве есть представительство Советской власти, есть возможность с нашей стороны действовать, разъяснять, толковать. С того момента, когда представительства возвращаются каждое в свою страну, и связь между странами прекращается, те элементы, которые хотят войны, работают во-всю. Самый факт отозвания дипломатических представительств является по существу своему шагом в сторону открытия военных действий. Перед таким положением мы в настоящий момент стоим.

А Румыния? Румыния как раз теперь приступила к мирным переговорам или, по крайней мере, к подготовке мирных переговоров с нами. Румынский уполномоченный сегодня или вчера должен быть в Варшаве и встретиться с нашим представительством, чтобы с ним условиться о характере содержания мирных переговоров. Положение в высшей степени критическое. И было бы малодушием или близорукостью закрывать на это глаза. Если бы мы с вами стали обсуждать вопрос о том, как ответить на ноту польского правительства, то мы должны были бы сказать себе следующее. Мы хотим мира во что бы то ни стало. Это наше основное желание. Возможно, что мы пошли бы на уступки Румынии для сохранения мира; в отношении Польши мы готовы, как были готовы и раньше, итти на большие уступки для обеспечения уже однажды завоеванного мира. Но можно делать только такие уступки, которые действительно способны обеспечить мир, а не разнуздать, наоборот, наступательной энергии другой стороны.

Я знаю, что польское правительство действует сейчас под давлением ультиматума Франции. Французскому правительству безразлично, получит ли Польша те или другие паровозы и денежные суммы сегодня или через четыре месяца, или через два. Вопрос об этих паровозах, вопрос о музейном имуществе или о репатриации, т.-е. возвращении в Польшу определенных групп поляков — все это вопросы абсолютно неинтересные для французской биржи. Чего же ей надо? Ей надо стравить Польшу с нами. Достигла она этого? Отчасти достигла. Она создала правительство, которое предъявило нам нужный ей ультиматум. Предположим, что мы совершили бы ошибку и побоялись бы ультиматума. Если мы ультиматум удовлетворим, разве Польша оставит нас в покое? Если мы можем откупиться от буржуазии не кровью русских рабочих и крестьян, а ценою реальных и серьезных уступок, то мы готовы. Но разве в данном случае вопрос стоит так? Разве польская буржуазия предъявляет нам какие-нибудь жизненные требования? Польское правительство является лишь почтальоном французской биржи и передает нам провокационное требование-ультиматум, чтобы найти предлог для военного наступления на нас. Если бы мы тут сделали ошибку

и сказали, что мы подчиняемся этому ультиматуму, — что бы это означало? Что французская буржуазия немедленно сказала бы Польше: «видите, в нашей ноте мы вам предсказывали, что Советская республика падет и что она примет всякий ультиматум, подчинится всякому категорическому и твердому требованию».

Но это не так, товарищи! Мы, несмотря на тягчайшие удары судьбы, несмотря на ужаснейший удар — голод в Поволжьи, — вовсе не слабее сейчас, чем были в тот момент, когда вынуждены были начать с Польшей большую войну. Мы сейчас не слабее, а сильнее. Мы сильнее, во-первых, потому, что мы опытнее, во-вторых, потому, что, несмотря на наши тяжелые условия, мы лучше умеем рассчитывать то, что у нас есть. Мы сильнее потому, что наша армия приобрела большие навыки и выдвинула командный состав с самых низов, из рабочих и крестьян. Как только на горизонте западного фронта стали появляться подозрительные тучки, — мы поставили перед собой вопрос: «А что, если бы осуществились дьявольские замыслы Франции и мы бы подверглись новому хищному нападению?»

Вы знаете, что мы демобилизуем армию, что мы ее сократили уже до сих пор втрое против того числа, какого она достигла в момент наивысшего напряжения наших военных сил. Но, демобилизовав миллионы, — а мы демобилизовали миллионы, чем показали, что мы серьезно готовимся поддерживать мирные отношения, — мы сохранили кадры всех наших дивизий — закаленные, прошедшие очень серьезную школу кадры. Если бы нас заставили, мы могли бы вновь мобилизовать миллионы, и они вернулись бы в дивизии, под знаменами которых они сражались и боролись. Мы сейчас, благодаря работе наших командных курсов, — и прежде всего, благодаря суровому опыту трехлетней борьбы, — в военном смысле сильнее, чем когда бы то ни было. Наконец, у нас есть, товарищи, самый сильный рычаг борьбы — это наша партия, это — вы, духовное чадо нашей партии.

Если бы действительно над нами собралась гроза, разумеется, Центральный Комитет призвал бы партию к тем усилиям и жертвам, к тому героизму, к которому призывал не раз и в которых никогда не знал отказа.

Я беру худшую перспективу возможности новой войны. Но в то же время, товарищи, я в эту перспективу не верю.

Румыния не посмеет поставить на карту свое существование, — Румыния, которая удвоила свои владения во время войны, удвоила и не сумела еще спаять их в единое целое. Поставь она снова вопрос на острие меча, несомненно вспыхнуло бы немедленное восстание в Бессарабии и в Трансильвании. Она знает это. Все говорит за то, что она должна уклониться от выполнения французского ультиматума.

Правда, в Польше Пилсудский сейчас господин положения, и министерство — в его руках. Пилсудский служит Франции. Но Пилсудский на польской арене не один. Я говорил о разных группах внутри буржуазии, которые борются против него. Но есть кроме них польский рабочий класс и польское крестьянство. Пилсудскому, если бы он решился, если бы он

осмелился довести дело до новой войны, пришлось бы обратиться к польскому рабочему и к польскому крестьянину. Польская марка пала до ничтожной суммы. Польша сотрясается стачками рабочих за улучшение их положения. Польская политика поглощает половину польского бюджета в виде расхода на армию. Все это — факторы могущественной силы, которые говорят в пользу мира. Мы не теряем спокойствия и хладнокровия ни на один час. Мы обратимся еще и еще раз к польским правящим сферам, и к польскому трудовому народу с объяснением всей обстановки, как она есть: «Вы хотите выполнения нами мирных условий. И мы этого хотим. Соберемся и дадим гарантии друг другу. Пусть поход белогвардейцев прекратится, — и мы выплачиваем возмещение и выполняем все остальные требования. Мы отказываемся подчиниться ультиматуму, продиктованному Францией, потому что это не есть реальное требование, вытекающее из договора, а злостная провокация». Если бы мы на эту провокацию пошли, если бы мы сказали, что в этом случае сделаем уступку, это значит, что мы усыпили бы только внимание польского народа, что мы невольно скрыли бы от него то обстоятельство, что вопрос стоит в высшей степени остро. Это не в интересах польского народа. Мы должны открыто сказать, что этот ультиматум есть продиктованная Францией провокация и что поэтому мы не можем на этот ультиматум ответить иначе, как энергичным словом — «нет». И это слово — «нет» — есть, вместе с тем, призыв к польским трудящимся массам. Это голос братского предостережения трудовому польскому народу. Мы говорим, что здесь, под этой личиной дипломатических переговоров, нот и ультиматумов, решается вопрос будет или не будет снова литься польская и русская рабочая кровь по Березине и другим рекам. Ставя так этот вопрос, мы выясним его в полном объеме перед трудящимися массами России, Польши и всего мира. И мы это сделаем.

В эти 10 дней, которые нам остаются, мы обязаны этот вопрос в полном объеме поставить и осветить перед сознанием русского рабочего и крестьянина и рабочих во всем мире. Мы сделаем это. В то же время мы говорим себе, что $^{9}/_{10}$, а может быть, $^{99}/_{100}$ говорят за то, что мы таким путем избегнем не только войны, но и разрыва дипломатических сношений. Давлением общественного мнения, силой воли трудового польского народа мы заставим польскую буржуазию взять назад ультиматум и договориться с нами деловым порядком о взаимоотношениях. Договориться, ибо таких вопросов, по которым нельзя договориться, сейчас нет.

$^{9}/_{10}$ или $^{99}/_{100}$ говорит за то, что мы избегаем новых испытаний. Но, товарищи, одна десятая и одна сотая все же остается, как опасность нового вооруженного конфликта. Мы говорим себе, что, работая за то, чтобы $^{100}/_{100}$ было за мир, мы будем готовиться вместе с тем и к тому положению, когда $^{1}/_{100}$ может стать грозной реальностью. Опасность войны не исключена, — мало вероятна, но не исключена. Мы должны этого не забывать.

Если бы оказалось, что французской буржуазии, при поддержке самых контр-революционных и хищнических элементов буржуазии мировой, удалось бы в последний раз двинуть против нас ближайшие к нам государства, то мы с вами выполнили бы свой долг до конца. Рабочий класс всего мира с тревогой и напряжением следит за развитием русско-польского конфликта. Мы говорим:

— Бдительность, зоркость и хладнокровие! Ни одного движения, ни одного жеста, ни одного слова вы не увидите и не услышите с нашей стороны, которые могли бы обострить отношения, которые могли бы уменьшить шансы мирного исхода, которые могли бы облегчить дело контр-революционным провокаторам. Все силы, все внимание на установление мира, на восстановление нормальных сношений. И в то же время, наши братья в Польше, Румынии, Франции — знайте, что при всем нашем хладнокровии мы сохраняем полную готовность отстаивать неприкосновенность Советской Республики, которая все еще остается единственной крепостью пролетариата. Мы готовимся отстаивать ее всеми силами и кровью наших сердец!

Французская буржуазия считала, что голод — тяжкий удар основе нашего хозяйства, что он нас окончательно ослабил, лишил воли и энергии. Французской буржуазии казалось, что достаточно будет небольшого толчка, и мы свалимся. Она пыталась бросить на нас банды Петлюры на украинском и румынском фронтах, она делала то же самое с савинковскими бандами на польском фронте. Она пыталась запустить к нам свои щупальцы под видом комитета филантропической помощи. Она пыталась этот жалкий золотушный комитет общественных деятелей превратить в некоторое подобие буржуазного правительства, окружив его поддержкой, протянув от него нити связи к международной буржуазии, к европейской бирже. Наконец, она в наиболее враждебной части буржуазии распространяла слухи о том, что Москва осаждается сейчас сотнями тысяч голодных поволжских крестьян, что мы в Москве защищаем себя с помощью удушливых газов, что мы назначили генерала командующим войсками против голодающих, которые наступают на Москву. Чудовищное, дикое измышление, чтобы одурачить массы, чтобы показать им легкость похода на Москву, и в то же время — нажим на Румынию и Польшу. «Там, в Москве, полная прострация, достаточно одного толчка — и они упадут». Это неправда. Мы с вами не собираемся, товарищи, падать!

Тут есть представители голодного Поволжья. Вы лучше меня знаете, как нам тяжко. В подлинном смысле слова умирают, будут еще умирать зимой тысячи и десятки тысяч человеческих существ. Но что это значит? Откуда это бедствие? Оно проистекает из нашей слабости экономической, из нашей недостаточной культурности, из неопытности. Трудовой народ не умеет бороться с природой. Природа его бьет. Черепа падают тысячами. Но разве это может сломить советский режим? Советский режим есть выражение организации всех усилий всего народа. Что такое советский режим?

Советский режим — организация самопомощи голодающим. Советский режим — организация промышленности, организация сельского хозяйства при помощи роста сознания и организованности крестьян. Советский режим — организованная, вооруженная самооборона рабочих и крестьян, когда на них нападают.

В буржуазных странах есть опасность для правительства. Почему? Там есть антагонизм, там есть смертельная война между неимущими и буржуазией. У нас этой борьбы нет. У нас есть усилие самопомощи, у нас есть усилие самообороны. Мы можем делать ошибки, спотыкаться. Мы поднимаемся. На ошибках мы учимся. В испытаниях и бедствиях мы закаляемся. Мы говорим:

— Вы, которые надеетесь на то, что вы нас свалите на почве голода, вы видите уже сегодня и увидите завтра, что через страшные бедствия голода мы прошли, став тверже, увереннее и беспощаднее. Если на эту голодающую страну, которая хочет мира, которая шаг за шагом строит здание хозяйственного благополучия, вы обрушите новые бедствия войны, то те самые голодные, которые, по лживым сообщениям, наступают на Москву, вместе с полусытыми (ибо у нас, к несчастью, страна голодных и полусытых), все сплотятся и скажут: «Да, у нас голодные и полусытые, но на нашей земле мы хотим создать общество труда, и мы никому не позволим вмешиваться вооруженной рукой в наши судьбы».

И если бы Советской власти пришлось сказать рабочим и крестьянам, даже тем из них, которые недовольны, которые ворчат:

— Товарищи рабочие, товарищи крестьяне нам угрожают! — они все, как один, ответят:

— Мы готовы!

Коммунистический Союз Молодежи! Если бы нам пришлось — да минует нас чаша сия — снова обратиться к вам и сказать:

— Советская Республика снова в опасности!

Вы скажете, как один:

— Мы здесь!

«Поколение Октября».

Из речи

на параде московского гарнизона в день первого выпуска красных генштабистов 26 сентября 1921 г.

Вы знаете все, что польское правительство предъявило нам ультиматум. Мы готовы итти на приемлемые для нас уступки, но пусть не думают наши враги, что наша Красная Армия ослабела. Мы, действительно, не хотели и не хотим ни на кого нападать, мы хотим мира на наших границах и честного и спокойного труда внутри нашей страны. Доказательством этого является уже то, что со времени заключения целого ряда мирных договоров, мы демобилизуем большую часть Красной Армии, значительно сокращая ее численность, но боеспособность нашей Красной Армии от этого не только не умаляется, но еще более укрепляется, благодаря большой работе над улучшением ее качественного состава. Кто сомневается в существовании нашей победоносной вооруженной силы, пусть явится сюда, на Красную площадь. Здесь они могут убедиться, что Красная Армия жива, что Красная Армия сильна. Мы все проникнуты стремлением к тому, чтобы осуществились устраняющие вооруженный конфликт результаты работы нашей дипломатии, мы надеемся, что наша дипломатия добьется результатов, но вместе с тем мы говорим нашей дипломатии, что, если бы ее усиленная работа в стремлении к миру была кем-либо сорвана вопреки нашему желанию, то мы все, как один человек, с еще большей силой и решительностью, чем в прежнее время на наших фронтах, вооруженной рукой будем отстаивать рабоче-крестьянскую Россию. Мы будем стремиться к миру, товарищи, и в то же время будем твердо держать винтовки и шашки в наших руках!

Да здравствует московский гарнизон! Да здравствуют красные генштабисты! Да здравствует наша Красная Армия!

27 сентября 1921 г.
«Правда», № 215.

II.

ГЕНУЯ И ГААГА.

Речь

на торжественном заседании Московского Совета Раб., Крест. и Красноарм. Депутатов от 16 января 1922 г.

Товарищи, главной чертой мирового положения остается его чрезвычайная неустойчивость. До мировой войны и дипломаты, и политики, и военные люди (большинство из нас тогда к ним не принадлежало) могли предвидеть, в общем и целом, развитие междугосударственных антагонизмов и соглашений в течение более или менее длительного периода времени; было Тройное Согласие, был Тройственный Союз; правда, когда началась война, Италия оторвалась от Тройственного Союза и присоединилась к другой группировке, но, в общем, все же, те варианты группировок, которые в течение многих лет и даже десятилетий вырабатывались в штабах великих европейских государств, сохранялись во время самой войны, ибо Германия, Австрия, Россия, Франция воевали с теми, с кем предполагали и готовились воевать.

После мировой войны эта относительная устойчивость и определенность мировых группировок и междугосударственных отношений исчезла и не вернется. Правда, надеются, при помощи Генуэзской конференции [6] восстановить равновесие, но вряд ли это равновесие распространится полностью на междугосударственные отношения в том смысле, в каком это привыкли понимать до последней империалистической бойни.

Мир выбит из равновесия. Центр тяжести мировых сил блуждает и не находит себе места. Во время версальских переговоров казалось (не всем, нам этого не казалось), что центром мира является Версаль и Париж, что Франция является хозяйкой Европы, ибо г. Клемансо председательствовал в Версале. Мы относились к этому скептически и оказались правы. Уже тогда господство Франции имело фиктивный характер и обманывало простаков, которых мишура вводила в заблуждение. На самом же деле тогда руководство Европой находилось в руках Англии, а Франции позволялось лишь то, что Англия считала совместимым со своим господствующим положением в Европе. Англия господствовала на морях и считала, что ей принадлежит право иметь флот более сильный, чем флот

двух следующих за ней морских держав. Но прошло не так много времени, и господство Великобритании оказалось ограниченным.

После Версаля мы были свидетелями Вашингтона. Соединенные Штаты отказались войти в так называемую Лигу Наций, которая есть нечто иное, как внешне-декоративное прикрытие господства над Европой Великобритании при посредстве мнимого военно-политического господства Франции на континенте. Соединенные Штаты отказались подписать Версальский договор и вступить в Лигу Наций. В сознании перевеса своей промышленности и золотого запаса, Америка явилась в Вашингтон переделывать или доделывать то, что по ее мнению не было достаточно хорошо и достаточно прочно сделано в Версале. Центр тяжести капиталистического мироздания переместился из Версаля в Вашингтон. Вашингтон попытался, прежде всего, успокоить и утихомирить так называемый Тихий океан, который, однако, чреват величайшими международными бурями. Там была сделана попытка достигнуть международного соглашения на основе постепенного международного разоружения. Франция в хмелю своего мнимого единодержавного господства была уверена, что сумеет в Вашингтоне использовать мировой антагонизм между Великобританией и С.-Штатами для того, чтобы обеспечить перевес решению, которому она отдаст свой голос, и, таким образом, укрепить свое господство.

Бриан отправлялся в Вашингтон с надеждой на успех своей дипломатической игры, подобной тем, которые он не раз разыгрывал во французском парламенте. И на предложение ограничить сухопутное вооружение Бриан ответил отказом. Он указал на то, что версальский мир требует не сокращения, а усиления вооружения Франции. И это верно. Франция вооруженной рукой поддерживала ту систему рабства, ту совокупность противоречий и беспощадной вражды, которые мы привыкли за последние три года называть Версальским миром. Когда дело коснулось морского вооружения и его возможного ограничения, тут и для непосвященных со всей отчетливостью обнаружился факт распада бывшей Антанты.

Франция просчиталась, она просчиталась в том смысле, что Англия оказалась более реалистической, чем можно было ожидать. Англия тоже подсчитала свою золотую наличность, свой флот, верфи и пр. и сравнила это с тем, что имеется у Соединенных Штатов. Она слишком ясно отдавала себе отчет, что великобританский фунт стерлингов, который привык быть властелином на мировом финансовом рынке, давно уже вынужден был сделать большой скачок — на четверть своей довоенной цены, по сравнению с американским долларом. И в результате своих расчетов Англия согласилась признать уравнение своего флота с флотом Соединенных Штатов. Таким образом, после борьбы с Германией за мirодержавие, за господство над вселенной, после борьбы и победы Англия является уже не первой морской державой, как то было до войны, и не смеет уже думать о том, чтобы ее флот равнялся флотам двух следующих за нею мор-

ских государств. Сейчас флот Соединенных Штатов еще не равняется английскому, но он его догонит в близком будущем.

Франция, однако, отказалась урезать свой флот и прежде всего подводный. Бриан, выведенный из себя вашингтонской неудачей, открыто формулировал положение, когда, покидая Вашингтон, сказал французским журналистам: «Англия хочет сохранить свои большие военные корабли. Допустим, что они нужны ей для того, чтобы ловить в морях и океанах сардины, — если это так, то мы, французы, хотим иметь подводные лодки для того, чтобы лучше изучать растительность морского дна». Я вас прошу помнить, что так говорил французский премьер об английском флоте. Речь идет о взаимоотношениях двух ближайших союзников: Англии и Франции, которые спасали себя от нашего с вами варварства, двух держав, объединенных вместе во имя высших интересов цивилизации. Прочтите статьи, которые писались накануне 14 года, хотя это чтение, разумеется, будет не слишком приятным делом, ибо эта пресно-лицемерная литература может вызвать только отвращение. Прочтите их для того, чтобы сравнить тогдашние речи, с таким вот разговором: «Мы с вами будем бороться вместе, но у вас есть большие корабли для ловли сардин, а если это так, то мы заведем маленькие корабли для изучения дна ваших больших кораблей».

И вот не успели закончить работу в Вашингтоне, как возникает новое место для такой же работы. Этим местом является прекрасная Генуя, и предполагается, что там будет найдено необходимое для Европы равновесие. Туда нас приглашают, и возможно, что мы примем участие в работах конференции. Однако, дело с этим совсем не обстоит так просто. Тут всплывает большое неустройство междугосударственных отношений. Не со слишком большой готовностью согласились некоторые государства на участие в конференции, на которую приглашена Советская Россия. И мы должны констатировать что труднее всего было склонить на этот новый путь Францию. Нужно сказать, что Ллойд-Джордж занялся этим вопросом с тем же напряжением и с той же энергией, с которой он натравливал на нас контрреволюционеров. Ему стоило не малого труда склонить Бриана принять участие в переговорах и в ответ на возражения Бриана он произнес речь, которую наша Роста сообщила нам полностью. В этой речи он говорил: «Франция, которая, ведя переговоры с Турцией, в лице Буйона, пожимала руку восточного разбойника, теперь кобенится (я не знаю точно, какое слово употребил Ллойд-Джордж, но смысл был именно таков), отказывается пожать руку северному разбойнику». Под северным разбойником Ллойд-Джордж подразумевает, конечно, нас с вами. Так как мы не гоняемся особенно за этикетом, предоставляя это мандаринам буржуазных делегаций, то мы готовы согласиться с этим его не очень лестным определением. Он сказал также: «когда едешь на международные переговоры, то готовься к худшему и захвати с собой кусок дезинфекционного мыла, потому что придется пожимать всякие руки». Он подразумевал руки разбойников севера и востока, —

но прибавлю я—и всяких других. Это обстоятельство мы всегда имели в виду в наших международных отношениях, и мы также в таких случаях держим в кармане это дезинфекционное мыло. Чем Ллойд-Джордж убедил Бриана в конце концов, — трудно решить, но факт, что Вашингтонская неудача сбила с Франции значительную долю спеси и, вернувшись в Париж, Бриан почувствовал, что международное положение Франции стало гораздо труднее.

В конце концов, подсчитав кое-какую наличность, — а золотая наличность Франции находится далеко не в блестящем положении, — Бриан уведомил Ллойд-Джорджа о своем согласии на участие в переговорах. Были выработаны условия нашего признания, которые своевременно были напечатаны у нас во всех газетах (вы их можете вспомнить, если на досуге перечитаете газету). Эти условия сводятся к тому, что, во-первых, если мы хотим, чтобы иностранные капиталисты вели с нами дела, то мы обязаны обеспечить неприкосновенность капиталов, которые будут вложены в торговлю. Пока капиталисты на свете существуют, это абсолютно бесспорно, и договоры должны соблюдаться целиком. Дальше там говорится, если я не ошибаюсь (это, впрочем, не моя профессия изучать дипломатические ноты, — это по другому ведомству), о нормах цивилизации и т. п. Мне кажется, мы хорошо подготовлены на этот счет, а если нас в Генуе еще хорошенько подучат, то насчет цивилизации никаких недоразумений не будет, и мы за себя постоим. Затем там говорится в несколько неясных выражениях о старых государственных долгах и претензиях старых капиталистов. Так как эти долги — дело торгово-коммерческое, то здесь надо договориться и поторговаться — как, в каком направлении, в какие сроки, что мы получим взамен и т. д. Я думаю, что в этих пределах мы законов цивилизации не нарушим. Таким образом, переговоры как будто начались при самых благоприятных предзнаменованиях. У тов. Чичерина были некоторые разногласия относительно места; но Генуя или Лондон, — это вопрос техники пассажирского движения и на этот счет можно было договориться без труда.

Я упомянул, что мы наблюдаем за тем, что делается в других странах: следим за печатью и всяческим путем добиваемся информации, чтобы не делать политики вслепую и нам было известно (сейчас не помню из каких источников, но это несомненный факт), что, когда Бриан сдавался на доводы Ллойд-Джорджа, он заявил, — что все это хорошо, но было бы лучше, если бы поворот политики в отношении Советской России сопровождался бы сменой комиссаров, более симпатичных Франции. Я лично не знаю, кто из нас более, кто менее симпатичен прекрасной Франции. Допускаю, что таких два списка во Франции ведутся, но неустойчивость мирового положения лучше всего характеризуется тем, что не успели эти более симпатичные появиться на сцену, как автор этого требования лишился портфеля и председательствования во французском совете министров [7]. Причины его падения естественно связывают с фактом приглашения Советской России в Геную. Мы не сомневаемся, что в Генуе — я повторяю это, — мы дого-

воримся до в высшей степени полезных результатов, которые укрепят мировое равновесие. Но не бесполезно заметить, что некоторые правительства теряют естественное равновесие, прежде чем приблизиться к Генуе, и это относится не только к Франции.

Это относится, судя по последним известиям, к нашим более близким соседям, как Румыния, где выражают сомнение по поводу того, что правительство Таке Ионеску, которое специализировалось на самой бесшабашной, преступной, наглой и бесчестной травле Советской России, чтобы это правительство в атмосфере надвигающихся переговоров могло действительно удержаться даже при буржуазном режиме в Румынии. Ибо нельзя забывать, что как раз в те часы, может быть, когда из Италии и Лондона шли к нам радио-телеграммы, приглашавшие нас на Генуэзские переговоры, из-за Днестра продолжали раздаваться выстрелы по нашим часовым и мирным жителям. На днях убили из-за угла одного из часовых на Днестре, убили одну женщину. Правительство Таке Ионеску, постреливая по красным советским часовым и убивая крестьянок нашего украинского правобережья, руководится чувством мести за недостигнутые выгоды,— ибо в то время, когда Советская Федерация неоднократно предлагала Румынии переговоры, когда наше и внутреннее и мировое положение было гораздо труднее, тогда, несомненно, Румыния могла заключить с нами такой договор, которого она больше никогда не получит.

Теперь, когда нам послано приглашение в Геную, не только одной Румынии, но и кое-каким другим странам придется, вероятно, убедиться в том, что благодарность не есть то чувство, которое руководит политикой империалистской дипломатии. Европейские державы, с Францией и Англией во главе, пытались отделить от нас все человечество, как от очага заразы; они пытались создать из 6 государств (пять из них выделились из России): из Финляндии, Эстляндии, Латвии, Литвы, Польши и Румынии непроницаемую переборку между Западом и Советской Россией. Эти 6 государств должны были превратиться в 6 могильных плит над нами, над Советской Федерацией. Кое-кто из них выполнил приказы Франции со всей энергией, на которую был способен.

Польша в первую очередь рассчитывала, что эта служба за Францией даром не пропадет. На это же рассчитывала и Румыния. Но не нужно быть пророком, чтобы сказать: если нам удастся достигнуть соглашения (а его достигнуть удастся), то все заслуги Польши, Румынии и Финляндии в борьбе с нами, — заслуги их кровавого бандитизма и активной поддержки контр-революционной белогвардейщины — не будут оплачены. На всем этом великие державы поставят крест и откроют текущие счета своих новых отношений с Советской Россией.

При всякой политике, особливо международной, наивность, переходящая в глупость, наивность, окрашенная кровью, никогда не является победоносным фактором. А расчеты малых стран, что их мелкие разбойничьи бандитские удары по Советской России будут вознаграждены великими

империалистскими державами при окончательном подведении итогов мира, являются наивностью, кровавой наивностью, переходящей в глупость. Отсюда, товарищи, вовсе не вытекает, что услуги мелких и средних государств не понадобятся больше великим державам. Этого я не хотел сказать, это ясно всякому, это вытекает из несчастного случая с Брианом.

Что готовит нам завтрашний день с этой стороны? Здесь предсказание приходится делать двоякого рода: либо попытки нового правительства вести беспощадную борьбу против Советской России, против всей нашей федерации, потерпят крушение о сопротивление Англии, прежде всего, а затем Италии и других стран и может быть, как мы хотели бы надеяться, о косвенное сопротивление Соединенных Штатов, — и тогда французский парламент, отведя душу в низвержении Бриана, поручит кому-нибудь другому проводить предложение Ллойд-Джорджа, и преемник Бриана направится в Геную для переговоров с нами. Этого исхода мы желаем от всей души, ибо надеемся, что в Генуе участники конференции кое-чему научатся и подвинут дело подлинного настоящего мира вперед. Однако, не исключена возможность того, что падение Бриана означает перемену курса французской политики. Франция, которая почувствовала, что она целиком зависит от Великобритании, сознательно делящей свое миродержавное владычество с Соединенными Штатами; Франция, которая имела после Версальского мира большинство так называемого национального блока и является самым шовинистским, самым непримиримым государством во всей Европе,— может с разбегу возродить политику наступательной военной интервенции против Советской России. И если бы можно было измерять исторические возможности точными цифрами, то я бы сказал, что мы стоим перед одинаковой возможностью: 50% за один и 50% за другой исход, — либо Франция пойдет в Геную и даже, может быть, попытается перерезать дорогу Великобритании, пойдя с нами на скорейшее соглашение, чтобы обеспечить таким путем свои интересы, либо же она вступит на путь новых интервенций, т.-е. будет толкать на это граничащие с нами с запада государства. Есть доводы за то и другое, теоретически и то и другое одинаково вероятно, а раз это так, значит нам нужно быть готовыми и к тому и к другому и к нашим, надеемся, успешным дипломатическим переговорам в Генуе и к новым ударам со стороны Запада.

Та тревога, которую сейчас переживают правители Бухареста, опасаясь того, что их выбросят вон, как выжатые лимоны, вполне соответствует тому беспокойству, которое испытывают в Варшаве относительно судьбы польской агентуры французского империализма. Мы бы, конечно, всячески приветствовали превращение ее в торговую агентуру для сношения с Советской Федерацией, ибо польские промышленники, польские коммерсанты, как посредники и агенты французской биржи, разумеется, если не милее (это слово не подходит), то во всяком случае более полезны и приемлемы для нас, чем польские офицеры генерального штаба, которые

на французские деньги, т. е. на деньги той же французской биржи, вооружают наших собственных бандитов, извергнутых Советской Россией.

Положение Финляндии вы знаете, она почти ввергнула себя в войну с нами. Она воюет с нами на территории нашей Карелии, входящей в нашу Федерацию, и делает это настолько открыто, что нам прекрасно известны по именам все те финляндские офицеры, которых финляндский штаб увольняет в отпуск и которые, изменив свое имя, проводят свой отпуск в Карелии во главе вооруженных банд, расстреливая красноармейские части и истребляя коммунистов, которые попадаются им безоружными [8]. Финляндия обратилась в связи с карельским вопросом к Лиге Наций.

Что такое Лига Наций — это знаете вы все. Это — намалеванный китайский дракон, который должен символизировать право и прочие невесомые вещи. Мне вспоминается, как бывший французский министр Лушер с великой иронией по нашему адресу заявил, что они-де не признают Советской республики, а вот мы признали их Высший Совет. Конечно, товарищи, мы признаем все то, что существует. Что такое Высший Совет? Высший Совет союзников — это коллективный кулак, направленный, прежде всего, против нас, и кулак этот мы признаем, а как он называется с точки зрения международного права — это нам все равно. Кулак есть кулак. Лига наций — тень этого кулака, которой пытались придать архидемократический, архи-цивилизованный характер. И есть, чтобы не выразиться иначе, простачки, которые этой тени чужого кулака молятся, приносят жертвы, обращаются к ней с прошениями, как это сделала Финляндия. Махнем рукой на этих простачков и пройдем мимо. Может быть, их научит жизнь кое-чему в ближайшие месяцы и недели.

Мы признаем верховный экономический совет и верховный совет союзников и признаем, что ныне, с божьей помощью, он трещит по всем швам. Это есть основной факт международной политики. Прочтите статьи, которые пишет английская печать по поводу падения Бриана. Она говорит таким тоном, каким говорят накануне кровавого конфликта. Нам, товарищи, надо считаться со всеми этими возможностями, надо иметь широко открытые глаза и более или менее чуткий слух; иметь опыт и уметь видеть кулак и его тень. Это есть обязанность всякого серьезного дипломата.

Класс, который находится сейчас у власти в нашей стране, начал свой исторический разбег очень издалека и в течение десятилетий шел вперед, пробиваясь через величайшие затруднения и учась на своих ошибках. Дело нашей партии знать эту коллективную выучку, которая служит нам сейчас великую службу в нашей ориентировке в международном положении. Но это — идейная подготовка, она останется с нами целиком и никуда от нас не уйдет, а нам нужна и другая подготовка, на случай ориентации Франции против нас, подготовка не идейная, а материальная, которая сводится к тому, чтобы иметь крепкую, сильную и единую Красную Армию. Об этом вам напомнил в начале заседания председатель, и об этом сказал

9-й Съезд Советов, который больше всего был проникнут идеей обеспечения мира и хозяйственного развития.

Когда произносишь это слово «мир» (мы с вами не выдумали другого советского ясного слова), то не испытываешь внутренней уверенности произносить его или нет, ибо столько говорили о мире, начиная с Гогенцоллернов и их врагов, понимая под миром новые хищнические захваты в результате войны. Но нам, товарищи, нечего убеждать друг друга, мы все знаем хорошо настроения рабочей массы на фабриках и заводах, мы все прекрасно знаем настроение нашей Красной Армии.

Наша Армия больше всего хочет мира, и мы больше всего стремимся к тому, чтобы достичь таких условий, когда мы сумеем сократить нашу Армию. Даже наши враги, те, у которых есть хоть капля здравого смысла в голове (есть же среди них такие), понимают, что при действительном обеспечении мира, при действительной возможности развивать, поднимать нашу культуру нашей разоренной страны, мы с той же страстностью, с которой боролись на фронтах, займемся мирной хозяйственной работой.

Тем не менее, 9-й Съезд Советов, всецело охваченный стремлением к миру, все же указал на необходимость укрепления Красной Армии. Промежуток от 8-го до 9-го Съезда Советов был длительным периодом демобилизации, сокращения и реорганизации армии. Этому отводилось все внимание. Страна стремилась получить от армии то, в чем она нуждалась: фабрика ждала своих квалифицированных рабочих, деревня—взрослых крепких работников, партия—коммунистов, профессиональные союзы—ответственных работников, а государственные органы ждали получения тех больших, многочисленных материальных рессурсов, которые имелись в распоряжении армии, насчитывавшей 5.300.000 душ. Эта работа по сокращению и ослаблению армии закончилась целиком к моменту 9-го Съезда, и 9-й Съезд сказал: «Демобилизацию закончить, сокращение приостановить и в течение всей зимы все силы направить на укрепление боеспособности Красной Армии. И поэтому обеспечить ее всем необходимым на 100%».

Об этом сказал в своей речи тов. Ленин, об этом говорилось в резолюции по поводу доклада по военному вопросу, об этом заявили руководящие представители всех Советских Республик нашей Федерации и, наконец, в последнем принципиальном заявлении и в последнем постановлении, где обобщалась вся работа 9-го Съезда, было ясно и отчетливо сказано, что первой задачей является обеспечение армии всем необходимым на 100%.

Если, товарищи, наше Советское государство при всех тех трудностях, какими оно обременено, не всегда и не везде может удовлетворить нужды Красной Армии в полном смысле на 100%, то, во всяком случае, на 9-м Съезде родилась из нашего коллективного сознания идея более тесного сближения Советской власти с армией в центре и на местах.

Армия, которая была рождена коллективом рабочих и крестьян, которая выделилась из советского аппарата Москвы, Петрограда и провинции,

в первое время не разрывала пуповины, связывавшей ее с Советами, ибо вооруженные советские работники, в лице красноармейцев, считали, что через неделю, через месяц они вернутся к своей работе.

Но по мере того, как Красная Армия била своих врагов и гнала их все дальше от центра и все более отходила от центра к окраинам,— она все более отделялась от основных источников и очагов рабоче-крестьянской советской силы. Разумеется, она от них отделялась только материально, ибо духовно никогда не порывала с ними связи,— наоборот, она вдохновлялась ими, защищала их и для их обороны отдавала свою жизнь и кровь.

И вот теперь передышка, которая, мы надеемся, будет очень долга, которую мы хотели бы, но не надеемся иметь навсегда, позволяет вернуть наши дивизии, батареи, батальоны к центру, к советам. Мы видим, как советы, отпустивши армию на фронт, встречают ее ныне другой, она переродилась и изменила свой состав, и те закаленные питерские и московские рабочие, которые были в ней руководящими элементами, теперь составляют в ней меньшинство. Это армия молодая, составленная в значительной мере из крестьянского сырья, но, в то же время, это — армия правильно организованная, армия, у которой есть свои короткие по времени, но богатые по содержанию, революционно-боевые традиции. Армия приходит теперь к своим советам, как античный герой, который приобщался к земле, чтобы снова набраться силы.

Эта идея советского шефства, теснейшей организационной и материальной связи советов с войсковыми частями, родилась у нас почти на-днях и уже успела пустить глубокие ростки; у нас уже есть дивизии, которые гордятся именем московского Совета, которые будут сражаться под знаменем московского Совета и, если нужно, умирать.

В этом деле шефства Московский Совет, как и полагается центру, показал пример, который уже на местах приносит каждый день свои результаты. Районные и местные советы уже поднимают вопрос о том, чтобы превратить каждую казарму в уютное общежитие для молодых граждан, вооруженных винтовкой, в котором они могли бы учиться и воспитываться.

Армия есть материальное орудие всякой власти, но в буржуазном обществе армия объявляется вне политики. Наша же армия не может быть вне политики, наоборот,— она должна быть сознательным орудием рабочего класса. Там, где армия стоит вне политики, она воспринимает государственную власть, как начало, стоящее над ней, ей чуждое и повелевающее над ней с какой-то недоступной высоты. Советская же власть стоит рядом с Красной Армией, она сегодня в этом зале, она — во всех районах, в лице членов совета, работниц и крестьян, заглянет в казармы, в кухню, чисто ли и опрятно ли там готовят из тех скудных продуктов, которые может уделить армии рабоче-крестьянское государство.

И наш молодой красноармеец, который в 17-м году был юношей, чье сознание впервые пробудил гром Октябрьской революции, который

пошел на фронт и держался за Советскую власть слепо, по чувству; который видел в своей деревне только сель- или вол-советы, — теперь в городе может видеть, что такое представляет собою Советская власть. Он видит, что советская работа есть согласованная и организованная работа, что Советская власть не вне населения, а в нем самом, что Советская власть, которую он отстаивал с оружием в руках, есть власть, которая борется за форму новой жизни и новой политики.

Я думаю, что Московский Совет будет вести в течение всего нового периода самую упорную и настойчивую работу в деле сближения с армией. Недавно я писал в газете, что мы отстали в области учета и правильной хозяйственной работы. Это верно, но это вещь поправимая, мы вам обещаем учиться и исправлять наши ошибки. В течение этой зимы мы заведем порядок и то, что вы дадите армии в течение этой зимы, попадет во все более и более организованный орган Советской власти. В течение ближайшего года мы перевоспитаем нашу армию до конца. Мы сделаем ее вполне сознательной в нашей политике, какие бы перспективы ни ожидали эту армию. Если весна принесет нам мир, мы будем приветствовать его, — если нам придется драться, то мы будем драться и драться до конца. Я не сомневаюсь (и здесь нет никакой обиды другим советам), что те полки, которые пройдут школу Московского Совета, займут первые посты. Я не сомневаюсь, что те красные знамена, которые вы видите в этих залах, будут развеваться на самых опасных местах наших фронтов. Я не сомневаюсь, что отстаивая Советскую Россию и ее сердце — Москву, эти полки будут умирать с возгласом: «Да здравствует Московский Пролетариат и Московский Совет!»

По стенограмме Моссовета.

Речь

на праздновании 4-й годовщины Красной Армии на Военно-Академических Курсах высшего комсостава Р. К. К. А.

18 февраля 1922 г.

Товарищи, с большим опозданием по целому ряду причин я выступаю перед цветом нашего командного состава. Товарищи, мы переживаем сейчас, с одной стороны, предъюбилейный момент 4-й годовщины создания Красной Армии, с другой, многозначенательный момент в международном положении Советской Республики и всего мира — перед 4-й годовщиной и перед Генуэзской конференцией. Они немножко связаны, эти две даты, потому, что если мы имеем возможность сейчас отправлять в Геную делегацию, то эта заслуга той нашей корявой, бесформенной в прошлом, хаотической, мало обученной, но уже славной Красной Армии, которая страну нашу в международном отношении спасла, революцию нашу утвердила и путь на самое ответственное международное совещание открыла и проложила. Так как вы все следите за свежими известиями, то я прибавить к ним ничего не могу, ибо о предстоящей или, может быть, позвольте сказать, о непредстоящей международной конференции в Генуе, я знаю не больше, чем знает каждый из присутствующих. Если кто-нибудь думает, что есть на свете лицо, которое знает больше, чем мы с вами, тот ошибается. Международная конференция в Генуе сейчас есть некоторая идеальная точка пересечения огромного количества воль, интересов, стремлений, происков, всяких дипломатических подходов и шашней, и так как предполагается созыв 40 государств, из которых не все, правда, имеют решающее значение, и так как у всех у них свои планы и комбинации, — то совершенно очевидно, что эта идеальная точка может и не осуществиться. Одни заинтересованы в том, чтобы ее сорвать, другие заинтересованы в том, чтобы конференция осуществилась. В Англии, в лице Ллойд-Джорджа, правительство как бы связало свою судьбу с предстоящей конференцией и с ее успехом, французское правительство, нынешнее, связало свою судьбу с саботажем этой конференции. А мы, товарищи, стоим перед этой предположенной конференцией с полным спокойствием. Если она осуществится, мы примем в ее работах участие, которое не будет нам вредно. Если она не осуществится, мы скажем: подождем.

Если бы конференция осуществилась без затруднений, это обозначало бы, что они сговорились, а сговориться они могут только против

нас; это общий фронт, который есть у 39 участников против сорокового, ибо мы одни против тридцати девяти.

Если бы эта конференция осуществилась вполне гладко, подготовленная на той предконференции, репетиции, которая сейчас созывается для новой попытки удушения нас, это было бы очень печально. Но они никогда не договорятся. Они явятся туда со всей кучей антагонизмов, а мы явимся с отточенным оружием, чтобы эти антагонизмы по возможности усилить. Если у нас не будет ни одного надежного союзника, а его не будет, то по всяким вопросам мы будем иметь одного против другого. Если кто-нибудь из них сорвет эту конференцию, это значит, что мы будем договариваться не со всеми на конференции, а с разными в отдельности. Тем лучше, не мы созвали конференцию, не мы ее сорвали. Мы дожидались терпеливо, не отвечали провокацией на провокацию, но отвечали самым учтивым образом — разумеется, в пределах нашей благовоспитанности, — самыми учтивыми словами. И если сорвут эту конференцию, тогда мы будем договариваться отдельно с теми, которые не сговорились. Отсюда тоже будет некоторая выгода. Мы не теряем ни от той, ни от другой комбинации Мы ведем игру с открытыми картами и в последнем счете — без проигрыша. Если мы ведем игру на таких условиях, то это только потому, что у нас есть Красная Армия, которая уже перешла самый для себя критический период демобилизации и реорганизации. И некоторая идеальная тень этой Красной Армии — ее спектр, будет присутствовать в Генуе, если эта конференция состоится. На эту тень-спектр наши дипломаты будут вежливо, в нужную минуту, пальчиком показывать: она существует.

Один из важнейших вопросов стоит в дипломатическом мире, — это сокращение Красной Армии, разоружение народов, облегчение военного бремени. Мы готовы встать на этот путь. Милости просим! Милости просим! Разоружение или хотя бы сокращение армии? Великолепно, но для сокращения нужно иметь определенный критерий. Если вы, господа дипломаты, желаете знать наше мнение, то по этому поводу у нас есть программа, она называется Европейской, а затем и Мировой Советской Федеративной Республикой — вернейший путь к разоружению и умиротворению европейского мира, но в лице Ллойд-Джорджа, Пуанкаре, мы, так сказать, не встретим восторженных сотрудников на этом пути, о, нет! Мы можем сказать: давайте попробуем применить паллиативные меры, именно сокращение армии. Вы говорите, что Красная Армия есть угроза миру? Давайте тогда критерий, давайте тогда числовой коэффициент той армии, которая не угрожает миру. Вот вам основные данные — территория, народонаселение, давайте нам коэффициент, который определяет легальную, допустимую, законную, неугрожающую численность армии, давайте столковываться. Коэффициент будет за нас. Если они нам скажут, что мы бедны для большой армии, — мы ответим: да, мы бедны, правильно. С вашей помощью, господа французы и англичане, мы сильно обеднели, но отсюда вытекает, что военная техника у нас хуже, значит нужно брать численностью, стало

быть, нужно для нас коэффициент не понизить, а наоборот, на некоторую долю повысить. Наконец, с кем сравнивать численность армии? Если с нынешней французской республикой, то, конечно, она богаче нас. Но у французской республики была эпоха ее революционных войн, когда она была окружена происками Англии со всех сторон. И тогдашняя численность революционной армии, которая спасла Францию, если сравнить ее с нашей, оставляет еще широкий простор для увеличения нашей армии. Дайте нам критерий, дайте нам коэффициент для определения легальной, законной численности армии.

Некоторые так называемые демократы, наши меньшевики, в частности, добиваются того, чтобы в Генуе был поставлен щекотливый для нас вопрос — вопрос о Грузии. Грузия-де захвачена военной силой, и вот они потребуют увода Советских войск и свободного опроса народонаселения. Великолепная программа, мы готовы с ними и об этом побеседовать. Увод Советских войск из Грузии? Стало быть, они рассматривают Грузию, как колонию, как покоренную страну? Конечно, это вздор. Но на минуту примем их точку зрения. Давайте же выводить войска из колоний. Мы выводим из Грузии, конечно, не грузинские войска, а общероссийские, а вы выводите из Индии, из Марокко, из Туниса, из Алжира, — помните, ведь и мы немножко географии учились. Затем спросим: для чего уводить войска? Они скажут: для свободного волеизъявления грузинского народа. Но свободное волеизъявление зависит не только от присутствия или отсутствия российского войска на территории, но и от отсутствия и присутствия великобританского флота у побережья Черного моря. Когда грузинский крестьянин видит, что можно на грузинской территории высадиться десанту в любой момент с английских судов, то грузинский крестьянин, как хотите, не будет чувствовать себя в состоянии свободного волеизъявления. Какой же выход? Мы уводим войска из Грузии, например, а вы уводите флот из Черного моря. Куда? В Средиземное. Но ведь турецкие проливы теперь — это широкие ворота Англии. Так, может быть, турецкие проливы запереть для военного флота? Это, конечно, не решает вопроса, но все же некоторое приближение к решению будет. А заперевши снова проливы, не отдать ли ключ Турции? Но в конце концов — последний довод и главнейший — Грузия не есть колония. В Грузии произошло то, что и во в сей старой России. Разве советская революция произошла — по их изображению — иначе везде и всюду? Ведь мы привели в Москву латышские, китайские и башкирские войска для переворота, а в Грузию мы привели, конечно, московские войска. Если бы в Латвии произошла по законам истории советская революция, то там бы, конечно, делали ее не латыши, а уральцы. Вообще говоря, наше свойство таково, что, делая революцию, мы всегда приводим войска откуда то извне, откуда они берутся неведомым путем, и эти извне приведенные войска везде насаждают волю трудящихся масс, утверждают советский строй и прогоняют или выгоняют через батумский люк их меньшевиков, которые действительно поддерживались империалистскими

войсками извне. Таким образом, как бы данный вопрос ни повернулся, у нас будут очень веские аргументы против наших врагов. Я, признаться, очень сомневаюсь, чтобы они нашли такой коэффициент, который заставил бы нас сократить армию по сравнению с ее нынешнею численностью. И хотя сами мы этого очень хотели бы, но я совершил бы преступление, если бы позволил себе оптимистическую надежду на то, что Генуэзская конференция позволит нам дельнейшее решительное сокращение армии. Это невероятно, — не по нашей, а по их вине, — и об этом мы не раз говорили публично. Именно то обстоятельство, что в Генуе все вопросы будут поставлены точно, и нельзя будет просто их отодвигать в неопределенное будущее, а нужно будет давать ответ, да или нет, именно это обстоятельство может приблизить новые жестокие конфликты. И можно с удовлетворением и с известной гордостью сказать, что и у трудящихся масс нашей страны есть глубокий политический инстинкт, пробужденный революцией, который выражается в том повышении внимания к Красной Армии, которое мы наблюдаем сейчас. То, что делается сейчас в Москве, во всей стране, в области советского военного шефства, т.-е. установление связи советов, отдельных органов, учреждений, профессиональных союзов с частями армии, тот энтузиазм, который вызывается этим в рабочей среде, отнюдь не сентиментальной, видавшей у нас очень тяжкие виды, — это все факты огромного значения. Наша Красная Армия у этих усталых натерпевшихся масс вызывает сейчас глубочайшее внимание, которое выражается не только на собраниях, а выражается в целом ряде практических, материальных жертв со стороны советов, со стороны организованной трудящейся массы в пользу Красной Армии. Это есть факт величайшего значения. Его в Генуе учтут.

Первый период Красной Армии был периодом великих внутренних затруднений. Крестьяне только что после империалистской бойни не хотели итти в Красную Армию или шли, сомневаясь, нужно ли; да и рабочий шел без полной уверенности, и государственное принуждение играло очень значительную роль в период наших первых мобилизаций. Сейчас полная и глубокая перемена. Она объясняется тем, что сознание страны до известной степени определилось, народ отдал себе отчет в той международной обстановке, которая сложилась, и в результате Красная Армия стоит перед сознанием трудящихся масс, как необходимый и спасительный орган страны в этой труднейшей народной обстановке. Это завоевание, которое дано опытом, этот глубочайший перелом народной психологии после ужасов империалистической войны, после первой полуреволюции, после Октябрьской революции, после наших четырех фронтов или, вернее, одного кольцевого фронта, — это колоссальное завоевание народного сознания, на котором мы строим армию. Уже эту армию ничто не потрясет!

В связи со всеми условиями, товарищи, для нас получает решающее значение вопрос о повышении квалификации армии, — это основной вопрос! Чего больше всего нам не достает во всяком деле, это хорошей

пригонки части, по возможности тонкой шлифовки. Некоторые товарищи сейчас мысль направляют больше по части широких военных обобщений, по части так называемых новых объединяющих всевоенных доктрин. Я, товарищи, в этом вопросе гораздо осторожнее, я думаю, что наши обобщения и так широко охватывают — вперед лет на 15—20. Чего нам не хватает — это, чтобы каждый гвоздь входил, куда следует и как следует. В военном деле это имеет колоссальное значение — во всяком деле, а в военном тем более. Здесь у нас были нехватки, промахи, ошибки и приходилось за них в 10—100 раз больше расплачиваться, чем в каком бы то ни было другом деле. Этим я не хочу сказать, чтобы наша Красная Армия, ее Академия или ее руководящий Революционный Военный Совет собрались кому-нибудь подрезать крылья, ограничить полет творческой мысли в области военной, — нет, никогда, ни в коем случае! Кто способен на новое слово, на прозрение будущего, — каковое прозрение возможно, если твердо стоять ногами на почве опыта, — кто может предугадать новые перспективы военного дела, милости просим, мы всячески поддержим. Но у коллективного творчества военного, как и у всякого другого, действительный успех его возможен только на почве непрерывного уплотнения и уточнения приобретенных завоеваний, навыков и переработки опытов. Разумеется, отдельная мысль отдельного гениального лица в области военной может родиться по тем темным законам природы, которые еще подлежат исследованию; но повышение общего военного уровня армии — это уже другой вопрос. Тут наитием, вдохновением нельзя ничего сделать. Тут надо по зернышку, по крупице откладывать, закреплять, подымать вверх, начиная с того, чтобы всех научить грамоте, чтобы у нас не было ни одного красноармейца неграмотного, — эту задачу мы себе и поставили до первого мая; чтобы наш командный состав, наш новый кряжистый крепкий командный состав, не уставал шлифовать свое военное сознание — практически в борьбе, теоретически в промежутках перемирия. Если мне приходилось выступать против самообольщения словом «новая военная доктрина», «единая военная доктрина», то это, конечно, не значит, что я боюсь, товарищи, действительно нового слова в военном деле, — давайте его, мы все будем его приветствовать, развивать и применять. Но я пуще всего боюсь, чтобы из этого не выросло верхоглядство, которое успокаивает, усыпляет звонкими словами и позволяет людям не учиться только потому, что им кто-то обещал вынуть из жилетного кармана военную доктрину, не то в 24 дня, не то в 24 часа, — новое откровение, всеспасающую новую доктрину. Нет, она только тогда сложится, если мы усвоили твердо, утрамбовали в своем сознании то, что сделано до сего дня, что добыто военным опытом в самом широком смысле слова. Если мы не обязаны обращаться к Пуническим войнам, то наши гражданские войны и последнюю империалистическую войну мы должны знать, как следует.

Тот факт, что на этих Военно-Академических Курсах я вижу, в качестве учащихся, старых товарищей, с которыми я встречался и на севере,

и на юге, на востоке и на западе, которые командовали у нас дивизиями, бригадами и даже армиями, показывает, что опасность усыпления, опасность дешевого самоудовлетворения нам не так уж страшна, и тем самым духовного принижения армии не будет.

Мы пережили первый период — это был период самой хаотической импровизации — первый год. Второй и третий года — период самой отчаянной борьбы на всех фронтах, при помощи тех более или менее крепких и пригодных частей, которые были созданы путем этой первоначальной импровизации и которые в борьбе улучшались. Четвертый год был годом нашей реорганизации, демобилизации, годом очень болезненных внутренних операций самой армии. И пятый год, если мы не будем воевать, будет годом учебы, подготовки, повышения квалификации, уточнения, пригонки, шлифовки. Только так мы будем подыматься вверх.

Заканчивая, я выражаю свою величайшую и искреннейшую радость по поводу того, что вот закаленные воины революции, дивизионные, бригадные командиры, ведшие нашу славную Красную Армию в труднейших условиях и награжденные Советской Республикой Красным Знаменем, — сколько их награжденных неоднократно здесь сидит! — что вот эти крепкие красные бойцы, революционные волкодавы, что они в свободную минуту явились учиться. Это есть подлинное общественное мнение Красной Армии. Всякому, кто захочет сказать новое слово в военной области, мы на слово не поверим, а скажем: докажи. Мы учимся на опыте, а не только по книжкам, докажи, свяжи с опытом, ибо верхоглядство в военной области — самый страшный враг. И вы, цвет нашего командного состава, вы, соль нашей Красной Армии, вы этому верхоглядству в наших рядах места не дадите. Пятый год будет годом трудолюбивой, упорной, настойчивой и честной учебы.

Да здравствует же наша военная учеба, да здравствует цвет нашего командного состава, наши Высшие Академические Курсы и да здравствует наша Красная Армия!

«Военная Наука и Революция»,
1922 г., № 1.

«Слушай, готовься, Красная Армия!»

Речь на торжественном заседании Московского Совета, посвященном 4-й годовщине Красной Армии

от 23 февраля 1922 г.

Товарищи! Мы приурочиваем годовщину Красной Армии к сегодняшнему числу, так как декрет о создании Красной Армии вышел ровно 4 года тому назад. Но на самом деле Красная Армия родилась вместе с революционным пролетариатом в тот момент, в тот неизвестный час, когда первый революционный рабочий взял в руку револьвер, — да что револьвер — палку или камень! — чтобы запустить им в голову царизма и буржуазии, — с сознанием того, что он борется за судьбу не только свою, но и за судьбу всего рабочего класса. Этот первый момент, которого мы никогда не установим и которого не установит никакой историк, — был моментом действительного рождения Красной Армии. Этого не понимают и никогда не поймут мироточивые пацифисты.

Красная Армия является организованным и вооруженным олицетворением пролетарской революции. Мне как раз сегодня попалась статья одного иностранного социалиста, который считает себя даже коммунистом. Он проповедует, что борьба против милитаризма никогда не должна прекращаться, под каким бы защитным цветом этот милитаризм ни выступал. Освобождения пролетариата, уверяет он, можно достигнуть только солидарностью, а не насилием, не кровопролитием, не «методами милитаризма». Такого рода предрассудок, достойный самого жалкого толстовца, еще находит приют в головах некоторых людей, считающих себя революционерами. Для нас, проделавших революцию, не может быть речи о том, чтобы охватывать одним понятием милитаризма военную систему буржуазии и Красную Армию. Для нас армия есть организованная вооруженная часть рабочего класса, который борется за власть, взял власть и отстаивает ее.

За все четыре года история Красной Армии была историей борющегося рабочего класса. Первый период этой истории состоял из торопливых, лихорадочных и часто беспомощных попыток вооружить передовые отряды рабочего класса. Я вспоминаю, как в момент перерыва Брест-Литовских переговоров и нового наступления германского империализма [9] московских и петроградских рабочих охватил боевой энтузиазм. Мы получили телеграфные сообщения от тов. Муралова о том, что рабочие со всех сторон требуют вооружения, что всюду наспех формируются революционные

полки. А когда мы через неделю подсчитали силы, которые нам удалось создать, то получилась ничтожная жалкая цифра, — даже не тысячи, а почти-что сотни.

И весь первый год прошел в таких попытках, которые расширялись концентрическими кругами; мы строили отряды под ударами врагов, мы делали много ошибок, кидались между двумя крайностями — от попыток воспроизвести целиком то, что было вчера, т.-е. отлить новое содержание в старую готовую привычную форму, — к порыву создать в кратчайший срок такую армию, которой и свет не видывал: обратить ее недостатки, ее военное невежество и неосведомленность, ее неорганизованность — в ни весть какие революционные преимущества. Впрочем, это колебание между рутинерством, между оглядкой назад и, скажу я, революционным верхоглядством — неизбежно в такую эпоху крутого перелома, как наша.

Однако, этими наспех организованными отрядами мы дрались. Бывали битвы, когда — очень часто — мы защищали все бреши на нашем фронте лучшими рабочими элементами Петрограда и Москвы, рабочими Иваново-Вознесенска, рабочими Донецкого бассейна, рабочими Урала.

Мы открыли настоящее заседание чествованием памяти погибших. Когда-нибудь мы соберем их имена, запишем и подсчитаем, сколько драгоценных лучших человеческих жизней, сколько энтузиазма, сколько способностей и самоотверженности легло на разных этапах нашей суровой борьбы с врагами, которые были лучше нашего организованы, вооружены и обучены.

Оглядываясь назад и исходя из того опыта, который мы приобрели, иной раз говоришь себе: «Да как вообще мы могли победить с теми силами, какие были у нас в 1918 году!» Армия наша была слаба численно, плохо организована, — и если мы победили, то только потому, что это была не «армия» в привычном смысле слова, а воплощение революционного рабочего класса. Именно потому, что революция рабочего класса являлась носительницей новой идеи против старой, ее враги не могли устоять. Революция непрерывно расширяла свой базис: несмотря на все шатания и колебания крестьянских масс, революция неизменно охватывала их и закрепляла за собой.

В 1919 и 1920 гг. мы сражались, имея уже лучшее орудие борьбы. Но в этот период мы рассчитывали на то, что наша борьба на фронтах сольется не сегодня-завтра с фронтами, которые пройдут по телу Европы к западу от нас, — которые пройдут, как мы были убеждены, через всю Европу. Мы надеялись на то, что война, которую мы вели, сольется с пролетарской революцией на Западе в ближайшие месяцы, а может быть недели.

Недели проходили за неделями, месяцы за месяцами, — и вот уже прошло четыре года. Красная Армия существует, однако, революция в Западной Европе развивается несравненно медленнее, чем мы надеялись четыре-пять лет тому назад. Революция, конечно, развивается, и те

доклады, которые на конференции нашего Интернационала сделали наиболее ответственные вожди братских партий, свидетельствуют о том, что Интернационал твердо и уверенно идет вперед, и что буржуазия месяц за месяцем все более приближается к пропасти. Но слишком крепко сколочен железный ящик буржуазного общества на Западе и слишком медленно он разрушается. Когда его составные части уже расшатаны, когда кажется, что вот-вот, не хватает только одного толчка, и все распадется, — оказывается, что в этом крепком, многовековом строении есть еще достаточно инерции, есть еще достаточно консерватизма, который заменяет живую связь — и старое здание продолжает держаться, и требуются новые усилия, новый напор со стороны рабочего класса.

Строительство нашей Красной Армии нам пришлось применить к этим новым условиям международной обстановки. В расчете на то, что революция может затянуться, мы оказались вынуждены, во-первых, искать соглашения по практическим вопросам с буржуазными правительствами, которые существуют сегодня.

Во-вторых, мы оказались вынуждены использовать данную нам, хотя и не желанную «передышку» между русской революцией и революцией мировой для того, чтобы Красную Армию упрочить, усилить, организовать и обучить.

Из опыта этих лет мы научились ценить творческую силу революции. Мы знаем, что революция совершает чудеса, что она поднимает угнетенные слои народа и дает им возможность приложить свои руки к строительству своей судьбы; но в то же время мы бесконечно далеки от революционной надутости, от революционного самомнения, от революционного бахвальства, которое думает, что достаточно установить революционный режим, чтобы все вопросы были разрешены. Революционный режим есть только подпорка для новой культуры. Чтобы строить новую культуру, нужно учиться возводить новое здание по камешку, по кирпичу. И к армии это относится целиком.

Если мы неизменно выходили победителями из борьбы с белыми бандами, то при столкновении с более высокой техникой, с более высоким руководством, с более правильной организацией, борьба будет труднее. Мы уже научены теперь говорить самим себе правду. Неудач у нас было столько же, сколько было и побед. То, что мы одержали столько побед, свидетельствует о нашей большой силе: о том, что наша Красная Армия была составлена из такого материала, какого нет ни у одного буржуазного государства во всем свете. Но несмотря на это, все наши усилия должны быть направлены к тому, чтобы грубый сруб нашего здания превратить в настоящий дом, — в такой дом, в котором стены были бы выведены правильно, который был бы как следует покрыт и застеклен. И эту тщательную работу надо сделать теперь, если мы не могли сделать это в первые годы борьбы.

Правда, мы теперь едем на Генуэзскую конференцию мириться. — Едем-то едем, но пока никак не доедем. Нашим товарищам-дипломатам,

кажется, придется не торопиться покупать билеты до Генуи, потому что буржуазия, судя по телеграммам, которые помещены в наших газетах, в своих поисках за «экономическим равновесием» нарушает это равновесие то в одной, то в другой точке. Во Франции правительство, участвовавшее в решении о Генуе, теперь положено на спину: Бриана сменил Пуанкаре. Нас пригласили в Италию, — но не успело итальянское правительство Бономи сделать своего широкого жеста гостеприимства, как оно тоже оказалось на обеих лопатках [10]. Затем, есть сведения относительно того, что Ллойд-Джордж очень устал. Конечно, должность его очень и очень утомительная, но все-таки странно, что усталость его усилилась как раз к моменту Генуэзской конференции. Означает ли все это, что у правящих классов по мере приближения Генуэзской конференции берут верх те элементы, которые не хотят вступить в соглашение с нами и которые решили связать свою судьбу с судьбой новой интервенции, о которой говорится в эмигрантских подворотнях заграницей, относительно которой сведения проникают в белую русскую печать и о которой мы получаем извещения от наших заграничных друзей?.. Как бы то ни было, эти учащающиеся слухи о новой интервенции и предположения наших более близких или более далеких соседей соединяются в угрозу по нашему адресу. Однако, эта угроза не из таких, которая могла бы вызвать у нас панику: как бы искусно ни распланировали свои замыслы наши враги, но ведь и мы стали сильнее, — ведь мы стали умнее решительно во всех отношениях.

Пусть революционное движение недостаточно мощно, чтобы свергнуть буржуазию сегодня, но оно все же достаточно сильно, чтобы дать этой буржуазии определенный чувствительный толчок. Судьба Советской России снова взвешивается на больших мировых весах. И если сегодня одна чаша весов качается над Генуей, то вторая чаша — и чаша кровавая — в последний момент может оказаться ближе к нам.

Вот почему в центрах и в армии мы наблюдаем такое напряжение. Еще полгода — особенно месяцев девять тому назад — замечалось у нас стремление отобрать от Красной Армии возможно больше сил, возможно больше средств. Это было вполне понятное стремление; оно было реакцией после страшного напряжения, продолжавшегося в течение трех лет. В нынешний месяц, в месяц усиленных разговоров о нашем признании и переговоров о Генуэзской конференции, мы наблюдаем другое. Мы наблюдаем движение братания трудящихся с армией, шефства советов, профсоюзов, отдельных учреждений над красными частями. Когда мы выдвигали мысль о приписке воинских частей к советам, то ни у кого из нас и в отдельной степени не было надежды на то, что это движение так быстро разовьется и даст в ближайшие же недели такие прекрасные результаты.

Что означает тот факт, что отдельные советы, отдельные заводы, отдельные учреждения и союзы спешат «усыновить», приблизить к себе

и приголубить ту или другую часть? Это означает, что в трудящемся русском народе революция пробудила подлинный безошибочный инстинкт революционной государственности. Это означает, что московский пролетарий и московская пролетарка из наших разрозненных речей, статей и телеграфных сообщений, из всей обстановки и окружающей атмосферы всасывают в себя такой вывод: борьба исторических сил пересекается сейчас в некоем критическом пункте, и этот критический пункт в такой же мере может оказаться признанием Советской России, т.-е. новой длительной передышкой для нее, как и новым ударом, новой кровавой борьбой — более тяжкой и более решающей, чем все войны, которые мы оставили позади.

Мало того: революционный государственный инстинкт подсказывает нашим пролетариям и пролеткам, что чем больше будет шансов отвести весною кровавую чашу новой войны, тем отчетливее и резче тень Красной Армии будет вырисовываться на дипломатическом экране в Генуе.

Наши дипломаты, революционные представители Советской Республики, должны иметь внутреннюю уверенность в том, что их решения будут поддержаны всеми рабочими и крестьянами России. И если они скажут: «на такие-то уступки мы не пойдем»,— то это будет значить, что весь рабочий класс и все крестьянство скажут вслед за ними решительно «нет». Но мало сказать «нет». Нужно уметь свое «нет» оборонить от тех, которые хотят нам в горло вбить свое «да». Когда мы отвергнем недопустимые домогательства империалистов, то мы сделаем это, опираясь не только на революционное сознание, которым мы были вооружены,— увы, только им!— в Брест-Литовске,— нет, мы будем твердо знать, что за нами — организация, опыт и оружие Красной Армии.

Мы хотели бы, чтобы Генуэзская конференция произошла как можно скорее. Мы заинтересованы в установлении нормальных, правильных экономических отношений. Но если ее отсрочат, мы времени даром не потеряем. Отсрочка конференции означает временную победу интервенционистских элементов буржуазии,— означает тем самым усиление опасности и требует от нас сугубой предосторожности и сугубой подготовки. Поэтому мы говорим: Красная Армия, каждая неделя отсрочки Генуэзской конференции да будет неделей твоей учебы и твоей подготовки! — Мы не потеряем времени даром: то время, которое нас заставят потерять на поле дипломатии, мы используем на поле организации и укрепления Красной Армии. И равнодействующая в этом параллелограме сил будет в нашу пользу.

Наша подготовка,— мы об этом говорили не раз, и это подтвердил IX Съезд советов,— есть прежде всего подготовка в солдате революционного гражданина. Необходимо поднять нашу военную молодежь на более высокую ступень и, прежде всего, избавить ее решительно и окончательно от позорного и постыдного пятна безграмотности. В Красной Армии к 1-му мая сего года не должно быть ни одного безграмотного солдата... Вы, Московский Совет, вы, районные Советы, вы, представители заводов и

фабрик, вы, усыновившие полки, бригады, школы,—Красная Армия просит вас, Красная Армия ждет от вас, что вы не допустите, чтобы в усыновленной вами большой семье, среди ваших «сыновей» были неграмотные. Вы им дадите учителей, вы поможете им овладеть элементарными техническими средствами, при помощи которых человек может стать сознательным гражданином.

Грамота далеко еще не все. Грамота — это только чистые стекла на весь мир, возможность оглядеться, понять, узнать. Эту возможность мы должны дать — и дадим прежде всего.

Нужно дать затем каждому красноармейцу ясное и точное понятие о наших врагах и друзьях, рассказать ему об этом простыми и ясными словами, какими и нужно говорить с рабоче-крестьянской молодежью, не имеющей политического опыта.

Нужно приучить нашего красноармейца смотреть на весь мир ясным, свободным и смелым революционным взглядом. Все старые предрассудки, внушения знахарей и попов всех религий должны встретить ясную и отчетливую критику на честном, открытом языке материалистической науки.

Так каждый воин — рабочий и крестьянин, должен знать и понимать, что в основе мира лежит закон изменения материи, что все живущее есть продукт длинного процесса изменений, что человек имеет за собой необозримый ряд предков, упирающихся в первый элементарный животный организм и, что этот человек в дальнейшем развитии взял в руки свою собственную судьбу, что он идет вперед, открывает новые миры, сбрасывает с небесных и земных тронов всех повелителей и говорит: «Нет, мне не надо господ повелителей, — я организованный в социализме человек, я хозяин и повелитель вселенной...»

Вот эту гордость, это революционное сознание, которое отрывает пуповину старых предрассудков, — это гордое сознание мы должны дать красноармейцу всех категорий — не насильственно, а путем разумной, настойчивой и научной пропаганды.

Другая наша задача состоит в том, чтобы наша армия относилась к военному делу, как к сложному искусству, которое требует изучения,— усвоения навыков, повторения опытов, критики и неустанной работы над собой. Наш пятый год будет годом нашей учебы. С тем же энтузиазмом, самоотверженностью, добросовестностью, с которой передовые рабочие и шедшие за ними крестьяне сражались и умирали на фронтах гражданской войны, мы будем в ближайшие месяцы овладевать наиболее правильными военными методами, военной организацией, техникой, тактическими и стратегическими приемами.

Никаких самообольщений, никаких иллюзий! История может поставить перед нами задачу величайшей трудности: может наступить момент — и в самое ближайшее время — когда размах революционного движения на Западе будет еще недостаточно силен для того, чтобы сразу опрокинуть буржуазное общество, а буржуазия, чувствуя близость решающего штурма,

сделает последнюю отчаянную попытку задушить русское гнездо мировой революции. В два-три месяца могут произойти события величайшей важности. Конечно, в последнем счете история все поправит, пролетариат победит,—потому что, если бы буржуазии удалось пройтись чугунным катком в последний час своей собственной жизни по Советской Республике, то это означало бы всетаки не гибель социальной революции, а только гибель наших нынешних Советов, и мы знаем, что потом на наших костях поднялось бы новое поколение, которое продолжало бы бороться за наше дело.

Конечно, если в Германии или во Франции развернется победоносная пролетарская революция, прежде чем буржуазия успеет сделать последнюю попытку, чтобы напасть на нас,—тем лучше. Однако, и тогда я думаю Красная Армия не окажется излишней. Но зато, если революция запоздает, и буржуазия поторопится ее предупредить, мы будем иметь армию, материально и нравственно укрепленную, поголовно усыновленную не только рабочим классом в целом, но и в частях, отдельными рабочими организациями,—армию, которая все опыты своей четырехлетней борьбы учла, впитала в себя, очистилась от ошибок,—армию, которая стала сильнее, чем была.

Вот почему симптомом огромной, революционно-исторической важности является тот подъем интереса, внимания, любви к Красной Армии, который мы наблюдаем здесь в Москве в последнее время, и одним из выражений которого является наше сегодняшнее торжественное заседание. Это внимание трудящихся налагает на нас, работников военного ведомства, двойные, десятерные обязанности.

Вы, товарищи, представители частей Москвы, как и все военные работники всей России, вы все должны сказать себе, что это новое, повторное усыновление рабочим классом своей Красной Армии требует от Армии, чтобы она была достойна усыновившего ее отца во всех отношениях. А это значит, прежде всего, что Красная Армия должна добросовестно относиться к своим обязанностям во всех мелочах. Это значит, что там, где сделано топором, надо обтесать, обточить как можно аккуратнее и лучше. Это значит—помнить, что в военном деле нет мелочей, нет неважного, нет пустяков. Ибо из мелочей, из деталей, из мнимых «пустяков» слагается победа или поражение,—а мы хотим победы.

Товарищи! В день четвертой годовщины мы твердо решаем готовиться к новой борьбе, если нам навяжут борьбу, а, по всем данным, этого не миновать. Ибо до окончания тяжбы труда и капитала еще очень далеко. Буржуазия не оставит нас в покое. А раз не миновать, раз придется драться, то мы будем драться как следует... и в день четвертой нашей годовщины, здесь, от имени Московского Совета, мы должны кликнуть клич Красной Армии по всей стране:

— Слушай, готовься! Готовься к борьбе и готовься к победе! Московский пролетариат—глава и сердце пролетариата России—с тобой, Красная Армия!

По стенограмме Моссовета.

Приказ

Председателя Революционного Военного Совета Республики по Красной Армии и Красному Флоту

28 февраля 1922 г. № 268-а, г. Москва.

Генуэзская конференция отсрочена.

Красная Армия и Красный флот с величайшим вниманием следили за всеми предварительными переговорами по поводу международной конференции. Рабочие и крестьяне в армии, как и вне армии, рассчитывали на то, что в Генуе удастся, может быть, достигнуть практического соглашения с буржуазными государствами, обезопасить советские границы и сосредоточить силы на мирном труде. В частности и в особенности, вся страна и с нею вместе Красная Армия надеялись на возможность дальнейшего сокращения вооруженных сил республики и дальнейшего увольнения старших возрастов.

Этим расчетам и надеждам нанесен сейчас правительствами Антанты новый удар. Те самые правительства победоносных стран, которые разослали приглашения на конференцию и сами назначили для нее срок, теперь явно начинают срывать ее.

Вместе с тем отовсюду идут слухи и сведения о том, что белогвардейцы во всех концах света снова зашевелились в виду приближения весны. Снова поднимается речь о вторжениях банд, о десантах, о взрывах складов, о поджогах и об убийствах.

Советская дипломатия прилагает попрежнему все усилия к тому, чтобы добиться созыва конфереции, дабы на самой конференции достигнуть практического соглашения, а следовательно и возможности дальнейшего решительного сокращения военного бремени. Но при положении, создаваемом странами Антанты, у нас сейчас нет и не может быть ни малейшей уверенности относительно действительной безопасности наших границ.

Посему приказываю:

разъяснить каждому красноармейцу и военному моряку сущность и смысл создавшегося международного положения;

командному и комиссарскому составу проявлять высшую бдительность;

вести напряженную работу по подготовке войск;

твердо помнить, что действительная независимость Советской Федерации и неприкосновенность ее социалистического строительства зависят от сознательности, сплоченности и мужества Красной Армии и Красного Флота.

Япония в Генуе и Владивостоке.

Японское правительство представлено в Генуе. Оно там собирается устраивать мир и благополучие Европы и всего мира. В то же время оно представлено во Владивостоке. Оно держит свои войска на земле русских рабочих и крестьян под тем предлогом, что там недостаточно ограждены порядок и цивилизация. Во имя порядка и цивилизации, японское правительство поддерживает на Дальнем Востоке развращенных бандитов, атаманов, подкупных главарей черных шаек, науськивает их на трудовое русское население, вооружает, питает и ограждает их от вооруженного отпора рабочих и крестьян. Такой режим бесчестия и подлости тянется уже годами. Искусственно поддерживая кровавую анархию на Дальнем Востоке, японское правительство создает этим мотивы для дальнейшего сохранения своих частей на земле русских рабочих и крестьян, а затем, при помощи этих частей, поддерживает и углубляет кровавую анархию. К этому еще нужно прибавить, что Дальне-Восточная Республика управляется методами формальной демократии, а Япония представляет собою бюрократический абсолютизм, основанный на режиме каст. Вот благодарная тема для размышлений как генуэзских дипломатов, так и дипломатов Второго и Двух-с-половинного Интернационалов.

Войска Дальне-Восточной Республики снова разбили белых — в который уже раз — и неудержимо — шли вперед, очищая от остатков посланных Японией белогвардейских банд русскую территорию. Но тут из-за кулис выступили японские войска. Несмотря на то, что со стороны Дальне-Восточной армии они были предупреждены: 1) о предстоящем продвижении революционной армии, и 2) о том, что эта армия ни в каком случае не намерена открывать враждебные действия против японских войск, — эти последние открыли бешеный огонь из винтовок, пулеметов и орудий. Революционные войска отступили без единого выстрела, потеряв 30 человек убитыми и ранеными [11].

Во имя поддержания порядка, демократии, цивилизации, войска Японии, т.-е. кастовой монархии, на русской почве, на почве маленькой демократической республики, снова убили тридцать русских крестьян и рабочих. Мы это запишем в счет. И этот счет мы предъявим. Раньше или позже. В Генуе или в другом месте.

11 апреля 1922 г.

«Известия ВЦИК», № 82.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики по Красной Армии и Красному Флоту

13 апреля 1922 г. № 271, г. Москва.

Прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, командах, на судах.

10 апреля с. г. открылась в Генуе международная конференция, на которой представители рабоче-крестьянской России ведут переговоры с представителями буржуазных государств об установлении мирных, деловых и, в частности, правильных торговых отношений. Глава советской делегации т. Чичерин на первом же заседании предложил всем государствам всеобщее разоружение. Представитель французской капиталистической республики Барту немедленно же выступил против советского предложения, заявив, что, если бы оно было поставлено на обсуждение, то французская делегация покинула бы конференцию. Представитель Великобритании Ллойд-Джордж предложил не ставить вопроса о разоружении. Вопрос пока снят. Более того: буржуазные телеграфные агентства попытались замолчать самое предложение т. Чичерина.

Что означает предложение советской делегации? Оно означает, что мы искренно хотим мира и готовы разоружиться при условии, если одновременно с нами разоружатся и те, кто нападали на нас до сих пор. Что означает отказ капиталистической Франции от обсуждения нашего предложения? Отказ означает, что капиталистические страны и, прежде всего, победоносная Франция хотят сохранить в своих руках могущественное оружие для подавления и угнетения слабых и безоружных.

Солдаты Красной Армии! Моряки Красного Флота! Мы желаем полного успеха мирных начинаний нашего представительства. Мы надеемся, что народы Европы заставят своих воинственных буржуазных повелителей внимательно прислушаться к требованию мира между народами. Но пока буржуазные правительства на наше предложение всеобщего разоружения отвечают категорическим отказом, каждый из нас будет несокрушимо стоять на своем боевом посту.

Приказ

Председателя Революционного Военного Совета Республики

14 апреля 1922 г., № 272, г. Москва.

„Порох держать сухим!“.

Сообщается для сведения приказ Реввоенсовету Кавказского Военного Округа и Реввоенсовету Кавказской Отдельной Армии:

На совещании трех Интернационалов в Берлине[12] социал-демократы, бывшие и сущие министры буржуазных правительств и неизменные агенты буржуазии, подняли вопрос о восстановлении в Грузии власти меньшевиков, т. е. мелкобуржуазной агентуры англо-французского капитала. Вслед за этим, официальный дипломатический представитель капиталистической Франции, г. Барту, поставил в Генуе вопрос о приглашении на международную конференцию бывшей французской агентуры в Грузии, в лице правительства Жордания. Эти факты свидетельствуют о том, что европейская, в особенности французская, биржа стремится во что бы то ни стало проложить себе путь к богатствам Кавказа и, в особенности, к бакинской нефти. Опыт прошлого свидетельствует, что, вслед за демократическими выступлениями европейских дипломатов, следуют обычно военные вторжения Врангеля и других наемников капитала.

Посему приказываю:

1. Разъяснить каждому красноармейцу возможные последствия наглой интервенции французской дипломатии.
2. Удвоить бдительность и порох держать сухим.

Речь

на параде на Красной площади

1-го мая 1922 г.

Товарищи красноармейцы, командиры, комиссары и вы все—представители рабоче-трудящейся России!

Сегодня наш воинский праздник совпадает с великим праздником мирового рабочего класса. Сегодня, в день 1 мая, мы — Красная Армия, в первый раз все в одно время приносим торжественную присягу рабочему классу нашей страны и всего мира.

Красная армия существует столько, сколько существует и вся Советская Россия. Наша красная присяга создана с первых недель существования Красной Армии. Но нам некогда было даже принять единодушно нашу революционную клятву в верности рабочему классу. Мы присягали на фронтах, в жарких боях с врагами трудящихся—наемниками капиталистов. И в этих боях, которые отстояли и спасли Советскую Россию и память о которых перейдет из века в век и из рода в род, закалилась Красная Армия — вооруженная сила всего мира.

Нас призвали в далекую Геную — на переговоры, которые оказались торжищем. Нам предлагали заплатить старые царские долги, т.-е. за кровь рабочих и крестьян, погибавших во времена царизма, за торжество английского и французского капитала. С нас требовали плату за фабрики, заводы и земли, принадлежавшие когда-то иностранцам, грабившим русских рабочих и крестьян. Нам сказали, что готовы нас признать, если мы заплатим два выкупа—за царя и за революцию, если мы согласимся стать не Советской Россией, а кабальной Россией—рабыней капитала.

Мы ответили — «Нет! Россия, в лице рабочих и крестьян, проливала кровь не для того, чтобы стать рабыней».

Мы предлагали договор на общих правах и всеобщее разоружение, предлагали жить в мирном труде. Они отказались, и показали этим, что их мысли проникнуты дальнейшими кровавыми замыслами.

И сегодня, в день 1 мая, мы — Московский гарнизон пред лицом Московского Совета, представителей центральных учреждений Республики и вождей рабочего класса России и всего мира, собрались на эту Красную площадь, чтобы заявить, что мы — солдаты и рабочие крестьянской России мирного революционного труда — глядели туда, в сторону Генуи с надеждой, но и с законным недоверием. Теперь, надежды стало меньше, недоверия

больше. И здесь, пред лицом представителей трудящихся, мы принесем сейчас наше торжественное обещание, нашу революционную красную клятву в том, что мы остаемся и будем вооруженной рукой рабочего класса, будем верны ему до конца, до последней капли нашей крови.

Я призываю вас, товарищи, принять эту присягу с чистыми мыслями о ее величайших задачах и целях [13].

«Известия ВЦИК» № 96.

Из бесед

с представителями иностранной печати о Генуэзской и Гаагской конференциях.

I

Генуя показала, что виднейшие дипломаты Европы не понимают нынешнего положения вещей, если думают, что русская рабочая революция не открыла собой новой мировой исторической эпохи, а является только ординарным событием, которое можно устранить силою оружия или убеждения.

В Генуе хотят навязать нам изменение форм собственности, установленных рабочим классом, и возвратить нас к старой форме. Это равносильно тому, если бы мы потребовали в Генуе, чтобы европейские капиталисты изменили свои формы собственности и отдали заводы и шахты в коллективное пользование рабочему классу.

В Генуе спорят две формы собственности. Отдельные сделки между ними возможны, только не путем изменения принципов, а путем практических комбинаций, основанных на интересах обеих сторон. Если в Генуе задача не будет решена, экономическое положение Советской России в дальнейшем будет восстанавливаться гораздо медленнее, а экономическое разрушение Европы будет итти гораздо скорее.

Что касается Франции, то она приближается к величайшей в мире катастрофе, которая начнется с финансового кризиса. Французская политика — это политика отчаяния. Никто ни в коем случае не может следовать ей.

Америка остается в стороне от конференции. Этим она получает возможность лучшей ориентации и лучшего решения вопроса. Она, конечно, не может итти по линии тех советов, которые пытается давать Юз, т.-е. диктовки нам тех форм собственности и законов, которые мы должны принять в нашей стране. Не для этих советов и указаний мы шли в Геную, не для них мы пойдем и через океан.

Я все-таки надеюсь на победу здравого смысла, прежде всего, в Америке, а затем и в Европе. Генуя не последнее слово в переговорах. В случае перерыва Генуэзской конференции, наступит некоторый промежуток в переговорах, после чего, я надеюсь, они возобновятся в более энергичном и деловом тоне.

Я полагаю, что неудача Генуи не означает начала военных действий против нас. Мы предложили разоружение, но встретили отказ. Вместо

этого нам предложено выплатить громадные суммы иностранным капиталистам, которые нажили свое состояние на эксплоатации труда русского рабочего. Мы отказались.

Можно ли себе представить, что какое-либо правительство одержит победу, если бросит на нас свои войска, чтобы наказать нас за то, что мы хотим мира и не хотим платить контрибуцию иностранным капиталистам? Я не верю в интервенцию, но если она придет, то Красная Армия выполнит свой долг.

«Правда»,
7 мая 1922 г. № 100.

II

— Увеличились ли шансы успеха Генуэзской конференции?

— Если Генуэзская конференция хотя частично воспримет предложения советской делегации и попытается создать гарантии взаимного ненападения и максимального сокращения вооружений — это будет крупным шагом вперед. Можно не сомневаться, что деловые финансово-промышленные соглашения последуют за этим сами собой, хотя бы и не в Генуе.

— Возможно ли соглашение России с группой стран Антанты, за исключением Франции и Бельгии?

— Если правительство Ллойд-Джорджа и итальянское правительство отделят вопрос об умиротворении Европы и облегчении бремени вооружений от финансовых притязаний г. Уркарта и др. капиталистов [14], то достижение соглашения, в пределах основного глубокого различия мировоззрения и систем собственности, вполне возможно и желательно.

— По какому пути для достижения соглашения с европейскими странами и Америкой пойдет Советское правительство в случае неудачи Генуэзской конференции?

— По пути строгого и полного выполнения принятых на себя международных обязательств и осуществления на деле возвещенных гарантий частной хозяйственной инициативы во внутренней жизни страны, с одной стороны; с другой стороны, путем твердого разъяснения на опыте европейскому и американскому капиталу, что Советская республика есть незыблемый факт, что она построена на своих методах, на своих принципах, с которыми нужно считаться и к которым нужно приспособляться.

— Является ли русско-германский договор союзом России с Германией в противовес другим группировкам европейских стран? [15]

— Германия отделена от Советской республики тем же основным противоречием систем собственности, что и страны Антанты. Этим исключается возможность говорить о Рапальском договоре, как о каком-то оборонительно-наступательном союзе в противовес другим государствам. Дело идет о восстановлении элементарнейших межгосударственных и хозяй-

ственных отношений. На принципах Раппальского договора Советская Россия готова подписать сегодня же договор с любой другой страной.

Разговоры о тайном соглашении, о военной конвенции представляют собой явный вздор, которому вряд ли кто-либо и придает серьезное значение.

— Существуют ли симптомы, которые указывали бы на возможность новой войны, новой интервенции со стороны Франции и ее вассалов, Польши и Румынии, в случае неудачи Генуэзской конференции?

— Я не верю в возможность новой интервенции. Правда, в попытках русской контр-революционной эмиграции, в союзе с наиболее империалистическими элементами Польши, Румынии, Юго-Славии, перейти к активным действиям недостатка нет. Но так как программа Советской России после Генуи будет ясна народам Европы и нашим ближайшим соседям, то я не думаю, чтобы в Варшаве, в Бухаресте или Белграде не нашлось необходимого минимума здравого смысла для того, чтобы дать отпор авантюристам.

— В какой степени заинтересовано Советское правительство в соглашении с правительством Соединенных Штатов? В частности, возможно ли предоставление американским гражданам льготных концессий в Сибири, в противовес японским домогательствам?

— Соединенные Штаты являются самой экономически обеспеченной и богатой страной, поэтому Россия более всего заинтересована в хозяйственном соглашении с ними. Американская экспансия в России может иметь торгово-промышленный характер. Японская экспансия имеет и стремится сохранить военно-насильственный характер. Совершенно ясно, что мы заинтересованы в экономическом соглашении с Соединенными Штатами как с точки зрения интересов нашего хозяйства, так и с точки зрения дополнительных гарантий против чисто захватной разбойнической политики японских правящих клик.

— Какое значение вы придаете недавнему заявлению президента Гардинга, высказавшегося за признание Советской России?

— Я хотел бы понимать заявление президента Гардинга в том смысле, что традиции вильсонизма в русском вопросе ликвидируются, и что американское правительство хочет трезво считаться с реальным положением вещей в России. Если этот психологический перелом налицо, тогда соглашение обеспечено.

— Насколько обоснованы слухи о переговорах, которые русское правительство, якобы, ведет с английскими предпринимателями о предоставлении им концессий на русские нефтяные промыслы?

— Я не осведомлен конкретно об этих переговорах, но не сомневаюсь, что наши нефтяные ресурсы представляют собой огромнейшее поле для приложения иностранных капиталов как в области рациональной эксплоатации, так и в области дальнейших изысканий. Ведение этих переговоров находится в руках Наркомвнешторга Красина. Какую роль в дан-

ный момент в этих переговорах играют английские предприниматели, в точности сказать не могу. Но не сомневаюсь, что если бы Ллойд-Джордж окончательно сошел с почвы ультиматумов Уркарта и обеспечил успех военно-политического соглашения, экономические переговоры последовали бы немедленно, и одно из первых мест в этих переговорах заняла бы нефтяная промышленность Советской Федерации.

«Известия ВЦИК»,
18 мая 1922 г., № 109

III

— Вы сообщаете, что начальник польского генерального штаба генерал Сикорский развил вам теорию, в силу которой сокращение нашей армии означает вместе с тем возрастающую угрозу Европе и всему миру.

Я ничего не могу сказать по поводу этой остроумной теории до ее обнародования и обоснования. С принципами Эвклида и законами логики она несовместима. Может быть, ее можно как-нибудь обосновать эйнштейновской теорией относительности. Повторяю, против этой теории... я безоружен.

Мы предложили Польше, как и другим соседям, конференцию в целях дальнейшего решительного сокращения вооружений [16]. Польша фактически отказалась. Ответ генерала Сикорского заставляет думать, что ею при этом руководили гуманитарные соображения: она, очевидно, боялась увеличить военную опасность дальнейшим сокращением вооружений.

Военные соглашения с разоруженной подконтрольной Германией? Реорганизация Красной Армии под руководством германских офицеров?

— К этому надо бы еще прибавить, что Красная Армия состоит из китайцев и действует под влиянием опиума. В конце-концов, кое-какие политики и газетчики (я имею в виду не генерала Сикорского, так как он, насколько я знаю, не политик и не газетчик) слишком сильно рассчитывают на доверчивость и простоватость публики.

— Какие предложения Россия могла бы сделать миру по вопросу о разоружении, или, по крайней мере, о сокращении вооружений?

— У нашей делегации в Генуе было несколько разработанных предложений в духе самого решительного пацифизма. Мы готовы были итти как на полное упразднение армий, так и на их сведение к возможному минимуму. В деле сокращения армий мы готовы были принять всякий добросовестно предложенный критерий (коэффициент), который исключал бы возможность военного насилия одной страны над другой. Мы готовы были и готовы сейчас обсуждать всякое предложение в указанном направлении. Излагать здесь возможные варианты такого рода пацифистских систем нет смысла. Затруднение не в проекте, не в технике осуществления, а в политической воле. Капиталистическая Европа, какой она вышла

из дьявольской кузницы Версаля, несовместима с разоружением. Нынешняя Европа не хочет разоружения и не может его хотеть. Вот в чем затруднение, а вовсе не в технике дела. Это доказано в Генуе, где наши контрагенты наотрез отказались включить вопрос о сокращении армии в порядок дня.

— Вы спрашиваете, какой численности армия нужна России при всех обстоятельствах для сохранения внутреннего порядка и для защиты своих границ?

— Мы сократили сейчас нашу армию и флот с 5.300.000 до 800.000. Для дальнейшего сокращения нужны какие-либо серьезные изменения в международном положении. Фактический отказ наших соседей от предложенной нами конференции по сокращению вооружений, разумеется, не облегчает разрешения этой проблемы. Для охраны внутреннего порядка нужны были бы минимальные силы, исчисляемые при всей громадности нашей территории и многочисленности населения, в несколько десятков тысяч душ.

«Известия ВЦИК»,
27 августа 1922 г., № 192.

IV

— Вы спрашиваете о сокращении армии? Полтора года тому назад наша армия насчитывала 5.300.000 душ. Теперь в ней вместе с флотом 800.000 душ. В Красной Армии было мобилизовано 16 возрастов. Теперь в ней всего 1 возраст.

В Генуе мы предложили приступить к общему разоружению. Европа отказалась даже от постановки вопроса. Мы обратились с тем же предложением к нашим ближайшим соседям. Результат был тот же. Разумеется, мы не можем помешать людям без совести и чести говорить о наших завоевательных планах. А добросовестные и разумные люди не смогут забыть, что мы настойчиво предлагаем Европе и отдельным частям ее разоружиться и получаем отказ.

Вот почему мы вынуждены содержать армию в 800.000 душ. Мы создали разветвленную систему военно-учебных заведений, дающую прекрасные результаты. Сокращая армию, мы непрерывно совершенствуем ее. Мы вполне готовы сокращать, сжимать и совершенно ликвидировать эту работу. Но пусть же наши ближайшие и более отдаленные соседи примут вместе с нами программу разоружения. Если Америка возьмет на себя в этом вопросе инициативу, мы ее поддержим.

Этим самым я отвечаю на ваш вопрос: «Ждем ли мы новых военных интервенций со стороны Франции, Польши и Румынии?»

Мы не предвидим непосредственной опасности, и именно поэтому мы так резко сократили армию. Но мы не считаем опасность исключенной. Поэтому мы вынуждены улучшать кадры нашей армии и ее технику.

Опыт прошлого дает серьезные, хотя и далеко не полные гарантии против новых интервенций. Однако, военная ситуация Европы определяется не только взаимоотношением между Советской Республикой и буржуазными странами; остается во всей своей силе вопрос о репарациях (германских возмещениях). Осложнения на почве этого вопроса могут отразиться на положении всей Европы. Совершенно, например, очевидно, что новый удар по Германии с Запада мог бы оказаться критическим для того полуравновесия, которое установилось в Восточной Европе.

«Известия ВЦИК»,
30 августа 1932 г., № 193.

V

— Вы спрашиваете, каких действий, военных и других, мы ждем от Европы после крушения Генуи и Гааги? [17]

Неспособность нынешних европейских государств договориться на основе самой скромной умеренной пацифистской реформистской программы обнаружена вполне. Представитель Франции был в Генуе и Гааге наиболее громким глашатаем того, что Европа идет навстречу новым, величайшим трениям, затруднениям и потрясениям. Нервная аггресивная политика Франции вытекает не из дурного характера тех или других государственных людей (о характере коих я, впрочем, не собираюсь говорить ничего одобрительного), а из вопиющего несоответствия между военно-политическим положением Франции после Версаля и расшатанностью ее финансово-хозяйственного фундамента. Франция не хочет протягивать ножки по одежке. Вот где главная причина европейского кризиса.

Именно поэтому я отказываюсь предсказывать «военные и иные» действия Европы. В организме с пораженной нервной системой телодвижения бывают не координированы и не произвольны — предсказывать их невозможно. Готовым нужно быть к худшему.

— Как долго, по моему мнению, американский капитал будет уклоняться от торговли с Россией? — спрашиваете вы.

— На этот вопрос я бы сам с большим интересом услышал ответ.

Американский капитал находится в несравненно более выгодном положении, чем европейский. Американцы, по складу своего мышления, — эмпирики: стремятся все проверить глазом, на ощупь и на вкус. АРА, оказавшая незабываемую помощь голодающим массам России, естественно, явилась в то же время высоко-квалифицированным щупальцем, продвинутым правящей Америкой в самую глубь России. Лучше, чем какая-либо европейская страна, Америка увидела нас такими, как мы есть. Остается ждать, пока общественное мнение имущих классов Америки переварит собранный материал и сделает из него надлежащие выводы.

— По поводу Генуи и Гааги я бы охотнее сам ставил вопросы, чем давал ответы, так как — признаюсь откровенно — я до сих пор не уяснил

себе, для чего, собственно, созывались эти конференции. Генуэзская конференция была провозглашена ее инициатором Ллойд-Джорджем «величайшим явлением этого рода». И действительно, потревожены были, кажется, 40 государств. Для чего? Совершенно непонятно. Неужели же инициаторы конференции серьезно надеялись на то, что Советская Россия в обстановке торжественной конференции даст такие обязательства, какие она отказывалась дать до конференции? Трудно допустить, чтобы у взрослых людей было такое ребяческое представление о Советской Республике и ее политике. Я, правда, слышал, что профессиональные парламентарии и профессиональные дипломаты склонны придавать мистическую силу «переговорам», «конференции», ставя превыше всего черную и белую магию дипломатического красноречия. Разумеется, нельзя отрицать, что советские дипломаты — люди, и что, следовательно, ни что человеческое им не чуждо, в том числе и чары красноречия. Но мы прежде всего реалисты. Советская республика есть реальный факт, программа Коммунистической партии — точно также, руководящая роль этой программы в Советской Республике была, остается и — с позволения парламентских и дипломатических магов — останется основной директивой политики Советской республики. И по этой программе равняется и наша дипломатия.

После крушения Генуи последовала Гаага. Зачем? Неужели только для того, чтобы слегка замаскировать крушение «величайшего в мире конгресса»? Или же некоторые государственные люди предполагали, что, если в Генуе Советские представители занимались «принципиальной риторикой», то в деловой обстановке Гааги они бесшумно капитулируют перед ультиматумом капитализма? Чтобы вести такую политику, нужно ничего не понимать. В результате Гаага не смягчила, а только подчеркнула крушение Гааги. Не по нашей вине.

— Что мы намерены предпринять в виду крушения Генуи и Гааги? Мы думаем работать и ждать. Европа и весь мир нуждаются в России не меньше, чем Россия нуждается в Европе. Поверхностность и авантюризм кое-каких государственных людей будет означать новые жертвы и лишения, но неотразимые хозяйственные потребности проложат себе дорогу. Если нас «не признают» эти, то нас признают другие, которые придут им на смену.

Наиболее нелепыми являются требования и ожидания возвращения иностранным капиталистам их бывшей собственности («реституция»). Октябрьская революция была политической победой труда над капиталом: в результате этой победы рабочий класс отнял у капиталистов им же, рабочим классом, созданные богатства. Возвратить богатства капиталистам могла бы только успешная контр-революция, т.-е. победа капитала над трудом. Этот путь испробован достаточно. Или, может-быть, и впрямь хитрые простаки думают ликвидировать рабочую революцию силою юридических и дипломатических аргументов после того, как не удалось ее ликвидировать силою военной интервенции.

Железные дороги, заводы, фабрики, земли, недра земные принадлежат у нас государству. Это может не нравиться, но это — факт, из которого нужно исходить.

В этом году у нас явный перелом в сельском хозяйстве. Мы не только обеспечим, вероятно, города и промышленность продовольственным фондом, но и возобновим — пока, разумеется, в очень скромных размерах — экспорт хлеба. Это значит, что в хозяйственные артерии страны начнет вливаться свежая кровь. 23-й год будет уже значительнее благоприятнее 22-го. Мы будем подниматься, может-быть, в первое время медленно, но упорно и твердо. Параллельный приток иностранных капиталов, разумеется, чрезвычайно ускорил бы этот процесс. Но и без иностранных капиталов мы уже вступили в полосу улучшения и укрепления хозяйства. Это дает нам возможность без излишней нервности относиться к смене настроений иностранных капиталистов.

Оживление хозяйства Советской России означает, с одной стороны, обогащение рабочего государства путем развития важнейших и ценнейших предприятий, остающихся в руках Советской Республики, а с другой стороны — рост капиталистических отношений в стране. И при товарной, рыночной системе хозяйства наше государство сохраняет контроль в своих руках, поскольку ему принадлежат важнейшие производительные силы, и поскольку в его руках сохраняется и сохранится монополия внешней торговли. С этими незыблемыми фактами должны считаться иностранные капиталисты и их правительства. Наша политика достаточно реалистична и эластична, чтобы в рамках нашей системы хозяйства предоставить широкий простор и возможность величайших прибылей иностранному капиталу. Остается ждать, пока политика этого последнего станет достаточно реалистической и эластичной, чтобы понять необходимость приспособиться к советской системе имущественно-правовых отношений, а не ждать апокалиптического часа ее падения. Если Генуя и Гаага внесли дополнительную пропорцию трезвости в воззрения и надежды буржуазиии насчет Советской России, то я готов признать «прогрессивное» значение этих предприятий, потерпевших столь явное фиаско.

«Известия ВЦИК»,
30 августа 1922 г., № 193.

Интервью, данное представителю английской печати

I. Считаете ли вы, что с очищением Приморья и эвакуацией японцами Владивостока война за независимость России окончена?

Если да, то считаете ли вы возможным дальнейшее сокращение военного бюджета России? Или вы продолжаете стоять на той точке зрения, что дальнейшее сокращение вооруженных сил России возможно только при соответственном разоружении ближайших соседей Советской России и всеобщем разоружении Европы?

Готовы ли вы возбудить вновь вопрос о всеобщем разоружении?

— И после очищения Приморья и эвакуации Владивостока остаются еще — и на Дальнем Востоке и на юго-западе — русские территории, оккупированные соседними с нами странами. Но отсюда вовсе не вытекает, что вопрос об этих территориях должен решаться силою оружия. Мы считали и считаем вполне возможным урегулировать все спорные вопросы, в том числе и территориальные, путем соглашения, и не раз предлагали этот путь нашим соседям. Предложение это сохраняет силу и сейчас как в отношении Японии (вопрос о северной половине Сахалина), так и в отношении Румынии (вопрос о Бессарабии).

Программа разоружения или, по крайней мере, сокращения вооружений, совершенно не ставилась нами в зависимость от предварительного очищения всей территории России силою оружия. Лучшим доказательством этого служит тот факт, что наши предложения о международном соглашении по этому вопросу мы вносили задолго до очищения Приморья и эвакуации Владивостока (что, мимоходом сказать, еще не закончено, так как в территориальных водах Владивостока пребывают иностранные военные корабли). Программу разоружения (или, по крайней мере, предварительного сокращения вооружений) мы готовы предложить, развернуть и поддержать в любой момент как на конференции с нашими ближайшими соседями, так и на конференции мировой. Само собой разумеется, что дело не может итти об одностороннем акте разоружения с нашей стороны. Такие вопросы могут быть урегулированы только путем соглашения.

II. В виду того, что европейское общественное мнение запугивают то «большевистско-кемалистским» заговором против европейской цивилизации, то инсинуациями, что ближне-восточная политика Советской России ничем не отличается от прежней политики царской России, то, наконец,

опасностью превращения Черного моря во внутреннее русское море, было бы весьма полезно получить ваш ответ на следующие вопросы:

1. Каковы пределы и цели русско-турецкого союза?

2. Чем существенно отличается ближне-восточная политика Советского правительства от царской и «милюковской»?

3. Чем и как обеспечить свободу мореплавания в Черном море?

— Пределы и цели русско-турецкого соглашения (а не союза, как сказано в вашем вопросе) определяются его происхождением — это соглашение двух стран, которым грозила опасность быть закабаленными и задушенными. Вряд ли стоит опровергать разговоры о большевистско-кемалистском заговоре против цивилизации: нужно немножко знать географию, экономику и политику, чтобы понять бессмысленность такой болтовни.

— Чем существенно отличается ближне-восточная политика Советского правительства от царской и милюковской? — спрашиваете вы.

Царь и Милюков хотели отнять у Турции Константинополь и проливы. Мы же хотим, чтобы турецкое достояние было возвращено туркам. Царское правительство хотело пробить Дарданелльскую дверь и выйти в Средиземное море, где оно затем неизбежно, раньше или позже, столкнулось бы с Великобританией. Мы же хотим, чтобы великобританский империализм не взламывал или не открывал, когда найдет нужным, дверь, ведущую из Средиземного моря в Черное. Другими словами, разница между нашей и царской политикой такая, как между ограблением и возмещением ограбленного.

— Так называемая «свобода проливов» означает военную диктатуру на Черном море той страны, у которой самый сильный флот. Мы предпочитаем «нейтрализацию» проливов, обеспеченную с одной стороны, международным соглашением, а с другой — практическими военными мерами, которые делали бы это соглашение действительным.

III. В виду того, что в Европе полагают, что вы являетесь по преимуществу другом франко-русского сближения и самым серьезным тормозом сближения с Англией, было бы желательно узнать ваш взгляд на международную политику России вообще и в особенности вашу точку зрения на сближение с Англией и Францией. Теперь происходит борьба за гегемонию в Европе между Францией и Англией и поэтому с особенной чувствительностью относятся в Европе к вопросу о том, с кем Советская Россия склонна пойти: с Англией или с Францией?

— Могу лишь недоумевать по поводу того, что меня, по вашим словам, считают противником англо-русского сближения и сторонником русско-французского. Незачем говорить, что в нашей политике мы меньше всего руководствуемся национальными симпатиями и антипатиями, которых мы, как интернационалисты, не знаем. В отношении к капиталистическим странам нами руководят только соображения целесообразности, т.-е., прежде всего, обеспечения мира и экономических сношений. Делать с этой точки зрения определенный выбор между Англией и Францией не пред-

ставляется возможности в виду крайней бесформенности и нерешительности политики как той, так и другой страны в русском вопросе: маленький шажок вперед, маленький шажок назад, в результате — топтанье на месте. Мы одинаково готовы установить самые тесные сношения как с Англией и Францией вместе, так и с каждой порознь. Отношения сложатся теснее и прочнее с той страной, которая решительно порвет с политикой истекающего пятилетия и новую политику обоснует на соображениях о завтрашнем дне, а не на воспоминаниях о вчерашнем.

«Правда»,
9 ноября 1922 г., № 253.

Речь

на торжественном заседании в Военной Академии Р. К. К. А., посвященном 4-летней годовщине Академии.

7-го декабря 1922 года.

Когда будет писаться история нашей Академии (это, вероятно, будет сделано еще не так скоро), она покажет, как в трудных условиях существования и развития Академии отражаются трудности всего нашего советского существования.

Академия примерно на 1 год моложе нашей Советской Республики. Разумеется, сейчас, в 4-летнюю годовщину существования, мы можем и должны более заглядывать вперед, чем оглядываться назад. Ибо, если молоды Советская Республика и наша Красная Армия, то Академия, которая по самой сути своей представляет некоторый научно-организованный сгусток всего нашего военного опыта и мысли, и практики, как бы увенчание нашего военного здания — особливо, разумеется, молода. И ей приходится целиком глядеть вперед.

Можно себя спросить: даст ли история еще достаточно сроку нашей Академии для ее развития, ибо вот как раз к моменту вашего юбилейного праздника, т.-е. нашего общего праздника, у нас в Москве заседает дипломатическая конференция по разоружению. Вопрос ставится с нашей стороны очень серьезно. Вы, разумеется, читали в газетах то предложение, которое от имени Советской власти сделал тов. Литвинов, — сократить Красную Армию в течение $1^1/_2$ — 2 лет, ни более ни менее, как в 4 раза — с 800 тысяч до 200 тысяч человек. При этом наша дипломатия заявила, что это не есть с нашей стороны предельная цифра, что мы готовы осуществить и более радикальные предложения о сокращении армии. По поводу этого кто-нибудь из вас может себя спросить — и не без основания, — есть ли смысл нам развивать, укреплять Военную Академию, если вообще-то армия стоит под знаком разоружения.

Товарищи, дадим себе отчет — есть ли повод для такого оптимизма... Я говорю — оптимизма — потому, что, конечно, если бы условия сложились так, чтобы мы могли нашу армию распустить, ликвидировать целиком, то это было бы величайшим выигрышем для нашей страны. К сожалению, этого нет. Из тех осторожных отголосков, какие мы находим в нашей печати по поводу работ Московской Конференции, мы уже можем, не

зная ничего о том, что происходит за дипломатическими стенами, с полной уверенностью сказать, что кое-кто разоружения не хочет.

Вы знаете, как поставлен этит вопрос: предлагая разоружение, мы здесь продолжаем ту политику, которую проявили со всей отчетливостью в Генуе. Мы предложили непосредственно и прямо приступить к материальному разоружению, или, по крайней мере, к максимальному сокращению вооруженных сил. С той стороны нам ответили, что материальному разоружению должно предшествовать «моральное» разоружение. «Моральное» разоружение, — я затрудняюсь точно объяснить, что это должно означать, — но, как выяснилось, это во всяком случае должно означать совокупность таких мероприятий, которые избавляют от материального разоружения и не мешают сохранять многочисленную, хорошо вооруженную армию.

Достаточно напомнить инициатора и изобретателя этого щекотливого термина — «моральное разоружение» — это Франция. На последнем, кажется, конгрессе Лиги Наций, где некоторые старомоднейшие английские пацифисты, вроде лорда Сесиля, люди очень благочестиво настроенные, но абсолютно и несомненно не понимавшие всего, что их окружало в Генуе, приступили к основной цели Лиги Наций — к разоружению, они натолкнулись именно на французский империализм. Разоружение, говорили уже там, разумеется нужно начать, но его нужно начать путем «тщательной подготовки», путем «морального» разоружения. Если иметь в виду политику французского империализма, то под моральным разоружением скорей всего надо понимать разоружение... от всякой общественной и политической морали. Но не будем касаться щекотливых сторон французской политики. Для нас достаточно того, что Франция, предложившая «моральное разоружение», сохраняет до сегодняшнего дня самую многочисленную армию и не собирается от нее отказываться. Ей принадлежит несомненная гегемония и первая военная мощь в Европе. Поэтому я повторяю, что моральное разоружение есть такая совокупность мер, фраз, фикций, ловушек, которые должны создать предлог для сохранения многочисленных вооруженных сил.

Ныне нам, в ответ на предложение материального разоружения, преподнесли снова программу «морального» разоружения. И это после опыта Генуи! В Генуе наше предложение даже не было поставлено в порядок дня... Опыту Генуи весьма знаменательно предшествовал опыт Вашингтона (где нас с вами не было), где могущественнейшие морские державы обсуждали, по инициативе Соединенных Штатов, программу сокращения морских вооружений. Эта программа вырабатывалась в том смысле, чтобы обеспечить в большей или меньшей степени морскую гегемонию Соединенных Штатов в отмену старого традиционного морского господства Великобритании. Программа, выработанная там и принятая, имела очень хитрую и сложную конструкцию; но главной ее особенностью является то, что, как констатируют сейчас правящие американцы, ни одно

из государств не приступило к выполнению этой программы. Вашингтон и Генуя — вот вам последние небольшие попытки капиталистического пацифизма.

Мы всегда стояли и продолжаем стоять на той точке зрения, что до тех пор, пока существует классовое общество, войны неизбежны. Но мы всегда заявляли, что как в интересах политических, так и педагогических мы готовы искренно и последовательно поддержать довести до конца каждую попытку пацифизма, — отчасти для того, чтобы, может быть, все же достигнуть хотя бы некоторых ограниченных успехов в смысле сокращения военного бремени. И не без того, конечно, чтобы показать, что сокращение военного бремени, а тем более полное его упразднение, немыслимо до ликвидации всего исторического бремени — эксплоатации класса классом. В Генуе наша программа разоружения не была даже поставлена в порядок дня. Мы тогда же заявили, что мы готовы при любой комбинации государств, в любом месте, снова эту инициативу поднять. И от Генуи след идет к Москве.

Эта конференция еще не закончилась. Чем она закончится, мы еще не знаем. Но уже известно, что соседние с нами западные государства, которые все находятся под прямым руководством французского милитаризма, особенно Польша и Румыния, Польша прямо, а Румыния косвенно, через Польшу — явились сюда с той же формулой, которую французский империализм выдвинул против фактического сокращения вооружений в Генуе и в Лиги Наций. Этот факт свидетельствует о том, что надежд на очень крупные успехи по части сокращения армии не так уже много.

Есть еще одна большая, по крайней мере по численности вовлеченных в нее масс, попытка добиться сокращения вооружений и предупреждения войн, — попытка, которая должна развернуться в ближайшие дни в Гааге. Я об этом должен сказать несколько слов. Если Вашингтон и Генуя — это пацифистские попытки империалистической дипломатии, то в Гааге в ближайшие дни мы будем свидетелями попытки мелкобуржуазной демократии добиться сокращения военного бремени и устранения военных опасностей. В Гааге съезжаются в течение ближайших дней представители амстердамских профсоюзов, руководимых, как вы знаете, соглашателями мелкобуржуазной демократии, которые считают себя социалистами, представители кооперативов, представители с.-д. и т. п. партий, имеющих в программе борьбу с милитаризмом. Представителей Коммунистического Интернационала, разумеется, не пригласили. Но профессиональные союзы России приглашены. А так как у нас наши профессиональные союзы и коммунистическая партия — едино суть, то коммунистические слова раздадутся и там в Гааге, — и это будет полезно.

В чем состоит пацифистская, антимилитаристская позиция этих соглашательских, буржуазно-демократических элементов? Их позиция была формулирована в Риме около года тому назад. Римская резолюция гласит: «долой войну, война — войне, долой милитаризм, борьба против войны до

конца, всеобщая стачка против войны». Кто постарше, кто участвовал в борьбе до империалистической войны, участвовал в жизни 2-го Интернационала, тому все эти формулы в высшей степени знакомы... Года, кажется, за полтора или менее того до империалистической войны был в Базеле мировой конгресс, где все эти формулы были в 101 раз выражены и произнесены в торжественной обстановке. Всеобщая стачка была противопоставлена призраку наступающей войны. А когда война наступила, 2-й Интернационал жалко капитулировал под лозунгом защиты отечества, — и только из испытаний империалистической войны вырос 3-й Интернационал, новая революционная сила в истории. В Гааге, я надеюсь, представители наших профессиональных союзов и кооперативов спросят господ социал-демократов: «Вы говорите, что не допустите повторения второй империалистической войны и вы угрожаете противопоставить войне — вашу всеобщую стачку, но как же быть с программой «национальной обороны», — с программой защиты отечества, на которой целиком построен 2-й Интернационал? Если вы признаете за каждой страной право защищать свое угрожаемое отечество, то вы не можете требовать от рабочего класса этой страны всеобщей стачки, которая неизбежно дезорганизует оборону, деморализует, в случае успеха, армию?» Мало того, большинство представителей этих партий, которые будут заседать в ближайшее время в Гааге, в своих парламентах голосуют за военные кредиты своему правительству. Они являются участниками национальных буржуазно-демократических блоков в правительствах и вместе с тем, как это свойственно мелкобуржуазной демократии вообще — всей этой мировой керенщине — они до смерти боятся последствий этой политики!.. Мы видели это воочию. Керенский сносился со 2-м Интернационалом, выпускал вместе с Церетелли манифест «к народам всего мира», — а вместе с тем, держался одной рукой за Бьюкенена и затеял известное и памятное всем июньское наступление.

В этих противоречиях — вся душа, вся политика мелкобуржуазного 2-го Интернационала; и мы это отчетливо видим в этом конгрессе, который должен начаться на этих днях. Голосуют за кредиты, признают национальную оборону и в то же время боятся, что из этого может проистечь война, — неизбежно вытекающая из всей их политики! — война которой они противопоставляют голую, чахоточную, абстрактную идею всеобщей стачки.

Мы видели, как война началась... Мыслимо ли стране без могучего революционного движения ответить на ее начало всеобщей стачкой? Никогда. Государство в такой момент мобилизует все силы; оно сумеет обмануть народ, ввести его во всяческое заблуждение относительно причин, целей и задач войны, оно всегда изобразит себя перед народом в качестве агнца, — каждое государство будет уверять, что оно терпит нападение, что должно защищаться... Так повелось с того времени, как люди начали плутовать, — и продолжается до сего дня — всякий раз, как государства

начинают воевать друг с другом. А кто будет разрешать вопрос о том, кто начал войну? Будущий историк скажет, что разрешить этого вопроса нельзя. Здесь всегда два поезда, идущие по одним и тем же рельсам: оба нападают и оба защищаются, — а практически этот вопрос разрешается победителем. Когда Франция поставила Германию на колени, она, воспользовавшись своей победой, приказала Германии «сознаться»: «Я нападала». Германии пришлось взять вину на себя. Франция сказала: «Не упирайся, признайся и подпишись в этом». И Германия подписала.

Вот как решается вопрос о нападении и обороне. И, разумеется, если отнестись к вопросу о всеобщей стачке серьезно, то нужно сказать: «если вы хотите отвечать всеобщей стачкой на войну, т.-е. деморализовать национальную армию в ответственный момент, то начните с «маленького» — откажите в кредитах вашему правительству на армию, ибо эта армия, которую вы хотите деморализовать, когда ее начнут пускать в дело, окажется неподготовленной к войне, если вы заранее откажете в кредитах на нее. Вы должны начать с агитации против буржуазного обмана, а затем уже применить всеобщую стачку. Вы должны прежде вести агитацию на железных дорогах, т. к. транспорт имеет во время войны большое значение. Если вы всерьез говорите о всеобщей стачке, то вы должны иметь на железных дорогах, не говоря уже о армии, опору — сконцентрируйте там ваши конспиративные ячейки... Начните, — скажут в Гааге представители наших профсоюзов, — с систематической пропаганды против вашего буржуазного правительства, а когда война начнется, мы посмотрим! Тогда видно станет, можно ли сразу перейти в наступление или действовать соответственно имеющемуся подпольному революционному аппарату: может быть, придется и переждать, когда правительство станет послабее»... Эта позиция, как вы знаете, целиком вытекает из программы и тактики 3-го Интернационала.

Этим самым, товарищи, сказано, что война на завтра еще ликвидирована не будет. Только что мы закончили в Москве 4-й конгресс 3-го Интернационала [18]. Интернационал вырос за этот год чрезвычайно, но он все еще не охватывает большинства рабочего класса. Большинство рабочего класса будет представлено на этом мелкобуржуазном пацифистском конгрессе в Гааге: а если так, если еще нельзя серьезно говорить о захвате власти, нужно завоевать большинство рабочего класса — по крайней мере, в Европе. 4-й конгресс дал картину поразительного, планомерного, уверенно-сознательного роста коммунизма,—но не столь быстрого, как нам хотелось бы надеяться и как мы надеялись 5 — 4 года тому назад. Вместе с тем нельзя не признать, что европейская и мировая буржуазия, отчасти на опыте и костях нашей русской буржуазии, многому научилась. В Италии мы видим победу контр-революции и вместе с тем своеобразную попытку части пролетариата по-настоящему взять власть в свои руки. Все это свидетельствует о том, что эпоха ближайших десяти лет — или даже не одного десятилетия — будет эпохой величайших потрясений—восстаний, революций

контр-революций и войн. Я очень опасаюсь, что на наш с вами век хватит революций и войн.

Этим самым, товарищи, решается вопрос о том, стоит или не стоит нам учиться в Военной Академии как следует. Если бы действительно можно было бы надеяться, что тут в Москве т. Литвинов договорится с представителями западных соседей по вопросу о сокращении армий, и что этот почин найдет себе подражание в более широком масштабе на территории всей Европы и всего мира, то можно было бы призадуматься на счет Академии. Но если взять вопрос во всей его перспективе, то можно сказать с уверенностью, что нам придется нашу армию сокращать и снова расширять — и еще раз сокращать и опять расширять... А раз так, то иметь самый ценный сгусток военной мысли, военного опыта безусловно необходимо. Сокращая армию, мы будем, по возможности, доводить ее до состояния насыщенного раствора, — и в этом растворе Академия должна быть самым ценным кристаллом. Разумеется, мы все вышли из ребяческого пацифистского возраста: мы знаем, что война, как и революция, представляет собой в высшей степени жестокий и суровый метод разрешения общественных вопросов.

Чтобы не выходить из круга той же дипломатии, я напомню тираду французского представителя в Генуе, г. Кольра, о последствиях русской революции, которые привели де к полному опустошению, к хозяйственной нищете в нашей стране. В известной степени, это верно. Наша промышленность за последний год дает не больше четверти производительности до-военной. Экономически более примитивное и более способное к восстановлению, наше сельское хозяйство — и то дало за последний год всего около $^3/_4$ до-военного среднего урожая. Что это доказывает? То, что мы знали и без указания французского финансиста: что война и революция представляют собой крайне жестокие и разрушительные методы разрешения общественных вопросов. Другого метода, однако, не дано!

В конце концов, война и революция по методам своим могут поспорить друг с другом. Если революция является оружием для достижения новых задач прогрессивного, передового исторического класса, то война является только одним из звеньев революции. И наоборот, в каждой революции есть другая сторона баррикады: за последнюю борется класс, представляющий контр-революцию. В этом случае война и революция часто в истории шли рука об руку, не уступая друг другу по жестокости методов и разрушительности действия.

Я перелистал, при этом удобном случае, историю французской революции и нашел там факты — поразительные по своей наглядности.

Французская революция — это бесспорно в настоящее время для каждого буржуазного филистера — сыграла огромную прогрессивную роль. Она открыла ворота всей современной цивилизации с ее могуществом, наукой, техникой и проч. И вот эта-то Великая Французская Революция на 10 году своего развития превратила Францию в груду развалин и арену

нищеты. Я наткнулся, например, на такой факт: Бонапарт, тогда еще первый консул, на 10 году Великой Французской Революции ежедневно просматривал число кулей муки, доставлявшихся в Париж, где тогда было до 500 тысяч душ населения. Парижу нужно было в сутки 1500 кулей муки для голодной нормы,—для нашей Советской нормы прошлых лет! — а он получал от 300 до 500 мешков муки. Так было на 10 году революции, той самой, которая ниспровергла феодальное общество и открыла дорогу могущественному капиталистическому развитию с его техникой! Это означает, что революция, которую Маркс назвал локомотивом истории, имеет ближайшим последствием опустошение и нищету. И если сравнить положение нашей Москвы, в которой вдвое более населения и которая сейчас проходит только начало шестого года революции, с Парижем, полумиллионным Парижем на 10 году революции, то нужно сказать, что мы выглядим еще не так дурно. Я даже вижу, что у вас завтра парадный ужин по поводу годовщины Академии, что является, конечно, свидетельством не бог весть какого, но всетаки некоторого улучшения нашего материального благосостояния. На 3-м и 2-м году мы вряд ли могли прибегать к таким формам чествования тогда еще очень скромного юбилея.

До тех пор, пока существует классовое общество, — войны и революции неизбежны, как для разрешения задач самого империалистического общества (я говорю о войне), так и для его низвержения (я говорю о войне и революции).

Отсюда опять-таки вытекает, товарищи, что эта эпоха охватит десятилетия. И так как волею исторических судеб Россия была выдвинута в этом тяжком хороводе на первое место, и наша коммунистическая партия и Советская власть поставлены на пост мирового учителя в этих вопросах, то есть все основания полагать, что и в военном смысле мы будем для зачинающихся революций учителями, рассадниками военных знаний, военного опыта... А, стало быть, надо готовиться. Потому, что учиться нам приходится сейчас не только для себя, но и впрок—для величайших битв, которые при нас начнутся—не знаю, при нас ли кончатся; будем надеяться, что кончатся они при наиболее молодых из здесь присутствующих.

В связи с этим я хотел бы подчеркнуть еще одно: военный человек сейчас не может не быть политиком и революционером, — конечно, если он не контр-революционер. В так называемые мирные эпохи политика господствовала над военным делом незаметно, исподтишка, так что военный человек там себе казался только военным человеком и больше ничего. Наша эпоха разрушает все условности, обнажает все отношения: она воочию показывает, что политика господствует над военным делом целиком так же, как и над всеми остальными сторонами человеческой деятельности и заставляет его себе служить. 4-й конгресс внешним образом еще раз напомнил, как недопустимо замыкаться в нашу эпоху в национальную скорлупу. Несмотря на ожесточение буржуазных национальных государств друг против друга, несмотря на то, что вся Европа разрезана таможнями

и штыками, — несмотря на это не было еще ни одной эпохи в человеческой истории, когда взаимная зависимость народов и классов разных наций была бы так тесна, так неоспорима, как в наше время!

Это выражается в том же Коммунистическом Интернационале, где фигурируют сейчас одни и те же лозунги, методы действий для работы всех цивилизованных стран: стало возможным в Москве, на Конгрессе Коминтерна — в этом политическом генеральном штабе мировой революции — рассматривать все эти проблемы, — разумеется, с учетом местных особенностей, с учетом национальных особенностей. По существу, Европа и, в значительной мере, весь мир превратились в арену интернационализованной и объединенной классовой борьбы. Из обостряющейся политической борьбы — когда пробьет час — вырастет гражданская война, которая тоже будет иметь тенденцию к этой высшей интернационализации. Эта гражданская война будет нуждаться уже в военном руководстве. И тут, товарищи, я должен подчеркнуть один прозаический, но важнейший вопрос — это вопрос об иностранных языках. Кто в Академии еще имеет возможность, особенно из более молодых товарищей, изучать иностранные языки, уделять им побольше времени, тот должен и обязан это делать во что бы то ни стало. Наступают, товарищи, времена, когда сознательный человек без иностранного языка будет человеком без правой или левой руки или ноги.

Изучение вами иностранных языков должно стать, товарищи, выра-[redacted] интернационализации ваших интересов, вашей психологии и нашего военного дела.

Мы спорили не так давно о том, когда, как и в какой период мы создадим свою собственную «военную доктрину». Мы стали на этот счет поскромнее. Я думаю, что это хорошо, что мы стали поскромнее. Но как раз по мере того, как мы входим целиком и полностью в практическую и теоретическую переработку нашего опыта, вовлекая сюда же и военный и политический опыт Запада и расширяя свой кругозор, — именно в этом процессе мы бессознательно, не ставя себе это целью, крупица за крупицей, подготовляем элементы новой военной доктрины, которая обнаружится не потому, что он, или ты, или я ставлю себе задачей, усевшись за стол, ее создать, а потому, что мы, в новых условиях переработки старого опыта, применяем существующие методы и изменяем их в соответствии с новыми задачами и новой обстановкой. И эта новая военная доктрина, которую мы будем ставить, работая над старым опытом, не строя себе химерических задач, будет тем богаче, чем шире будет наш кругозор, чем смелее мы выйдем из национальной скорлупы, чем глубже мы приобщимся к мировому опыту. А орудием его являются иностранные языки. Поэтому, по крайней мере, один иностранный язык знать, как свой родной, чтобы пользоваться, как своим органом для общения с другими, — есть обязанность квалифицированного военного работника в нашу эпоху. Об остальном я не говорю — о нашей чисто военной работе. Академия только что вышла из очень болезненного периода. О нем мы сейчас говорить не будем.

Я сказал, что политика господствует над военным делом. Это бесспорно, но если кто-нибудь думает, что политика может «заменить» военное дело, тот очень ошибается. Политика господствует над литературой, над искусством,—однако, политика не заменяет литературы, искусства. Политика господствует в том смысле, что она отражает классовую идеологию, — проникает все и все заставляет служить этой классовой идеологии — от пушки до литературного стихотворения: но это не значит, что если я знаю политику рабочего класса, то я могу делать пушку или писать лирические стихи, для этого нужно иметь дарование и выучку, знать законы стихосложения и т. п. Для того, чтобы подвизаться на военном поприще, нужно знать законы военного дела и знать военную технику. Политика господствует над военным делом: но так же, как мы, по молодости опыта, во всех учреждениях и во всех областях в известной степени были склонны строить все только на основе политики и потому делали ошибки, так и тут многие из нас до сих пор склонны думать, что политика «заменяет» все остальное и что с этим талисманом в руках у нас будет возможность открыть все двери. Это не могло не сказаться в Академии. Только в последние недели и месяцы последовало напоминание от возмужавшего рабочего класса, заявившего, что хотя политика и господствует над военным делом, но не заменяет его... Военное дело есть самостоятельная область, которая жива бывает в творческом анализе, в поисках ошибок, в исправлении их, в развитии накопленных знаний. И Военная Академия есть лаборатория этого военного опыта, военных знаний; здесь, в Академии, вырабатываются маршалы революции!

В четвертую годовщину Военной Академии братски поздравляю вас, товарищи, с достигнутыми успехами, которыми мы все можем гордиться, принимая, конечно, во внимание трудные условия, но которые мы отнюдь не должны переоценивать. Я вас поздравляю и призываю всех оглянуться на пройденные четыре года и посмотреть вперед. Я выражаю твердую уверенность, что ваш пятый год будет богаче работой, успехами, чем четвертый, а шестой придет на смену пятому—еще более славный. И я заканчиваю свое приветствие возгласом: да здравствует Военная Академия, лаборатория маршалов русской и мировой революции!

«Красные Зори»
январь 1923 г. № 1.

III.

УЛЬТИМАТУМ КЕРЗОНА.

Речь

на параде на Красной площади

1 мая 1923 года.

Товарищи красноармейцы, командиры, комиссары и вы, рабочие и работницы Красной Москвы!

В седьмой раз после низвержения царизма, в шестой раз под серпом и молотом советов и под красной боевой звездой празднуем мы праздник рабочих всего мира на Красной площади Москвы. Мы, Республика рабочих и крестьян, все еще и к седьмому мая после начала революции окружены буржуазными государствами всего мира. Но за этот год мы стали сильнее. Это знают наши друзья и враги. Советские республики объединились в единый союз, который охватывает ныне братскую семью 28 независимых и автономных республик и автономных областей[19]. Армия у нас едина, как залог единства трудящихся масс. За этот год наше хозяйство сделало крупный шаг вперед. Мы начинаем шаг за шагом, медленно, но твердо выходить из адской нищеты. За этот год наша Красная армия организовалась лучше, тверже, крепче. За этот год мы приступили к более серьезной обороне наших морских подступов, наших берегов, ибо и отсюда продолжают нам грозить возможные враги. Наш военно-морской флот сделал за этот год крупный шаг к возрождению и развитию. И, наконец, мы приступили в конце этого года к серьезной деловой работе по развитию и укреплению Красного Воздушного Флота, чтобы иметь защиту подступов и со стороны воздушной стихии. Мы стали крепче. И в открывающемся году мы станем еще тверже и крепче и сильнее.

Но мы попрежнему живем бок-о-бок с государствами, которые пользуются каждым случаем, чтобы нанести нам удар, чтобы причинить нам ущерб. Несмотря на все наше искреннее и честное миролюбие, все наши попытки добиться мирных отношений до сих пор не дали и частичного результата. Оглянемся беглым, широким взглядом вокруг. Что мы видим в Европе?

Империалистическая реакция за этот год стала наглее, наступательнее и пытается нам угрожать более, чем в прошлом году. Рабочий класс

во многих странах отброшен в подполье. Он мужественно борется за свое и за наше будущее, но сегодня хозяином является еще реакционный капитал.

В Италии победил фашизм, победил самый кровавый, ожесточенный фланг капитала, и лучшим выражением положения в Италии является тот факт, что империалистический диктатор Италии Муссолини запретил празднование 1-го мая [20]. О, если бы они могли, они запретили бы и нам праздновать праздник рабочих! Но со всех стран, где в этот день царит кулак капитала, вольные мысли, революционные чаяния, пролетарская душа трудящихся масс, спешит сюда, к нам, на Красную площадь. И мы отсюда говорим владыкам всего мира: нам здесь праздновать 1-е мая не запретит никакая сила в мире. Мы здесь, рабочие и крестьяне, хозяева и господа!

Взгляните на Англию. В ней торжествует консервативный фланг капитала. Подавляя Ирландию, обагряя ее кровью, продолжая свой вековой гнет над Индией, Англия в эти дни в Лозанне во второй раз пытается согнуть и поставить на колени дружественную нам Турцию. Англия под предлогом лживой свободы морей требует себе доступ к берегам Черного моря, к нашим черноморским портам, чтобы держать их под угрозой своих морских дальнобойных орудий. Мало того, Англия безнаказанно промышляет рыбным промыслом у наших берегов, и попытку нашу отстоять жизненные хозяйственные интересы нашей страны она изображает как покушение на ее интересы. Но и этого мало: Англия пытается вторгаться во внутреннюю жизнь нашей страны. Она дерзает диктовать нам, кого нам судить и кого нам миловать [21]. Но мы, собравшись здесь в этот день 1-го мая сомкнутыми рядами, скажем всем: руки прочь, мы здесь, рабочие и крестьяне, работницы и крестьянки, — хозяева, и мы сами знаем, кого судить и кого миловать.

Франция вонзила империалистический штык в сердце промышленной трудовой Германии. Рур истекает рабочей кровью [22]. В Эссене убивают французские солдаты — рабы империализма — германских рабочих.

А из наших ближайших соседей достаточно назвать Польшу, которая не упускает ни одного случая, ни одной меры, ни одного шага, чтобы возбудить против нас другие страны, свой собственный народ, чтобы причинить нам моральный и материальный ущерб.

Вот почему сегодня наш шестой первомайский праздник под молотом и серпом мы вынуждены еще встречать под штыком и шашкой. Ибо все наши попытки добиться разоружения и соглашения народов не привели ни к чему. В Генуе мы предлагали мир и разоружение. Сюда, в Москву, мы пригласили представителей соседних с нами стран. Мы им предлагали искренно, открыто и честно практический план постепенного сокращения вооружений. Ответом было: нет! Разоружиться перед лицом с головы до ног вооруженного врага мы не можем и не хотим. Наоборот, мы будем вдвойне и втройне изучать ратное искусство до тех пор, пока брониро-

ванный кулак капитала грозит независимости и свободе союза советских республик. Мы ни на кого не покушаемся. Мы хотим мира и труда. Мы верны духу первомайского праздника, а этот дух означает братство рабочих, братство народов всех стран. И мы в любой час готовы протянуть братскую руку любому народу. Но до тех пор, пока рука наша повисает в воздухе или отвергается, до тех пор мы в этой руке будем твердо и непоколебимо держать винтовку Советской Республики.

Вот почему первомайский праздник является для нас и в этом году днем воинского парада, днем приведения молодых красных воинов к торжественному обещанию.

Товарищи красноармейцы, командиры и комиссары! Перед лицом собравшихся здесь рабочих и работниц я призываю вас всех вслед за мною принести красную присягу рабочему классу, трудовым массам всех стран на верность в вашей воинской службе и в воинской борьбе за счастье, за свободу, за независимость организованного труда.

Товарищ командующий парадом, призвать к красной присяге!

Товарищи красноармейцы, командиры и комиссары! Братски поздравляю вас с принесением красной присяги на верность делу рабочего класса всех стран. Мы сегодня еще приносили красную присягу, в которой, по старой формуле, говорится только о Российской Республике, но уже сегодня мы дали революционную клятву верности всему нашему Союзу Советских Социалистических Республик. И я призываю вас закончить торжественный акт красной присяги нашим единодушным приветом рабочему классу всего мира, международной революции, свободе и братству народов, Красной Армии и нашему советскому союзу. Все единодушно: да здравствует Союз Советских Социалистических Республик! Ура!

«Правда»
3-го мая 1923 г., № 96.

Речь

на экстренном заседании Пленума Московского Совета, Р., К. и К. Д.

12-го мая 1923 года[23].

Товарищи! Вчера у меня в моей рабочей комнате столкнулось несколько известий и несколько фактов. Я принимал 2-х товарищей — рабочих делегатов от писчебумажной фабрики Калужской губ. Один из них работает на этой фабрике 51 год, а другой — 46 лет. Около того же времени, несколько раньше, мне позвонили по телефону из Наркоминдела относительно убийства нашего друга и представителя — тов. Воровского[24]. И тогда же я получил целую пачку газет, издающихся заграницей бывшими помещиками и капиталистами нашей страны.

Я не знаю, товарищи, известно ли вам, какую бешеную и по бессмысленности своей небывалую кампанию лжи, выдумок, галлюцинаций ведет сейчас белая эмигрантская печать. Тот период, в который мы с вами живем и который характеризуется великим и возрастающим сплочением Советской власти с трудящимися массами всего нашего союза, великим революционным движением народов и вовлечением в революцию тех народов, которые в ней в предыдущие годы не участвовали, — этот период белая печать характеризует, как период новых восстаний во всех концах страны, период развала государственного аппарата и распада коммунистической партии. И когда читаешь эти листки, которые выходят в Варшаве, Гельсингфорсе, Риге, Ревеле и других местах, то невольно спрашиваешь себя: кто их печатает и для кого они печатаются, сошли ли с ума те, которые печатают, или же здесь расчет на сошедших с ума читателей.

Во имя чего это все печатается? — Во имя того, чтобы стравить нас с империализмом, чтобы обрушить войну, но на кого? Между нами и между империалистами Запада есть ожерелье иностранных государств. И если бы против нашей воли началась бы бессмысленная и преступная блокада, или тем более война, то первые ее удары обрушились бы на эти соседние с нами иностранные государства, в силу логики географического положения. Между тем именно от них исходят эти потоки лжи, галлюцинации и травли через белогвардейскую эмиграцию, через бывших помещиков и капиталистов.

И вот вчера эти два старых рабочих рассказывали мне о том, что они пережили в 18-м году, про холод и голод, но говорили, что теперь им живется несколько лучше. Эти старики, герои труда, привезли с собою

несколько десятков образцов бумаги, которую они там выделывают для разных хозяйственных и культурных потребностей, и корявыми, дрожащими пальцами показывали мне со справедливой гордостью эти образцы нашего возрождающегося производства. Мы с ними говорили: вот бы нам еще 2 года, 3 года, 5 лет мирного труда и мы поднимем наше хозяйство, школы, культуру. Нам ли думать о войне? Нам ли при наших необъятных пространствах, многомиллионном населении, нашей отсталости, нашей бедности, нашей малокультурности думать о насилиях, о завоеваниях, о наступлениях? Мы скажем: да будет проклят всякий в нашей среде, который поднял бы голос во имя наступления, во имя грядущей войны. Один из рабочих 51 год работал у станка, и если сказать ему, что мы, рабоче-крестьянское государство, имеем какие-нибудь наступательные замыслы, то он нас не поймет. Рабочий класс изверг бы из себя всякого, кто не отстаивал бы всеми средствами и путями мира и труда.

И, тем не менее, товарищи, атмосфера по границам Советской республики снова сгустилась и мы снова вынуждены внимательно и не без тревоги следить за тем, чего хотят не только правительства, но и отдельные группы, отдельные клики, отдельные лица в составе этих правительств, ибо при неустойчивом состоянии европейской политики, поведение той или другой группы тех или других лиц, стоящих на высотах империалистической власти, может в данный период так затянуть узел, что потом этим же господам придется узел разрубить при помощи одного из тех мечей, каких у них много в арсенале, больше чем у нас, гораздо больше, чем у нас. Это тоже одна из причин, почему мы всеми мерами и всеми средствами отстаиваем мир и поддерживаем нашу дипломатию, которая честно, искренно, настойчиво борется за независимость Советского союза мирными средствами соглашения.

Товарищи, я думаю, что каждый красноармеец — а у нас красноармеец есть прежде всего гражданин, участвующий активно в политической жизни страны, — понимает и поймет тон, каким говорит сейчас Советская власть и ее дипломатия. Это тон спокойствия, увещания, призыва к благоразумию. Я знаю, что у нас достаточно оснований для негодования, для возмущения, для того, чтобы показать сжатый кулак и скрежетать зубами. Но момент сейчас таков, что нужно призвать к благоразумию, выдержке, осторожности и спокойствию. Масса рабоче-крестьянская, масса всей нашей красной Москвы показала, что она понимает всю тревожность настоящего положения. Мы не знаем, являются ли действия Керзона изолированными действиями Великобритании, или в других, более близких или на таком же расстоянии от нас находящихся, государствах разрабатываются сейчас дипломатические, а может быть и не только дипломатические планы, направленные против нас. И именно поэтому мы не сделаем ни одного шага, не скажем ни одного слова, которые могли бы обострить положение или закрыть путь к мировой развязке путем переговоров. Мы хотим мира больше и выше всего, но, разумеется, не ценой капитуляции,

не путем превращения Советского союза в вассала иностранного империализма.

Правительства Антанты за эти годы войны и Версальского мира не привыкли говорить с другими народами, государствами и нациями, иначе как языком приказов и команды. На это мы скажем, что слова команды до красной Москвы не доходят. Мы, Республика рабочих и крестьян, готовы на величайшие уступки, но на основах независимости и равенства. И вот почему, товарищи, мы целиком все, как один, и в рядах правительства и государственного аппарата и в рядах нашей партии, и в рядах многомиллионных беспартийных масс рабочих и крестьян поддерживаем все шаги нашей дипломатии, направленные к миру и к обеспечению возможности сохранения торгового договора и хозяйственных отношений с другими странами. И не меньше, чем все другие, стоит за нашей дипломатией Красная Армия и Красный Флот, ибо армия лучше, чем другие, знает, что значит война, что значила бы война, если бы ее сейчас на нас обрушили.

Теперь, в нынешней напряженной обстановке Европы, это была бы борьба не на жизнь, а на смерть; это была бы борьба, которая длилась бы не месяцы, а может быть годы, которая поглотила бы все средства и силы нашей страны, которая приостановила бы хозяйственную и культурную работу на ряд лет. Вот почему мы говорим: «Да минует нас чаша сия». Мы хотим мира, все для мира, — так говорит Красная Армия, Красный Флот, часть рабочего класса, плоть от его плоти. Но, товарищи, если бы это желание мирного труда, которое выразили два рабочих, проработавших половину столетия у станка, выразившие это желание из глубины души рабочих и крестьян всего союза — если бы эта наша воля к миру не дала бы нам успеха, и кольцо империализма продолжало бы шириться вокруг нас, если бы вызов следовал за вызовом, принял бы материальную форму и штыки империализма направились бы против нашей груди или для удара в нашу спину, — то от имени Красной Армии и Красного Флота, которые желают мирного труда, я скажу вам, что Красная Армия и Красный Флот долг свой выполнят до конца.

Из архива.

Дивизии имени Киквидзе[25].

Красноармейцев, командиров и комиссаров славной дивизии имени незабвенного героя Киквидзе приветствую с пятилетней годовщиной существования дивизии.

Ныне, когда мировой империализм снова оскалил хищные челюсти против Советского союза, я твердо надеюсь, что в минуту опасности доблестная дивизия выполнит свой долг на страже революции.

«Известия ВЦИК»
16 мая 1923 г., № 107.

Из доклада

на Московской Губернской Конференции металлистов

5-го июня 1923 года.

Товарищи, мы снова входим в тревожный период. Великобританские ультиматумы являются только одним из внешних выражений этого тревожного периода. Мы пережили годы напряженной гражданской войны и интервенции, — после них наступил период так называемой передышки, который наиболее выдающимися пунктами своими имел русско-английский торговый договор и приглашение наших дипломатов в Геную и в Гаагу. От русско-английского торгового договора и до Генуи идет как бы постоянное повышение нашего признания, с нами как будто решили примириться. Я говорю, конечно, о буржуазии, потому что рабочий класс с нами примирился с первых дней появления на свет Советской Республики.

После Гааги начался новый период, более тревожный. Буржуазия даже тех государств, которые заключили или собирались с нами заключить договор, бьет полностью или частично отбой. Утверждают, во-первых, что экономические сношения с нами представляют собою игру, которая не стоит свеч, слишком мало мы ввозим и слишком мало мы способны вывозить. Это главный довод. Второй довод, старый, временно забытый, и теперь опять подновленный, что мы с вами недолговечны, что Советская Республика находится сейчас уже окончательно при последнем издыхании. О последнем издыхании говорили очень много, особенно в первые три года, потом нам дали, повидимому, отсрочку, но теперь уже Россия находится в последний раз при последнем издыхании. Буржуазная пресса вместе с белогвардейской повторяет это на всех языках буржуазной цивилизации.

Нужно, однако, принять во внимание, что под этим настроением имеется, как всегда, и своя экономическая основа. В 19 — 20 годах Европа переживала, как и весь мир, величайший экономический кризис, какого капиталистический мир не запомнит. Под давлением миллионов безработных масс (в Америке было 5 милл. безработных и в Англии 2 — 3 милл.), как обыкновенно бывает, буржуазия, чтобы удержаться у власти, стремилась найти выход даже в сношениях с Советской Россией. Этим объяснялся период заключения русско-британского соглашения и затем нашего участия в Генуе и в Гааге.

В Генуе и в Гааге нам был сделан серьезный вопрос на счет того, в какой мере мы цивилизовались и воспитались под влиянием экономических сношений с Великобританией и другими странами. Когда по целому ряду вопросов и, прежде всего, по основному вопросу о замене государственной собственности частной собственностью бывших владельцев, мы категорически ответили — нет, буржуазия решила подорвать авторитет наших дипломатов.

В Гааге, через несколько недель после Генуи, уважения к нашим дипломатам было уже куда меньше. После Гааги, которая, как вы помните, кончилась ничем, наше международное положение (я говорю всегда об официальном положении, т.-е. об отношениях с буржуазными правительствами) начинает все больше и больше ухудшаться. Лорд Керзон к этому времени уже опирается на новый период экономического улучшения в Англии, и во всем мире. Обычно экономический кризис по законам естественного развития сменяется экономическим улучшением. Сейчас это улучшение в Европе еще далеко не достигло довоенных условий, но, тем не менее, число безработных в Англии сильно сократилось, во Франции оно было и раньше не велико, а в Америке после громаднейшего кризиса мы наблюдаем полный расцвет. Очень многие крупные американские тресты по собственной инициативе за последний год повысили заработную плату рабочим, что заранее парализовало всякое стачечное движение.

С другой стороны, обнаруживается, что наш экономический подъем идет медленно, и что мы в качестве покупателей и продавцев на мирном рынке, представляем собою сейчас сравнительно скромную величину. Есть возможность поднять нашу покупательную способность, это дать нам большие кредиты, вложить в нашу советскую землю заимообразно большие иностранные капиталы на ряд лет. Но положение в Европе и во всем мире так неустойчиво, и буржуазия так мало верит сейчас в свой собственный завтрашний день, что она не решается на операцию, рассчитанную на ряд лет, как это бывало до империалистической войны в старые эпохи. Сейчас мировая буржуазия живет минутой: сегодня сорвал, спекульнул, обобрал Германию, запустил лапу в Рур, вывез, продал, снял барыши и так изо дня в день.

Вот, товарищи, те основные причины, которые заставили буржуазию сказать себе: сегодня Советская Россия и союз советских республик еще слишком малая величина, как покупатель и продавец, вкладывать капиталы, чтобы помочь им восстановить хозяйство, было бы невыгодно, так как только через 5—8 лет можно пожать плоды этого, а кто знает, что́ будет через 5—8 лет.

Кроме того, Советская Республика показала в Генуе и в Гааге, что она не склонна отказываться от своих основных «заблуждений». Правда, она ввела новую экономическую политику, нэп развивается, и рынок расширяется, но железные дороги, земные недра, главные средства производства и основные предприятия промышленности находятся в руках

государства. И Советская Республика не согласна ни возвращать заводы собственникам, ни возместить их потери и убытки. Если ей дать возможность развиваться дальше (а она, хоть и медленно, но развивается), то через несколько лет, сохраняя свои коммунистические принципы, она может стать крупным и более опасным фактором мирового развития, чем сейчас. Поэтому, нужно попробовать сделать на нее натиск, нужно испытать ее устойчивость.

С этим совпала новая бешеная атака нашей белогвардейской печати, связанная с заболеванием Владимира Ильича. Там, заграницей, живет полтора-два миллиона — не будем об этом забывать — бывших русских помещиков, капиталистов, банкиров, генералов, чиновников, профессоров, адвокатов, врачей, которые ждали падения Советской власти со дня на день, разочаровывались, а потом стали надеяться на чудо. И вот, когда получилась первая телеграмма о болезни Владимира Ильича, это окрылило их надежды. Они научились понимать, что значит тов. Ленин для нашей страны и для мировой революции, они научились уже настолько это оценивать, чтобы понимать, что его отход от работы, длительный, хотя и временный, есть страшный минус для судьбы всей революции. Но, кроме того, они твердо рассчитывали на то, что заболевание тов. Ленина вызовет сразу разложение, распад, внутреннюю борьбу в коммунистической партии и руководимом ею советском аппарате. Это была главная и основная надежда. И когда они читали нашу центральную газету «Правда», где были полемические статьи перед съездом, где писал Осинский, возражал Каменев, Мартынов, Красин и др., то эта полемика на страницах нашего центрального органа казалась им преддверием величайшей катастрофы, разрушения всех устоев Советской Республики, и, таким образом, советским светопреставлением. В Гельсингфорсе они организовали специальную фабрику, где фабриковались такого рода слухи: вы могли читать в буржуазных белых эмигрантских газетах телеграммы о речах Преображенского, которых он никогда не произносил, о речах Бухарина, от которых тот приходил в величайшее недоумение, о моих возражениях на упреки, которых я никогда не слыхал и не опровергал. Это занимало всю европейскую и американскую печать, переводилось на все языки, — и так продолжалось в течение недель и целых месяцев. И нужно сказать, что им удалось создать такое впечатление у европейской буржуазии, что мы находимся накануне развала, что партия деморализована и советский аппарат вот-вот обратится в осколки. И в этих-то условиях Керзон сказал: «Надо попробовать сделать на них нажим, — может быть из этого что-нибудь выйдет». Вот экономические, политические и психологические предпосылки керзоновского ультиматума.

В то же время внутри европейских стран происходит, после затишья 21-го и отчасти 22-го года, несомненное оживление массового революционного движения. Тут можно так наметить кривую: в 19-м году, после войны, у рабочих масс всей Европы, как вы знаете, было глубоко рево-

люционное настроение, и, если бы во главе их стояли партии, хоть в отдаленной степени похожие на нашу партию, то пролетариат Европы в 19-м году взял бы в свои руки власть. Но социал-демократическая партия, которую он воспитал в прошлом, ему изменила, и он оказался обезглавленным в самую минуту первого революционного наступления после войны. Был целый ряд неудачных движений, разгром рабочих в Германии и особенно в Италии, удар по рабочим во Франции в мае 20-го года и, в результате, упадок настроения. Рабочая масса замечает, что и после империалистической войны буржуазия осталась у власти, что полицейский и военный ее аппарат окреп и голыми руками ее не возьмешь.

Постепенно начинает создаваться коммунистическая партия — это процесс медленный, а широкие рабочие массы ждут. Ждут они потому, что старая партия их обманула, и они уже не относятся с наивным доверием к новой коммунистической партии, они выжидают. И в 20, 21 и начале 22-го года происходит глубокая заминка в революционном движении и медленный рост коммунистической партии. В этот период интернационал, руководимый нашей российской партией, выдвигает лозунг единого фронта, т.-е. коммунистическое меньшинство предлагает рабочим массам единый фронт во всем движении, всюду, где ведется защита элементарных интересов рабочих масс. Сперва эти лозунги единого фронта отскакивали от старых профессиональных союзов, от социал-демократов, от пассивных рабочих масс, как горох от стены, но экономический подъем, который наступил в течение последнего года в Европе и во всем мире, выбил рабочие массы из состояния пассивности, и теперь мы видим разлив стачечного движения почти во всех странах Европы.

Для стачки рабочим нужно сомкнуться. Вот почему предложения единого фронта со стороны коммунистов, которые являются в меньшинстве, встречают теперь гораздо более сочувственный отклик, и вы, вероятно, читали, что в международном союзе транспортных рабочих нам удалось осуществить единство фронта, т.-е. наше красное транспортное международное объединение и транспортный союз амстердамцев (желтых, как мы их называем, и справедливо называем) смогли создать контактную организацию для совместной борьбы против военной опасности и за общие интересы рабочих-транспортников. Это одна из наших больших побед. Сейчас эти победы ни в чем не выражаются конкретно, но они означают, что мы тараном коммунизма разбили стену равнодушия и заставили желтых вождей старых изменнических профессиональных союзов пойти навстречу союзу Красного Профинтерна. Теперь на очереди такое же объединение в мировом масштабе у металлистов и здесь, повидимому, если не обманут все признаки, удастся заставить амстердамцев организовать международный союз и пойти навстречу нашему союзу для объединения революционных профсоюзов в мировом масштабе.

Что это означает? Это означает углубление классовой борьбы после известного периода ее упадка. Это еще, товарищи, не первый шаг, не

первая глава пролетарской революции на Западе, ибо коммунисты еще в меньшинстве, но это уже приближение к первой главе, переход от упадка к движению, к подъему, а, стало быть, и более благоприятная почва для влияния коммунизма во всей Европе.

Вместе с тем международные отношения не только не входят в рамки нормальной связи буржуазных государств между собою, а остаются попрежнему в высшей степени обостренными, грозящими изо дня в день кровавым взрывом. Мы это видим на истории Рура. Сейчас люди ко всему привыкли после империалистической войны, но если вдуматься, что́ мы имеем перед собою в факте Рурской оккупации, то нужно сказать, что мы имеем перед собою войну, которая не имеет непосредственного характера немедленных массовых боев только потому, что один из воюющих держит другого разоруженным. По существу сотни тысяч французских солдат вторглись в германскую землю, захватили железнодорожные узлы, шахты, расстреливают вооруженных или полувооруженных людей и т. д. Это есть новая форма продолжения той же империалистической войны.

Рурская история вгоняет клин между Англией и Францией, с одной стороны, и между Италией и Англией, с другой. Все это создает условия величайшей неустойчивости, которые имеют для нас двоякое значение: во-первых, они знаменуют крах нашего врага, а, следовательно, и то, что революция может наступить скорей, чем мы за последнее время думали; с другой стороны, этот же крах и неустойчивость Европы делают возможным сюрпризы, в виде ультиматума лорда Керзона и других, может быть, гораздо более серьезных факторов в области международных отношений.

Польша в последнее время все более имела склонность перейти из под руководства Франции под руководство Великобритании. За последние дни там произошла смена министерства. Так называемая левая группировка, наиболее авантюристическая, выразителем которой был Пилсудский, известный «друг Украины», сошла на-нет, и у власти сейчас кулацко-крестьянское правительство Витоса вместе с народовой демократией, т.-е. тамошней торгово-промышленной партией, вроде наших покойников октябристов или кадетов. Эта смена польского правительства отчасти отвечает нашим интересам. Конечно, никто не думает, что польские октябристы нам в классовом или социалистическом отношении ближе или милее, чем польские Керенские, — а Пилсудский есть польский Керенский, только загримированный Наполеоном, — но они опираются на солидный торгово-промышленный капитал. Польская же промышленность, особенно текстильная, при царизме целиком зависела от русского рынка, и польские крупные капиталисты очень заинтересованы в восстановлении с нами мирных добрососедских отношений. И надо думать, что у нас отношения будут теперь более мирными, т.-е. в том смысле, что Витос не будет к нам посылать банды в виде савинковцев или петлюровцев и иных, потому что польские промышленники ему этого не разрешат, а будет стремиться

посылать к нам текстильные продукты. Таким образом, с Польшей отношения как будто бы становятся более благоприятными.

И на Дальнем Востоке Япония как будто меняет свою ориентацию, выходит из-под определявшего ее действия влияния Великобритании и собирается с нами заключить не только экономический договор, но как будто и восстановить в полном объеме дипломатические отношения. Все это пока в самом начале, переговоры ведутся т. Иоффе и есть как будто благоприятные симптомы. Но все это заранее трудно предвидеть, ввиду полной неустойчивости всех мирных отношений.

До мировой империалистической войны мы имели тройственное согласие, с одной стороны, и тройственный союз, с другой. В течение годов и десятилетий дипломаты и начальники штабов вели подсчеты на случай будущей войны, знали, кто с кем будет воевать, где будет поле сражения, обманывали общественное мнение в течение десятилетий. Теперь профессия дипломатов и буржуазных генералов сильно осложнилась, ибо они не знают, против кого мобилизовать общественное мнение, с какой страной, на каком театре войны придется воевать, где принять оборону, ибо полная неустойчивость царит во всех отношениях: как в социальных, так и в междугосударственных.

Вы спросите, вероятно, чем закончится наша любезная переписка с лордом Керзоном. Я, товарищи, должен признаться по чистой совести, что я этого не знаю и очень опасаюсь, что и лорд Керзон в настоящий момент этого не знает. Он начал, как я уже говорил, в момент, когда казалось, что достаточно толчка, чтобы нас свалить. Прошло несколько недель, ничто не свалилось. Он дал нам 10 дней сроку, затем прибавил еще несколько дней, до среды, наконец, к среде с 13-го на 14-й день написал новую ноту, и в ней пишет, что эта нота последняя и просит ответить как можно скорее и окончательно, но на этот раз срока не указывает [27]. Надо надеяться, что наша дипломатия не будет злоупотреблять терпением столь любезного лорда Керзона и ответит в самом ближайшем времени. Но что ответит на это лорд Керзон? Он был министром правительства Бонар-Лоу, и попытки свалить Советское правительство начались еще при Бонар-Лоу, но сам Бонар-Лоу свалился раньше: между двумя нотами произошла перемена министерства [28]. Говорят, что новое более примирительно к нам настроено, — ответственности за это сообщение я нести не могу, — так говорят. Так что получается, что мы сейчас сидим как бы у некоторой лотереи, какой номер выйдет — неизвестно, и это характеризует лучше всего международное положение и дипломатию, и политику буржуазии, когда никакой последовательной линии нельзя проследить и нельзя предусмотреть завтрашнего дня, ибо он не вытекает логически из сегодняшнего. Во всяком случае, если мы предположим худшее — разрыв, это, разумеется, будет серьезным ущербом для нас, но все же таким ущербом, который мы перенесем.

Мы становимся все более экспортирующей страной, которая экспортирует зерно и лес, прежде всего, а также и другие виды сырья: лен,

пеньку, кожу. Англии наш лес нужен до зарезу. Что касается хлеба, то он нужен несколько меньше, хотя и здесь нужно сказать, что всей Европе придется у нас покупать хлеб, по мере того, как мы его будем вывозить. Мы сейчас можем назвать цифру более 50 миллионов пудов всех видов зерна. Правда, это небольшая цифра по сравнению с довоенным вывозом: мы вывозили тогда 600—700 миллионов, а иногда и до 900 миллионов пудов, а в среднем 500—600 миллионов. Но в следующем году, если виды на урожай не обманут нас, эта цифра увеличится до 200 миллионов пудов и более. Правда, и Америка вывозит хлеб, но за него нужно платить золотом, потому что Америке от Европы кроме золота ничего не нужно. В европейских машинах Америка не нуждается, а сырья у Европы самой нет. Но Европа и так должна Америке 20 миллиардов золотом и не может их заплатить, поэтому Европа у Америки почти ничего покупать не может. А у нас? И мы, конечно, не прочь за зерно взять золотом, но мы и машиной возьмем, и другими продуктами промышленности. В Америку Европа вывозить не может, а к нам может. Вот почему, если дело затянется, т.-е. если революция не наступит в ближайшем будущем, и буржуазия удержится еще три, четыре, пять лет, то английская буржуазия покобенится-покобенится, а потом вынуждена будет есть советский хлеб, и пользоваться советским лесом. О других странах и говорить нечего: Италия без нашей пшеницы жить не сможет. Вы знаете, что итальянское национальное блюдо — макароны; они делаются из твердой пшеницы, а наша кубанская южная пшеница тверда, как раз по итальянскому вкусу, и чтобы ни говорил Муссолини, как бы ни мудрил он по части фашизма, все-таки придется ему есть нашу твердую пшеницу. Это наш большой козырь, можно сказать смело, и вот почему даже разрыв хозяйственных сношений с Великобританией, который, конечно, будет ущербом для нас, только замедлит наш хозяйственный подъем, но не задержит его совершенно и не сможет нас опрокинуть.

Из архива.

Доклад

на VI Всероссийском Съезде металлистов

16-го июня 1923 года.

Товарищи, в центре внимания международной политики стоят сейчас два вопроса: Рур и великобританский ультиматум.

Я остановлюсь на последнем, так как он непосредственно затрагивает нас.

Десятидневный ультиматум по календарю лорда Керзона — это такой ультиматум, который предъявляется 5-го мая, а сегодня, кажется, у нас 16 июня, т. е. прошло почти столько времени, сколько по библии длился потоп, а дело еще не пришло к окончательной развязке.

Чем, однако, объясняется этот не вполне точный в отношении срока ультиматум, и чем объясняется величайшая уступчивость, проявленная нами в ответ на этот ультиматум?

Тут нужно говорить ясно и отчетливо: Англия, — я, конечно, говорю, о правящей буржуазной Англии, в этом ультиматуме остается верна своей традиционной политике. Она рассматривает даже нынешнюю борьбу с нами в известном смысле, как продолжение борьбы с Россией вообще.

В чем состояла и сейчас состоит основная линия английской политики? Надо не забывать, что во главе Великобритании стоит наиболее опытная буржуазия. Не то, чтобы каждый ее Керзон был семи пядей во лбу, — этого нельзя сказать, — но у всех Керзонов вместе накоплен в течение столетий коллективный разум, коллективный опыт, коллективное вероломство великобританских правящих классов. Существо политики Англии всегда состояло в том, чтобы, стравив одно государство, более сильное, с другим менее сильным, оставаться в стороне, вознося молитвы господу империализма. Это традиционная политика Англии в течение столетий.

Англия была глубоко враждебна и царской России. Англия есть океан воды, а Россия — океан суши, который соединяет Европу с Азией. Англия своим океаном стремится ожерельем охватить каждый материк, и в Азии она всегда сталкивалась с империалистическими, захватническими тенденциями русского царизма. Во время Крымской войны, в 55-м году прошлого столетия, Англия выступила на стороне врагов России. Во время русско-турецкой войны в 78 году, Англия снова была на стороне врагов России. Во время русско-японской войны Англия была на стороне Японии.

Лишь в 1907 г. после первой русской революции, политика Англии меняется. Считая, что Россия достаточно ослаблена неудачной войной с Японией, революцией, внутренним неустройством и пр., Англия заключает в 1907 году англо-русское соглашение по персидскому вопросу, которое является вступлением к англо-русскому союзу.

Накануне империалистической войны Англия колеблется. Товарищи, когда английский пролетариат откроет все железные шкафы английской дипломатии, если эти хитрецы только не уничтожат их, он найдет бесспорные доказательства, что Великобритания хотела империалистической войны более всех других государств. Если бы Англия 1-го августа 1914 г. сказала, что она будет воевать, — то ни Германия, ни Австро-Венгрия не полезли бы в войну, а пошли бы на уступки [29]. Если бы Англия сказала, что она не будет воевать, — то и Россия, и Франция не стали бы воевать, а пошли бы на соглашение. Накануне войны Англия держалась провокаторски и, таким образом, обрушила на европейский континент войну. По отношению к Руру то же самое. Если бы Англия не хотела, чтобы Франция увязла в Руре, ослабляя себя и истощая Германию, то рурской истории не было бы. Англия провоцировала ее, Англия хотела ее, а теперь она стоит в стороне и наблюдает, чтобы найти момент для своего вмешательства. Оставаться в стороне и загребать жар чужими руками — в этом существо политики самой вероломной в мире великобританской буржуазии.

Вспомните политику Англии во время эпохи интервенций и блокад. Все эти факты так свежи в нашей памяти, что я не буду их перечислять, хотя не скрою от вас, что как только получился ультиматум, я поручил у нас в военном ведомстве составить маленький списочек того, что совершила по отношению к нам официальная Англия за первые три года интервенций и блокад. Прежде всего я напомню, что во время империалистической войны Россия потеряла 3.080.000 чел.; Англия же потеряла во время войны 455.000, т.-е. в 6 раз меньше, чем Россия. Для того, чтобы лорд Керзон считал себя в настоящий момент достаточно могущественным, чтобы предъявить нам десятидневный ультиматум, нужно было, чтобы пролилась во славу английского империализма кровь трех с лишком миллионов русских рабочих и крестьян. Этот счет мы тоже когда-нибудь предъявим английской буржуазии. После того, как победа Англии была обеспечена гибелью трех с лишком миллионов русских крестьян и рабочих, Англия открывает эпоху интервенций и блокад. Та же политика и в большом, и в малом. Англия с нами не воюет, но у нее есть свои экспедиционные части под Архангельском, под Мурманском. Для чего? Для того, чтобы мобилизовать там для белогвардейцев русских крестьян и рабочих, и заставлять их сражаться против крестьян и рабочих красных. Англия потеряла на севере в архангельско-мурманском районе во время оккупации не более 10 — 15 человек, расстреляла же она сотни. У английской контр-разведки там был свой излюбленный метод: тех, кого она

заподозревала в несимпатии к русской буржуазии, она просто спускала под лед.

Сейчас Англия требует от нас компенсации двум великобританским гражданам — мужского и женского пола. Они занимались у нас невиннейшими делами: шпионили, помогали взрывать железные дороги, убивать советских деятелей и проч. И один из них пострадал — был расстрелян (но это профессиональное несчастье военного шпиона), а другую — посадили в тюрьму. Теперь мы должны уплатить 30.000 золотом этой госпоже и 70.000 пенсии наследникам почтенного джентльмена. Надо признать чрезвычайную умеренность лорда Керзона, который не требует от нас уплаты пенсии 15-ти или 30-ти англичанам, которые погибли на нашем севере.

Два слова о роли Англии на Кавказе. Мы все помним эту историю расстрела на глухой станции вывезенных из Баку 26-ти большевиков, вошедших в историю под именем 26 бакинских комиссаров, произведенного по распоряжению английского офицера Тиг Джонса и с согласия английского генерала Томпсона [30]. Когда-нибудь мы потребуем пенсии и возмещения за 26 наших бакинских товарищей, из которых тов. Шаумян был старейшим революционером и членом ЦК нашей партии.

Вот схематическая картина роли Великобритании во время империалистической и гражданской войн. Затем поворот — торговое соглашение с нами. Почему? Под влиянием жесточайшего кризиса и в поисках выхода из него. Три миллиона безработных ложились колоссальным бременем на британский бюджет, и Ллойд-Джордж надеялся, во-первых, помочь безработице, и во-вторых, первым войти в Россию и при помощи английского капитала реорганизовать, т.-е. экономически закабалить и превратить ее в колонию. Прошло около двух лет этой торговой политики. Что она обнаружила? Прежде всего, то, что мы развиваемся в хозяйственном смысле медленнее, чем этого хотели бы нетерпеливые барышники из Сити и не по той линии, на которую они рассчитывали. Они рассчитывали, что нэп есть капитуляция русского пролетариата в области хозяйственного строительства, а этого в действительности нет. С другой стороны, экономическое положение Англии улучшилось и для данного момента роль англо-русских хозяйственных отношений в общем балансе Великобритании не так велика.

Наряду с этим мы наблюдаем перемежающуюся лихорадку европейской буржуазии как в международном, так и во внутреннем отношениях. Об этом надо сказать точно и конкретно, чтобы ясно понять, что мы снова вошли в острый и тревожный период, который грозит нам осложнениями, подобными британскому ультиматуму, и, может быть, еще более серьезными. Несмотря на экономическое улучшение положения в Англии и отчасти в других странах Европы (я не говорю об Америке, где жизнь капитала пульсирует более могущественно), основа хозяйства капитализма ярче всего выражается в рурской оккупации, которая означает разорение

и потенциальную войну. Нормальной капиталистической жизни в Европе нет, и нет даже приближения к ней.

Такой мелкий факт, как переворот в Болгарии, о котором мы недавно читали, свидетельствует о продолжении перемежающейся лихорадки всего буржуазного общества, по крайней мере в Европе [31]. В настоящее время опрокинуть государственную власть при помощи вооруженных контр-революционных банд стало обычным приемом в ряде стран. Муссолини, бывший социалист-ренегат, организует банды на глазах общества, окружает ими Рим, входит в парламент и заявляет, что он хозяин. И ему рукоплещет весь мир. А когда мы поступили энергично по отношению к Учредительному Собранию, это Европе не понравилось. Я не хочу наш октябрьский переворот хоть в какой-нибудь мере ставить на одну доску с итальянским переворотом, а говорю это для того, чтобы показать, как обнажилась в борьбе буржуазия Европы, которая от благочестия Ллойд-Джорджа переходит к открытому контр-революционному перевороту. Болгарский переворот произошел по фашистскому образцу. Последние телеграммы говорят, что организован он при прямом содействии агентов Англии и Италии. И было бы поразительно, если бы это было не так. Сегодня получены сведения о перевороте в Персии: там открыто работает английская агентура, там же находится тов. Шумяцкий, отозвания которого требует Англия. Но под шумок переговоров Англия свергла персидское национальное правительство, т.-е. правительство, опирающееся на бесспорную волю подавляющего большинства масс, и установила свою агентуру.

Рурская история не исчерпана. Осложнения из нее вырастают каждый день в виде расстрелов и арестов. Во Франции была попытка роялистов, которые превратились во французских фашистов, путем застращивания начать наступление на государственную власть. Попытка пока сорвалась. Но все эти факты характеризуют неустойчивость внутреннего и международного положения во всей Европе.

И, вместе с тем, есть очень важные симптомы того, что буржуазия подготовляет для себя другую ориентацию прежде всего во Франции, а затем и в Англии. Во Франции царит национальный блок. Что такое национальный блок? Это крайне эксплоататорская организация, это — адвокатская политическая клика, которая была поднята войной и на гребне победы донесена до безраздельной политической власти в стране. Но сейчас иллюзии победы, которые сеялись национальным блоком, исчезают в народных массах Франции, и не только рабочих, но и крестьян,—буржуазия выдвигает там левый блок радикалов, радикалов-социалистов, социалистов-меньшевиков. Ближайшие выборы — через 11 — 12 месяцев, — по всей вероятности, неизбежно приведут, если не случится чего-нибудь покрупнее раньше в международной обстановке, к победе радикально-социалистического реформистского блока, к тамошней керенщине, которая неизбежно приведет к тому или иному соглашению с Советской Россией. Отдельные

представители французского блока к нам уже приезжают. Они очень одобряют, в частности, нашу Красную Армию. Они говорят: хорошо, если бы ее присоединить к французским войскам в случае, если нам будет грозить какая-нибудь опасность. Один из них сидел у меня, когда полк, певший «За власть советскую», проходил перед окном. Он подскочил, послушал и одобрил. Во Франции—повторяю—происходит ориентация на левый блок, и происходит потому, что правое крыло буржуазии исчерпало себя.

Мы будем наблюдать в ближайшие годы во Франции чрезвычайно интересную внутреннюю борьбу, в которую острым клином врежется наша коммунистическая партия, которая теперь работает там рука-об-руку с революционными профессиональными союзами. Эта борьба приведет к победе левого блока, а это будет знаменовать бессилие буржуазии, невозможность для нее активно бороться против Советской России. Победа левого блока обеспечит нам серьезные гарантии мира на западной границе.

Консерваторы в Англии тоже не на вечные времена выбраны,—рабочая партия, т.-е. английский меньшевизм, английские либералы, независимые, словом, все, что должно дать английскую керенщину или милюковщину,—все это должно пойти на смену консерваторам, правым крылом которых является группа лорда Керзона. Это будет через год или через два. Можно не сомневаться, что победа левого блока во Франции автоматически поведет за собой усиление реформистской меньшевистской позиции в Англии.

В остающийся до этих изменений год консервативное крыло буржуазии попытается использовать фашистскую войну против Советской России, которая и сейчас, разумеется, является основной опасностью в глазах мировой и в особенности великобританской буржуазии. В чем состояла задача лорда Керзона, когда он предъявил нам ультиматум? Он надеялся на то, что мы в ответ сделаем такое движение, которое можно будет истолковать как пощечину, нанесенную великобританскому правительству, и которая оскорбила бы и общественное мнение всех английских филистеров, мещан, пошляков, и в том числе и мещан и пошляков из английской рабочей партии, а говорят, что процент их довольно высок. Но мы эту нехитрую ловушку поняли.

Нам надо было заставить понять филистеров, в чем тут дело, и, потому, что черепа их сделаны из такого материала, который пробивать нужно долгое время,—десятидневного срока, данного нам лордом Керзоном, нам не хватило. Вот, товарищи, объяснение нашей политики. Задача состояла в том, чтобы сказать: лорд Керзон проявляет великодушие, но мы еще более великодушны: лорд Керзон миролюбиво настроен, но мы настроены еще более миролюбиво; он не хочет войны, а мы трижды не хотим ее. Вот смысл нашего ответа.

Мы, таким образом, занимались дипломатической подготовкой, разъясняли, вколачивали и кое-что в этом успели. Первый формальный результат заключается в том, что срыва, повидимому, не будет; но я счи-

таю, что этот результат минимальный, потому что при характере лорда Керзона, — а его характер отражает только характер правящих групп английской буржуазии, — не может быть никакой устойчивости в наших отношениях с Великобританией. Посудите сами: во время интервенции мы расстреляли английского шпиона и давным-давно забыли об этом. Торговое соглашение было подписано после этого. Теперь нам заявляют: заплатите наличными, не то мы разрываем торговые сношения с вами. Ведь это, товарищи, чудовищно, это свидетельствует о том, что у этой опытной, умной великобританской бюрократии нервы не в порядке, это нам грозит всякими вымогательствами, домогательствами как в ближайшем, так и в дальнейшем. Поэтому больших гарантий в смысле устойчивости современное положение в себе не заключает.

Ведь дело пахнет не только возможностью разрыва с Великобританией. Обратите внимание на то, что, когда Великобритания хотела использовать нашу неловкую, нетерпеливую попытку для возбуждения против нас общественного мнения в Англии, правящая Франция немножко любезничала с нами и как раз в тот момент, когда истекал срок ультиматума. Для чего это делалось, товарищи? Несомненно, чтобы нас подбодрить, чтобы мы знали, что у нас есть «друзья» в Париже, а если бы мы очень обрадовались этим друзьям и попали в ловушку, то на нашей спине Пуанкаре с Керзоном великолепно бы соединились.

Мало того, у нас есть соседи Польша и Румыния и, несмотря на все заверения лорда Керзона в своих миролюбивых планах, несомненно, наши «друзья» рассчитывали создать нам военные затруднения на нашей западной границе и использовать остающийся короткий период, в течение которого, как я уже сказал, повидимому, будут господствовать национальные блоки.

Вот, товарищи, в чем состоял наш план, вот какую цель мы своей уступчивостью преследовали. Мы показали, что никакого похода на Запад, как об этом постоянно твердят русские белогвардейцы и иностранные враги, мы и не собираемся предпринимать. Но наша уступчивость отнюдь не свидетельствует о недостатке силы, которую в самой неблагоприятной обстановке мы могли бы применить в случае вызова со стороны западноевропейского империализма.

Осторожность, которую мы проявили в данном вопросе, имела хорошие педагогические последствия. Она сорвала замыслы буржуазии в настоящий момент. Но полного мира ни в каком случае мы не можем иметь потому, что, прежде всего, остается, как я сказал, неустойчивое положение в Европе и, кроме того, гигантский революционный процесс на Востоке, который особенно беспокоит Англию. Ведь ультиматум главным своим пунктом, по определению самого Керзона, имел так называемую пропаганду на Востоке. Требование Керзона о прекращении на Востоке пропаганды, по характеристике более проницательных буржуазных публицистов, есть по существу своему бессодержательное требование, ибо дело не

в том, что тот или другой советский гражданин, туда приехавший и даже занимающий официальный пост, в том или другом заявлении нарушил бы права Англии эксплоатировать и грабить народы Востока, — а в том, что наш строй, если он сумеет себя повести как следует быть в национальном вопросе, является величайшей смертельной угрозой для всякого колониального могущества и, прежде всего, для великобританского.

Вот почему Англию больше всего беспокоит резолюция XII съезда партии по национальному вопросу[32]. Мы развили и уточнили нашу национальную политику и принимаем серьезные меры, чтобы ее проводить во всех отношениях и прежде всего в таких странах Советского Союза, как Туркестан, Азербейджан, где это имеет большое показательное значение для Востока. В частности, эту политику, которую мы проводим в силу наших возможностей, рессурсов и навыков, мы стараемся проводить и в области военного строительства. Мы ставим себе задачей добиться того, чтобы Туркестан через несколько лет защищался бы в первую голову туркестанскими войсками—войсками, которые будут сознательно бороться за свою республику, и тот факт, что рядом с Афганистаном, который считается независимым, но фактически порабощен Англией, будет жить Туркестан, все более и более развивающийся на своих национальных основах, будет иметь очень большое значение. Вот куда мы переносим величайшую часть нашего внимания и сил и, конечно, от этого нас не отучат никакие ультиматумы.

Процессы раскрепощения угнетенных народов, товарищи, совершаются не так быстро, как мы хотели бы. Поэтому надо сделать все для того, чтобы в ближайший период, который будет очень острым и лихорадочным периодом, армия наша не ослаблялась, а крепла. Несмотря на то, что главное внимание, главные силы свои мы направляем сейчас на хозяйственное возрождение страны, на-ряду с этим мы сделали первый шаг в деле перестройки нашей армии на милиционных началах.

Одна пятая пехотной дивизии будет отныне состоять из частей, в которых только постоянный состав, т.-е. командный, политический, административно-хозяйственный состав и обслуживающие учреждения входят в кадр, — а переменный состав, бойцы, не отрываясь от фабрик, заводов и деревень, только время от времени будут втягиваться в кадр для сплочения и обучения. В этом состоит сущность милиционной системы. Она приближает армию к очагам хозяйства, к фабрикам и заводам, она сочетает бойца и рабочего еще более, чем это было до сих пор в нашей армии. Милиционная система ставит новые задачи перед профсоюзами. Наши профессиональные союзы с первого дня революции проявили огромную энергию в деле развития Красной Армии. Сейчас эта связь профсоюзов с армией выражается в шефстве, которое не всегда принимало у нас правильные формы, но всегда играло огромную моральную, воспитательную и политическую роль. При милиционной системе связь пролетария и солдата должна быть еще ближе и непосредственнее, и нужно

разработать формы и методы непосредственного участия профсоюзов в лице его центральных и местных органов в строительстве вооруженных сил милиции. Нужно, чтобы аттестование командного и политического состава, аттестование бойцов, их оценка, группировка, — вошло известной своей стороной в повседневную работу профессионального союза, чтобы армия была в подлинном смысле слова органом организованного рабочего класса. Вот первая задача, которую мы должны совместно разрешить, и которую, я не сомневаюсь, разрешим успешно. А превращение Красной Армии в милиционную будет совершаться постепенно. После одной пятой мы перейдем ко второй пятой, когда эта реформа обнаружит свою жизненность и силу.

Для укрепления армии нам необходима авиация. Эта идея достаточно популяризирована нашей печатью, и я не буду на ней останавливаться. Я мог бы только, товарищи, еще раз подать совет — по поводу каждого события международной жизни, по поводу каждого удара, укола и даже крупного щелчка по нашему адресу создавать, так сказать, зарубку в нашей памяти. Нам предъявили ультиматум, — мы строим отряд аэропланов и называем его «Ультиматум». Переворот в Болгарии — мы создаем отряд или аэроплан и, если тов. Чичерин нам разрешит, мы его назовем «Красная Болгария». Если на все наступления буржуазии мы будем отвечать постройкой аэропланов, то, может быть, мы всем этим наступлениям когда-нибудь положим конец.

Товарищи, для того, чтобы работа по развитию авиации и всей нашей военной техники была возможна и плодотворна, нам необходимо развитие промышленности, и прежде всего, той промышленности, которая вырывает из земли руду и при помощи угля превращает ее в металл. А металл нам дьявольски нужен, металла у нас мало. Вместо того, чтобы рассказывать все то, что я вам рассказал по поводу международной политики, можно было бы на вопрос о том, почему Керзон послал нам ультиматум — ответить: потому, что в Америке на душу населения приходится, скажем, пудов 20 чугуна, а у нас до войны приходилось на душу 1 п. 32 ф., а сейчас — 14 фунтов. Я думаю, что каждый рабочий в нашей стране и прежде всего каждый металлист должен знать эти цифры. Металла у нас мало, а новая культура и новая техника — есть техника металла.

Наша металлургия продолжает оставаться в тягчайшем положении не по вине профсоюзов, ими руководящих, а в силу нашей общей беды: мы строим хозяйство новыми методами на новых основах, но методы эти очень плоховаты. Факт бесспорный, что профессиональные союзы достигли того, что рабочий отдает сейчас производству почти ту же самую сумму своей жизненной энергии, своих нервов и мышц, какую он отдавал до войны. Интенсивность, напряженность труда приблизилась в большинстве отраслей промышленности, в том числе и металлической промышленности, к до-военному уровню, а объективная производительность труда составляет на одного рабочего, вероятно, 12 — 15%,

а на оборудование — гораздо меньше. В чем тут дело? Мы ведем в области промышленности экстенсивное хозяйство. Экстенсивным хозяйством называется такое хозяйство, когда человек пользуется естественными богатствами, прилагая недостаточное количество техники, капитала, и берет у природы одну пятую — одну десятую часть того, что она может дать. Такой метод ведения хозяйства проводить в течение долгого времени нельзя. Мы не можем требовать, чтобы рабочий класс, в течение 5 или 10 лет, давал 100% своей производственной энергии, если мы не будем учиться приспособлять средства производства, сырье и рабочую силу к объекту производства. Концентрация производства и правильная внутренняя организация — вот центральная задача, разрешение которой определит всю нашу судьбу, — такая же революционная задача, какой была в октябре борьба с буржуазией за государственную власть.

Нам надо всю нашу воспитательную работу, агитацию, пропаганду нашей печати не только профессиональной, которая стоит ближе к производству, но и печати общей, перестроить в этом направлении; но строить ее не в смысле призывов, а в смысле систематического правильного воспитания, построенного конкретно на условиях каждого данного производства. Я недавно говорил с группой товарищей, которые непосредственно связаны с рабочими низами в их повседневной работе. Они говорят: «Сейчас у рабочего есть тяга к повышению своей квалификации, у него есть интерес к технике производства, как к таковой, он ищет учебников». Есть у нас учебники? Нет. И нам необходимо создать сейчас, прежде всего, рабочие библиотеки, в которых рабочий, интересующийся своим производством и желающий в нем подняться по ступенькам вверх, мог бы найти необходимые пособия. Дело сейчас у нас перешло, как прекрасно выразился в последней статье тов. Ленин, к культурничеству, сейчас путем частных усилий, крупица за крупицей, мы строим новый быт на завоеванных революцией основах[33]. Культурничество есть, другими словами, сугубое внимание ко всем мелочам быта, жизни и техники производства во всех отношениях. Поэтому нужно, чтобы в массовой работе и, прежде всего, в вашем производстве, которое по существу своему является передовым, рабочий получал от своего профсоюза, от руководящих органов компартии не только книги, которые его учат производству и помогают ему совершенствоваться в нем, но и освещение всех сторон его быта. В истекший период все вопросы, кроме непосредственно связанных с революционной борьбой, отодвигались на задний план, сейчас же рабочий класс, а за ним и крестьянство будут ждать от нас, и в первую голову от профсоюзов, ответа на все вопросы быта. У нас церковь, с одной стороны, с попом и кадилом, с другой стороны — профсоюз. Сумеет ли профсоюз объяснить и указать рабочему его место в мироздании, в производстве, в мастерской, в цехе? Сумеет ли повысить, облагородить его интерес, украсить его жизнь? Чтобы научиться это сделать, нужно постепенно подходить к мелочам быта, отражая их в нашей печати го-

раздо более внимательно, тщательно и умело, чем это делалось до сих пор. Если на этом закончить, товарищи, то я повторю еще раз: все это будет успешно лишь постольку, поскольку наше хозяйство будет подниматься, поскольку производительность труда на единицу оборудования и на единицу рабочей силы будет повышаться, а это, в свою очередь, возможно только при правильной научной организации труда.

В основе нашего труда и его научной организации в нашу эпоху лежит металл. Наша старая российская культурность, или, вернее, бескультурность, была построена на соломе, на тесе. Теперь же нужен металл, и чем дальше, тем больше этот металл нужен, ибо даже в области строительства новая эпоха есть эпоха железа, бетона и стекла. Надо сказать, что и в старом характере, особенно в крестьянском, расплывчатом, бесформенном характере русского народа всегда не хватало немножко металла Вы знаете, какую роль играет железо в крови человека. Если железа мало в крови — дело плохо. У нас, в нашем хозяйстве мало железа, и в кровеносных сосудах нашего хозяйственного организма слишком мало железа. Побольше металла в народное хозяйство! Побольше металла в народный характер!

Да здравствует металл!

По стенограмме VI съезда металлистов.

Из речи

на общем собрании представителей партийных, профессиональных, комсомольских и др. организаций Красно-Пресненского Района.

25-го июня 1923 года.

Товарищи! Новейшая наша история начинается с ультиматума лорда Керзона, позвольте с этого исторического факта и начать.

Вы помните, товарищи, содержание ультиматума, помните, что вместо 10 дней история тянулась не то 41, не то 42 дня, помните, что по очень существенным пунктам мы уступили, по некоторым тоже существенным не уступили. Чтобы подвести баланс, вспомним, в чем именно мы уступили лорду Керзону. Во-первых, мы взяли обратно письма тов. Вайнштейна, которые были написаны не в полном соответствии с учебником хорошего тона. Во-вторых, по вопросу о рыбной ловле в 3-или в 12-мильной прибрежной полосе мы отдали дань уважения дальнобойным морским орудиям Великобритании и признали за ней право ловить рыбу в мутной воде дальше трехмильной полосы. Мы чистоганом уплачиваем 100.000 рублей. По вопросу о пропаганде мы с чистой совестью обязались не делать против Англии ничего худшего, чем то, что она будет делать против нас на началах полного равенства сторон, и я не сомневаюсь и вы вместе со мною, что слово наше крепко, — за царские договоры мы не отвечаем, но свои выполняем вполне серьезно.

По вопросу об отозвании наших двух представителей, тт. Раскольникова из Афганистана и Шумяцкого из Персии, мы ответили отказом. В своей последней ноте или меморандуме лорд Керзон изображает дело так, что мы в порядке внутренней службы—что-то в этом роде—все-таки Раскольникова как-то отзовем. Место это темное. Во всяком случае мы по этой части никакого обязательства никому не давали: раз дело идет о внутренней службе,—то это и касается только Советского правительства и больше никого. Что касается Шумяцкого, то лорд Керзон предлагает оставить его в Персии, сделав ему строгое внушение. Мы признали это при условии, что такое внушение будет сделано тамошнему представителю Великобритании, а что он в некотором внушении нуждается, в этом вы можете поверить мне, товарищи.

Вот формальный баланс. По некоторым существенным пунктам без всякого с нашей стороны удовольствия мы уступили, по другим отказали,

и договор сохранился. А если попытаться подвести не формально дипломатический, а политический баланс и спросить себя: а что же в результате этой попытки наступить нам на горло десятидневным ультиматумом стали мы слабее или сильнее, — то я думаю, товарищи, что без бахвальства мы можем сказать, что мы стали сильнее. И не потому, чтобы мы проявили какую-нибудь исключительную изощренность или дипломатическую мудрость, а потому просто, что десятидневный ультиматум не только не вызвал с нашей стороны капитуляции, но превратился в 40-с лишним дневные переговоры, в результате которых были уступки и все свелось на гнилой компромисс между могущественной Великобританией и Советским Союзом.

Для того, чтобы оценить значение того факта, что после этого нажима в виде ультиматума Великобритания пошла на компромисс, надо себя спросить: а почему собственно появился этот ультиматум? Почему он появился в данный момент, какие задачи при этом преследовали авторы этого ультиматума? Для этого, товарищи, надо в общих чертах оценить положение остальных европейских государств, т.-е. европейской буржуазии. Я не собираюсь вам сказать что-нибудь радикально новое по этому вопросу, а только кратко свести воедино то, что в общем и целом каждый из вас знает из повседневных газетных сообщений, из ряда докладов, книжек и пр.

Европейская буржуазия в настоящий период переходит, пожалуй, через высшую точку контр-революционного империалистического размаха своей силы. Толчок был дан империалистической войною, после войны были колебания, испуг перед рабочим классом, но затем буржуазия оправилась и стала брать реванш. К власти приходят все более и более консервативные, реакционные милитаристские партии. Способы и формы господства принимают все более обнаженный военно-полицейский характер.

Проверим на главных странах:

В Великобритании к власти пришла консервативная партия, т.-е. крайнее правое крыло английской буржуазии, английского землевладения и колониального господства. Во Франции — национальный блок, выросший из войны, колебался. Был период Бриана, когда господствующая плутократия всех видов и форм качнулась влево; затем с пришествием Пуанкаре национальный блок все более и более ориентировался вправо. Эта ориентировка привела к Руру, к военному захвату угольных областей Германии, а Рур сейчас продолжает оставаться центральным вопросом европейской экономики и европейской политики, а вместе с тем и мировой.

В Италии расхлябанная и пустопорожняя игра в парламентаризм сменилась пришествием к власти контр-революционных отрядов буржуазии в лице фашизма и открытым удушением рабочих организаций. За последние дни Муссолини провел не только через парламентские комиссии, но и через парламент новый избирательный закон, который отдает в руки фашистской партии $^4/_5$ голосов на неопределенное количество лет, — разумеется, если этот закон не будет прорван снизу контр-фашистским пролетарским кулаком.

Германия собственной политики не имеет, а зависит от требований и домогательств Антанты.

Что касается меньших стран, — то Польша проходила со времени своего основания через мелкобуржуазную националистическую и милитаристическую керенщину, возглавлявшуюся Пилсудским. После колебаний и внутренней борьбы в Польше сейчас у власти стоит блок правых партий, т.-е. польских помещиков и капиталистов, в лице так называемой «народовой демократии», центра и партии Витоса, т.-е. партии кулаков. Правая ориентировка, в социальном смысле, глубоко реакционная.

В Румынии, после попытки демократических и квази-демократических правительств путем государственного переворота и фактического прорыва конституции, к власти пришли либералы. Эти либералы представляют собою одну из самых контр-революционных партий во всей Европе. С либерализмом даже в самом снисходительном толковании они никогда не имели и не имеют ничего общего, но в этом нет ничего удивительного, потому что в Румынии вся официальная политика насквозь фальшива вплоть до имен политических партий.

В Болгарии только на-днях произошел государственный переворот и господство так называемой земледельческой крестьянской партии, возглавлявшейся Стамбулийским, сменилось пришествием к власти блока всех буржуазных партий, сметенных после войны. Кстати сказать, в полученном сегодня последнем номере Милюковских «Последних Новостей» есть очень любопытная статья о болгарском перевороте. Милюков, как вы знаете, старый друг славянства, особенно Болгарии. Теперь он ориентируется влево, в сторону крестьянства, и считает, что либерализм должен уступать крестьянскому демократизму. Тем не менее, в этой статье он бурно приветствует болгарский переворот, как победу разумной политики над политикой крестьянской демагогии. Этой одной статьи было бы совершенно достаточно, чтобы разоблачить политику кадетов перед крестьянскими массами России.

Итак, общая картина сводится к чему? Консерваторы, крайние правые — в Англии; крайние империалисты, национальный блок — во Франции; фашисты — в Италии; консервативные правые — в Польше; контр-революционная партия либералов — в Румынии и, как один из последних факторов — контр-революционный буржуазный переворот в Болгарии. Мы как бы наблюдаем, что качели контр-революционной реакции, брошенные вперед, поднялись до высшей точки. Буржуазная реакция подошла к критическому моменту. Чтобы яснее и конкретнее понять это, мы остановимся в двух словах на внутреннем положении Англии и Франции.

В Англии господствуют консерваторы. Либералы стали третьей партией по численности. Непосредственной опозицией является рабочая партия. На выборах она получила больше голосов, чем либералы. Вся политика в Англии стоит сейчас под знаком неизбежного прихода к власти рабочей партии. Тамошнюю рабочую партию вы знаете: это английский меньше-

визм, реформизм. По существу, лидеры рабочей партии являются политическими агентами буржуазии. Но в том-то и суть, что бывают периоды, когда буржуазия правит через таких агентов, как Керзон, который был индийским вице-королем, но бывают и такие моменты, когда она вынуждена итти влево и управлять народными массами через Макдональда, Гендерсона и других.

Влияние рабочей партии увеличивается неизменно. Вы читали вчера в газетах, что в Морпет на дополнительных выборах победил Роберт Смайли,— один из левых лидеров рабочей партии, причем он выступал с программой не только сохранения договора с Советским Союзом, но и полного дипломатического признания Советской России. Он получил очень значительный перевес голосов против блока консерваторов и либералов. Факт симптоматический. Товарищи, которые следят за жизнью Великобритании, рассказывают, что там буржуазные партии считаются как с неизбежным фактом с тем, что годом раньше или позже придет к власти рабочая партия, и что буржуазии нужно приспособиться к тому, чтобы свои интересы проводить уже не через своих старых признанных лидеров, а через посредство меньшевиков из рабочей партии.

Политическая жизнь Франции также стоит перед переломом. Общие выборы в парламент предстоят не то через 10, не то через 11 месяцев во Франции, причем, судя по частичным выборам, настроению в стране и, главное, объективному положению во Франции — можно ожидать, что на смену национального блока придет так называемый левый радикальный блок — радикал-социалистов и социалистов-патриотов реформистов — блок мелкобуржуазной демократии. Прежде всего, это вытекает из финансового положения французского государства. Промышленность во Франции остается крепкой. Сельское хозяйство, хотя и потрясенное в низшем слое крестьянства, в общем сохранило свою силу. Между тем, сама Франция представляет собою банкрота. У нее 300 миллиардов франков долга, она должна большие суммы Англии и Америке, и она их не платит. Наконец, у нее на руках обязательство Германии восстановить северные департаменты Франции на свой счет, но Германия платить не может и обязательства не выполнит. В этом деле не помогут никакие военные оккупации, которые только разоряют Германию и ничего или очень мало дают Франции. Конечно, Пуанкаре и Фош прекрасно понимают, что оккупация Рура вовсе не означает возмещения Франции больших денежных сумм, а только дальнейшее разорение и обессиление Германии с военно-политической целью, дабы она не могла потом подняться на задние лапы и отомстить повалившему ее французскому империализму. Но французский бюджет этим не поправишь, долга не заплатишь и северных департаментов не восстановишь. Франция стоит сейчас перед необходимостью разделаться с этой жалкой, лживой басней о том, что немцы заплатят за всю разбитую посуду.

Таким образом, весь вопрос сводится к вопросу о налоговой системе. Надо вырвать из государственного хозяйства Франции огромные суммы

в течение десятков лет ежегодно, чтобы покрыть расходы и убытки войны. К этому сводится важнейшая проблема внутренней жизни во Франции. Не выборы нас с вами интересуют, мы знаем цену механики демократии, но в данном случае через посредство выборов происходит новая ориентировка классов и партий. Они ищут ответа на вопрос, как выбраться из финансовой петли, как выбраться из банкротства. Можно ли сомневаться, повторяю, что каждый верхний слой буржуазии будет стараться бремя налогов свалить на шею нижним слоям, классам и подклассам. Но это вызовет резкий отпор в крестьянской массе и в рабочем классе. И буржуазия понимает, что повысить косвенные налоги, сократить заработную плату, удлинить рабочий день, урезать жалкие сбережения мелкой буржуазии она не сможет, явившись во всеоружии фошевского милитаризма. Тут нужно действовать тоньше, тут нужны пацифистские реформисты, соглашатели, радикалы, социалисты, и мы видим, как французская буржуазия, почувствовав себя перед финансовым банкротством, ориентируется сейчас влево, и вместо национального блока готовит на смену ему левый блок. Левый блок будет означать, говоря нашими советскими, российскими терминами, французскую керенщину, т.-е. период заигрывания с народом, беспомощности, расхлябанности и неврастенических взрывов.

Английская и французская буржуазия достигла сейчас господства в лице своего наиболее правого крыла, но она чувствует, что ей необходимо преобразиться и перестроиться. Переход Франции на позицию левого блока, Англии — на позицию рабочей партии означает почти неизбежно признание Советского Союза, и следовательно, отодвигает в туманную даль ликвидацию нашей революции. А раз так, то нельзя ли — так мыслят и фашисты и фошисты (от генерала Фоша, нашего друга) — две партии, которые одинаково к нам сочувственно относятся — нельзя ли попытаться в этот остающийся еще период, когда не все еще силы империализма израсходованы и когда только что победили фашисты в Италии и совершился переворот в Болгарии, — попытаться опрокинуть Советскую Россию.

Вот, товарищи, основная причина попытки лорда Керзона поставить нас на колени, а, в случае возможности, и вовсе опрокинуть на обе лопатки при помощи ультиматума. Конечно, мы знаем, что сегодня лорд Керзон не может к нам послать ни в Архангельск, ни на Мурман, ни в Одессу не только ни одного экспедиционного корпуса, но и ни одного великобританского полка. Такой факт вызвал бы глубочайшее возмущение пролетарских масс в Англии, и рабочая партия, идущая к власти, вынуждена была бы этим возмущением воспользоваться. Лорд Керзон рассчитывал на то, что ультиматум подтолкнет кое-кого другого против нас. Он надеялся на наших ближайших соседей. Назовем их по именам: на Румынию и на Польшу.

Факт несомненный, что за последний период и в Польше и в Румынии влияние Франции значительно ослабло по сравнению с влиянием Великобритании, но, с другой стороны, Румыния вряд ли способна и склонна

сейчас пускаться в военные авантюры. У власти там, как я говорил, находятся либералы, все остальные партии в оппозиции, которая принимает форму обструкций, демонстраций и уличных столкновений. Надо не забывать, что в Румынии есть два вопроса, имеющие для ее государственности роковое значение: это вопрос аграрный и вопрос национальный. Так что ожидать со стороны Румынии активных враждебных действий против нас вряд ли приходится.

В Польше Пилсудчина сменилась прямым и открытым господством торгово-промышленной буржуазии. Польская марка пляшет бешеную пляску. Говорят, что в последние дни биржа закрыта, в виду невероятного падения польской марки. Текстильная промышленность, игравшая в Польше огромную роль, находится в состоянии паралича, Лодзь тоскует по русскому рынку, а торгового договора с Русским Союзом нет. Эта контр-революционная торгово-промышленная буржуазия, которая находится у власти, социально, конечно, не ближе к нам, чем те мелкобуржуазные интеллигентские группы и клики, на которые опирается Пилсудский, — но в деловом смысле это более серьезный контр-агент.

Хотим ли мы вступить в торговые сношения с Польшей? Разумеется, хотим. Польша вклинилась между нами и Германией. Польше нужно с Германией и с нами — либо воевать, либо торговать. По географическому положению Польша будет иметь комиссионный и транзитный барыш: товары будут итти через нее. Мы не прочь заплатить польской буржуазии комиссионные, ибо это дешевле, чем воевать. Повторяю, что момент пришествия к власти польской торгово-промышленной буржуазии пришелся не ко двору планам лорда Керзона. Пилсудский в такой момент мог бы сделать военно-неврастенический или истерический инцидент, а это люди более серьезные. Можно сказать, что все европейские государства треплет бешеная лихорадка, но пароксизм этой лихорадки у разных буржуазных классов не совпадает во времени. Когда, скажем, у лорда Керзона 41 градус, у польской буржуазии 36.

Вот, товарищи, чем объясняется керзоновский ультиматум и неудача этого ультиматума. И если отвлечься от дипломатии — от того, что мы взяли обратно письма, и от этих 100 тысяч целковых, что с точки зрения даже нашего скромного бюджета составляет такую сумму, которую мы как-нибудь выдержим, — если отвлечься от этого и взять политический результат, то получится картина такая: терпело нас, терпело самое могущественное империалистическое государство в Европе, наконец, предъявило ультиматум, надеясь, очевидно, довести дело до решительного конца. В течение этого ультиматума сменилось министерство в самой Англии, да и в самом министерстве была борьба вокруг ультиматума. Дело затянулось, свелось к тому, что мы заплатили за двух английских шпиков 100.000 и поступились тем, что называется на языке буржуазной дипломатии, престижем, но так как понятия о престиже у нас с лордом Керзоном не вполне совпадают, то мы по разному оцениваем этот невесомый продукт. Мы стали

сильнее, мы стали крепче и это ярче всего подчеркивается тем, что мы приступили к переговорам, пока предварительным, с Японией, с могущественной империалистической державой Дальнего Востока, которая связана с Антантой, связана с Великобританией и пошла на переговоры как раз в период керзоновского ультиматума.

Чем закончатся переговоры с Японией, я пока еще предсказать не берусь, там дело очень не просто, в виду внутреннего положения самой Японии. Положение ее напоминает пред-революционную эпоху у нас. Япония буржуазная страна, но надстройка ее еще чрезвычайно феодально-кастовая милитаристская. Япония проделала свою эпоху реформ почти одновременно с нашей эпохой великих реформ середины XIX века; с нашей реформой полу-отмены крепостного права, введения земства, некоторой свободы печати и проч., и проч. У Японии тоже была эпоха великих реформ, причем она прихватила еще и конституцию, но конституция была поставлена на сословно-кастовой основе. Капитализм развивался сравнительно медленно и прежде всего обслуживал военную мощь государства. Тут были успехи большие, и царизм это испытал на своей спине. Но за время империалистической войны капитализм Японии развивался лихорадочно-бешеным темпом, и японская промышленность и японский пролетариат достигли очень высокого количественного развития. Вместе с тем, японская буржуазная демократия борется сейчас за государственную власть с военно-кастовыми кликами. Телеграммы ежедневно сообщают об отдельных эпизодах этой борьбы. Буржуазия там организовалась в свою кадетскую или октябристскую партию, которая называется партией деловых людей, — как это по-японски, сказать не берусь. Во главе этой партии стоит тамошний текстильный король. Центральным пунктом их программы является восстановление и развитие торговых сношений с другими государствами. Японская текстильная промышленность ищет сбыта на нашем азиатском дальне-восточном и сибирском рынках и в то же время нуждается в нашем сибирском сырье. Но, с другой стороны, японский генеральный штаб еще последней ставки не поставил. Некоторые товарищи, мне кажется, очень оптимистически оценивают положение в том смысле, что победа за соглашение с Советской Россией и за признание ее обеспечена. Несомненно, имеется огромное движение в массах не только рабочих, но и буржуазных за признание Советского Союза, за нормальные с ним отношения, но как дела повернутся, предсказать трудно. Более вероятным, на основании всех имеющихся прецедентов, я считаю обострение противоречий и временное упрочение капиталистической клики, — я думаю, что переговоры с нами получат далеко не столь быстрое и безболезненное развитие, как некоторые надеются. Во всяком случае, с нашей стороны помехи не будет, это бесспорно.

Таково, товарищи, в общем наше международное положение. Мы стали после испытания, связанного с ультиматумом Керзона, крепче, но судорог капиталистического организма предвидеть нельзя, и что готовит

нам завтрашний день, ни один звездочет не предскажет. Конечно, хорошо, что ультиматум сорвался, что ни Польша, ни Румыния на провокацию не поддались. Но все элементы провокации, фашизм и фошизм, все эти враждебные нам факторы действуют, и какую комбинацию они примут завтра, мы не знаем. Вот почему мы очень внимательно прислушивались к тем указаниям, которые Фош давал польскому генералитету во время посещения Варшавы. Он сказал, как сообщают, что ближайшая война будет главным своим оружием иметь авиацию, а победа будет обеспечена химии.

Фош совершенно прав. Мы вынуждены заняться военной химией, не говоря уже об авиации. Мы проводим сейчас неделю авиации, и я думаю, что очень хорошо будет — я уже это на одном собрании говорил — если мы за эту неделю усвоим себе такую привычку: на всякое выступление фашистов или фошистов против нас, мы отвечаем постройкой аэропланов. Они нам предъявляют ультиматум — мы строим аэроплан, называемый «Ультиматум» и т. д. А так как обижают нас часто и много, то мы на наших советских небесах будем читать всю историю. И чем решительнее мы будем делать это дело, тем более мы сократим число наших будущих обид, которые нам собираются нанести.

Из архива.

IV.

СОБЫТИЯ В ГЕРМАНИИ ОСЕНЬЮ 1923 г.[34]

Из беседы

с американским сенатором Кингом.

Существует ли возможность вмешательства СССР в случае революции в Германии?

— Мы прежде всего и больше всего хотим мира. Мы не отправим ни одного красноармейца за пределы Советской России, если не будем к этому принуждены силою. Наши крестьяне и рабочие не позволили бы правительству взять инициативу каких бы то ни было военных действий, если бы правительство оказалось настолько безумно, чтобы склониться к агрессивной политике. Разумеется, если бы германские монархисты победили и, заключив сделку с Антантой, получили мандат от союзников на военное вмешательство в России, — этот план выдвигался Людендорфом и Гофманом уже не раз, — мы будем сражаться и, надеюсь, победоносно. Но я не верю в такую перспективу. Во всяком случае, во внутреннюю гражданскую войну мы не вмешаемся. Это слишком понятно: вмешаться мы могли бы только путем войны с Польшей. А войны мы не хотим. Мы ни от кого не скрываем наших симпатий к германскому рабочему классу и к его героической борьбе за свое освобождение. Чтобы быть вполне точным и откровенным, я скажу: если бы мы могли обеспечить победу германской революции, не рискуя вызвать военные действия, мы сделали бы все, что смогли бы. Но войны мы не хотим. Война повредила бы и германской революции. Только та революция обнаруживает свою жизненность, которая побеждает собственными силами, особенно когда дело идет о великом народе. Мы целиком на стороне Германии против хищного и кровавого французского империализма. Мы всей душой с немецким рабочим классом в его борьбе с эксплоатацией внешней и внутренней. И в то же время мы целиком за мир.

— Каковы отношения России с Польшей?

— Если американцы желают приобрести школьное руководство воспитанности, терпения и такта, я посоветовал бы им воспользоваться томом нашей дипломатической переписки с Польшей. Россия в своем обращении с Польшей обнаруживает поистине ангельское терпение. Несмотря на

рижский договор, Польша отказалась признать наше правительство, реорганизованное ныне на основании нашей союзной конституции. Польша вела и ведет недоброжелательную политику по отношению к нам. Но мы слишком твердо помним, что наша война с Польшей означала бы всеевропейский пожар, который стер бы с лица земли остатки европейской цивилизации. В Европу после этого ездили бы американцы, чтобы осматривать здесь кладбище старой культуры.

— Не преследует ли все-таки Советское правительство милитаристических целей, располагая могучей Красной Армией, и не грозит ли это военными интервенциями в пользу революций в Европе?

— А также вмешательством нашего флота в случае революции в Соединенных Штатах?.. Разумеется, у нас есть армия, и мы считаем ее отнюдь не плохой; у нас имеются 600.000 солдат, это не мало, но, по сравнению, например, с Францией, или с нашими ближайшими соседями, наша армия весьма мала. Примите во внимание наше население, наши пространства, наши пограничные линии, наши привлекательные естественные богатства, и вы должны будете признать, что у нас весьма ограниченная армия. Мы предложили раз, — а в случае поддержки Америки, мы готовы предложить снова, — сократить численность нашей армии до минимальнейших пределов обеспечения внутренней охраны, если наши соседи произведут параллельно соответствующее сокращение. В виду нашего все еще тяжелого экономического состояния, было бы безумием с нашей стороны стремиться расширять нашу армию. Мы достигли скромных, но прочных экономических успехов в течение последних двух лет и мы надеемся, что наше экономическое развитие пойдет более ускоренным темпом в продолжение ближайших 2—3 лет, если нам удастся обеспечить мир. При таких условиях военные авантюры означали бы грозную опасность экономическому возрождению нашей страны. Россия не склонна к наступательной войне уже в виду своих огромных расстояний и недостаточного развития железнодорожных сообщений; но те же условия, в связи с нашей суровой зимой, полностью обеспечивают нашу обороноспособность; это доказано было не раз, начиная с наполеоновских походов и ранее и кончая недавней интервенцией. Из этого факта исходит все наше военное строительство. Мы в данное время создаем чисто оборонительную территориальную армию, постепенно превращая полевую Красную Армию в милицию, оставляя только кадры, т.-е. командиров в качестве инструкторов и проч. Постоянные армии легче превращаются в орудия наступления; территориальная милиция сама по себе есть для всего мира гарантия мирной, чисто оборонительной политики.

— Как предполагает Советское правительство наладить торговые сношения с заграницей, не признавая старых долгов?

— Свои долги мы платим и будем платить, но не хотим платить чужих. Уже в декабре 1905 г. Петроградский Совет, предтеча нынешнего правительства, предупредил иностранные державы и иностранных капита-

листов, что русская революция не признает долгов, заключенных царями а также и всех других видов помощи, оказанной иностранными капиталистами царскому режиму. Это может показаться несправедливым. Но плантаторы Южных Штатов во время гражданской войны 60-х годов также считали несправедливым тот акт гражданской войны, по которому владельцы негритянских рабов лишились своего права собственности; однако же, благодаря победе гражданской войны, родилась нынешняя могущественная Америка. История не идет по пути учебников международного права. Мы можем об этом жалеть, но жизнь не зиждется на юриспруденции. Допустимо ли, однако, из-за прошлого подрывать возможность совместной работы в настоящем и будущем?

— Вы спрашиваете: где гарантии того, что мы не откажемся от собственных обязательств? Отвечаю: в логике вещей. Было бы равносильно самоубийству с нашей стороны, если бы мы не признали обязательств, принятых на себя нами самими,—раз мы заинтересованы в постоянном поддержании доверия делового мира. Могу уверить вас, что пока частная собственность будет существовать в Америке, мы будем признавать американские вклады в России. Мы сознаем те многочисленные административные, фискальные и иные препятствия, с которыми сталкивается пока-что иностранный предприниматель на нашей территории. Но эти препятствия представляют собой в значительной мере продукт неурегулированных отношений. Мы, со своей стороны, готовы оказать всяческое содействие серьезным американским фирмам, которые решили бы сделать длительные вклады в нашу промышленность. Выгода при этом была бы обоюдной. Отношения государств, особенно с разным общественным строем, не могут опираться на сентиментальные соображения. В этом и нет нужды. Разумеется, мы очень благодарны американскому народу за его широкую помощь голодающим. Но деловые отношения не могут опираться лишь на чувство благодарности. Они должны обусловливаться взаимной выгодой. Взаимное географическое расположение обоих государств исключает возможность военно-империалистической опасности. Отношения могут поэтому регулироваться чисто хозяйственными соображениями. Я твердо рассчитываю, что американский торгово-промышленный мир уже в ближайшее время поймет важность для него советского рынка. Соединенные Штаты проходили за последние годы через полосу могущественного промышленного подъема. По законам экономического развития, за этим подъемом следуют депрессии и кризис. Первые признаки их уже налицо. Чтобы не дать спуститься своему производству, Америка должна искать внешние рынки. Благодаря политике Пуанкаре, Европа обречена на прогрессивное разорение в продолжение многих лет. Европейский рынок Американских Штатов будет не расширяться, а суживаться. Россия беднее Европы, но Россия не разоряется, а возрождается. Таким образом, Россия и весь Советский Союз является естественным рынком для американской индустрии. Американский фермер также заинтересован в том, чтобы русский крестья-

нин не стал подневольным хлеборобом для Европы, производящим дешевое зерно и срывающим цены на мировом рынке. Американский фермер заинтересован в том, чтобы американский капитал принял активное участие в промышленном развитии России, ибо это сразу увеличило бы внутреннее потребление зерна и, таким образом, уменьшило бы количество экспортируемого нами хлеба. Крупные американские фирмы могли бы ускорить наше промышленное развитие, извлекая при этом для себя очень большие прибыли.

— Существует также очень важный моральный (отнюдь не сентиментальный) фактор, облегчающий сближение Советских Соединенных Штатов с Соединенными Штатами Америки. В наших газетах и технических журналах вы часто встретите слова «американизм», «американизация», употребляемые весьма сочувственно, отнюдь не в смысле порицания. Русские жаждут учиться у американцев рациональным организационным методам производства, научной постановке труда, и это является моральной почвой для связей с Америкой. Мы знаем, что ваши крупные деловые круги все еще находятся в состоянии нерешительности, но мы научились терпению и выдержке в борьбе с царизмом, тем более мы можем потерпеть в данном случае: здравый смысл за нас.

— Возможен ли переход от новой экономической политики к военному коммунизму?

— Новая экономическая политика является насущной необходимостью для 90 миллионов крестьян. Если бы мы хотели разбить наши собственные головы, тогда бы мы эту политику упразднили. Нет, следовательно, надобности в торжественных заверениях и манифестах, чтобы подтвердить устойчивость новой экономической политики. Условия внутренней жизни обеспечивают ее полную устойчивость.

«Правда»,
30 сентября 1923 г. № 221.

Ответ

на приветствие артиллерийских частей Западно-Сибирского Военного Округа.

Красноармейцам, командирам и политработникам артиллерийских частей Западно-Сибирского военного округа.

Дорогие товарищи!

Сердечное спасибо за товарищеский привет. В Европе крайне неспокойно. Правящая буржуазия все больше обнаруживает свою неспособность обеспечить народам хоть какой-нибудь мир и порядок. Опасность новых ударов против Советского Союза чрезвычайно велика. В случае, если опасность обрушится на нас, буду твердо рассчитывать на красноармейцев, командиров и политработников артиллерийских частей Западно-Сибирского военного округа.

«Известия»,
5 октября 1923 г., № 225.

Письмо в редакцию «Роте Фане».

Дорогие товарищи! Сумасшествие и хаос царят в Европе. Три южных полуострова [35] официально находятся в руках фашизма. Французский милитаризм намеревается задушить немецкий народ. Но когда развертываешь свежий номер «Роте Фане», чувствуется, что представленный своим рабочим классом немецкий народ жив и велик и будет в состоянии проложить себе дорогу к будущему.

«Рабочая Газета»,
17 октября 1923 г., № 234.

Доклад

на III Московском Губернском Съезде Всероссийского Союза рабочих-металлистов

19-го октября 1923 года.

Мы переживаем такие недели и месяцы, какие редко встречаются в тысячелетия, даже, быть может, совсем не встречались в истории. До октябрьской революции важнейшим, ближайшим к нам мировым событием считали Великую Французскую Революцию и последующие за ней события, включая наполеоновские войны. Но эти события совершенно незначительны в сравнении с теми, какие надвинулись ныне на Центральную Европу. Назрела пролетарская революция в Германии. Мы верили, что последствием мировой империалистической войны будет мировая революция. Шесть лет после нее идут в Европе непрекращающиеся классовые бои. В 1918 году в Германии были низвергнуты Гогенцоллерны. Там создалось социалистическое правительство. Министры по питерскому образцу назывались комиссарами. Рабочий класс встал у власти, но им руководили социал-демократы. Социал-демократы поступали так, как будто они были уполномоченными буржуазии по ликвидации пролетарской революции. Социал-демократические министры постепенно свели себя на нет, уступив всю полноту власти представителям крупного капитала. Хозяйство страны развалилось. Марка пала так быстро, что даже наш прыткий советский рубль не смог за ней угнаться. 12 миллионов трудящихся Германии под пятой чужестранного капитала. До 75% Рурского угля и руды захвачено поработителями. Из социального кризиса Германии выхода нет. Или распад, обнищание, культурное одичание или пролетарская революция. Вновь делаются попытки обратиться к помощи социал-демократии. Но в то же время в Германии нарастает мощь и влияние на массы компартии.

Для успешности революции необходимо, чтобы экономические условия для нее созрели. Созрели ли они в Германии? Да, созрели. Германская промышленность концентрирована, настолько технически организована, что в этом она уступает только Америке. Организовать социалистическое хозяйство в Германии значительно легче, чем у нас, благодаря нашей отсталости. Культурный уровень германского рабочего для совершения революции достаточно высок. Итак, технические и политические условия, благоприятствующие революции в Германии, налицо. Каковы же условия в отношении классового состава? У нас при совершении Октябрьской рево-

люции было 3 миллиона рабочих на 150 миллионов остального населения, при подавляющем большинстве крестьянства. В Германии на 60 миллионов населения 15 миллионов индустриальных рабочих и 3 миллиона сельскохозяйственных. Это внушительная сила. Нужно еще одно условие, это — чтобы класс хотел и умел завоевать власть. Руководившая германским пролетариатом социал-демократия постепенно переродилась в агентуру буржуазии. Линия поведения социал-демократии в империалистической войне оказалась с классовой точки зрения несостоятельной. После войны рабочий класс Германии рвался к власти. Но между ним и властью стояла социал-демократия.

В последние годы на первый план начинает выходить коммунистическая партия. Несомненно, что партия эта, как руководительница рабочего движения, хочет взять власть. Остается вопрос—сумеет ли? Для нас совершенно несомненно, что революция в Германии неизбежна, что рабочий класс к ней готов. С 18 года германский рабочий класс пролил много крови для завоевания власти, но не завоевал ее потому, что руководители его были слабы для своей роли. После 3-го Конгресса 3-го Интернационала значение Германской компартии, нового руководителя рабочего класса, прогрессивно растет.

Нынешний кризис Германии вырос из оккупации Рура. Штреземан капитулировал перед французским империализмом. Но французский ростовщический капитал не пожелал разговаривать с побежденными. Германское буржуазное государство в агонии. В сущности единой Германии уже нет. Бавария с 9 миллионами населения под властью умеренного фашизма. Саксония с 8 миллионами населения имеет коалиционное правительство из коммунистов и левых социал-демократов. Ни та, ни другая не считаются с центральным правительством, с Берлином, где правит сейчас бессильный Штреземан. Ему парламент уступает свои права, права бессилия. Штреземан держится только на том, что ни компартия, ни фашисты окончательно власти еще не взяли. Но левый фланг германского политического фронта продолжает расти.

Каковы же будут шансы рабочего класса в предстоящей борьбе?

У нас уже есть революционный глазомер. Технически страна подготовлена. Уровень рабочего класса достаточно высок. Классом руководит компартия, выявляющая волю к власти. Но мало подсчитать рессурсы, нужно использовать их. Сумеет ли использовать наличные условия Германская Компартия?

Какая разница между теми условиями, какие были перед нами в октябре, и условиями современной Германии? У нас была угнетенная вооруженная масса — тогдашняя армия, шедшая за нашими лозунгами. Перед рабочим классом Германии стоит стотысячная государственная армия при 3.000 офицеров. Большей армии нельзя иметь согласно Версальскому договору. Вербуется она из добровольцев, законтрактовывающихся на 12 лет. Такая армия рассеяна по всей стране с 50-миллионным населением (если

исключить Рур), из которого более трети — пролетариат. Эта сила — ненадежная поддержка для буржуазии, особенно в современных революционных условиях. Затем в Германии имеется 135 тысяч государственной полиции. Состав ее — члены профсоюзов, в большинстве случаев социал-демократы, меньшевистски настроенные. Малосплоченные, пожилые, семейные, едва ли они охотно будут драться за дело Стиннеса и капитала [36]. Третья контрреволюционная сила, это — батальоны фашистов. Батальоны эти руководятся офицерами генерального штаба, хорошо знакомыми с искусством истребления людей. Они хорошо осведомлены в железнодорожном деле, поскольку это касается их целей. Количество фашистских батальонов — военная тайна. Но есть основание думать, что их 200—300 тысяч. Состав их — буржуазные сынки, представители мелкой буржуазии и реакционно-настроенной части крестьянства и люмпен-пролетарские элементы.

Эти силы на одной стороне, а на другой стоят рабочие сотни. Каково их количество? Мы не знаем. Это военная тайна германского рабочего класса. Но мы полагаем, что в стране с 15-тью миллионами индустриального пролетариата и 3-мя миллионами сельско-хозяйственного—контингент рабочих сотен достаточен.

Таково соотношение сил.

На одном из собраний мне был задан вопрос, не является ли оппортунизмом вхождение саксонских коммунистов, соглашательское правительство? Это не оппортунизм, а революционная мера. Вспомните, что в августе 17 года мы предлагали меньшевикам и эсэрам блок против контр-революционных сил. Затем позже у нас была коалиция с левыми эс-эрами, вызванная необходимостью опереться на оппозиционное крестьянство, шедшее тогда за левыми эс-эрами.

Саксонская социал-демократия оказалась в тисках. С одной стороны, рабочий класс и представляющая его компартия, с другой — генерал Мюллер, в качестве агента генерала Секта и центрального правительства. Рабочая Саксония и фашистская Бавария, плацдармы борющихся сторон, скапливают силы. Генерал Мюллер потребовал роспуска рабочих сотен и подготовляет против Саксонии удар, стягивая к границе Саксонии войска и артиллерию. Рабочие отказались исполнить переданный Мюллером приказ центрального правительства. Мы стоим перед открытием гражданской войны, если Мюллер и Сект приведут в исполнение свою угрозу. Правительство Саксонии принуждено обратиться с призывом к рабочим всей Германии о поддержке Саксонского пролетариата. Центральный Комитет Германской С. Д. Р. П. запрашивает правительство, что означает поход на Саксонию. Представляете себе, как отнесется берлинский середняк-рабочий к сообщению о том, что в Саксонии образовано рабочее коалиционное правительство, против которого идет агент центрального Правительства Сект. Рабочие Германии, в частности, рабочие железнодорожного транспорта подготовляют стачку, чтобы парализовать удар фашизма на Саксонию.

Идет сильная раскачка военных действий по всей стране. События развиваются планомерно. Обстоятельства складываются чрезвычайно благоприятно для рабочего класса. Но Германия не одна. У нее есть соседи, и она не занимает такую обширную территорию, как мы. Удержат ли германские рабочие власть в своих руках в силу международной обстановки, это вопрос. Главный враг германской революции — Англия, старинный враг всех революций. Англия на суше бессильна. Ее прежняя сила базировалась на взаимном антагонизме двух сильных противников на континенте, например, Франции и Германии. Бессилие Англии на суше особенно резко выразилось в истории с ультиматумом Керзона, оставившим нам зарубку на памяти в виде нескольких самолетов. Не меньший пример бессилия Англии на суше, это ее позиция в Рурском вопросе и по отношению к Турции.

Революция происходит на суше, а на суше, как мы видели, консервативная Англия не опасна. Более сильный и опасный сосед Германии на континенте — Франция. Компартия Франции сильна, но было бы непростительным оптимизмом переоценивать ее значение.

Однако, что это значит — задавить Германскую революцию чужеземной военщиной? У нас есть пример немецкой оккупации Украины, для которой потребовалось 250-тысячная армия. А на Украине не так уже много городов, и незначительно развита железнодорожная сеть. Для чужеземной оккупации промышленной Германии потребовалось бы от 1.500.000 до 1.750.000 солдат. Замечено, что оккупационные войска очень быстро революционизируются и отчасти разлагаются в военном отношении. Французская армия насчитывает 700 тыс. чел. Чтобы решиться оккупировать революционную Германию, ей не хватило бы своей армии, а другие страны, как Польша, Чехо-Словакия, могли бы дать ей еще не более 500 тысяч. Значит, Франции нужно было бы покрыть недостаток оккупационной армии призывом восьми возрастов. Это у нас только один год призыва дает миллионный контингент. Первые три года войны мне пришлось провести во Франции. И я видел, как отразились на французском обществе потери империалистической войны. На 39 миллионов населения нации, отличающейся скудным приростом, потеря в полтора миллиона людей — колоссальна. Нет почти ни одной семьи во Франции, в которой не было кого-нибудь из близких убитых на войне. Сейчас во Франции много рабочих итальянцев, испанцев, чехо-словаков, поляков. Если французскому крестьянину сверх 300-миллиардного военного долга навязать еще оккупационную войну с призывом 8-ми возрастов, то он не стерпит. Интервенция Францией революционной Германии не только не исполнима, но она представляет собой явное безумие. Однако, мы не знаем, на какое безумие не рискнет умирающая буржуазия ради собственного спасения.

Трудно ожидать, что бы Польша рискнула подняться на Берлин. Выиграть она может только клок медвежьего ушка. Говорят, что война

с Польшей неизбежна. Но это не так. Есть много данных думать, что войны с Польшей не будет. Что означала бы для нас эта война? Она причинила бы нам непоправимый хозяйственный и культурный вред и нанесла бы чудовищный удар нашему строительству. Мы воевать не хотим, и чтобы избежать войны мы обязаны сделать все возможное и сделаем это. Мы всецело на стороне германских рабочих. Мы с готовностью протянули бы им через голову Польши руку, чтобы подвинтить, где следует. Германским рабочим не нужна военная поддержка в их гражданской борьбе. Плоха та революция, которая не сможет победить внутренними силами. Но вот без чего не может обойтись германский рабочий, начиная революцию, — это без советского хлеба. Так же, как германскому рабочему нужен наш хлеб, русскому крестьянину нужен выход на европейский хлебный рынок. Цены на хлеб у нас катастрофически низки. При современной коньюнктуре цен трудно добиться, чтобы крестьянство смогло итти в одной хозяйственной упряжке с рабочими. Германский пролетариат обладает продуктами индустрии, необходимыми нам. Между Германией и Советским Союзом в интересах обеих сторон должен возникнуть взаимный товарообмен. Географически ключ от этого товарообмена в руках Польши. Польша может сослужить нам мостом или сделаться барьером. В случае, если она окажется нам транзитным мостом, мы ей оплатим это чистоганом. Если мы не сможем провозить через Польшу германским рабочим наш хлеб и взамен его получать нужные нам фабрикаты, мы хозяйственно задохнемся. Поэтому, если Польша окажется между нами и Германией барьером, она должна попасть в тиски. Мы готовы дорого заплатить за мир, но мы не допустим хозяйственной смерти нашей страны и голодной смерти германского пролетариата. После войны с Польшей мы домогались общей с Германией границы, но у нас в тылу был Врангель, и мы не достигли желаемого. Теперь мы взамен мира и транзита через Польшу предлагаем ей транзит на восток через советскую территорию. Вот наша позиция в современном международном положении. Наши требования осуществимы, но будут ли они осуществлены, этого сказать с уверенностью нельзя. Пятьдесят один шанс за мир и сорок девять — против. Момент требует необычайной выдержки, и нужно готовиться к войне, как будто бы она была неизбежна. В связи с этим мы обращаем особое внимание сейчас на состояние нашей армии, авиации и военной промышленности.

Некоторые товарищи полагают, что раз в Германии назревает революция, нам не до повседневной работы, не до нэп'а, не до мелочей. Такое настроение следует преодолеть. В самом деле выпрыгнуть из повседневщины нельзя. Наоборот, все, что делаешь в повседневной работе, делай втрое лучше, втрое больше, втрое скорей. Германская революция не требует от нас, чтобы мы махнули рукой на деловые задачи дня. Наоборот, наша текущая деловая работа становится ныне наиболее ответственной.

Повторяю, что война нежелательна, она не неизбежна, но она вероятна. Если она произойдет — это будет война, навязанная нам роком. В надвигающиеся события не нужно нервничать. Страна поймет, что мы хотели избежать войны, но не смогли этого сделать. Трудящиеся массы во главе с организованным рабочим классом пойдут за нами и из нового испытания мы выйдем с честью, с победой.

Из архива.

Доклад

на VIII Всероссийском Съезде Союза Связи

20 октября 1923 г.

Товарищи! Доклад о международном положении охватывает в настоящее время очень разнообразные темы и охватывает их, так сказать, в разных плоскостях. Наши международные отношения с капиталистическими странами Европы и Америки развиваются с теми или с другими колебаниями очень медленно, в общем и целом — в сторону признания Советского Союза и развития с ним экономических отношений. Но в этот медленный процесс врезываются сейчас события совершенно другого порядка. Прежде всего — германская революция. Вы не потребуете от меня, чтобы я давал вам сейчас подробный и детальный отчет о наших международных отношениях в узко-дипломатическом смысле этого слова, потому что все эти вопросы отступают сейчас на задний план под давлением фактов колоссального значения, центром которых является Германия.

Для полноты вступления только замечу, что Америка, как и Европа, вошла сейчас снова в полосу торгово-промышленного кризиса. Европа еле-еле вышла из него года два тому назад. Америка же переживала за последние два года колоссальный торгово-промышленный подъем, причем она не нуждалась во внешних рынках и могла спокойно предоставить Европу, и нас в том числе, нашей собственной участи. Американский капитал в этот период повернулся к нам спиной. Но вот несколько месяцев тому назад в Америке обнаружились признаки торгово-промышленного кризиса. Внутренних рынков недостаточно; Америке необходим внешний рынок; Европа в целом этим рынком служить не может, так как ее покупательная способность падает. Наша покупательная способность, хотя и медленно, но возростала за последнее время. Отсюда — большой прилив внимания и интереса к Советскому Союзу со стороны американского капитала. Этот факт может получить колоссальное значение для нашего хозяйственного развития, но все же он сейчас отодвигается на второй и даже на третий план, потому что поведение Америки, как и всей Европы, как и наше собственное поведение, будет зависеть в первой степени непосредственно и прямо от того, как разовьются, как сложатся и как закончатся события в Германии.

Еще несколько месяцев тому назад мы строили предположения о том, каким темпом пойдет развитие германских событий. Одни из нас могли

рисовать себе этот темп более медленным, другие — более быстрым. Но сейчас, товарищи, уже не приходится гадать. События развиваются в Германии, цепляясь одно за другое, как система зубчатых колес. И глядя сейчас на Германию даже через оптические стекла телеграмм Роста, немецких газет и нашей прессы, т.-е. глядя на Германию издалека, мы видим точную механику развивающихся революционных событий с полной ясностью и отчетливостью. Германия уже вступила в период прямой и непосредственной революции, т.-е. борьбы основных классов общества за государственную власть. Я, разумеется, не должен перед Вами подробно развивать те условия, которые делают революцию возможной и которые обеспечивают ее успех. Я напомню только в общих чертах: чтобы пролетарская революция стала возможной, необходим известный уровень развития производительных сил, во-первых; известная численность и производительная роль пролетариата — во-вторых, и, наконец, так называемая, субъективная предпосылка, т.-е., чтобы пролетариат хотел завоевать власть и сумел это сделать. Уже годы и годы Германия была зрелой для пролетарской революции. Германская техника промышленности—самая высокая и концентрированная во всем мире и может выдержать сравнение даже с американской. Германский индустриальный пролетариат, насчитывающий 15 миллионов душ на население в 60 миллионов душ, считая младенцев, стариков и старух, представляет собой подавляющее большинство населения страны. А к этому надо прибавить еще три миллиона сельско-хозяйственных рабочих. Повторяю — мы имеем перед собой страну, где пролетариат представляет подавляющее большинство населения страны. Но вот вопрос о субъективных условиях революции — о том, что пролетариат должен захотеть взять и суметь это сделать, — этих условий не хватало. Не хватало их и до империалистической войны, вследствие чего и разразилась самая война. Не хватало их и в ноябре 1918 г., когда после разгрома германской армии власть перешла в руки социал-демократии. Рабочий класс стихийно и тогда уже двигался в сторону власти, но в предшествующие десятилетия он создал из своих собственных рядов партийную надстройку — германскую социал-демократию, которая поглотила в свои ряды цвет рабочего класса, а эта надстройка, в свою очередь, стала заложником господствующих классов, подверглась переработке, стала аппаратом приручения и смирения рабочего класса. И мы имеем в Германии тот факт, что пролетариат оказался у власти через посредство с.-д. но с.-д., ставши у власти, увидела в себе не революционное представительство пролетариата, а политическую агентуру буржуазии. Это — смысл революции 9 ноября 1918 г. В соответствии со всем своим характером и духом германская социал-демократия постепенно передает из рук в руки власть буржуазии.

И только тогда, когда положение внутреннее, экономическое и финансовое становится совершенно безвыходным, буржуазия снова манит пальцем к власти социал-демократию и строит снова с ней коалицию.

Такова история последних месяцев, когда в Германии у власти формально стала коалиция буржуазии с социал-демократией. Только после военного разгрома из подпольных кружков создается коммунистическая партия Германии. В отличие от нашей партии, с ее четверть-вековыми революционными традициями и соответственным подпольным боевым закалом, в Германии коммунистическая партия, т.-е. подлинная революционная партия пролетариата, является делом последних лет. Германский рабочий класс был обманут в ноябре 18 г. Естественно, если он выжидательно относился к политике германской коммунистической партии, предоставляя ей обнаружить, проявить себя на деле и завоевать его доверие. Германская коммунистическая партия в революционном нетерпении молодой партии делала попытки захватить власть с налету. Это было в марте 1921 г. Она жестоко ошиблась. Третий конгресс Коммунистического Интернационала в июле 1921 г. дал германской коммунистической партии и суровый, и спасительный урок. Он сказал немецким товарищам: ваша задача еще состоит не в прямой борьбе за власть, а в борьбе за завоевание доверия рабочих масс. Кое-каким немецким товарищам, да кое-каким и русским товарищам, тогда этот урок третьего конгресса показался как бы оппортунистическим, выжидательным и недостаточно революционным, но сейчас в Германии нет ни одного коммуниста, который не признал бы что этот урок был спасительным. За это время — 1921, 22, 23 годы — германская коммунистическая партия усваивает себе целиком большевистскую тактику, т.-е. сочетание действительной революционности с реализмом, с твердым учетом обстановки отношений и перспектив; под лозунгом единого фронта рабочего класса, а затем рабоче-крестьянского правительства, германская коммунистическая партия завоевывает шаг за шагом доверие все больших и больших слоев рабочего класса. А со времени оккупации Францией Рура, в течение этого года, когда германское хозяйство, лишенное руды и угля, окончательно упирается в тупик, когда безвыходность положения обнаруживается полностью и целиком, когда буржуазные партии конкурируют друг с другом только в беспомощности, когда социал-демократия не имеет другой программы, кроме программы поддержки беспомощной и растерявшей все свои ресурсы буржуазии, — в этот период коммунистическая партия все больше и больше поднимается перед рабочим классом, как единственный вождь, как единственная возможная спасительница не только пролетариата, но и всего германского народа.

С этого момента, особенно с июля этого года, становится ясно, что германская революция приближается к воротам истории. И вот тут выдвигается вопрос: а как же в решающий момент? окажется ли германская коммунистическая партия, завоевавшая доверие большинства рабочего класса, окажется ли она способной, найдет ли она в себе достаточный закал, волю, решимость, чтобы совершить вооруженное восстание и с бою завладеть государственною властью? К этому периоду относятся прения,

суждения на счет того, что такое революция, что такое вооруженное восстание. В течение известного времени германская коммунистическая партия дожидается революции, как чего-то объективного и важного, которое придет. Наиболее сознательные элементы в ее собственных рядах и в Коминтерне в целом ставят вопрос так: революция уже пришла, она уже окружает нас, но именно для того, чтобы эта революция не прошла мимо нас или не перекатилась через нашу голову, нужно, чтобы мы, как партия, поставили себе прямую задачу — разбить врага в открытом революционном бою. Чтобы разбить врага, нужно противопоставить ему организованную силу, нужно иметь план борьбы, и, наконец, нужно иметь за собою определенные этапы борьбы; и далее уже с плоскости агитации, пропаганды, предвиденные события нужно переводить в плоскость военно-революционных столкновений, вооруженного восстания и захвата власти.

Переход от агитации и пропаганды к прямой и непосредственной борьбе за власть есть всегда очень болезненный переход для каждой революционной партии. Одно дело — бороться за влияние на массы, на миллионы, а другое дело, — ставши во главе этих миллионов, поставить себе в прямую задачу теперь, в данных условиях, в данной обстановке против данного врага, совершить восстание, взять власть. Тут авангард рабочего класса должен совершить огромный политический, психологический прыжок вперед, высвободиться из чисто-пропагандистской области для возглавления класса, совершающего величайший социальный переворот.

Вы знаете, товарищи, что и у нас этот перелом произошел не легко и не просто, что были колебания, несмотря на то, что наша партия имела несравненно больший закал и больший революционный опыт, чем партия в Германии. Можно было опасаться, что в Германии внутренние колебания в коммунистической партии будут более значительны, более вески и тем самым более опасны, чем они были у нас накануне 25-го октября 1917 г. Но германская партия имеет то, чего мы не имели тогда: она имеет, во-первых, наш опыт и, во-вторых, идейную помощь Коммунистического Интернационала. Благодаря этому, несомненно, она уже переработала свои внутренние затруднения легче (даже если считать, что она уже переработала их до конца), чем это удалось нам шесть лет тому назад. Насколько мы можем отсюда, издалека, судить о событиях и поскольку мы можем отдать себе в них ясный отчет, коммунистическая партия Германии обладает сейчас необходимой решимостью выполнить высшую задачу партии и пролетариата, т.-е. захватить власть.

Объективные условия предстоящей борьбы — благоприятны ли они? Каковы на этот счет предвидения, предзнаменования? Конечно, товарищи, перед такими решающими боями никогда нельзя подвести заранее точный счет сил и тем самым сделать точный вывод. Если бы в социальных боях это было возможно, то никогда этих боев не было бы. Мне не раз приходилось приводить то простое соображение, что даже в момент стачки группы рабочих против капиталиста нельзя заранее точно знать, как она

кончится. Если бы это заранее было известно, то либо рабочие не начали бы стачки, либо капиталист уступил им до стачки. Каждая борьба развивает внутренние силы; эти внутренние силы оказывают влияние на рынок, вызывают либо сочувствие, либо несочувствие в других рабочих, сочувствие капиталиста к капиталисту и т. д. Если так обстоит дело со стачкой, как же дело обстоит с революцией пролетариата, где силы колоссальные, многочисленные, неизмеримые, где дело идет о 60-миллионной стране? Тут заранее, товарищи, предсказать, что вот здесь победа будет обеспечена целиком — нельзя.

Именно отсюда и вырастает неизбежно революция, борьба, отсюда же вытекает, что только через революцию, через вооруженное восстание можно завоевать победу, и нельзя точно предсказать, какой будет исход. Но в то же время как в военной борьбе, так и революционной, можно и должно оценивать соотношения сил, реальные рессурсы и, тем самым, реальные возможности. Что касается численности врага, двух вражеских лагерей, то здесь — колоссальные преимущества на нашей стороне. Об этом я уже говорил. 15-миллионный промышленный пролетариат, высоко культурный, централизованный уже самым характером германской промышленности представляет собою силу, которая еще никогда не выступала в таком объеме на революционной арене. Что мы имеем с другой стороны? Мы имеем трестированный централизованный капитал, землевладение и содержащиеся на их средства боевые фашистские отряды, которые не только в условном, но и в прямом смысле содержатся на средства Стиннеса. Фашизм представляет собою боевую организацию в Германии торгово-промышленного крупнейшего финансового банковского капитала, который, в свою очередь, воплощается в Стиннесе. Он является в точном смысле слова хозяином, диктатором в Германии. Мы говорили о концентрации промышленности по Марксу, по учебникам, мы говорили о том, что она имеет тенденцию притти к небольшому числу магнатов капитала и проч., и проч.; теперь мы имеем в Германии положение, когда хозяином, экономическим хозяином страны, является в сущности одно лицо — Стиннес. Французское правительство не желает вести переговоры с правительством Штреземана, — оно ведет переговоры со Стиннесом. В Германии есть нелегальная армия — фашистская, насчитывающая по разным сведениям от 200 до 400 тысяч бойцов, и эта армия содержится на средства Стиннеса, пресса германская — в руках у Стиннеса и т. д. Вот основная сила концентрированного капитала, содержащего свою армию, как у нас, в царское время, после 1905 года помещики содержали отряды ингушей или черкесов, наиболее темных элементов Кавказа. Фашизм является организацией стиннесовских ингушей для защиты частной собственности, биржи, капитала и проч., и проч. Что посредине? Посредине, между революционным пролетариатом и фашизмом, мы имеем мелкие и средние слои буржуазии, разоренную и полуразоренную, разоряемую, разоряющуюся интеллигенцию и еще сравнительно значительные элементы, но все же ничтожное мень-

шинство рабочего класса. Социал-демократия наверху государства, в организации, в прессе представляет еще большую силу, но она уже отражает силу вчерашнего дня; ее опора, рабочая масса, уходит у нее из-под ног каждый день и каждый час. Как раз последние телеграммы, последние донесения из Германии дают в этом смысле в высшей степени ясную картину. Я об этом скажу несколько слов, когда перейду к вопросу о Саксонии. Центральное демократическое ядро—это германская керенщина; рядом: справа—фашизм, слева — коммунизм. Центральное ядро все больше и больше тает, потому что рабочие, и не только рабочие, но и широкие слои буржуазии, даже интеллигенция, крестьянство (я уже не говорю про сельский пролетариат) все больше и больше тяготеют к левому крылу. От среднего демократического блока справа отрываются элементы, тяготеющие к фашизму; в нем они видят спасение, и мы наблюдаем наростание крайних флангов, обострение противоречий и о слабление центра. Вот почему сейчас в Германии центральное правительство представляет собою жалкую фикцию. Германский парламент — рейхстаг — отказался от собственных прав в пользу министерства, которое он избрал. Если бы нужна была нам, коммунистам, еще одна демонстрация, еще одно доказательство полной гнилости демократизма, буржуазного парламентаризма, вот вам пример — германский парламент, демократический, избранный на основе всеобщего права и проч., и проч. Когда от него требуется величайшее усилие, он ликвидирует себя и отдает чрезвычайные полномочия им же созданному министерству; в свою очередь это министерство передает свои полномочия Секту. Сект назначает своих полномочных генералов, в частности, в Саксонию — Мюллера. У нас из уфимской учредилки вырос Колчак, в Германии из демократического рейхстага, как фокус, выходит генерал Сект, а от генерала Секта идут другие генеральские отростки, в виде Мюллера и проч. Парламент тает на наших глазах, а вместе с его уничтожением уничтожается и германская керенщина, германский демократизм. Более того, товарищи, мы видим, как Германия географически рассыпается в зависимости от того, какие социальные силы в данном районе являются преобладающими. Сейчас единой Германии нет. Я уже не говорю о том, что около 12 миллионов населения Германии находятся под вражеским владычеством, вражеской оккупацией, главным образом, Франции. Но и из остальных 48 — 50 миллионов уже нет единого общественного и государственного целого. Мы имеем Баварию с населением около 9 миллионов душ, которая является сейчас независимым по существу государством. Рядом с ней мы имеем к северу — маленькую Тюрингию, на восток, северо-восток от нее — Саксонию. Тюрингия с Саксонией имеют вместе от $7^1/_2$ до 8 миллионов населения, если память мне не изменяет, т.-е. немногим более, чем Бавария. В Баварии у власти стоит фашист Карр, являющийся соединительным звеном между фашистами, желающими вовсе отделиться от Германии (это партия принца Рупрехта), и фашистами, которые стремятся создать единую Германию (партия Секта, Людендорфа и др.). Но так как и германские сепаратисты, т.-е. желающие

отделиться, и германские фашисты, желающие восстановить единую Германию, хотят, прежде всего, сохранения частной собственности, то между ними есть мостик, и на этом мосту стоит баварский диктатор Карр. По этому поводу некоторые товарищи на наших московских собраниях письменно ставили мне вопрос, не учинили ли наши товарищи там оппортунистический шаг — коммунисты, которые после нескольких лет беспощадной борьбы с организацией меньшевиков, с социал-демократией, вступили с ними в одно правительство.

Несомненно, этот шаг на первый взгляд поражает. Между тем, этот шаг совершенно правильный и свидетельствует о колоссальном политическом успехе для нас этой коалиции. Я об этом сейчас скажу, но прежде я напомню, что и мы сами были не без греха по этой части. В эпоху корниловщины т. Ленин писал о нашем тогдашнем центральном органе: большевики предлагают компромисс, то-есть, при известных условиях, мы, гг. меньшевики и эс-эры, пойдем с вами на блок. Ни меньшевики, ни эс-эры не пошли на этот блок: тогда слишком мало времени оставалось до их смерти, и они не хотели ускорять час ее пришествия. Но предложение было сделано. А после октября, довольно скоро, мы вступили в коалиционное правительство с левыми эс-эрами. Это еще у всех в памяти. Блок с левыми с.-р. закончился таки трагически. Был момент, когда часть Совнаркома, часть лево-эс-эровского Совнаркома, сидела в одном из зданий, принадлежащих тогдашней Чека, и посылала снаряды в Кремль [37]. Один из этих снарядов я сам видел собственными глазами. Этот конец коалиции не входил, конечно, прямо в программу, когда коалиция заключалась, но если подвести итоги, балансы, то в выигрыше оказались мы потому что разрыв коалиции означал вместе с тем и ликвидацию партии с.-р. Хозяином положения оказалась наша партия. Стало быть, при известных условиях (я это привожу для освещения обстановки) даже вхождение коммунистов в коалицию с мелкобуржуазной по существу партией, которая тянет за собой еще известную часть рабочих или крестьянской бедноты, является шагом с виду оппортунистическим, а по существу — революционным. Это есть жест для того, чтобы ускорить развитие, приблизить гибель той партии, с которой вы вступили в коалицию. Такое же явление (только в других условиях) мы наблюдаем в Саксонии. Саксония — страна текстильного пролетариата, очень компактная, самая населенная часть Германии. Пролетариат саксонский очень революционно настроен. Социал-демократия саксонская, толкаемая этим пролетариатом, является левейшим крылом германской социал-демократии в целом. Мы бросили лозунг единого фронта; социал-демократические рабочие, особенно Саксонии, требовали его осуществления. Под их давлением их вожди, эти левые социал-демократы, из которых большинство представляет собой товар весьма сомнительного качества, все-таки оказались вынуждены пойти на единый фронт, на блок, на создание коалиционного министерства в Саксонии и Тюрингии. Мы вошли туда в меньшин-

стве, наших — два министра (один из них управляет делами совета министров), а они — в большинстве. Но самый факт создания коалиционного министерства в Саксонии означал для германской с.-д. смертельный удар. Сейчас это можно сказать с полной уверенностью, и наиболее яркие факты, доставленные сегодняшней почтой, не оставляют в этом никакого сомнения. В самом деле, вы все прекрасно знаете глубокую привязанность рабочего к той организации, которая его впервые пробудила, подняла, организовала, сделала сознательным существом. Такое чувство кровной связи есть у немецкого рабочего по отношению к с.-д. Она его предала бесспорно, и она же когда-то, при Гогенцоллерне, пробудила его, в течение десятилетий обучала, просвещала, и для рабочих, даже знающих, что их партия идет по ложному пути, порвать с ней очень трудно. Этим объясняется, что, несмотря на все измены, подлости, предательства германской с.-д., рабочая масса — недовольная, ворчащая, толкающая свою партию вперед и в бок, — все-таки не порывала с ней, не сделала шага, чтобы переступить через порог и перейти к коммунистической партии. Этот шаг для рабочего, связанного долгими годами с известной организацией, очень болезненный шаг, и оказывается, что этого шага в таком резком виде и не нужно делать; пусть рабочие видят, что коммунисты, которых с.-д. объявляли партией, которая погубит Германию и германский рабочий класс, партией, с которой нельзя ничего иметь общего и члены которой являются вассалами России и т. д., оказываются в известной части Германии в одном правительстве, в одних боевых сотнях с с.-д. рабочими. Стена, которую германская с.-д. старательно поддерживала, укрепляла между своими рабочими и рабочими-коммунистами, теперь разбита, и так как психологически рабочие с.-д. в массе своей тяготели к революционной политике, то — когда пролом в стене обнаружился — они шарахнулись в сторону коммунистов. Это происходит по разным линиям. Не вступая в коммунистическую партию, они идеологически связаны с нею, и они поддерживают ее целиком, когда вступают. Вот последние факты из сегодняшних сведений. В саксонском городе Хемнице (это — родина великого палача Носке; Носке — пролетарий, табачный рабочий, один из тех изменников-пролетариев, каких не мало было в истории разных стран), в Хемнице, где Носке был неограниченным хозяином, пользовался неограниченным доверием, в этом Хемнице в течение первой недели текущего месяца 60 фабзавкомов, которые состояли из с.-д., перешли к коммунистической партии. В Берлине, Бранденбурге, во всей стране влияние коммунистической партии выросло за последние недели колоссально. О саксонской с.-д. сегодняшняя информация говорит, что организация саксонской с.-д. geht in die Brüche, то-есть, разваливается по кускам. С.-д., то-есть те самые, которые вошли в коалицию с нами, у которых там большинство, казалось бы, должны быть хозяевами положения, и если некоторые левые коммунисты, не очень правильно мыслящие, в самой Германии говорят, что они поддерживают саксонскую с.-д., то тут надо

сказать, что они поддерживают ее так, как веревка поддерживает повешенного. Политически, стало быть, результат коалиции для нас поистине блестящий.

Но это еще не решает вопроса. В Саксонии влияние нашей партии особенно безраздельно. Но в Саксонии не только мы: в Саксонии есть и генерал Мюллер, который послан Сектом, у генерала Мюллера имеется рейхсвер, т.-е. немецкая армия. Кроме того, он подчинил себе саксонскую полицию особым приказом. Кроме того, имеются тайные фашистские организации, которые стягиваются тоже к Саксонии, отчасти, имеются и в Саксонии. Во главе их стоит генерал Мюллер. Генерал Мюллер требует от Саксонского правительства, чтобы оно распустило рабочие сотни. Саксонское правительство, которое опирается на самый демократический ландтаг, отказывает в этом. Генерал Мюллер арестует отдельных вождей сотен. Рядом с этим — мы имеем и другие факты, указывающие на такое положение в Германии, которое не уложишь ни в какую конституцию. Фашист Росбах, устраивавший восстания и пр. и пр., сидел в саксонской тюрьме; потом его освободили. Саксонское правительство постановило его арестовать. Центральное правительство Штреземана тоже не смогло уклониться от подтверждения этого: его нужно арестовать за попытку восстания против правительства. Росбах уезжает в Баварию — другую часть той же страны. Там участвует в открытых собраниях и пользуется полным покровительством баварского правительства. Баварское правительство организует на своей территории на ряду с рейхсвером, т.-е. официальной армией, фашистскую армию, расходуя на нее средства из государственной казны. Штреземановское правительство, которое сидит в Берлине и уже не имеет почти никакой власти, заявляет, что оно не допустит переворота ни справа, ни слева. По отношению к Баварии оно, однако, не смеет возвысить голоса, по отношению же к Саксонии оно говорит языком фашистских генералов. Сама власть не имеет армии в руках, как я указал, говоря о Секте и Мюллере. В правительстве Штреземана сидят социал-демократы. Социал-демократы теряют все более и более почву под ногами, потому что массы тянутся к коммунистам. Чтобы не терять последнего остатка влияния, социал-демократы должны притворяться, что они не желают похода на Саксонию (а поход ведется на Саксонию). Вот «Форвертс» пишет: «Мы требуем отмены осадного положения. Мы протестуем против похода генерала Мюллера на Саксонию». Но генерал Мюллер есть агент Секта, Сект — назначен правительством Штреземана; в правительстве Штреземана сидят социал-демократы. Вы видите, товарищи, что тут сам чорт ногу сломит, в этих государственных и правительственных взаимоотношениях Штреземановского правительства с правительствами отдельных частей. Этот хаос немножечко — даже не немножечко, а изрядно — напоминает то, что было у нас накануне переворота в 17 году. У нас был, с одной стороны, Кронштадт, признававший большевистское правительство, которого еще не было в тот период (он его признавал авансом);

был Петроград, где совет был уже наш, а над ним — Центральный Исполнительный Комитет с Чхеидзе и Церетелли; была Украина, где была Рада, комиссары Керенского и большевистские вооруженные силы и пр., и пр. Все друг другу приказывали, никто друг друга не слушался, и все готовились к окончательному подведению итогов. Вот обстановка, которую мы имеем сейчас в Германии. Это есть в полном смысле слова, так сказать, момент за 5 минут до поднятия занавеса. Этот момент мы сейчас в Германии переживаем. Но поднятие этого занавеса будет не очень легкой операцией. Социал-демократы в Берлине власти, конечно, не имеют; в правительстве — Штреземан, с которым Пуанкарэ не желает разговаривать (предпочитает разговаривать со Стиннесом), представляет собой сейчас мнимую величину. Но генерал Сект — есть реальная величина, генерал Мюллер — также. Почему? Да прежде всего потому, что у них есть 100.000 солдат и 3.000 офицеров. Все то, что разрешено иметь германскому государству по версальскому договору. Французы, как вы знаете, ограничили германскую армию очень ничтожной величиной. Кроме того, в Германии имеется около 150.000 полицейских; их называют «Шупо» и «Сипо». Раньше они были подчинены городам и городским управлениям, теперь они подчинены приказам Секта командованию рейхсвера, т. е. военному командованию. Рядом имеются 200.000 — 300.000 фашистских батальонов, во главе которых стоят офицеры генерального штаба, которые хорошо знают искусство истребления людских масс, знают очень хорошо сеть немецких железных дорог, знают очень хорошо, как по этой сети перебрасывать батальоны из конца в конец страны, для того, чтобы громить рабочих, срезывая с них руководящие верхушки, и пр., и пр. Это — враг опасный, это враг, в руках которого имеются в Берлине организации, опирающиеся на незначительные в социальном смысле силы. С другой стороны, 15-миллионный пролетариат, создающий в Саксонии и во всей стране свои сотни и вооружающий эти сотни. Сколько у него сейчас вооруженных сотен — я не знаю, и, разумеется, если бы случайно знал (а я этого не знаю), то, конечно, не имел бы никакого права говорить об этом на открытом собрании. Сегодня это еще военная тайна германского пролетариата, — сколько у него сотен, сколько оружия, где оно. И вот между этими двумя силами и должна разразиться в самое близкое, повидимому, время (если нас не обманет вся картина Германии) решительная борьба за власть. Сегодняшние телеграммы нам говорят о том, что между Баварией и Саксонией прерваны дипломатические отношения, — вы, вероятно, это читали. Это — две части Германии. Но Германия имеет свою старую конституцию, она представляет федерацию из отдельных частей, и каждая часть имеет своих дипломатических представителей, и вот вчера Саксония и Бавария порвали дипломатические отношения. Бавария стягивает к границе — и уже стянула в значительной степени — часть рейхсвера, фашистские отряды; с саксонской стороны стоят саксонские сотни. В то же самое время генерал Мюллер, этот агент

центрального правительства, или, вернее, диктатора Секта, стягивает артиллерию в Саксонию. Саксонское правительство не подчиняется приказу о роспуске сотен, наоборот, оно призывает рабочих по всей стране организовать эти сотни. Берлинские профсоюзные организации заявляют, что они ответят на всякую попытку похода против Саксонии всеобщей стачкой. Железнодорожники в ответ на угрозы фашистских банд, которые будут пользоваться сетью железных дорог, отвечают угрозой стачки. Это положение не может тянуться месяцы, оно не может тянуться, вероятно, даже и недели.

Не будет ничего неожиданного, если завтра-послезавтра мы получим первые телеграммы о начале решающих боев. Как эти бои закончатся? Я вам дал общую картину: социальные силы, организованность, — перечислил, так сказать, врагов. А дальше? А дальше зависит от энергии пролетариата, от решимости его партии, от самоотверженности. Вот от чего зависит исход борьбы. Есть ли шансы у пролетариата? Безусловно. Внутреннее соотношение сил чрезвычайно благоприятно для пролетариата, для его победы. Я не упомянул (упомяну для пояснения) еще о том, что все-таки сто тысяч солдат на 50 миллионов населения страны — это ничтожная величина. Они разбросаны в разных частях страны, и когда революционное движение охватывает страну, когда страна кипит котлом, то эти сто тысяч солдат рейхсвера, разбросанные в ротах, батальонах, будут себя чувствовать, как загнанные звери. Среди них (если даже считать, что они в большинстве будут враждебны рабочим) большинство — крестьянские сынки, — среди них будут слухи, неизбежно будет распространяться паника, и, именно в силу их малочисленности и изолированности, это может перебить позвоночник армии. Что касается полиции, то она состоит во многих частях Германии из профессионально-организованных рабочих и социал-демократов. Они себя открыто не заявляли социал-демократами, ибо полицейским запрещено принадлежать к политическим партиям, но к союзам разрешено принадлежать. В Берлине эти полицейские — сплошь социал-демократы. По гадательному подсчету около $^1/_3$ полицейских будет драться против нас — скажем, Бавария; около $^1/_3$ будет нейтрально и около $^1/_3$ будет драться с нами. Стало быть, в общем полиция, как реальная сила против нас, исчезает. Остаются, стало быть, фашистские организации. Фашистские батальоны в своей верхушке представляют в высшей степени закоренелых, контр-революционных боевиков. Это старое немецкое офицерство, которое ненавидит рабочий класс и революцию вековой ненавистью поработителей, угнетателей, юнкеров, помещиков, капиталистов и проч. Эти будут драться беспощадно. А их батальоны состоят из буржуазных сынков, студентов, разорившихся мелких буржуа, даже, отчасти, из наиболее темных, отчаявшихся, патриотически-настроенных рабочих люмпен-пролетарского типа. Это довольно пестрая публика и нельзя быть уверенным, что она вся целиком пойдет в решительную минуту за фашистскими вождями. Сейчас вступают в фашистские ба-

тальоны одни — из отчаяния, другие — чтобы подкормиться, но в решающий момент очень значительная часть этой армии разбежится по сторонам, особенно, если революционный напор вызовет колебания у регулярной армии, у рейхсвера, потому что фашистские батальоны входят с согласия правительства в официальную организацию легальной армии и через нее имеют централизованный аппарат. Если этот централизованный аппарат расползется под давлением революционной бури, то фашисты окажутся разрозненными батальонами, партизанскими бандами. Они, конечно, прольют много рабочей крови, но в таком случае надежды их на успех, тем более, на окончательную победу, сведутся к минимальнейшей величине.

Вот, товарищи, внутренняя обстановка. Она говорит за то, что шансы и величайшие шансы — на стороне германского пролетариата. Власть он может вырвать и вырвет, все говорит за это. Удержит ли, ввиду международной обстановки? К сожалению, я израсходывал на первую часть уже целый час вашего времени и постараюсь во второй части быть по возможности кратким. Удержит ли, я говорю, с точки зрения международной обстановки? Германия на Европейской карте — не одна. Ее соседи — Франция и Бельгия, соседи-победители, поработители и угнетатели, с юго-востока и северо-востока — Чехо-Словакия и Польша. Остальные соседи большого значения не имеют, как, скажем, Голландия, как, через пролив — Швеция, Скандинавские страны или — как Швейцария и Австрия. Эти государства самостоятельной роли играть не могут и вообще в германскую революцию сами не вмешаются. Кто может вмешаться? — Это Англия, за ней — Франция с Бельгией, Польша, Чехо-Словакия. Вот, откуда идет опасность. И здесь уже вопрос касается непосредственно нас — Советского Союза, ибо, разумеется, если бы германская революция привела к европейской войне, к империалистической войне, то это могло бы задеть и нас уже самым непосредственным образом. И нужно здесь оценить обстановку, чтобы ясно понять наш собственный завтрашний день.

Я сказал, что Англия может вмешаться. Но как раз на этот счет нам нужно себе сейчас твердо уяснить бессилие Англии на европейском континенте. Это важно понять не только для немецкой революции, но для нас самих. Англия бессильна на европейском континенте. Чем яснее мы это поймем, чем тверже, отчетливее будем повторять, тем это будет полезнее для нашей международной политики в том смысле, что Англия меньше будет замахиваться со своими угрозами и ультиматумами. В самом деле: Англия есть государство чисто морское. Она играла огромную роль в Европе. Но как и когда? Тогда, когда в Европе были две страны, боровшиеся друг с другом за господство. Когда Франция боролась с Германией, имея приблизительно равные силы, Англия стояла за их спиной, поддерживая в течение долгого времени то одну, то другую. Еще раньше это было, когда была сильна Испания; она, таким образом, то поддерживала ее, то ослабляла. Уже в течение многих веков Англия играет такую роль. Она пользуется борьбой двух сильнейших европейских государств и

поддерживает одно из них, то, которое немножко слабее, поддерживает деньгами, техникой, товарами, против того, которое сильнее. И европейское равновесие зависит от Англии. Она имеет, так сказать, большое удовольствие за небольшие расходы. Это — ее вековая политика. Почему Англия вмешалась в войну в 14 году? Потому, что Германия стала слишком сильна. Германия стала так сильна, что одной поддержкой Франции Англия не могла достигнуть равновесия. Тут уже Англии пришлось отступить от своей традиционной политики. Ей пришлось уже, засучивши рукава, ввязаться в войну, в борьбу. Она достигла этого, мобилизовав довольно большое количество английских рабочих и бросив их на европейский континент. А в результате — она так крепко поддержала Францию, что та окончательно раздавила Германию. И сейчас в буржуазной Европе гегемония принадлежит Франции безраздельно. Германия распростерта у ног Франции, и Франция даже не желает разговаривать с Германией об условиях германской капитуляции. Но именно с того момента, как на европейском континенте Франция получила полную гегемонию, полное господство, Англия совершенно обессилела. Франция заявила: «возьму Рур». Англия ответила: «мне это невыгодно». У них был большой спор, который длился долго. Почему это невыгодно Англии? Потому, что ей нужно немного поднять Германию против Франции, чтобы восстановить равновесие. И что же Франция? Несмотря на протесты Керзона, Франция в Рур вошла, Рур взяла. А что сделала грозная Англия? Примирилась. Грозная Англия грозила Турции, а турки, находившиеся с нами в добрососедских отношениях, не без нашей поддержки организовали армию.

Что сделала Англия? Она противопоставила им греков. Собственных сил совершенно у нее нет. Что сделали турки? Греков разбили и пошли на Константинополь против грозной Англии, которая из Константинополя убралась.

Товарищи, это есть важнейший факт переживаемой нами эпохи в смысле международных отношений. Англия на европейском континенте — бессильна. Конечно, не мы будем об этом жалеть.

Что Англия может сделать германской революции? Поставить ультиматум? Но этого недостаточно. Значит, вопрос сводится к поведению Франции, а не Англии. Вот если Франция решится вмешаться, то Англия может быть полезна Франции, т.-е. будет поддерживать ее деньгами, в которых Франция очень нуждается, блокировать порты, германские суда и проч. Роль Англии была ролью интенданта и морского разбойника. Но решающая роль в смысле оккупации Германии должна была бы принадлежать Франции и ее сухопутным вассалам — Бельгии, Польше и Чехо-Словакии. Возможно ли это? Решится ли на это Франция? Это и есть основной вопрос.

Конечно, и здесь, товарищи, нельзя делать совершенно точно пророчеств и сказать: нет, ни в коем случае. Но нужно проанализировать

обстановку, а анализ обстановки говорит, что гораздо больше данных за то, что это Франции не по силам. Оккупировать страну, революционную страну с населением в 60 миллионов душ, страну, где 59 % населения (если не больше) живет в городах и только меньшинство в деревнях, страну, которая вся изрезана цепью железных дорог, — это будет очень нелегко. Мы имели опыт оккупации немецкой и австрийской у нас на Украине. Там было в общем до 250 тысяч германских и австро-венгерских солдат. Украина — не Германия; на Украине городов очень мало, железнодорожная сеть слабо развита, а немцы, ведь, не шли дальше городов и железных дорог. А результаты? Вокруг них бушевала стихия крестьянских восстаний, немецкие солдаты разлагались с каждым месяцем, и затем это были самые революционные полки во время германской революции, когда они возвратились обратно. Если сделать соответственный подсчет,— а в истории вообще и в последнее время оккупаций было не мало,—если сделать подсчет, вывести среднюю величину и спросить, сколько нужно солдат для того, чтобы оккупировать революционную Германию, то подсчет скажет, что для надежной оккупации нужно иметь миллион семьсот тысяч солдат... Миллион и три четверти. Это большая цифра. Французская армия вся целиком насчитывает 700.000 солдат. Это армия мирного времени. Если прибавить сюда армии всех европейских вассалов Франции, то мы далеко не наберем полутора миллионов. Но ведь, товарищи, армия нужна не только для оккупации Германии. Если Франция захочет оккупировать Германию, решится на это, так ей нужна некоторая армия у себя внутри, чтобы заставить свой рабочий класс примириться с этой оккупацией. Ведь, недаром же Франция в мирное время имеет у себя эту армию. Ей нужно иметь, по крайней мере, пол-миллиона солдат у себя и в колониях. Это минимум. То же самое относится и к ее вассалам. Другими словами, для того, чтобы Франция могла решиться на оккупацию Германии, ей нужно было бы объявить сейчас мобилизацию, по крайней мере, 5 или 6 призывных возрастов или, как говорят французы, классов. Осуществимо ли это? Все говорит за то, что это без величайшего напряжения, без внутренних величайших столкновений неосуществимо. Не забудем, что во Франции всего 39 миллионов французов. А Франция потеряла в империалистической войне полтора миллиона душ. Германское население быстро растет, а французское уменьшается; медленно, но уменьшается. Во Франции нет семьи, где бы не погиб сын, брат, муж, отец и проч. Для Франции мобилизация возраста, это не то, что для нас. У нас один возраст — это почти что миллион; страна громаднейшая пространственно, население размножается на славу, и тут миллион человек — это ничтожная величина, а во Франции с убывающим населением, на 38 с половиной миллионов, где еще полтора миллиона только что вырваны, где не хватает рабочих (во Франции из-за недостатка молодой живой силы сейчас рабочие в огромнейшей степени испанцы, итальянцы, поляки, чехо-словаки, которых она, конечно, мобилизовать не может), нужно мо-

билизовать французов, французских крестьян, а французский крестьянин обременен налогами, потому что у Франции триста миллиардов государственного долга. Французский крестьянин только что вернулся из окопов, так как были мобилизованы в подлинном смысле слова пожилые люди, старики 45-ти лет. Они недавно вернулись в свои хозяйства, обложенные налогами, и вот им скажут, что после их окончательной, полной и славной победы, которая им значительно уже стоила и будет еще стоить, они для окончательного закрепления победы должны дать еще этак 500 тысяч душ с перспективой европейской войны.

Французские коммунисты, французские товарищи считают, что без какого-нибудь величайшего насилия, т.-е. кровопускания и проч. такая мера была бы неосуществима. Вот это — одно затруднение. А с другой стороны нельзя мобилизовать еще несколько сот тысяч французов, бросить до миллиона солдат в Германию, с тем, чтобы заставить Польшу и Чехо-Словакию бросить около трех четвертей миллиона, содержать их там за счет разоренной, обнищавшей Германии, которая будет нищать и разоряться при оккупации еще больше. Это значило бы содержать за счет того же рабочего класса солдат, которые в обстановке революционного котла только стали бы разлагаться, как разлагались у нас немецкие солдаты. Словом, нельзя не войти в положение Пуанкарэ. Ему, конечно, не очень лестно, что рядом с ним будет развиваться победоносная пролетарская революция, и значит — не так просто дело.

Но это не значит, товарищи, что французская буржуазия ни в коем случае на это не пойдет. Когда классу, который привык господствовать, грозит гибель, тогда нет такого безумия, на которое этот класс не мог бы решиться. И когда я анализирую условия оккупации, то я делаю это для того, чтобы указать, что дело не так легко, и что здесь не все 100% на стороне наших врагов, а, наоборот, может быть, только 25, а 75% история присудила в нашу пользу.

Во всяком случае можно не сомневаться, что французская буржуазия еще долго будет колебаться; разные группы и партии будут бороться друг с другом, прежде чем решиться на такую дьявольскую авантюру. А раз так, стало быть, она даст в месяц две, три, четыре передышки немецкой революции, а что такое передышка — это мы с вами хорошо знаем. Получить передышку — значит все получить. Дальше идет Польша. Ведь, одна Франция с делом не совладает, ей, безусловно, необходима помощь Польши. Может ли Польша вмешаться, вмешается ли? Здесь, товарищи, нельзя быть пророком (это вообще роль в высшей степени неблагодарная, еще с библейских времен это доказано), но анализировать условия и предвидеть большую или меньшую вероятность не только допустимо, но и обязательно для марксиста, который анализирует конкретные условия. Тут, обращаясь к Польше, я должен прежде всего выступить против обывательских настроений или воззрений, которые иной раз захлестывают и нас, проникают даже в ряды нашей партии, что, дескать, воевать нам с Поль-

шей неизбежно, что это дело — решенное, почти припечатанное. Товарищи, если мы поддадимся этому фатализму, то из этого, кроме величайших бедствий, ничего не получится. Совершенно нигде, ни в какой книге, ни в какой партийной программе не сказано, что мы будем воевать с Польшей. Исключено ли это? Ни в каком случае. К сожалению, ни в каком случае. Сколько шансов за то, что мы мирным путем пройдем через эту эпоху? Этого сказать нельзя, но я думаю, что больше шансов за мирный исход, именно по той же причине, по которой так трудна Франции оккупация немецкой революции. Я об этом уже говорил. Одна Польша, сама по себе, изолированно воевать, конечно, и думать не посмеет, она может быть только втянута Францией, если составится гигантская коалиция с целью раздавить Германию, а затем, вероятно, попытаться этот каток провести и по нашей спине, если дело дойдет до гигантского плана, захватывающего всю Европу. Сама по себе, конечно, Польша такого плана иметь не может, она может лелеять мысль о том, чтобы воспользоваться внутренним замешательством в Германии, захватить окончательно Данциг, захватить Восточную Пруссию, т.-е. урвать клочок медвежьего ушка, воспользоваться внутренним замешательством в Германии. Это мелкая вороватая политика. Но есть другая сторона в этом вопросе, которая имеет немалое значение для немецкой революции, для Польши и для нас, и, прежде всего непосредственным образом, для нашего крестьянина. Мы стали страною, вывозящей хлеб; все наше будущее в хозяйственном смысле в ближайшие годы зависит от того, сможем ли мы вывозить хлеб. Ножницы наши проклятые, которые за последние месяцы не только не сжались, а раздвинулись, — мы их можем сдвинуть с двух сторон: лучше ставя нашу промышленность, в которой еще многое и многое хромает, и усиливая вывоз, экспорт крестьянского хлеба и тем поднимая цены на хлеб внутри страны. Для того, чтобы хлеб вывозить, нужно иметь какие-либо пути, либо сухопутные, либо морские. Германия является для нас самым важным рынком для крестьянского хлеба. Германскому рабочему без нашего хлеба не прожить и своей революции, своей советской республики не поддержать. Америка ее кормить не будет; если и будет, то — как нас, немножко подкармливая, на третьем, четвертом или пятом году советской республики. Если бы такое несчастье стряслось, что пришлось бы Германии кормиться хлебом Ары, американским филантропическим хлебом, то это могло бы случиться не ранее, как через известный срок, но в первый год, конечно, американский купец немецкой республике хлеба не даст. Англия, весьма вероятно, будет блокировать германские порты, как блокировала нас, наши порты. Стало быть, остается только одна возможность — это доставка русского хлеба в Германию, нашего советского союзного хлеба. Пути два: морской (он — не безопасен, потому что там господствует Англия) и сухопутный, который ведет через Польшу. Стало быть, для немецкой революции вопросом жизни и смерти является наш хлеб, для нашего же хозяйственного развития этим вопросом является германский рынок. Нам

нужен германский рынок для нашего хлеба, и нам нужны немецкие товары, продукция немецкой промышленности для наших крестьян и рабочих. Вообще говоря, нет в мире двух стран, которые по экономической своей структуре и по интересам в такой степени дополняли бы друг друга, как советский союз, с одной стороны, и Германия, с другой: Германия, архи-индустриальная страна с величайшей техникой, с высокой культурой, и мы, с нашими необъятными пространствами, с необъятными сельско-хозяйственными возможностями и нашей технической отсталостью и низкой культурностью. Практически хозяйственный и всякий иной союз этих двух стран представит собою величайшую силу, которая когда-либо существовала на земле. Но между этими двумя странами лежит Польша. В этом нетрудно убедиться, если взглянуть на карту, и польские дипломаты время от времени на эту карту смотрят и в этом убеждаются. Это тоже придает довольно серьезный характер нынешней международной обстановке. Дело сводится к простому коммерческому требованию свободного транзита. Поляки должны нам дать свободный транзит в Германию, на Запад; мы им даем для Лодзинской промышленности мануфактурный транзит в Персию и куда угодно. Свободный транзит. Когда эти вопросы поднимались в польской печати, то многие польские политики отвечали, что на это пойти нельзя, нельзя заставить Польшу занять положение в щипцах между Германией и Россией. Это совсем не убедительно, потому что щипцы эти существуют географически. Они существуют; менять же квартиру государство не может. Польша живет там, где живет, между нами и Германией. В Риге, когда мы вели переговоры с Польшей, мы предлагали, чтобы на известной части территории у нас была общая граница с Германией; непосредственный стык с Германией. Тогда мы, разумеется, Польшу беспокоили бы гораздо меньше. Польша, воспользовавшись тогда тем, что у нас в тылу был Врангель, еще не раздавленный, предъявила нам условия неслыханные, которые мы вынуждены были принять, и в силу этих условий мы оказались отделенными от Германии; нас разделяет Польша.

Польша, однако, может в этих условиях играть две роли: роль моста между нами и Германией и роль барьера между нами и Германией, неприступной стены... Это зависит от ее политики. Мы предпочли бы, чтобы Польша играла роль моста, — у этого моста можно поставить рогатки и требовать у каждого проходящего высокой платы за транзит. Мы готовы платить высокую плату. Польша будет иметь все преимущества своего географического положения в щипцах, но если бы Польша хотела стать барьером между нами и Германией, это означало бы, что она хочет удушить голодом германских рабочих, а нас лишить выхода на европейский, а, стало быть, и на мировой рынок. Только так стоит вопрос. Вопрос о свободном транзите на Запад есть вопрос жизни и смерти и для нас, и для германского рабочего класса. Даст ли Польша этот транзит? А почему бы и нет. Почему бы польской буржуазии не сделать этого шага,

который дал бы ей барыши и который избавил бы восточную часть Европы от страшных осложнений. Конечно, транзит мы понимаем реально, т.-е., что мы будем иметь непрерывную возможность вывозить свой хлеб в Германию, а для этого Польша должна не воевать не только с нами, но и с Германией. Если бы она воевала с Германией, то стык исчез бы, и мы могли бы перевозить хлеб. Значит, тут взаимные обязательства и невмешательство в германские дела. Ясная и простая программа. Это должно стать нашей программой в отношении к Польше. Эта программа мира или войны? Программа мира, безусловно. Я говорю совершенно серьезным тоном — война для нас была бы очень тяжким испытанием, в этом надо дать себе ясный отчет. Мы только начали оправляться, еще далеко не свели концы с концами, «ножницы» тоже имеют свое значение... Война сейчас, если бы она завязалась, означала бы борьбу не мелкого вида или типа, а то, что называется в учебниках большой войной, т.-е. войной, которая вовлекла бы миллионы армии и продолжалась бы месяцы и месяцы. Это означало бы чудовищный удар по нашему хозяйственному и культурному развитию, и, разумеется, не меньший, а, вероятно, больший удар по хозяйственному и культурному развитию Польши. Вообще, предвидеть последствия такой войны, которая вовлекла бы ряд других стран, чрезвычайно трудно сейчас, но есть опасность, как бы в этой войне, в крови, в разорении не погибла и германская революция. Мы больше всего заинтересованы в том, чтобы германский рабочий класс внутри у себя справился собственными силами, а вокруг Германии царил мир, чтобы гражданская война в Германии не превратилась в империалистическую войну вокруг Германии и в самой Германии. Вот почему все наши усилия, усилия нашей дипломатии, должны быть направлены и будут направлены на то, чтобы отстоять мир, мир до конца. Удастся ли это — трудно сказать, потому что, вероятно, когда-нибудь, раньше или позже, нынешние противоречия Европы приведут к международному кровавому конфликту, но как можно дольше отстаивать мир и избавить от войны и себя, и германскую революцию — есть одна из наших важнейших государственных задач. Вот почему абсолютно неправильно, когда поговаривают по-обывательски, в обывательской среде, что, мол, что же, повоюем с Польшей. Вопрос так не стоит. Надо сказать: если бы мы так поставили вопрос, нас не понял бы рабочий массовик, нас не понял бы крестьянин. Война была бы делом не шуточным (повторяю это), и поднять сейчас на войну миллионы рабочих и крестьян, мобилизовать сотни тысяч крестьянских лошадей, повозок, наложить сейчас тяготы на спины крестьянства и рабочего класса, сделать это без абсолютной необходимости, — это было бы чистейшим безумием и величайшим преступлением. Сказать: война — для поддержки немецкого рабочего класса, это — отвлеченно. Что же может быть лучшей поддержкой рабочему классу, как не обеспечение его хлебом, а хлебом мы его обеспечим, если добьемся транзита Польши. Лучшей поддержкой рабочего класса будет, если Польша не ударит на Берлин через Познань, а эту под-

держку мы окажем, если добьемся взаимных обстоятельств невмешательства военной рукой в германские дела. Это — наша программа и эту программу мы должны понести в массы к рабочим и работницам, крестьянам и крестьянкам, чтобы они отдавали себе отчет, что мы не предаем немецких рабочих, что мы делаем все, что можно, что бы спасти их, но в той форме, какая им полезна и нужна; что мы всеми силами и средствами будем бороться для поддержания мира до последней возможности. Это есть наша программа. Обеспечен ли успех этой программы? Я уже говорил, что было бы наивностью давать какие бы то ни было гарантии. Мы не знаем, как отразится ход событий в Германии на Франции, Польше и пр. Мы не знаем, где предел авантюризма, кровожадничества, хищничества господствующих классов разных стран. Поэтому, мы не можем ручаться наперед ни перед кем и перед народными массами нашей страны в том, что нынешние события не приведут к кровавому конфликту, и мы говорим, что надо быть готовыми. Если бы опасность войны измерялась только 33%, то готовиться надо было бы на полные 100%, потому что, если жребий выпадет все же кровавый — мы не должны быть раздавлены. Но в этой подготовке важнейший момент занимает идейная подготовка нас самих и трудящихся масс, идущих за нами и с нами. Нужно, чтобы каждый гражданин в нашей стране отдавал себе ясный отчет в той политике, которую мы сейчас ведем. А это не есть политика легкомысленной игры с войной, с огнем европейского конфликта, наоборот, это есть политическая, систематическая, упорная, настойчивая, последовательная борьба за сохранение мира вокруг германской революции, и нам нужно, товарищи, добиться того, чтобы широкие народные массы нашей страны вместе со своим советским правительством, с его дипломатией, переживали шаг за шагом все этапы германской революции в международной обстановке, чтобы они продумывали каждую меру, каждый шаг Советской власти, направленный в сторону обеспечения мира путем транзита и взаимным обязательством не вмешиваться в германские дела. Если притти к крестьянину (я возьму вопрос в его обнаженной чистоте) какой-нибудь Пензенской губернии, где не очень твердо знают, что такое Германия и где Германия, и сказать: «Товарищ или крестьянин, мы идем воевать против Польши за немецких рабочих — давай повозку, давай лошадь, давай хлеб», — крестьянин не поймет нас, он отшатнется. Но если мы ему делом докажем, что, борясь за немецких рабочих, мы боремся за его интересы, ибо ему нужно вывозить свой хлеб и получать из Германии продукты промышленности, то мы этим мирным давлением, этими переговорами и т. д., не упуская ни одной меры, ни одного шага, добьемся решения этого вопроса мирным путем. А если не добьемся, если Польша станет барьером между нами и Германией? Если правящие классы Польши осмелятся сделать убийственную и самоубийственную попытку задушить два разделяемых Польшей народа, германский и наш, разумеется, из этого может вырасти и неизбежно вырастет война. Но если бы она выросла в таких условиях, то это была бы

война, нам навязанная против нашей воли, против всех наших усилий, и она докажет каждому крестьянину, — а уж о рабочих и говорить нечего, — что здесь рок истории, что мы вместе с ними и во главе их все усилия приложили, чтобы другим — мирным путем помочь германским рабочим. Это, товарищи, есть самый важный залог успеха в трудных исторических испытаниях, в войне, когда народ сознательно проходит через всю подготовительную эпоху, когда он понимает, что мы стремимся вырваться из окружающего нас кровавого кольца, сделать все, чтобы обеспечить нашему крестьянину возможность мирного хозяйственного развития, показанного ему в перспективе сельско-хозяйственной выставки, то же самое и в отношении рабочего, который должен поднять нашу промышленность. Если, я говорю, после всех этих усилий — откровенных и честных — масса вместе с нами продумает их, и если война тем не менее надвинется, тогда не будет щелей между рабоче-крестьянским правительством и рабочим классом, и между рабочим классом и крестьянством.

Тогда огромный блок, этой революционной страны, как один человек, скажет себе: другого выхода нет, — и тогда мы будем драться, будем драться хорошо и врагов наших победим.

Стенографический отчет VIII Всеросс. Съезда Союза Связи.

Современное положение и задачи военного строительства.

Доклад на 3-м Всесоюзном совещании политработников Красной Армии и Флота 21 октября 1923 г.[38]

Революция и война.

Революция и война часто шли рядом. Мы знаем из истории факты, когда война вызывала революцию, и наоборот. Объясняется это тем, что та и другая — и война, и революция — означают величайшее потрясение общества, когда старое привычное равновесие нарушается, внешнее потрясение вызывает внутреннее, и наоборот.

В природе войны и революции есть общие черты. Эти общие черты очень близко касаются нашей общей с вами работы. Для того, чтобы была возможна война и именно победоносная война, необходимы известные социальные, политические и организационные предпосылки. Нужно, чтобы хозяйство общества сделало возможным войну, нужно, чтобы массы народа были согласны на войну или, по крайней мере, не противились ей активно. Но этим, разумеется, еще не решается успех войны. Нужно, чтобы была организация, которая знает искусство войны, умеет создать план ее, распределить роли, двинуть в дело силы и обеспечить победу. Такой организацией должна быть армия.

Далеко, разумеется, не полную аналогию мы имеем относительно успешности революции. Для того, чтобы революция стала возможной, как победоносная, необходимо, чтобы хозяйство данной страны достигло известного уровня развития, необходимо, чтобы в обществе был класс, который заинтересован в революции, и, наконец, чтобы во главе этого класса стояла организация, которая сумела бы повести революцию, развить ее и завершить победоносным захватом власти.

Попытку захвата власти без социальных и политических предпосылок называют на немецком языке «путчем», т.-е., так сказать, выкидышем вооруженного восстания. Но, с другой стороны, если предпосылки революции налицо, т.-е. обстановка революционная, если есть класс, заинтересованный в революции, представляющий собою решающую силу, но нет партии, нет организации, которая могла бы руководить, или же, если эта партия слаба, нет у нее ясного плана, то можно провалить самую благоприятную революционную ситуацию.

Точно так же обстоит дело и с войной. Можно провалить войну в самых благоприятных условиях, т. е. при наличности единодушия широких народных масс, готовых воевать. Если организация плоха, стратегия плоха, тактика отстала, если части несогласованы, то можно провалить самую лучшую международную ситуацию. Я говорю, товарищи, об этих сходных чертах войны и революции потому, что сейчас они как раз особенно сближены. Мы собрались на в высокой степени важное совещание наших военных политических работников. Мы будем решать очередные наши задачи, но решать мы их будем под знаком исключительно ответственной исторической обстановки. Чем это определяется? Революцией в Германии и возможными опасностями войны, вырастающими из этой революции. И для революции, и для войны необходима тщательнейшая подготовка, и ни в каком случае нельзя надеяться на импровизацию или на покровительство бабушки-истории. Эта бабушка в 17 и 18 гг. ворожила нам и ворожила совсем не плохо. Но враги наши за эти 6 лет многому научились, и теми простецкими средствами, которыми мы действовали в 17 году, теперь действовать нельзя.

Провал Болгарской Революции.

На-днях мы имели пример провала революции, для которой были благоприятные предпосылки. Я имею в виду революцию в Болгарии [39]. Болгарское правительство, выросшее из переворота, держится на врангелевских штыках. Политические партии переворота представляют собой ничтожную силу, коммунисты сильны; большинство страны и крестьянство — чуть не на 100% — против правительства Цанкова. При сколько-нибудь серьезной подготовке мы там, по отзывам товарищей, знающих Болгарию (я с ней также знаком по собственным наблюдениям, но это было давно: мое последнее посещение Болгарии относится к 1913 году), — по всем данным, мы могли бы иметь в Болгарии победу, но мы ее не имеем. Почему? Социально-политические предпосылки были налицо. Буржуазные партии скомпрометировали себя целиком. На смену им пришла крестьянская партия. Головка этой партии — правительство Стамболийского — скомпрометировало себя. Все симпатии пошли налево и были перенесены на коммунистическую партию. Вооруженные силы врага были ничтожны. И тем не менее мы оказались разбиты. Не хватило ясного, отчетливого плана действий и решающего удара в назначенный момент и по назначенному месту. Нельзя смешивать революцию и вооруженное восстание. Революция есть совокупность гигантских событий, революцию нельзя назначать, нельзя распределять заранее роли в ней, но когда революционная обстановка создалась, то она ставит перед революционным классом уже практическую задачу:

— Возьми власть!

Это есть по существу военно-революционная задача. Для этого нужно врага повалить на обе лопатки, вырвать у него инициативу, вырвать у него

власть. Это предполагает план, инициативу, назначение срока и целый ряд военных действий. Если упустить момент, обстановка может радикально измениться, и потом в рядах революционного класса может начаться распад, отчаяние в своих силах и пр. и пр.

Положение в Германии.

В отношении Германии, разумеется, эти опасности не исключены. Сейчас все говорит за то, что они там уменьшаются со дня на день. Конечно, вопрос о германской революции несравненно важнее, чем вопрос о болгарской. Нельзя, конечно, отрицать того, что для нас превосходным подарком истории было бы, если за пять минут до революции в Германии, была бы захвачена власть в Болгарии. Этого, к сожалению, не произошло. Сейчас поднимается занавес над германской драмой, размеры которой гораздо более крупны, чем размеры революции в Болгарии, и здесь тоже не исключена возможность опасностей, о которых я говорил. Заранее обеспеченных революций не бывает на свете. Но вместе с тем все более выясняется для народных масс, что выхода для Германии на пути реформы, на пути парламентаризма уже нет. Обстановка вполне созрела для революции также и в том смысле, что основной класс общества — пролетариат — представляет собой класс решающего значения, абсолютно преобладающий в стране. В Германии 15 миллионов индустриальных рабочих, 3 — 5 миллионов сельско-хозяйственных рабочих *), которые представляют собой тоже очень боевой элемент. Этого нет ни в одной стране. Наконец, возьмем это ужасающее падение марки, которое колеблет жизнь в ее самых простейших бытовых отношениях изо дня в день, выбивая почву из-под ног каждой работницы, каждой домашней хозяйки, каждого рабочего, долбя им в голову, что дальше так жить нельзя. Сегодня телеграф принес нам известие, что доллар поднялся до 12 миллиардов марок.

Наряду с этим в Германии наблюдается чрезвычайно быстрый рост влияния коммунистической партии. Партия молодая, родившаяся во время империалистической войны, настоящим образом оформившаяся после 9-го ноября 18 года [40], — эта партия имела много неудач; она потерпела поражение в марте 1921 г., когда пыталась захватить власть, к чему тогда рабочий класс не был подготовлен. Вы помните, как 3-й Конгресс Коминтерна очень жестоко осудил ошибку германской компартии, чем вызвал недовольство левого ее крыла. Но этот урок пошел в прок. С тех пор германская компартия стала руководящей партией германского пролетариата. Политические передвижки последних недель подтверждают это с полной

---

*) «Коммунистический Ежегодник» определяет цифру с.-х. рабочих Германии в 7.000.000. Но эта цифра, полученная путем статистических комбинаций над данными до-военного времени, несомненно преувеличена. Мы берем минимальную цифру.

несомненностью. Сообщения из Берлина говорят о том, какое убийственное влияние на германскую социал-демократию имеют саксонский и тюрингенский блоки левых социал-демократов и коммунистов. Против этих блоков поднимались голоса внутри самой компартии. Опасения были таковы: социал-демократия компрометирует себя все более и более, ее левое крыло есть не что иное, как маневр, — перенести сочувствие изменяющих масс на свое левое крыло. После того, как опасность отпадет, социал-демократия втянет свое левое крыло и покажет настоящее лицо. Такова была критика в наших собственных рядах. Противники коалиции говорили, что если мы вступим в блок с социал-демократами, мы дадим им упрочиться. Коминтерн и германская партия были другого мнения. Правда, мы ведем беспощадную борьбу с социал-демократами. Борьба требует сложнейших маневров. В состав их входят и сознательные уступки тех или иных позиций, отступления, отход и т. д., и т. д. В политике то же самое. Компартия достигла в Германии уже такого влияния, что тяга к ней со стороны социал-демократических рабочих весьма велика, но этого недостаточно для того, чтобы пробить старую организационную скорлупу. Свойства рабочего таковы, что он питает величайшую благодарность, любовь, чувство долга к той организации, которая его пробудила к сознательной жизни. Все старшее и среднее поколение германских рабочих пробуждено социал-демократией. Эти ее заслуги отрицать нельзя, но затем социал-демократия обманула рабочего, воспользовалась своим влиянием для того, чтобы по рукам и ногам связать рабочие массы. У рабочего класса отношение к социал-демократии, как к партии, пробудившей его, сохранилось. Поэтому германские рабочие. сжимая кулаки против социал-демократии, в то же время в значительной своей части остались под ее знаменем. Задача коалиции в момент, непосредственно предшествовавший решающим боям, в том и состояла, чтобы пробить эту скорлупу, этот организационный консерватизм. Разумеется, дело не идет здесь о блоке с целью осуществления социалистической программы на основах парламентской демократии. Нет, мы имеем по существу военно-революционный маневр с целью укрепиться и вооружиться на известной части территории, прежде чем пробьет час решающих действий. Так именно Исполком Коминтерна понимал и понимает саксонский опыт. И по всем данным, тот факт, что коммунисты оказались с социал-демократами в одном правительстве, потряс организационный консерватизм рабочих социал-демократов. Как пример, я приведу то, что в гор. Хемнице 60 фабзавкомов перешли от социал-демократов к коммунистам. Следовательно, там, где социал-демократы стоят у власти, этот факт коалиции нисколько не упрочил организации социал-демократии, а вызвал то, что массы потекли на нашу сторону. Социал-демократия распадается на куски. Влияние факта коалиции в саксонском правительстве — со всех сторон имеет для социал-демократии опустошительное значение. В Берлине поворот социал-демократии влево чрезвычайно силен. Таким образом, этот факт оправдал себя в целом.

Коалиция имеет для нас и другое значение. В Германии сейчас происходит классовая борьба, которая свелась к очень простой формуле — борьбе пролетарских масс против боевых отрядов фашистов; я говорю — к очень простой формуле потому, что в Германии сейчас фактически государственного аппарата почти не существует. Эта, достигшая последней степени, классовая борьба находит территориальное воплощение в том, что мы имеем не только вооруженные сотни пролетариата во всей Германии, но и видим, как подготовляется плацдарм революции в Саксонии. С другой стороны, Бавария — это плацдарм для фашистского кулачества, руководимого кайзеровским офицерством. Мы имеем бок-о-бок два лагеря. Саксония с Тюрингией являются нашим плацдармом, где рабочие массы все более и более становятся под наши знамена, где мы организуем рабочие сотни. Характерно, что между Саксонией и Баварией сейчас прерваны дипломатические сношения: этот разрыв означает, что пролетариат и буржуазия определенно организуют гражданскую войну. Немцы — народ систематический, они и революцию свою ведут систематически. Наблюдая развивающуюся революцию в Германии, видишь перед собой как-будто строгую систему зубчатых колес, с полной правильностью работающих, как в часовом механизме. И вот надо ожидать, что пробьет двенадцатый час и пробьет, очевидно, скоро.

Я сказал уже, что правительства в Германии сейчас нет, что парламент, избранный на основе всеобщего, равного, тайного и прочих прав, отрекся от избранного им же правительства, в пользу власти генерала Секта. Подлинный государственный аппарат Германии в данный момент — это генерал Сект, прекрасно знающий аппарат истребления масс, знающий свой рейхсвер (100.000 чел.), знающий силы фашистских ударных батальонов (200.000, по одним сведениям, и 400.000, по другим источникам), которые нынешним летом проходили лагерные сборы под покровом официального рейхсвера. Во главе всех этих сил стоит генерал Сект, подчинивший себе кроме того и шутц-полицию, численностью до 135.000 чел. Возглавляя весь этот военный аппарат, численностью в несколько сот тысяч душ, генерал Сект начинает, в лице генерала Мюллера, наступление на Саксонию, предъявляя последней требование по разоружению пролетарских сотен. С другой стороны, Берлин пытался отозвать генерала Лоссова, на что баварское правительство ответило, что если центральное правительство будет настаивать на отозвании Лосова, то оно потребует со своей стороны ни больше, ни меньше, как отозвания Гесслера. А этот последний является республиканским военным министром, — стало быть, Бавария не только дипломатически порвала с Саксонией, но начинает разговаривать с б е р л и н с к о й керенщиной столь властным тоном, что последняя поджала хвост и свое требование смены генерала Лоссова взяла обратно.

Такова обстановка. Она долго длиться не может. Либо будут разогнаны рабочие сотни, что означало бы сильный удар по германской революции (я не говорю: поражение), и чем, конечно, пролетарские силы Гер-

мании не были бы исчерпаны, но это означало бы, вне всякого сомнения, что в аванпостной стычке рабочие потерпели поражение. Либо генерал Мюллер, парализуемый своей тыловой керенщиной, не приведет в исполнение своих угроз, чтобы было бы для революции превосходно после того, как он предъявил свой ультиматум; это подняло бы дух рабочих, и самое развитие революции приобрело бы более жизнерадостный, уверенный в себе характер. Либо генерал Мюллер двинет свой рейхсвер, — рабочие сотни не дадут себя разоружить, — тогда начнется гражданская война. Так или иначе, но нынешнее состояние Германии может держаться дни, может быть, недели, но вряд ли месяцы.

Я сейчас назвал основные силы врага: 100.000 рейхсвера, численность которого установлена Версальским договором. Это — армия добровольческая, состоящая почти исключительно из крестьян, подвергающихся соответствующей обработке со стороны фашистского офицерства. Оружием генерала Секта является до известной степени и 135.000 полиции, главным образом, укомплектованной городскими рабочими, за исключением Баварии и Вюртемберга. Если в рейхсвере деревенская молодежь — на 95% холостяки, то в полиции — рабочие, в подавляющем проценте семейные, загнанные в полицию безработицей и другими обстоятельствами; в Пруссии — Бранденбурге — такая полицейская сила значительно укомплектована социал-демократическими рабочими и составляет гвардию прусского министра внутренних дел Зеверинга. Закон запрещает полицейским принадлежать к политическим партиям, но разрешает принадлежать к профсоюзу, так что эти полицейские сплошь и рядом являются членами свободных (социал-демократических) профессиональных союзов. По оценке компетентных людей, из этих полицейских одна треть будет, безусловно, драться против нас, преимущественно в аграрных областях, одна треть будет нейтральной, и около трети будет драться вместе с нами или помогать нам. Таким образом, полиция парализуется — в арифметическом подсчете; она вычеркивается, как самостоятельная сила. Конечно, это все зависит от политики, тактики и стратегии, которую мы развернем. Но самое главное — это не рассматривать рейхсвер и полицию, как что-то единое, монолитное. Такое представление в корне неправильно. У молодого германского коммуниста сплошь да рядом наблюдается, конечно, приблизительно такая же психология, как у нашего молодого красноармейца. Когда он впервые попадает в боевую переделку, ему кажется, что его враг представляет собою что-то грозное, бесстрашное, такое мощное, что, навалившись, совершенно истребит, раздавит его, ибо он, бедняга Петров, из Пензенской губернии, слабенький человек, и у него кошки скребутся на сердце... Здесь вот важным моментом подготовки Семенова, Петрова, является такое воспитание их, чтобы они знали, что и враг их также человек, что и у него есть также душа и в ней «кошки»... И мы, научившись прекрасно достигать связи с массами, имеем в этом отношении все данные правильно разрешить эту задачу.

По отношению к рейхсверу, к полиции, конечно, обстановка несколько другая, тем не менее нельзя упускать из виду, что в рейхсвере 100 тысяч крестьянских парней, которые рассеяны по всей стране. В тех случаях, когда армии удается устоять в революции, это объясняется обычно отчасти и тем, что армия себя чувствует компактной массой, она стоит полками, знает, что рядом с ней стоят другие полки, в ней есть уверенность, что об эту массу революция может разбиться. Но если армия разбита на разбросанные роты, батальоны, которые со всех сторон омываются волнами бурного революционного движения, где участвуют миллионы и миллионы пролетариев, мелкой буржуазии и крестьянской бедноты, то в этих условиях части армии будут себя чувствовать в высшей степени нетвердо, могут подвергаться панике, а революционная партия может им в этом отношении помочь. Если в частях рейхсвера иметь хотя бы считанные единицы, которые изнутри скажут: «Ничего не поделаешь, клади, братцы, винтовку», то этим можно достигнуть решающих результатов. Но нужна подготовка, нужно учесть опыт предшествующих революций. А если считаться с рейхсвером, как с чем-то неприступным, и не пытаться его разложить изнутри, то дело плохо, ибо, если французы и обкарнали германскую армию до пределов, то оставили все же ровно столько механизмов массового убийства, чтобы можно было подавить восстание германского рабочего класса.

Остается фашистская армия, которая пользуется покровительством государства. Если она не узаконена, то не потому, что есть на свете не очень целомудренная германская социал-демократия, а потому, что есть Пуанкарэ, который следит за тем, чтобы фашистская армия не выросла в большую силу. Аппарат командования отдельных фашистских единиц превосходен. Что касается боевого материала, то это буржуазные сынки, студенты, мелкие буржуа и даже часть рабочих люмпен-пролетарского типа. Полной однородности в этих отрядах нет, и нет уверенности, что в решающий момент они поставят свою жизнь на карту. Поведение фашистских частей зависит от поведения рейхсвера. Фашистские батальоны входят из подполья в официальную организацию рейхсвера; у них одна и та же служба связи, общее командование, и их мобилизация будет производиться через аппарат рейхсвера. Если этот аппарат, т. е. официальная армия, сохранится целиком, как центральный аппарат, а это зависит от размера и размаха революции и от политики нашей партии, то это будет для нас огромнейшим минусом. Если бы революционерам удалось перебить позвоночник этой организации, тем самым фашистские батальоны превратятся в партизанские отряды и справиться с ними будет гораздо легче.

Конечно, требуется еще и другого рода подготовка. Сеть железных дорог Германии — инструмент исключительной мощности, она насчитывает более 60 тысяч километров. Если в решающий момент эта сеть окажется в руках фашизма, то тогда он сможет бросить в индустриальные

районы отдельные отряды, сможет маневрировать. Совершенно очевидно, что это — вопрос исключительной важности.

Если бы железнодорожная сеть осталась в руках реакции в решающий момент, то последняя имела бы возможность получать поддержку из кулацких областей — Баварии, Восточной Пруссии и пр. Что у нас имеется против этого? Прежде всего — железнодорожный пролетариат, с полной возможностью применения стачек, забастовок на важнейших пунктах; подрыв железнодорожных мостов и т. д., для чего, очевидно, надо иметь хорошую контр-организацию революционной партии, иметь своих тайных комендантов на важнейших железнодорожных узлах. Я, конечно, не рисую того, что есть, ибо не знаю этого, говорю только то, что вытекает из всего опыта нашей собственной революции. Как делают немецкие товарищи, что они будут делать завтра, — мы с вами знать не можем, но вот что вытекает из нашего опыта и вот что мы делали бы, если бы нас снова поставили в такое положение, и нам пришлось бы снова завоевывать власть. Так как революции совершаются редко, и за шесть лет можно кое-что и позабыть, то я считаю необходимым напомнить настоящему совещанию, что в указанных случаях необходимо иметь прекрасно организованный контр-аппарат на железных дорогах, ибо, если в распоряжении революционных комендантов будут находиться твердые боевые дружины, которые могут приостановить поезда для противодействия фашистским батальонам, то можно фашистский аппарат приостановить, парализовать. А так как основа за нас, ибо 15 — 20 миллионов германских рабочих в подавляющей массе своей будут в решающий момент за нас, то это, конечно, облегчает все остальные, в том числе и чисто военные, манипуляции, — облегчает, но не устраняет. Я должен сказать, что когда я в частной беседе с некоторыми русскими товарищами, наблюдавшими жизнь Германии месяца два - три тому назад, когда там положение было еще не столь зрелым, спрашивал, как обстоит дело в той или другой организационной области, и когда получал ответ: «не знаем, но думаем, что когда революция начнется, то это разрешится импровизацией», — я отвечал им, что революция много импровизирует, но импровизирует для тех, кто к ней серьезно, тщательно готовится, все подсчитывает и учитывает, но ни в коем случае революция не импровизирует для ротозеев. Я уже говорил, что если нам раз бабушка-история во многом помогла, то это не значит, что она снова будет ворожить в нашу пользу.

Для того, чтобы обеспечить революции военный успех, нужно желать этого во что бы то ни стало и активно стремиться к этому, сламывая по пути все препятствия. Найдется ли в германском рабочем классе необходимая воля для захвата власти, для борьбы и завоевания подавляющего большинства народных масс, для непосредственного прыжка на шею врага, чтобы опрокинуть его и взять власть? Этот переход всегда связан с величайшим внутренним кризисом для партии. Ибо одно дело завоевать влияние на массы, на рабочих, объединить их, увлечь за собой, и другое дело —

сказать: «момент пришел, все силы надо сконцентрировать, дать сигнал к восстанию, все решительно поставить на карту», — для этого от партии требуется большая решимость, и здесь внутренние тормозящие настроения могут быть очень велики.

Вооруженного восстания в Германии еще нет, оно через порог занесло только одну ногу. Германская коммунистическая партия не имеет такого закала, который имела наша компартия в 1917 г., большого подпольного прошлого у нее не было, но опыт серьезных боев она уже имеет, ибо их ей пришлось провести не мало, хотя они и кончались в прошлом довольно серьезными поражениями. Сейчас германская коммунистическая партия имеет большое преимущество перед нами (в 1917 г.) в том отношении, что она опирается на наш опыт и имеет руководство Коминтерна, который в этом руководстве питается опять-таки нашим же опытом. Можно поэтому надеяться, что внутренние потрясения и трения в партии, которые неизбежны, когда революционная партия от агитации и пропаганды переходит к завоеванию власти, будут сведены к минимуму. Насколько можно судить по имеющимся у нас данным, по поведению германской коммунистической партии, опасность того, что она перед лицом развертывающихся событий спасует, просто говоря, сдрейфит, является минимальной, если не совершенно устраненной, но проверка в этом отношении может быть дана только событиями.

Вывод таков, что история вполне подготовила для Германии условия вооруженного восстания, и генерал Мюллер, по поручению истории, ускоряет этот процесс, развитие которого может пойти очень быстрым темпом уже в ближайший период. Шансы борьбы при правильной линии партии — на стороне пролетариата.

Я не называл вам числа вооруженных сил революции, по вполне понятным причинам, — во-первых, я их не знаю, во-вторых, если бы случайно и знал, то не был бы уполномочен говорить. Но 15 миллионов индустриальных рабочих и 3 — 5 миллионов сельско-хозяйственных — способны выделить из себя достаточно вооруженных отрядов, чтобы справиться с противником. Предвидения, в общем, благоприятны, хотя, конечно, как и относительно войны, нельзя давать точных предсказаний. Война не есть арифметическое упражнение. Тем более это относится к революции. История требует, чтобы обе враждующие стороны испытали крепость своих лбов, и только через самую борьбу решается исход ее, а не каким-либо счетным, бухгалтерским путем. Вот почему можно оценивать ход развития, можно взвешивать шансы за и против, но никогда нельзя с математической уверенностью пророчествовать относительно исхода борьбы. Конечно, тут основные данные благоприятны.

Но германская революция не решится одним внутренним соотношением сил. Германия находится в капиталистическом окружении, и победоносной германской революции не выскочить из него. Это окружение, прежде всего: Франция, Бельгия, Англия по ту сторону канала, Польша

и Чехо-Словакия. Это решающие государства. Есть еще Австрия, Швейцария, Голландия... Они активной роли играть не будут, но, конечно, если большие соседи решат вести политику удушения, то меньшие смогут помогать, держа конец веревки, и т. д. Но нам нужно отдать себе отчет в поведении главных империалистических государств. Начнем с Англии. Я вчера говорил у металлистов об этом и сейчас говорю, что Англия на континенте сейчас бессильна. Англия предъявила нам ультиматум, мы сделали те или иные уступки не потому, что она могла нас разгромить, а потому, что мы были заинтересованы в налаживании хозяйственных отношений. Это бессилие Англии противоречит как будто представлению о ней, как о чрезвычайно богатой стране, как о сильной морской державе, с ее биржей, с ее Сити, с ее морским флотом, хотя она имеет сейчас и в этом величайшего конкурента в лице Соединенных Штатов. Но Англия была сильна на континенте только постольку, поскольку в Европе боролись две, приблизительно равные по силе, сухопутные державы. Англия всегда поддерживала более слабую против более сильной. Если слабая вырастала в более сильную, то Англия меняла свои симпатии. Тем, что Англия прибавляла свою гирьку на весы судеб Европы, она их решала. Непосредственно вмешавшись в войну 14 года, она этим сильнейшим образом нарушила свои традиции и бросила большую армию на континент, потому что Германия слишком уже переросла Францию. Вы знаете, что патриотические английские тредъюнионы держались всегда пацифистских идей, по крайней мере, на суше, ибо вожди их больше склонны жить за счет своего отечества, чем умирать за него. Эти пацифисты лишь с большим трудом поддержали свое правительство. Во время войны Англия помогла в войне Франции слишком энергично, и Франция оказалась гегемоном (хозяином положения) в Европе. Теперь, когда Англия пытается вмешиваться в европейские дела, Франция себе и в ус не дует. Это мы могли видеть на примере с Руром. Английская дипломатия сначала протестовала, а потом спасовала. Еще более поразительный случай, — это политика ее по отношению к Турции. Англия объявила Турцию врагом человеческого рода. И что же оказалось? Когда Турция (я имею в виду Ангору) стала подниматься на ноги, что могла сделать Англия? Она противопоставила ей Грецию. Турция разбила Грецию. В конце концов Англия ушла из Константинополя, а турки вошли в него. Бессилие Англии на континенте очевидно.

Разумеется, самым заклятым врагом германской революции будет именно великобританская буржуазия. Она уже не раз и раньше, например, в конце XVIII и в начале XIX столетий создавала коалицию против революции. Но руки коротки у Англии. Она — не сухопутная держава. Она может поддержать Францию, если последняя станет на путь интервенции, блокируя немецкие порты, подвозя для оккупационных армий военные припасы и т. п. Но может ли Франция вмешаться? Это — основной вопрос. Что может вмешаться в той или другой форме, — это несомненно. Но в какой? Сейчас она оккупировала Рур и не собирается оттуда уходить.

Германской революции придется с этим считаться, и будет безумием, если немецкий рабочий класс в своем вооруженном восстании пойдет против франко-бельгийской оккупационной армии Рура. Этим он нажил бы себе сильного врага, — много сильнее рейхсвера, и облегчил бы Пуанкаре дальнейшую интервенцию, ибо он оказался бы в этом случае как бы обороняющимся. Но мы полагаем, что германская коммунистическая партия на это не пойдет. Мы в свое время шли на величайшие уступки, когда немцы занимали Украину. Мы не трогали тогда Украины, мы предлагали англичанам, американцам оставить в их руках и Архангельск, и Дальний Восток. Революции часто приходится итти на уступки, но они не вечны. Были времена, когда нас сжали до пределов Московского кольца, но мы коленями, локтями раздвигали и раздвинули его достаточно. У немецких товарищей, надо полагать, локти и колени не хуже наших. Поэтому они могут мириться с тем, что Германия будет без Рура, потому что это будет лишь временно.

Не может ли, однако, Франция, несмотря на миролюбивую политику немецких рабочих, вмешаться в немецкую революцию с целью ее подавления? Это — вопрос столько же политический, сколько и военный. Что такое оккупация, — мы знаем хорошо. У нас их было не мало, и не только у нас, — за эти годы. Мы производили тщательный подсчет необходимых для оккупации сил, и вот, что получили. Для того, чтобы оккупировать Германию с ее городами, с ее тесной сетью железных дорог, — и оккупировать серьезно и прочно, — надо не менее одного миллиона семисот тысяч солдат. На Украине оккупационные германские и австро-венгерские войска исчислялись в 200.000 солдат, при чем оккупация была лишь частичной, оккупированы были только города и важнейшие узлы железных дорог; самое сообщение по железным дорогам прерывалось партизанами, в деревнях царила партизанщина почти неограниченно; эта обстановка влияла на германских и австро-венгерских солдат, которые возвратились потом на родину революционными полками. Для длительной оккупации, серьезной оккупации Германии (иначе незачем браться за авантюру) Франции нужна армия в 1.700.000 солдат, с перспективой того, что эти солдаты, окруженные океаном революционных рабочих, чем дальше, тем все больше будут разлагаться. Разумеется, коммунисты германские и французские будут этому со своей стороны помогать, т.-е. создавать в каждом полку коммунистические ячейки, создавать французские подпольные типографии, вести устную и письменную агитацию во французской армии, а оккупационная армия, поставленная в революционную среду, представляет собою самый благоприятный материал для планомерной и настойчивой агитации.

Правда, Франция не одна выступит: часть оккупационного бремени она может возложить на Бельгию, Польшу и Чехо-Словакию. Но поскольку мы можем судить о Чехо-Словакии, ее внутреннее состояние, соотношение классов таковы, что, хотя она и вассальное государство Франции,

тем не менее, вряд ли пойдет на военную интервенцию и будет, во всяком случае, последней из стран, которая вступила бы на этот путь. Но даже если бы и Чехо-Словакия, и Польша поддержали интервенционистскую авантюру Франции, то самой Франции все-таки надо было бы двинуть не меньше миллиона солдат. Сейчас Франция имеет семьсот-тысячную армию. Для осуществления интервенции ей надо, следовательно, домобилизовать еще около 300.000. Но численность армии определяется в значительной мере и внутренними задачами. И если сейчас Пуанкарэ имеет 700.000 солдат, то они, очевидно, ему для чего-то нужны и внутри государства, а поэтому никак нельзя думать, чтобы Франция могла всю свою армию бросить на чужую территорию. Таким образом, Пуанкарэ, в случае интервенции, для оккупации собственной страны, необходима армия по крайней мере не меньшая, чем та, которую он имеет сейчас, то-есть 700.000 солдат; другими словами, ему нужно иметь армию в 1.700.000, то-есть, ему нужно произвести новую мобилизацию пяти, шести, а, может быть, и семи возрастов. А это во Франции более трудное и рискованное дело, чем в какой бы то ни было другой стране.

Число французского населения можно определить в 39 миллионов человек. В империалистическую войну французы потеряли убитыми полтора миллиона. Население Франции, как известно, не возрастает, а уменьшается. Уже до войны уменьшалось правильно, продолжает уменьшаться и теперь. Во Франции нет ни одной семьи, где бы муж, брат, сын не погиб во время войны, где бы не было калек-инвалидов. Что означает в таких условиях мобилизация, — понять не трудно.

У нас мобилизован один возраст, — и готов миллион душ. Наша страна громаднейшая, населения у нас совершенно достаточно для самых больших предприятий (смех), и, если говорить совершенно серьезно, то нам, при нашей тяжеловесной крестьянской массе, призвать людей легче, чем мобилизовать лошадей и повозки (это вы знаете), ибо тут вопрос касается самой основы крестьянского хозяйства; сын же уйдет, — рабочей силы все-таки останется достаточно. Во Франции картина совсем другая. Там мобилизация и новая война означают риск потерять последние остатки зрелого мужского населения. Уже сейчас мужского населения во Франции недостает, сейчас во Франции, в качестве рабочих, работают итальянцы, бежавшие от фашизма, испанцы, бежавшие от своего фашизма, поляки и чехо-словаки. Их мобилизовать нельзя, — они иностранцы, надо взять французов, а французы — и работник, и работница, и крестьянка, — этого не хотят. И лишь с содроганием могут думать политики Франции о том, что им, может быть, придется мобилизовать несколько новых возрастов и бросить 1.000.000 солдат на германскую территорию с перспективой их разложения. Господствующие классы Франции десять раз подумают, прежде чем на это решатся. Я не хочу сказать, что это исключено. Когда господствующему классу грозит опасность, то нет дерзости, безумия, на которое он бы не решился. Но господствующий класс десять раз по-

думает, прежде чем решить, а десять раз подумает, — это значит и даст передышку. А что такое передышка, — мы знаем: несколько месяцев передышки могут спасти революцию.

Германская революция и Польша.

Как обстоит дело с Польшей? Тут я подхожу к вопросу, который для нас имеет решающее значение, который в нашей агитационной работе внутри армии определит судьбу нашей армии, ее боеспособность и поведение в тех событиях, которые развернулись, и в тех опасностях, которые не исключены. Прежде всего, я должен повторить то, что я сказал на губернском съезде металлистов: было бы величайшей опасностью и бедствием, если бы в революционных элементах рабочего класса, прежде всего в нашей собственной партии, укоренилось убеждение, что с Польшей война неизбежна, что немецкая революция равносильна войне между нами и Польшей. Такие ноты проскальзывают иногда и в агитации, и в известных революциях. За шесть лет мы ужасно набили руки писать резолюции и всегда всякая резолюция у нас бывает революционная: «поддержим революционной рукой... до последней капли крови... да здравствует Коммунистический Интернационал...». Поддержать, конечно, надо, и Коминтерн, конечно, пусть здравствует; если придется, и кровь проливать будем, но все — во благовремении... А по отношению к Польше есть величайшая опасность того, что можно в смысле политической агитации соскользнуть с зарубки. Коммунистический авангард может уйти вперед, не оглядываясь назад, а резервы могут за нами не поспеть, как это было во время севастопольской кампании, согласно песни, сочиненной в честь генерала Реада [41]. Эта опасность столь же политическая, как и военная. Я грубо могу формулировать свою мысль так: выступив на собрании сельского совета агитатор на митинге скажет: «Германскую революцию мы должны поддержать до последней капли крови. Давай, братцы, лошадей». Я боюсь, что такого рода агитация даст не вполне удовлетворительные результаты... Этот вопрос, товарищи, которому я придал только что ироническую формулировку, для нас — вопрос жизни и смерти.

Нам нужно наши взаимоотношения с Польшей продумать гораздо более конкретным и деловым образом. Перспективы необходимо продумать очень реально, потом побудить широкие народные массы продумать эти отношения и перспективы вместе с нами. Прежде всего: как может возникнуть война между нами и Польшей? С точки зрения революционно-обывательской дело обстоит как-будто очень просто. В Германии революция, — чего тут думать: «даешь Варшаву!» Такая постановка абсолютно ложна. Во-первых, германская революция еще не победила, во-вторых, недостаточно сказать «даешь Варшаву», чтобы взять оную (смех). У нас есть опыт на этот счет. Каким же образом может возникнуть война, если поставить вопрос серьезно, если отбросить легкомысленную постановку, которая исходит из абстракции. Из чего же может возникнуть война?

Если бы Польша пошла на оккупацию Германии, то это бы означало чрезвычайную опасность и для нас. Но Польша могла бы пойти на такое дело не одна, а только вместе с Францией, с Бельгией и др. союзниками. Если бы господствующим классам Европы удалось создать большую коалицию для разгрома германской революции, то они поставили бы себе, несомненно, задачей истребить на этот раз революцию в корне и, следовательно, уничтожить наш Социалистический Советский Союз. Тогда встала бы задача нашей борьбы за существование, борьбы не на жизнь, а на смерть. Такое положение было бы ясно для самого темного крестьянина. Если же оставить в стороне возможность великой империалистической коалиции, — а ее шансы в ближайшее время не так уж велики, — то какова может быть роль Польши в случае победы германской революции? Что же, скажет Польша: «даешь Москву или Киев?» Вряд ли. Скажет ли она: «даешь Берлин?» Тоже вряд ли. Не исключена политика захвата коечего из того, что плохо лежит, — это международная черта всех господствующих классов. Это не значит, конечно, что мы согласны с этой чертой мириться. Но совершенно очевидно, что даже удачная попытка захватить Данциг еще не решает судьбы германской революции, и из-за этого вряд ли мы или Польша пошли бы на войну при отсутствии других, более серьезных причин.

Мост или барьер?

Но есть другой вопрос, который непосредственно гораздо теснее, жизненней и конкретней связан с судьбой германской революции и с нашей хозяйственной судьбой. Это вопрос о прокормлении германской революции. У саксонцев, у берлинцев нет хлеба. Именно поэтому и предсказывают гибель революции. Нам предсказывали гибель, потому что у нас аграрная страна и нет промышленности. Немцам предсказывают гибель по диаметрально противоположным причинам. Опасность во всяком случае есть. Без хлеба никакая революция прожить не может. И вовсе немецкому рабочему не нужно, чтобы, в случае победы его в Берлине, наши красные полки двинулись на Варшаву. Внутренними силами немецкий рабочий победит, и только в том случае германская революция будет прочна, если внутреннего врага она победит внутренними силами. И потому немецкий пролетариат заинтересован в том, чтобы вокруг его границы господствовал мир. Новая европейская война могла бы похоронить под своими обломками германскую революцию. Вопрос сохранения мира в Европе есть вопрос самосохранения для европейской революции и для нашего союза в частности. Хлеб нужен германскому рабочему, а у нас этого хлеба слишком довольно, так что низкие цены на него бьют по нашему крестьянину. Только таким образом, т.-е. путем вывоза хлеба, можно одну половину ножниц поднять до нормали, а другая половина должна опускаться за счет поднятия промышленности и понижения цен на ее продукты.

Экспорт хлеба означает вывоз его сухопутным или морским путем. Морской путь может оказаться в случае блокады отрезанным, следовательно, остается единственный выход на иностранный хлебный рынок — сухопутным путем, т.-е. через Польшу. Германскому пролетариату нужен хлеб, получить он его может только от нас. Здесь мы подходим к действительной солидарности, которая опирается на полное тождество интересов наших рабочих и крестьян и германской революции. Мы должны так ставить вопрос и в армии.

Нам нужно, прежде всего, показывать карту, товарищи, надо это делать ежедневно. Вот это пятно — есть Германия. Вот это — Советский союз. Между ними вклинилась Польша. Вот железные дороги, по которым мы можем вывозить хлеб заграницу. Эта карта должна проникнуть в сознание красноармейца, без этого ваша агитация будет, извините за выражение — болтология. Если мы не сможем дать Германии хлеба, то задохнется германская революция и задохнется наш Союз. Это поймет каждый крестьянин Пензенской губ. Другой дороги кроме Польши нет, отсюда вывод ясен. Это — база нашей агитационной работы в Красной Армии. Дело идет сейчас не о принципе международной солидарности, т.-е. не об абстракции, которую если не наполнить конкретными данными, исходящими из современной обстановки, то ничего не получится. Надо добиться того, чтобы связь наших основных интересов с основными интересами трудового германского народа стала ясной, понятной, осязательной для каждого красноармейца. Когда мы вели переговоры в Риге с Польшей, мы отстаивали наш непосредственный стык с Восточной Пруссией, но Польша не согласилась, хотя и при этом оставался бы еще польский коридор. Польша между нами и Германией. Чем же будет Польша, мостом или барьером? Мы не требуем от польского правительства, чтобы оно было проводником нашей политики, как и мы не собираемся проводить политику польской буржуазии. Мы требуем свободного транзита, оплачивая каждую версту чистоганом. Без этого — нам крышка. Если крестьяне поймут, что вместе с тем и германской революции крышка, то это будет очень хорошо; во всяком случае, наша агитация должна исходить из того, что если мы не сможем вывозить хлеб в Германию, взамен которого будем получать продукты промышленности, то у нас получится хлебное удушье, от которого мы можем погибнуть. Значит, весь вопрос в том, будет ли Польша мостом или барьером.

Польские шовинисты указывают на то, что, дескать, «мы не хотим попасть в русско-германские щипцы». Это ходкая фраза в Польше — «русско-германские щипцы». Как будто бы факт щипцов находится в зависимости от нашей злой воли. Это — география, и тут ничего не попишешь. Народы не могут менять квартир по своему произволу. В каком случае Польша может быть для нас мостом к немцам? В том, если она, решительно отказавшись от мысли играть роль барьера, сказала бы нам ясно и отчетливо: «я обеспечу вам мост, платите чистоганом». Разлю-

безное дело, прекрасный выход. Но транзит предполагает, разумеется, отсутствие войны. Нельзя провозить хлеб через Польшу, если Польша воюет с нами или воюет с Германией, — тогда нет стыка железных дорог, тогда нет провоза, тогда нет транзита. Транзит предполагает, что ни мы, ни Польша не намерены воевать, что мы и Польша обязуемся не вмешиваться в германскую вооруженную борьбу. Без этого обязательства пензенский урожай хлеба не дойдет до германского рынка, как и продукция германской промышленности — до пензенского мужика. Это вытекает одно из другого. Это — реальная программа, понятная каждому. Мы боремся за мир вокруг германской революции. Германская революция со своими внутренними врагами справится собственными силами. Германского рабочего мы будем кормить хлебом не даром, а в обмен на продукты его промышленности, на машины, которые будут доставляться к нам через Польшу по договору, заключенному с Польшей. Мы приложим все силы к тому, чтобы договор этот был. Заключить его — дело нашей дипломатии, и дипломатию свою на этом пути мы поддержим до конца. Если транзит будет обеспечен, то обе стороны тем самым обязуются не воевать друг с другом и не мешать Германии.

Вот наша программа политико-воспитательной работы в армии на ближайшее время. Это обеспечивает от опасности срыва с зарубки, а иначе получилось бы так, что авангард летит вперед, а резервы не поспевают. Не только крестьянин, но и рабочий не понимают сплошь да рядом того, что имеют в виду, когда говорят им о поддержке немецкой революции. Крестьянин и рабочий хотят мира, и это стремление их к миру Советское правительство кладет в основу своей политики.

Но это, товарищи, ни в коем случае не значит, что мы не должны готовиться к войне. Всякий поймет, что обстановка не такова, чтобы мы, проводя добросовестно мирную политику, могли быть вполне уверены, что все наши партнеры будут петь с нами в унисон. Это еще не доказано.

Есть ли опасность войны? Я начал с того, что война и революция революция и война идут нередко рядом. Германская революция будет довольно большим камнем, упавшим в воду европейских отношений. Эта вода и так не спокойна, но если скала обрушится, то волны по Европе пойдут величайшие, равновесие будет нарушено, многое будет выбито из колеи и опасность новых потрясений будет очень большая. Это скажется на настроении буржуазных классов, в частности и тех, чьей резиденцией является Варшава. Опасность войны есть.

Однако, сколько шансов за войну? Если бы была на свете такая бухгалтерия, которая могла бы подсчитать, сколько шансов за мир и сколько за войну, то я склонен к той цифре, что за мир есть, по крайней мере, 51%, а за войну никак не более 49% по самой пессимистической оценке. Но если бы за войну было всего только 10%, то и тогда мы должны были бы готовиться на 100%, ибо, если бы мы неподготовленными попали

под действие войны, исходя из 10% ее возможности, то были бы разбиты полностью на 100%. Поэтому наша подготовка к войне во всяком случае должна итти полным ходом.

Наши задачи.

Эта подготовка не предполагает каких-либо скачков, а означает, прежде всего, улучшение, уточнение всей той работы, которую мы вели до сих пор. Разумеется, это связано с тем, что государство будет вынуждено отпускать на армию и флот больше рессурсов, чем до сих пор. Возможности работы военно-технической, военно-промышленной и военно-политической станут шире, число работников несомненно возрастет, военно-политический аппарат окрепнет, укрепится, но вместе с тем и самая работа должна получить и другой темп, отвечающий тому периоду, в который мы вступаем. Всем нам надо как следует быть подтянуться!

Из новых задач — их не так много — самой важной является развитие нашей территориальной системы. Вы с этой задачей знакомы достаточно хорошо. Об этом вопросе в порядке дня нашего совещания будет особая речь. Мы, несомненно, с введением этой системы вписали важную и содержательную главу в развитие нашей Красной Армии. Перед сборами территориальных дивизий [42] было очень много сомнений: выйдет ли, удастся ли нам в революционную эпоху перейти на милиционную систему? Мы сделали опыт, и сбор десяти дивизий прошел хорошо, что означает, что социально-политические предпосылки в общем и целом оказались у нас благоприятны. Во-вторых, военный аппарат, при содействии советского аппарата, с теми задачами, которые стояли перед нами в области территориальных формирований, в общем и целом справился. Прорехи, конечно, есть, но надо подвести итог и в дальнейшем их исправить. Этот опыт мы расширяем. Не меньше двадцати новых территориальных дивизий мы предполагаем провести через сборы переменного состава. Опыт, повторяю, исключительной важности и для наших мобилизационных задач — здесь своя рука владыка, ибо мы можем кадры территориальных дивизий помещать как удобнее, районирование производить в соответствии с планами развертывания и стратегическими планами. А поэтому политическая, воспитательная работа в районах комплектования территориальных дивизий является одной из наших важнейших задач. Это относится в первую голову, острее всего к украинским дивизиям, ибо там предстоит опыт создания территориальных дивизий на правобережьи. Вы все понимаете, насколько это заманчиво с точки зрения военной, насколько это сократит работу по сосредоточению войск, но, с другой стороны, принимая во внимание особый состав населения на правобережьи, необходимо с политической стороны подковать себя всемерно. Конечно, это же относится и к территориальным дивизиям во всех частях страны.

Поскольку мы наш опыт расширяем, придавая ему крупнейшее значение, постольку поднимается во весь рост вопрос о классовом существе

территориальных дивизий. Вы знаете, что Жорес — французский социалист, убитый накануне войны — написал книгу о милиционной армии, организуемой, по его предположению, на демократических началах и имеющей исключительно оборонительный характер. Мы, строя территориальные дивизии, во многом идем по пути, который изложил Жорес в этой своей книге «О новой армии», но в политическом отношении между нами пропасть: мы строим милиционные дивизии не демократические, а классовые, хотя на Украине и на 70% крестьянские, но под руководством рабочего класса. И так как сейчас мы живем в условиях нэп'а, кулак начинает поднимать голову, капитал сосредоточивается в торговле, и торгаш начинает играть все большую и большую роль и в деревне, и в городе,—ибо не надо забывать, что низшие звенья в руках торгового капитала, и он весьма и весьма обрастает жирком, — то перед нами во весь рост стоит вопрос об однородности нашей армии и решение его зависит от того, насколько правильно нам удастся на глазах у красноармейца произвести чистку, фильтрацию армии и от торгашей, и от кулаков. Как строжайший закон, надо подтвердить: торгашам и кулакам в территориальных дивизиях, как и во всей Красной Армии, места нет. Это особенно важно потому, что и кулак и торгаш стремится туда, хочет попасть в них, потому что это для него паспорт политической благонадежности. Иметь официальный волчий билет кулака — не такая уж большая привилегия; он стремится в территориальную дивизию, выдавая себя патриотом своего отечества, он хочет добиться гражданской легализации через военный аппарат. Но мы ему этой легализации не дадим. Эту задачу должны выполнить военные работники, которые сообща с местными партийными работниками ответственны за комплектование территориальных дивизий.

В отношении наших полевых дивизий стоит вопрос об установлении такого режима, который отвечал бы объему надвигающейся опасности. Надо, чтобы из всей воспитательной работы, из всей пропаганды явственно вытекало понимание того, что начинаются времена более суровые и ответственные; необходимо, чтобы сознание это пропитало и командный состав, и комиссарский, и политсостав, и каждого красноармейца, и чтобы снят был с очереди дня вопрос о неявках, уклонениях, самовольных отлучках и прямом дезертирстве. Я не говорю, что мы начнем с голого административного нажима по этим линиям. Нет, прежде всего нужна морально-политическая подготовка, нужно создание сплоченного общественного мнения.

Все, что я говорю, относится, конечно, и к Красному Флоту, ибо обстоятельства могут сложиться так, что Красному Флоту придется играть не малую роль в надвигающихся событиях, если они навяжут нам оборону Советского Союза с оружием в руках. Конечно, вы не потребуете от меня здесь развития этой мысли. Но из всех наших планов вытекает тот вывод, что на флот может, при известных условиях, лечь очень ответственная работа. Это вытекает из географии наших морей. Пусть же товарищи-моряки удвоят усилия на пути дальнейших успехов.

Надо, чтобы общественное мнение армии и флота поняло, на основе оценки всей обстановки, что времена подходят суровые и что ответственность каждого из нас увеличивается во много раз, и в этой обстановке неявка, самовольная отлучка, дезертирство приобретают большое значение. Сборы прошли в общем, как сказано, хорошо. Но имеются и такие факты, правда, совершенно исключительные: — пополнения, например, в Бессарабскую дивизию, приходившие из Полтавщины, дали на 50% дезертиров, которые, кажется, даже организовывали банды. Явка в территориальные дивизии равнялась 98%. Хорошо это? Прекрасно. Но 2% не хватает, и это нарывчик, который может стать нарывом. Вы знаете, что во время войны шли из Воронежской губернии в армию письма, что вот, дескать, Петька сидит дома — и ничего. Вы знаете, какие это иногда вызывало последствия. Я хочу указать, что если нет ясного и отчетливого режима по этой части, то эти 2% неявившихся могут вызвать расшатку далее и далее и поколебать всю организацию. Нам поэтому необходимо обратить сугубое внимание на крепость армии с этой стороны. Неявка должна считаться тяжким преступлением, которое влечет за собой определенную кару. Разумеется, успех по этой линии мыслим только параллельно с внутренним сплочением армии. В общем у нас в этой области обстоит сравнительно благополучно, но товарищескую спайку красноармейца, командира, комиссара надо, в виду всей обстановки, поднять на бо̀льшую, чем прежде, высоту. Всякие неправомерные действия, неправильности, невнимание к красноармейцу и его нуждам надо изгонять и искоренять. То, что является в бытовом отношении и на первый взгляд кажется второстепенными мелочами отрицательного характера, сейчас становится десятикратным преступлением. С чванством, грубостью, формализмом необходима систематическая борьба, чтобы заблаговременно спаять и скрепить армию.

Возвращаюсь к неявке. В докладе украинских товарищей я нашел еще следующее место, в высшей степени тревожное, хотя то, о чем здесь говорится, является, конечно, исключением. «Надо отметить, что политсостав старался отделаться от работы в терчастях...» и пр. Здесь необходимо привлечь внимание ЦК и парткомов. Если бы вредный пример пошел отсюда, то это грозило бы большими бедствиями, и тогда говорить о сплоченности в армии не приходилось бы совершенно. Такие явления исчезнут, как только Партия, до самых глубоких низов своих, отдаст себе отчет в серьезности и ответственности обстановки.

Огромное значение приобретает сейчас национальный момент. Поскольку мы сейчас переходим в более широком масштабе к территориальным частям, которые непосредственно связаны с местным населением, постольку национальный момент и национальный язык получают повышенное значение. Во многих местах делались попытки перевода политбесед на национальный язык. Надо это приветствовать, надо удесятерить усилия в этой области. Нельзя допускать того, чтобы вопросы политики были затруднены,

во-первых, потому, что они сами по себе трудны и, во-вторых, потому, что они преподносятся на незнакомом языке.

Не меньшее значение получает вопрос о молодежи, об отношениях к нашим комсомольцам. Для поднятия чувства ответственности как нашей по отношению к молодежи, так и самой молодежи по отношению к революции, в частности для поднятия значения допризывной подготовки, как единственной серьезной основы будущей нашей территориально-милиционной армии, — необходима большая связь наших военно-политических органов с комсомолом. Вчера происходил пленум ЦК Союза молодежи, где обсуждали вопросы, связанные с военной работой. Один из товарищей поставил вопрос — не нужно ли пересмотреть положение о ячейках комсомола в армии. Я ответил на это категорически отрицательно. Это не вытекает из обстановки. Наоборот, чем острее становится международная обстановка, тем менее допустимо умножение организаций внутри армии. Мы имеем партийные организации, которые сложнейшими путями сочетаются с военными, во главе тех и других стоят испытанные старые работники, обладающие опытом. Если бы мы создали еще новую организацию в виде комсомольской, то это могло бы привести к очень нежелательным трениям и затруднениям. Если мы вынуждены отказаться от этого, то мы должны зато удвоить внимание к тем комсомольцам, которые входят в части Красной Армии, чтобы они не потеряли своего комсомольского облика, чтобы мы могли воспитывать из них завтрашних членов партии.

Разумеется, вопрос товарищеской сплоченности, внимание к быту, внимание к личности и уважение к ней связаны с трезвостью в армии. И это очень важный вопрос — борьба с самогоном. Там, где самогон разливанным морем разливается, там лагерные сборы проходят хуже, там и по части тердивизий дело обстоит не гладко. Поэтому необходима беспощадная борьба с самогоном. И чем серьезнее обстановка, тем суровее должна быть эта борьба.

Нам нужно постараться увеличить количество коммунистов-бойцов в частях. На том же пленуме ЦК молодежи меня спросили, нельзя ли дать такого лозунга, чтобы комсомольцы шли в бойцы. Конечно, такого лозунга дать нельзя. Без политруков мы жить не можем. Надо подсчитывать, кто пойдет в бойцы, а кто в политруки. Но создание в армии непоколебимого ядра может быть достигнуто лишь в том случае, если мы повысим процент коммунистов со штыком.

Вот в основных чертах задачи внутренней работы в армии. Параллельно должна пойти и пойдет более усиленная работа в области военной промышленности, потому что наша боеспособность будет определяться на 50% нашими успехами в области военной промышленности.

Я возвращаюсь к вопросу, которому посвятил большую часть своего доклада, именно к вопросу о моральной подготовке армии, флота и всего населения, ибо одно с другим неразрывно связано. Вы знаете, как прошедшие территориальные сборы будоражили народ и как благотворно во

многих местах они на него воздействовали. Поэтому, метод воспитания Красной Армии, который мы усвоим в этот момент, будет в значительной степени и методом воспитания широких масс и исходить он будет из конкретного делового освещения вопроса и основательного движения вперед шаг за шагом. Я еще раз постараюсь формулировать опасность. Мы слишком много знаем, а наши слушатели часто слишком мало знают. Мы все оценки развертывающихся событий — связь между войной и германской революцией, перспективы ее — крепко вложили в свои головы, все это глубоко у нас осело в уме и поэтому, когда мы излагаем вопрос, то, забывая о слушателе, скачем через пятое на десятое, а у слушателя создается такое впечатление, будто он через частое сито смотрит в дождливый день, видит, что-то там маячит, а не разберет, что именно. Мы пишем хорошо и революционно: «и кровь прольем», и «поддержим» и прочее, а в голове-то слушателя резолюция не оседает. Правда, резолюцию принимают, голосуют за нее, но часто лишь доверяя нам авансом, а иногда по безразличию,— что хуже.

Что нам надо? Нам надо, чтобы у слушателя в сознании образовались зарубки, по которым бы он, как по лестнице, поднимался со ступеньки на ступеньку, чтобы он помнил сегодня то, что ему говорилось вчера. Поэтому-то я и обращал ваше внимание на карту. Внимание слушателя надо приковать к карте, пусть он указывает, называет, — вот Россия, вот Германия, вот Польша, вот где хлеб идет. Надо возбудить его, заставить его изо дня в день, ибо обстановка изменяется, следить за событиями; необходимо, чтобы он был втянут в ход событий, а не питался бы только отвлеченными декларациями о немецкой революции вообще, о долге, о Коминтерне и т. д. Обстановка меняется со дня на день; и в чем собственно состоит идейная жизнь сознательного человека, как не в том, что он изо дня в день следит за этим движением, отдает себе отчет в том, что совершилось, строит предположения, ожидает следующего дня, новых событий, проверяет свои предположения, находит подтверждения им или опровержения. Его сознание, мысль чего-то ожидают, к чему-то готовятся, и он становится в общем сознательным человеком. Уровень у сознательных людей бывает разный: у Маркса — один, а у молодого пензенского крестьянина — другой. Но нужно, чтобы и последний был активно мыслящим гражданином. Надо так к нему подходить, чтобы он проработал все своей головой, продвигался вперед изо дня в день, чтобы каждое новое событие он получал в конкретном освещении и знал бы главную суть политики наших соседей, суть развертывающихся событий. Нельзя один-два месяца держать армию в неведении, а затем сразу давать целую гору фактов. Надо вести агитацию так, чтобы мозг крестьянина органически всосал в себя известные факты и отношения, — тогда он будет работать в правильном направлении. А для того, чтобы достигнуть этого, надо, прежде всего, беспощадно изгонять в освещении фактов и агитации ту казенщину, которая у нас часто наблюдается, а иной раз чрезвычайно от-

вратительно напоминает старую казенщину с ее условной терминологией, с ее «коль славен» и «боже, царя храни». Мы — революционная партия, революционный класс, революционное государство, и лживой казенщины ни в коем случае не сможем допускать. О наличии этой казенщины у нас я отдал себе особенно ясный отчет минувшим летом. На мою долю выпала привилегия несколько месяцев прохворать. Находясь на излечении на Кавказе, я прочитал целый ряд исторических очерков наших частей. У нас вышло за последние два года много сборников, посвященных полкам, дивизиям и армиям, — факт превосходный, что мы оглядываемся на свое прошлое, подводим итоги, — но и казенщины там хоть отбавляй. В чем она выражается? Будем говорить грубо: в условной патетической лжи фальшивой романтике. Выходит так что, что ни дивизия, что ни полк, то прямо идеал: как родился, как пуповину отрезали, так сразу богатырем по лицу земли и пошел, а где была неустойка, то дело ясное, объясняется тем, что врага было видимо-невидимо, а нас только горсточка одна. Товарищи, этого нельзя! Это не с руки нам! Для царской армии это годилось, а нам не с руки. Это — вреднейшая вещь. Слава Красной Армии в этих искусственных приемах не нуждается, а наш молодой красноармейский и командный состав лживая казенщина может только разложить. Я говорю не с точки зрения моралиста какого-нибудь, не с точки зрения Канта с его «категорическим императивом» — обязанностью говорить всегда и везде правду (я хотел бы посмотреть, кто живет на земле по этому императиву); я говорю и не с точки зрения будущего гармонического общества, в котором, конечно, все будет правдиво, не будет условий, создающих ложь (страха, ненависти, вражды). Я говорю о том, что есть сегодня, что происходит у нас на глазах. И ложь, и хитрость, и подковырка, и ловкачество, и предательство, — все это факты и приемы, неразрывно связанные с классовым строением общества и его внутренней борьбой. Да и в самом деле, как можно победить врага, не обманывая его? Что такое военная маскировка, как не ложь, выраженная в красках, фигурах, образах? Заниматься отвлеченной проповедью правдивости мы с большой охотой предоставим попам и английским политикам, самым лживым на свете. Мы можем освободить себя от этой казенщины. Но если мы можем обманывать врага, обманывать, где можно и как можно лучше, то мы ни в каком случае не можем обманывать себя самих. А казенщина есть самообман, кора фальшивых слов, выражений, обрядностей, которые постепенно накопляются и которые в назидание передаются новому красноармейскому составу. А отсюда вред величайший. Из всех пропитанных казенным романтизмом исторических очерков вытекает одно, что все полки состояли из героев, все действия героические. Одно из двух. Или молодой товарищ, если он умен, не поверит. Тогда он не поверит и в другой раз, когда мы будем говорить правду ему, тогда он вообще проникнется недоверием к идеологии Красной Армии. Другая группа отнесется ко всей этой казенной романтике, как к чему-то, что к ней не относится. Наконец,

третья группа искренно и наивно поверит, а когда попадет в первую перепалку под огнем, и если приключится с молодым командиром медвежья болезнь (ничего не поделаешь, и с лучшими людьми это бывает), он скажет себе: я дрянь, совсем не похож на тех настоящих героев, о которых я читал в книжках. У него под влиянием казенной романтики создастся фальшивое представление о действительности, которое, в конце концов, может убить его веру в себя, а без этого нет воина, тем более нет командира.

Иное совсем будет дело, если дать жизненные, правдивые представления о прошлом полков, о неустойках, о нехватках, о случаях паники. Тогда новичок, попавший под огонь в тяжелую передрягу, если и смутится, если и дрогнет у него сердце, не растеряется, а, имея понятие о боевой жизни, сделает усилие воли, чтобы это нехорошее чувство преодолеть. Нам самообман не нужен, как воспитательное средство.

Казенный самообман имеет и дальнейшие тяжкие последствия, разлагающие армию. Там, где завелась казенщина, она, как ржавчина, разъедает армию во всех направлениях. Казенщина выражается, например, в ложных донесениях. Этим страдала армия в гражданскую войну и от этого нам надо избавиться во что бы то ни стало. Ложные донесения вытекают из чувства ложного стыда и ложного казенного самолюбия, из потребности представить свою ошибку в причесанном виде. Конечно, ложь этой самой казенщины в донесениях не всегда бывает на 100%, она чаще всего измеряется этак на 15%, или 33% или, в крайнем случае, на 50%. Эти донесения идут снизу вверх и сосредоточиваются у старшего командования. Гримировщики и маскировщики сидят на разных ступенях командной иерархии. Получается так, что когда через эти этапы проходят донесения, то в штабе дивизии или армии получается уже картина, весьма отличная от действительности. Вопрос о правдивости донесения есть один из важнейших вопросов воспитания воина, повышения в нем чувства ответственности. Правдивость донесения есть предпосылка правильности распоряжений и приказов, ибо нужно хорошо представлять себе, что есть на деле, чтобы решить, что делать далее. Повторяю, это вопрос исключительной важности, и задача, вытекающая отсюда, может быть разрешена лишь в том случае, если мы объявим войну казенщине во всех направлениях.

Армия должна быть самодеятельным организмом, критически мыслящим и оценивающим обстановку. Это вовсе не исключает дисциплины; наоборот, подлинно революционная суровая дисциплина может опираться лишь на критическую мысль всей армии. Если армия отталкивает от себя всякую казенщину, ложь, условность; если эта армия не подмахивает на митингах резолюции, а формулирует свое мнение потому, что отдала себе отчет в обстановке, если мы так поведем работу, повышая внутреннюю спайку, товарищеский дух и критику, которая прекрасно сочетается со строгой дисциплиной, то мы не только поднимем нашу армию на более высокую ступень, но вместе с армией втянем в сознательную политическую жизнь и тяжеловесные массы крестьянства. Побольше конкретности,

ясности, деловитости во всей нашей политико-воспитательной работе. Руководящей ее идеей будет по-прежнему борьба за мир, но в новой обстановке, созданной германской революцией. Не преувеличивать, не забегать вперед, а итти в ногу с событиями. Мы будем проводить политику требований транзита и невмешательства. В случае, если, тем не менее, на нас будет обрушена необходимость воевать, то этот факт будет воспринят самыми отсталыми крестьянами, как результат объективной обстановки, от которой не уйдешь. Мы делали все усилия, чтобы сохранить мир, и, тем не менее, война на нас обрушилась, — значит, надо обороняться до конца. Надо вести в армии методическую работу без казенщины, подготовляя общественное мнение бойцов ко всем возможностям и трудностям. Это — наша основная задача, и если мы ее выполним, то в случае, если на нас обрушится война, мы с вами будем драться так, как никогда еще не дрались!

Из заключительного слова.

Товарищи, чтобы не забыть, я хотел остановиться на одной детали, на формальном вопросе, который может показаться даже вопросиком, но который имеет свое значение. Это — название наших территориальных дивизий. Мы называем их то милиционными, то территориальными. Слово — милиционные — не годится потому, что милицией называется у нас полиция. И это крестьянин знает и рабочий знает. А тут воинская часть. «Территориальная дивизия» — надо подарить крестьянину энциклопедический словарь, чтобы он знал, что это значит, и то он не выговорит этого, и это слово не будет популярным. Что означает «территориальная дивизия»? Некоторые товарищи в припадке отчаяния говорят: не называть никак, просто — дивизия. Это очень заманчиво называть ее просто дивизией, как и всякую другую полевую дивизию. Но беда в том, что она отличается от полевой дивизии, и всякий человек заметит, что она отличается чем-то от полевой дивизии, и по способу укомплектования, и по структуре, по всему решительно отличается. Стало-быть, всякий заинтересованный как-нибудь захочет ее назвать. Как же ее назвать? Есть одно старое скомпрометированное название, которое я предлагал, но которое встречает отпор. Я хотел бы иметь вашу поддержку. Это — ополчение. Я уже вижу, как некоторые покачивают отрицательно головами. Конечно, это пока, товарищи, только скромное предложение, которое я никому не навязываю, а просил бы в комиссии или в другом порядке обсудить и взвесить. Какое-нибудь название в конце концов нам нужно. «Ополчение», «ополченская дивизия», «красное ополчение» — по-моему звучит не плохо. Традиции плохи? У солдат старой армии это сейчас же вызывает плохие ассоциации, плохие воспоминания; у молодняка этого не будет. А если взять слово «ополчение», то по-моему это — великолепное слово: во-первых, не иностранное, как «милиционная», «территориальная», а настоящее русское слово. Откуда оно про-

исходит: «ополчаться против врага», слово «полк», «ополчить крестьян» «превратить их в полк», «ополчить рабочих», «ополчить против врага», — чего лучше, великолепнейшее слово. Я думаю, что это может хорошо привиться. Старое ополчение было совсем другого рода. На том ставится крест. А это — красное ополчение, рабоче-крестьянское, революционное. Взвесьте, пожалуйста, товарищи, может быть, я найду в вас в этом поддержку. А сейчас эти дивизии ходят неприкаянные, без имени.

«А что может сделать, — спрашивает один из товарищей, — английский империализм со стороны Персии и Турции в случае нашего вмешательства в военные дела? Не может ли он оставить мировую революцию без бакинской нефти, и вообще есть ли с этой стороны опасность?» Опасности есть со всех сторон и с этой точно так же, в этом не может быть сомнения. Если завяжется большая буря, то, конечно, враги попытаются причинить нам ущерб решительно везде и всюду. Что же тут можно сказать? Придется глядеть в оба и на Кавказе. С другой стороны, придется выбирать главное направление и второстепенные, но сейчас мы в эти тонкости вдаваться не будем.

«Вы не говорили о роли Румынии?» Правда, я не говорил, да и трудно говорить о роли Румынии, ибо роль Румынии учесть заранее всегда трудно. Как вы знаете, Румыния находится в союзе с Польшей, но Румыния всегда изменяет своим союзникам. Она всегда изменяла им в прошлом, выжидала и вмешивалась в борьбу в такой момент, когда ей казалось, что шансы совсем обеспечены, но иногда она просчитывалась. Насколько мы знаем, польский генеральный штаб в своих расчетах не считается с Румынией, как с надежным союзником, так как знает характер правящей тамошней касты. Можно сказать одно, что если будет действительно великая контрреволюционная европейская коалиция, то, вероятно, и Румыния в этот хоровод попадет потому, что шансов на победу будет много. Если же это не состоится, — а сложиться этой мировой коалиции дело не простое и не легкое, — то Румыния займет выжидательную позицию. Конечно, ее позиция будет зависеть еще и от того, как будут выглядеть наши войска и на Украине и в других районах, примыкающих непосредственно к западной границе нашего союза. Во всяком случае, одно могу сказать, что в Румынии ни мы, ни германская революция не имеют друга, это совершенно очевидно.

«Какое положение будут играть буферные государства: Эстония, Латвия, Литва, в случае революции в Германии? Каково должно быть наше к ним отношение?» Я думаю, что то, что я сказал о Польше, относится и к ним, в большей или меньшей степени. Все, что я сказал, в меньшем формате относится и к этим государствам. Наша политика по отношению к ним должна быть такой же, т.-е. настойчивое миролюбие, не пассивное миролюбие, а настойчивое. Миролюбие предполагает иной раз, что человек и кулаком по столу стукнет, доказывая необходимость сохранения мира тому, кто не хочет этого понимать

«Исключается ли возможность оккупации революционной Германии цветными войсками Франции, какие возможности этого и каковы в таком случае перспективы?»

Конечно, возможно, что какие-нибудь 200—300.000 цветных войск Франция сможет выбросить, но не больше, потому что развитие колониальных войск—это медленный процесс, вследствие недостаточной культурности туземного населения. Перспективы, я бы сказал, обоюдоострые. Эти черные части склонны к безудержным насилиям, жестокостям и т. д. по своей культурной отсталости, но, с другой стороны, они склонны и к устройству мятежей, к пассивному и активному сопротивлению, к избиению своих офицеров, они могут поддаться и пропаганде, конечно, не коммунистической, но нужно найти доступ к ним. Грамотных среди них мало. Конечно, арабы культурнее негров. Но вполне возможна работа и среди негров, так как есть негры-революционеры, негры-коммунисты. Так что это была бы спецификация общей задачи разложения оккупантских войск.

«Как понимать данное вами интервью американскому сенатору?» (Смех) [43].

Я думаю, что этого не нужно разъяснять. Я с американским сенатором говорил крайне популярно, и то, что понятно американскому сенатору, подавно должно быть понятно военно-политическому работнику. Что я ему сказал? Я ему сказал то, что докладывал здесь, только проще и короче. Что надо во что бы то ни стало сохранить мир, что мы очень сочувствуем германской революции, но отнюдь не собираемся посылать войска в Берлин на помощь. Я сказал ему, что ни одного солдата за пределы нашего союза мы не пошлем, если не будем к этому вынуждены давлением враждебных нам сил. Мысль вполне правильная, которую я прошу вас разделить.

Говоря серьезно, как мы ставим вопрос и как мы будем его ставить? Скоро будет 6-я годовщина революции. Какие лозунги будут нами выброшены, как мы скажем: «Да здравствует революционная война!» или «Да здравствует мир»? Что касается меня, то я голосую за лозунг: «Да здравствует мир!» и думаю, что ЦК партии такой лозунг даст. «Да здравствует победа германской революции!» «Да здравствует мир между народами Европы!» Это я сказал сенатору, и он казался удовлетворенным, по впечатлению, которое я вынес.

Еще вопрос: «Разве польскому господствующему классу не известно, что победа революции в Германии предопределяет то же самое в Польше?»

Это лишь абстрактная и потому недостаточная для практической борьбы постановка вопроса. Конечно, если бы польский господствующий класс в целом пришел к выводу, что революция победит, укрепится, удержится на годы, то, разумеется, результат был бы такой, что он, во имя самосохранения, должен был бы начать против этой революции борьбу. Но в том-то и суть, что и революция в Германии пока не победила, исход ее не предрешен. В самой Польше борются разные течения внутри господствующих классов и ими по разному оцениваются шансы революции

в Германии. Это все надо учесть. Революция в Германии будет проходить разными стадиями, с приливами и отливами. Господствующие классы соседних стран будут надеяться на то, что эта революция скоро падет, что она — преходящее явление. Попытка крайнего правого империалистического крыла немедленно вмешаться будет встречать оппозицию со стороны средней и мелкой буржуазии. Не нужно себе представлять господствующий класс буржуазной страны, как законченное существо с одним цельным разумом, который оценивает все события в перспективе, логически вынося соответственные решения. Там идет жестокая внутренняя борьба, оценки меняются, настроения колеблются, решения сменяют друг друга, и таким образом получается, значит, выигрыш времени. Это и есть та самая передышка, о которой я уже говорил. Не исключена, конечно, возможность, что вмешательство последует уже в первый период. Но на этом пути, как сказано, много препятствий.

На счет абстракционной агитации, казенщины, о которой я говорил в прошлый раз, я позволю себе, в качестве примера, процитировать, не скажу из какого доклада, несколько строк. Вот что здесь говорится: «Последние события в Германии создали энтузиазм в большинстве частей. Ряд резолюций, вынесенных отдельными частями, свидетельствует об общей готовности поддержать германский пролетариат. Других материалов о революционном настроении красноармейцев не имеется». Когда я прочитал это, я тогда же покачал головой. Я бы очень усомнился в правильности действий тех политработников, которые таким упрощенным способом оценивают энтузиазм наших полков: подмахнули, дескать, резолюцию, — следовательно, готовы итти на помощь германскому рабочему. Я очень в этом сомневаюсь. И серьезно думаю, товарищи, что от такой бюрократической оценки нам нужно в эту ответственную эпоху отучаться. С таким вопросом шутить нельзя.

Речь

на празднике пятилетия Р. К. С. М. 29 октября 1923 г.

Товарищи! Позвольте принести вам к пятилетию вашего славного союза братский привет от Красной Армии и Красного Флота. Вас, товарищи, приветами теперь не удивишь. Как я читал в вечерней газете, вы получили к сегодняшнему дню приветы из Торонто, из Чикаго, из Буэнос-Айреса. Но я надеюсь все же, что вы не откажетесь принять привет и со Знаменки[44].

Товарищи, как поглядишь на Комсомол, который обновляется из родников рабоче-крестьянской молодежи из года в год, невольно сравниваешь его с тем, что было не так уже давно — этак 20—25 лет тому назад. Об этом времени вы можете составить себе представление по Глебу Успенскому, изобразившему «нравы Растеряевой улицы», жизнь и быт рабочих и рабочей молодежи средины и конца прошлого столетия в Туле; по Горькому, изображающему уездный «Город Окуров», по картине его детства, которую он развернул перед нами в своих последних произведениях; если посмотреть на вас, говорю, да сравнить с тем, что было, — то видно — какой большой кусок исторического пути прошли мы с вами, дорогие друзья, за последние годы. Там, в Окурове вчерашнего дня — жизнь мещанства, жизнь рабочих (немногим отличавшаяся от жизни того же мещанства), старый уклад, ветхозаветные верования, весь жизненный обиход — были похожи на закупоренную бутылку без выхода на вольный свет. А сейчас вы, рабоче-крестьянская молодежь, — вы не только вырвались идейно из трясины Растеряевой улицы. Помните, у Успенского — кварталы, где жили рабочие и рабочая молодежь, выделывавшие гармонии, были на ножах с той молодежью, которая выделывала самовары — два лагеря, два враждебных мира. Вот эту кружковую замкнутость, эту изолированность, эту тупость старого быта вы одолели, вы связаны теперь и с Чикаго, и с Буэнос-Айресом, и не случайно вам шлют оттуда братья и сестры по духовному оружию свой привет к пятилетию вашего союза.

Вот мерило для того участка исторического пути, который мы прошли за эти пять лет, долгих, как пять столетий. Ваш союз был—и это надо сказать не для торжественного только дня — ваш союз был и остается историческим фактором, силой, которая участвует в создании новых форм общественности. Ваш союз нес за это время великие жертвы и, неся жертвы, он не слабел, а выростал — каждый раз на целую голову. Шла

борьба на разных фронтах, но каждый раз, когда у нас были поражения, каждый раз, когда наступали тяжелые часы, когда партия и Советская власть собирали силы для обороны или для удара, мы обращались к вашему, тогда еще совсем юному союзу. И каждый раз из ваших рядов выливалась новая волна самоотверженных борцов, которые чувствовали себя частью рабочего класса и умирали в его рядах и под его знаменем. Еще в те дни, когда под Казанью, под Свияжском закладывались основы вооруженных сил Советской Республики [45], туда была подброшена из Москвы храбрая горсточка молодежи. Большая часть ее легла в боях под Свияжском. И постоянно, когда фронты наши расширялись, а иногда, и это повторялось несколько раз, когда кольцо фронтов сжималось все более вокруг Московского центра, ваш союз извергал все новые и новые отряды, — он кровью связал судьбу свою с судьбой Красной Армии, а затем и Красного Флота.

Два с лишним года тому назад мы получили возможность армию сжать. Комсомол перешел с военного положения если и не на вовсе гражданское, то почти что на такое. Началось время учебы, время борьбы с еще могущественными пластами окуровщины, с залежами азиатчины, некультурности, варварства. Комсомолец, начиная с азбуки, стал подниматься к вершинам материалистической философской мысли, холодая и голодая, разделяя здесь, как и во всем, участь всего рабочего класса. Два с лишним года большая часть комсомольцев прилагала свои силы к тому, чтобы продвинуть вперед нашу отсталую культуру и технику. Это вы, комсомольцы, создали школу фабзавуча. На каждом съезде, на каждом ответственном собрании профсоюзов выступают теперь комсомольцы, и старшие поколения слышат мужественный металлический голос новой пролетарской смены. История двинула большой и тяжелый молот, чтобы ковать характер вашего поколения. Едва покинув поле битвы, едва припав молодыми устами к источникам знания и техники, вы уже слышите новый набатный колокол, который предвещает наступление новой грозной борьбы. Я говорю о событиях в Германии, которые приковывают к себе нашу мысль и нашу волю.

Каждый день приносит по радио или по проводу весть о том, как борьба классов в нынешней полу-расчлененной и в конец истощенной Германии, обостряясь, ведет к неизбежному концу. Мы уже наблюдаем, как французский империализм перешел к открытому расчленению Германии. Уже Бавария, имея в тылу своем французские штыки, действует, как «независимое» государство. Уже в Кобленце заседает сепаратистское предательское правительство новой рейнской «республики». 125 или 130 лет тому назад в этом самом Кобленце французские эмигранты-роялисты спасались от громов и молний тогдашней великой французской революции, а теперь Германские монархисты под защитой французских штыков спасаются от громов и молний надвигающейся новой волны революции пролетарской. Застрельщиком новой полосы классовых битв выступит голодающий германский рабочий (Аплодисменты).

Да, мы от души аплодируем революционному пылу германского пролетариата, коммунистам, подлинным его вождям. Мы недоверчиво глядим на поведение так называемых «левых» социал-демократов. Мы зорко следим за развитием гражданской войны, которая пройдет еще через ряд тяжких ступеней. Еще, товарищи, германский пролетариат не сжал железной рукой колеса победы. Еще будут тяжкие часы, тяжкие дни, тяжкие недели и, может быть, месяцы. Мы отделены от германских рабочих пространством. Но отсюда, с этого красного комсомольского праздника, мы кричим пролетариям и пролетаркам Берлина, Дрездена, Хемница и других городов и округов: «Братья и сестры, духом — мы с вами!»

Борьба, раздирающая Германию, потрясает равновесие всей Европы. Мы не знаем, какие задачи и испытания готовит нам завтрашний день. Мы не знаем их, но мы предвидели их и в сравнительно спокойные дни затишья. Не даром же в самый разгар своей учебы ваш союз взял на себя шефство над всем Красным военно-морским Флотом! Что вы этим сказали? Вы этим сказали, что отдаете себе ясно отчет в том, что впереди еще предстоит суровая борьба, что борясь против варварства и отсталости, с карандашом, с пером, с циркулем, с молотом, с клещами в руках, вы не хотите, вы не смеете разучиться владеть винтовкой и пулеметом. Вы дали за этот период тысячи комсомольцев нашему Красному Флоту, и если он теперь поднимается и растет, то крупная доля заслуги принадлежит вам. Вы приняли активное участие в воспитании допризывников. Мы теперь переходим постепенно, шаг за шагом, на милиционную систему, которая по организации и по духу своему отвечает лучше всего природе рабоче-крестьянского государства. А милиционная территориальная армия только в том случае достигнет необходимой высоты и только тогда обеспечит оборону Советского Союза, если мы поставим на должную высоту военную подготовку молодежи. К этой работе вы приступили. Нам нужен воздушный флот, и наш Комсомол, который в огне не горит и в воде не тонет, наш Комсомол поднимается и в воздушные сферы, чтобы расширить свой горизонт, чтобы преградить с воздуха доступ к твердыням нашей рабоче-крестьянской республики. Нам нужен могучий воздушный флот, и в его строительстве Комсомол будет занимать все больше и больше места.

Так, шаг за шагом, Красная Армия и Красный Флот сплетались и сплетаются с судьбами вашего союза. Армия — молодая, флот после увольнения ряда возрастов — стал молодым, а что вы — молоды, об этом не нужно и говорить; достаточно посмотреть на этот зал, — и вот эта кровная близость поколений, уже вооруженных и еще только готовящихся к вооружению, это братство — нерасторжимо. Если Комсомол — плоть от плоти рабочего класса, то армия и флот становятся только продолжением и развитием Комсомола. Когда Европа содрогается в корчах, когда опасности становятся все более непосредственными, мы вас призываем, товарищи, не отрывая своих сил от учебы, от работы, от производства, уделять все большую долю внимания Красной Армии и Красному Флоту.

К вашей пятой годовщине Революционный Военный Совет С. С. С. Р. постановил вручить вашему Центральному Комитету знамя, внешнее выражение связи, которая соединила армию и вас в прошлых боях, которая будет чем дальше, тем больше крепнуть, ибо мы идем к борьбе, навстречу новым испытаниям. Какая судьба ждет нас впереди — этого точно не скажет никто. Но мы знаем, что нас ждет борьба! В этой борьбе ваш союз под знаменем Коминтерна будет бороться на тех рубежах, на которые поставит нас история. Пусть это знамя будет среди ваших боевых знамен. Красная Армия и Красный Флот не сомневаются, что это знамя не будет посрамлено, что оно станет для вас знаком чести, борьбы и победы.

«Поколение Октября».

Приказ

Председателя Революционного Военного Совета СССР
и Наркомвоенмора

30 октября 1923 г., № 282, г. Москва.

Шестую годовщину Союз Советских Социалистических Республик встречает под знаком больших и грозных событий, нависших над Европой. При виде того, как хищники мирового империализма стремятся растерзать на части тело германского народа, при виде героических усилий германского рабочего класса, направленных на то, чтобы отстоять независимость страны и проложить себе дорогу к социалистическому строю, мы более чем когда-либо исполнены решимости обеспечить независимость Советского Союза и его будущее. Наши пламенные симпатии — трудящимся всех стран. Наши усилия — в сторону сохранения мира. Но военная бдительность Советского правительства не ослабеет, доколе не исчезнут хищные замыслы империализма.

7-го ноября, в шестую годовщину величайшей революции, войска пройдут торжественным шествием перед трудящимися. В нашем параде, как и всегда, не будет ни легкомысленного задора, ни воинственного вызова. Наше шествие будет демонстрацией в пользу мира между народами. Но более, чем когда-либо, оно будет выражением общей готовности грудью отразить всякого, кто покусится на наш мир и наш труд.

СТРОИТЕЛЬСТВО ВОЗДУШНОГО ФЛОТА

Воздушный флот — в порядке дня.

Воздушный флот, самый легкий и подвижной род оружия, оказался... тяжелым на подъем. Только с очень большими усилиями и с упущением многих сроков вопрос о воздушном флоте поставлен, наконец, в порядок дня. Теперь остается только позаботиться о том, чтобы дальнейшая работа в связи с воздушным флотом и вокруг него, в том числе и агитация, пошла по правильному пути, ибо опасностей ложного направления дела не мало.

Прежде всего об агитации. Значение ее, конечно, очень велико. Хороша агитация в прозе (если хороша), а в стихах и того лучше (если хороши). Но пуще всего надо бояться той опасности, чтобы агитация не приняла слишком отвлеченного всеобъемлющего, т.-е. попросту бессодержательного характера, который в очень короткий срок свел бы ее на-нет автоматическим давлением общего равнодушия. У нас вообще не мало «агитаций», которые похожи на то, что немцы называют «соломенным огнем»; вспыхнет с треском и сразу же потухнет, оставив горстку золы. Нам нужна, разумеется, не самодовлеющая агитация по поводу воздушного флота,—нам нужен именно воздушный флот, многочисленный и технически совершенный. Агитация должна быть подчинена этой задаче, освещая ее с технической, промышленной, общехозяйственной, военной, политической и воспитательной точек зрения. Нужно держать читателя в курсе авиационного дела и заграницей, и у нас. Нужно рассказывать читателю, осведомлять его, а не просто призывать его. Мы вообще слишком мало осведомляем, слишком много призываем. В данном случае это прежде всего вина квалифицированных работников самого воздушного флота. Если они хотят, чтобы общественное мнение страны интересовалось их делом, они сами должны несравненно больше, чем до сих пор, интересоваться общественным мнением страны. Нужно расширить авиационные горизонты Советской России, по крайней мере, ее авангарда. Нужно зажечь интерес к тем поистине увлекательным возможностям, какие скрывает в себе господство над воздушной стихией.

Это и есть главная задача Общества Друзей Красного Воздушного Флота. Его ядро должно состоять из людей, действительно интересующихся авиацией, преданных этому делу, готовых жертвовать для него временем и энергией. Только при правильной работе такого Общества, в лице, скажем, его постоянно действующего бюро, в основу агитации ля-

жет серьезная, обильная и увлекательная информация международного масштаба. А без этого агитация, утомляя повторениями, неизбежно окажется соломенным огнем.

Вопрос об авиационной промышленности должен быть, разумеется, выдвинут на одно из первых мест. Авиационные заводы, как и все вообще военно-промышленные предприятия, не представляют собою чего-либо самодовлеющего. Наоборот, они теснейшим образом зависят от общего состояния промышленности и хозяйства в целом. Но этого не нужно понимать слишком упрощенно. Подъем промышленности вовсе не совершается и не будет совершаться путем единовременного, автоматически равномерного повышения ее уровня во всех отраслях. Ударные отрасли и предприятия при нэп'е также возможны и неизбежны, как и в эпоху военного коммунизма,— но только с несравненно большим успехом. Государство по общему состоянию своих средств не может давать на военную промышленность больше, чем дает. Дополнительную помощь авиационной промышленности можно оказать двумя путями: во-первых, привлечением к ней средств из других источников помимо государственного бюджета и, во-вторых, привлечением к ней хотя бы и государственных средств, но под условием, так сказать, эквивалентного обслуживания авиацией определенных государственных интересов. Здесь нужно с самого начала устранить одно недоразумение. Если государство не может на авиацию давать больше средств прямо из бюджета, то это вовсе не значит, что оно может давать эти средства косвенно, через те хозяйственные предприятия, которые питаются за счет бюджета или должны питать этот бюджет. Мы здесь в первую голову говорим о трестах. Требовать, чтобы тресты дарили Красной Армии самолеты, неправильно. Тресты представляют собой наделенные известными правами органы государства по управлению государственными промышленными предприятиями в условиях рынка. К числу прав трестов вовсе не относится право исправлять по собственному усмотрению государственный бюджет. А совершенно очевидно, что если бы тресты стали жертвовать из своей торгово-промышленной прибыли (или из своего убытка?) самолеты, то они это делали бы за счет государства, так как прибыль их составляет доходную статью государственного бюджета, а убытки — расходную статью. Я даже полагаю, что очень близок день, когда за пожертвование самолетов и за многие другие «пожертвования», не имеющие ничего общего с задачей хорошо производить и хорошо продавать, руководители трестов будут привлекаться к ответственности как за расточение государственного достояния.

Но это вовсе не значит, что тресты, синдикаты, банки и другие хозяйственные и ведомственные единицы не могут ничего сделать для авиации. Наоборот: на чисто хозяйственном пути они могут сделать в сотни раз больше, чем на пути довольно-таки сомнительной филантропии. Можно лишь приветствовать инициативу правления Российского Торгово-Промышленного банка, созывающего совещание трестов и синдикатов для

обсуждения вопросов помощи воздушному флоту. Нужно надеяться, что на этом совещании дело получит правильную постановку.

Может ли авиация уже в ближайшее время выполнять полезные, нужные, необходимые функции на службе нашей объединенной промышленности, Наркомзема, Наркомпочтеля, наконец, крупнейших местных советов? Можем ли мы себе поставить задачей установление правильных воздушных сношений между Москвой и Петроградом, между Москвой и Харьковом Донецким бассейном, Баку и пр.? Представят ли эти сношения такого рода административные и хозяйственные выгоды, чтобы ради них пошли на соответственные затраты Московский Совет, Питерский, ВСНХ, ГУТ, синдикаты, тресты, Наркомзем, Наркомпочтель и пр.? Здесь нужен хороший деловой подсчет с карандашом в руках. Конечно, при подсчете должно быть принято во внимание и значение авиации для военного дела. Но основу подсчета должны составлять чисто хозяйственные и административные соображения заинтересованных учреждений и предприятий. Если некоторые из перечисленных выше учреждений, а на ряду с ними и другие придут к выводу, что известное количество самолетов может быть для них так же полезно и необходимо, как известное количество легковых и грузовых автомобилей, то тем самым будет уже серьезно и надолго обеспечено расширение нашей авиационно - промышленной базы и умножение нашего воздушного флота. Наша авио - промышленность получит значительные твердые заказы сверх военных, при чем заказчики, тресты и ведомства, обсудят совместно с авиотрестом, чем и как они могут притти ему немедленно на помощь в счет дальнейших своих заказов.

Разумеется, сказанное ни в коем случае не направлено против сбора пожертвований, к чему с такой энергией призывают «Известия». Эту кампанию нужно продолжить и всемерно развить. Каждый лишний самолет очень важен для нашего молодого воздушного флота. Нужно только, чтобы эти пожертвования не ложились замаскированной ношей на государственный бюджет; это должны быть дополнительные, свежие, не государственные средства. Самый сбор таких пожертвований, а еще лучше периодических взносов, может быть поставлен как следует быть, лишь когда во главе этого дела встанет правильная организация, т.-е. Общество Друзей Воздушного Флота.

Такое общество должно теснейшим образом связаться с профессиональными союзами, с Наркомпросом и с местными советами, по крайней мере наиболее сильными. Без активного и сознательного — технического хозяйственного и военного — интереса к авиации со стороны рабочих масс и в частности рабочей молодежи мы серьезных и длительных успехов в этой области иметь не будем, а вызвать такой интерес, правильно питать его и поддерживать можно только через посредство профессиональных союзов, Наркомпроса и крупнейших местных советов Представителей этих учреждений надо в первую голову привлечь в Общество Друзей Воздушного Флота и не только в порядке казенной проформы,

как «почетных» членов, а как активных работников, строителей и воспитателей. Нужно двинуть вперед научно-популярные лекции об авиации и научно-популярную литературу о ней, привлекши к этому людей, которые глубоко и хорошо знают вопрос и способны свой интерес к нему передать читателю простым и отчетливым языком.

Вопрос о крестьянстве, конечно, труднее и потому он стоит как вопрос второй очереди. Разумеется, когда будет возможно сколько-нибудь широко применять авиацию для сельско-хозяйственных целей (землеустройство, борьба с вредителями и пр.), а также для быстрой и правильной доставки в деревню периодической печати, тогда дело авиации сразу получит новую гигантскую базу. Но начинать с этого мы, разумеется, не можем. Не хватит пока сил. Первые шаги должны по необходимости быть более скромными, но в то же время твердо согласованными и рассчитанными на долгий срок. Ибо обороняться придется еще долго. А летать будем и после того, как перестанем обороняться. Вернее сказать: только тогда и начнем летать по-настоящему — если не мы, то дети и внуки наши.

4 марта 1923 г.
«Правда», № 50.

Речь

на торжественном заседании Общества Друзей Воздушного Флота 26-го апреля 1923 г. [46]

Товарищи, воздушный флот должен помочь нам разрешить ту задачу, которая является основной задачей, по крайней мере основной материальной задачей нашей российской, а ныне союзной советской культуры, — победить пространство.

Пространство — наш величайший союзник и вместе с тем жестокий супротивник. Если бы не наши пространства, давно бы нам быть расхищенными, подавленными, закабаленными, особенно со времени революционного переворота. Вспомните о кратковременной мимолетной судьбе советской Венгрии. А ведь мы с самого начала были вооружены немного лучше, пожалуй хуже, советской Венгрии и если спаслись, и если удержались, и если окрепли, если живем сегодня, как революционная независимая страна, и если собираемся сегодня уже наверное жить до скончания веков, то благодаря нашим пространствам. Второй наш величайший рессурс—это наше народонаселение. Как много, много было у нас бед жесточайших, каких, пожалуй, в памяти человечества немного, но население, слава советской судьбе, живет и множится, и это есть рессурс нашего строительства, это есть рессурс нашей независимости, нашей обороны. И есть у нас третий рессурс, уже более нового и сознательного исторического происхождения. Этот третий рессурс состоит в том, что разрушительная часть революции оставлена нами позади. Везде, во всей Европе, во всем капиталистическом мире революционный процесс, предшествующий завоеванию власти рабочим классом, только обостряется, только углубляется, и потому материальная культура в Европе, во всем капиталистическом мире, в сущности, стоит на ущербе, а мы, при всей нашей бедности, скудости, нищете вошли в полосу подъема, и, я повторяю, разрушительная стадия революционного процесса уже нами превзойдена. Пространство есть наш величайший союзник, и поэтому мы от него отказываться совершенно не собираемся. Наоборот, имеем и строим и укрепляем Красную Армию, Красный Флот, морской и воздушный, для обороны наших союзных советских пространств. Да вот теперь, в данный момент, мы снова переживаем полосу бешеной атаки против нашей революции, против нашего союзного государства во всей Европе, во всем мире. Печать, парламент, министер-

ства являются средоточием бешеной ненависти, злобной клеветы, травли против нас, против Москвы, против Советского Союза. Если бы вообще можно было, если бы они были в состоянии превратить эту ложь и клевету в удушающие газы, в динамит, во взрывчатые вещества, получились бы сотни тысяч, миллионы тонн, направленных против нас. Но всетаки у нас большие пространства. Если бы даже они превратили свою злобу, ненависть и клевету во взрывчатый материал, наши болота, наши озера, наши пространства, дремучие леса поглотили бы почти что бесследно всю эту массу взрывчатых веществ. Наши пространства есть наш величайший союзник. Отказываться от него мы не имеем ни малейшего основания. И в то же время мы должны преодолеть пространство; опираясь на это пространство, преодолеть его, ибо тогда станем культурнее, умнее и непобедимее в сотни раз, чем мы есть. Преодолеть пространство — этому служит, между прочим, и авиация, а в дальнейшем будет служить в первую голову. Можно, товарищи, всю человеческую культуру рассматривать, — это несколько условно, — под одним важным углом зрения, как победу человека над пространством с того времени, как человек приучил первое животное к езде, и до того момента, когда он создал аппарат тяжелее воздуха, поднимающийся в воздух и поддающийся управлению. Можно, конечно, спросить, под стать ли нам мечтать об авиации, нам, с нашими непроезжими проселочными дорогами, болотами, дремучими лесами, или рано ставим мы себе в этой области широкие задачи. Я думаю, что нет. Вся наша культура, — она, товарищи, и скроена, и сшита из противоречий. У нас, с одной стороны, и до революции было варварское кочевое хозяйство, с другой стороны, самые современные, по американским образцам построенные заводы. У нас и сейчас, с одной стороны, отсталые племена, которые живут кочевой жизнью, еще близкие к пещерным народам, а, с другой стороны, не секрет, что европейские коммунистические партии, представляющие политический авангард мировой культуры, приезжают к нам в Москву, в Кремль и считают правящую партию нашего Советского Союза своей учительницей и руководительницей. У нас контраст, потому что мы, с одной стороны, тянем за собой тяжелый хвост отсталости, нищеты и варварства, а с другой стороны — в борьбе материальной и идейной с более культурными странами вынуждены тянуться изо всех сил и равняться по ним. Вся история наша в прошлом определяется этими двумя моментами. Мы стали заводить железные дороги прежде, чем построили шоссе. Шоссе-то у нас и сейчас еще раз, два и обчелся, а железнодорожная сеть далеко оставила позади развитие сколько-нибудь пригодных культурных дорог. Так и с авиацией. Авиация является нам на выручку для борьбы со злыми качествами наших пространств. Нет никакого сомнения в том, что в этой области мы пойдем по линии наименьшего сопротивления и сравнительно в короткий срок сможем достигнуть и достигнем значительных успехов. Совершенно естественно, если инициатива создания Общества Друзей Воздушного Флота принадлежала Красной Армии и Военному Совету Респу-

блики. Мы пожелание в этом смысле формулировали еще осенью прошлого года и пытались к вопросу о воздушном флоте привлечь внимание широких народных масс. Раскачка шла медленно. Кажется, в начале февраля Реввоенсовет Республики, — если память мне не изменяет, 4-го февраля, — утвердил прежнее решение о необходимости обратиться ко всем органам Советского государства, ко всему общественному мнению рабочей и крестьянской республики по вопросу о создании в стране широкого течения за авиацию в пользу победы над воздушной стихией. В середине февраля мы формулировали пожелание о создании О-ва Друзей Воздушного Флота. Фронт молчания пробили «Известия ВЦИК», в виде известных вам статей, объявивши сбор в пользу воздушного флота и проч. И с того времени движение растет. Разумеется, не нужно тут самообольщаться. Величайшей опасностью является возможность того, что это движение, так счастливо начавшееся, может исчерпать себя в сравнительно короткий срок, так сказать, в плоскости агитационного самоудовлетворения. У нас это бывало. Одна неделя, другая, или месяц — агитация, очень хорошие статьи — и очень скромные практические результаты. Сейчас кое-какие результаты есть. Есть «Добролет» с предположенным основным капиталом в 2 миллиона рублей и с реализованным капиталом в 900 т. рублей золотом. Это, конечно, цифра, которая никого не поразит на Лондонской бирже, тем более на Нью-Иоркской, но которая у нас в Москве импонирует, производит приятное впечатление, особенно, когда прибавляют — золотых рублей. Но это, ведь, товарищи, только начало и скромное начало. Работа О-ва Друзей Воздушного Флота уже сейчас дала несомненные результаты в виде подъема интереса к этому делу. Но дальше этот интерес нужно расширить, укрепить, организовать и практически реализовать. Заинтересовать надо не только губернии, но и уезды, ибо у нас насчет уездных городов, помните, еще в «Ревизоре» сказано, что хотя от нашего места три года скачи, ни до какого чужого государства не доскачешь. И вот встал вопрос авиационный, воздушный, т.-е. вопрос о том, чтобы вырвать наши уездные города из их уездной изолированности, отсталости, культурной оторванности, идейной бедности. Вопрос об авиации является у нас важнейшим, тактическим материальным вопросом нашей культуры, и здесь нужно найти правильное, организованное сочетание интересов военной авиации и авиации гражданской и общей хозяйской, коммерческой культуры. С самого начала, я думаю, мы поставили этот вопрос правильно. Можно надеяться на большую помощь со стороны хозяйственных, советских, профессиональных, партийных организаций постольку, поскольку авиация войдет в нашу мирную текущую хозяйственную и культурную жизнь. Здесь ставить дело в плоскости команды, диктатуры интересов военного ведомства и Красной Армии было бы нерационально с самого начала, ибо мы получили бы тогда временное содействие, временную помощь, может быть, и значительную, но, в конце концов, совершенно несоразмеримую с потребностями, какие у нас есть, ибо наша авиационная отсталость даже от наших бли-

жайших западных соседей измеряется,—я скажу это открыто,—ужасающими цифрами, а главное, что их источники, источники наших, даже ближайших, соседей неизмеримо велики по сравнению с теми источниками, какими питаются и могут питаться в ближайшее время у нас. Развернуть базу нашей военной промышленности, дать ей более широкий рынок, чем военное ведомство, можно только, внедривши авиацию в общехозяйственную, в общекультурную жизнь страны. И, вместе с тем, связь, сцепка между военной авиацией и гражданской должна быть очень точной, глубоко продуманной и правильно организованной. Мы не можем обязать хозяйственные органы, местные советы создавать самолеты того типа, какой нужен военному ведомству, ибо самолеты этого типа не всегда будут удовлетворять хозяйственным, транспортным и иным нуждам. Но мы должны в течение ближайшего времени ввести в это дело максимум объединения, регламентировки, т.-е. все то, что может быть сведено к одинаковому типу в области мотора самолетов и всего того, что их окружает, что может быть сведено к одинаковому типу, должно быть к этому единому типу сведено. Необходим максимум достижения единообразия для того, чтобы между чисто боевыми и только боевыми воздушными единицами и между хозяйственными, транспортными единицами воздушного флота был ряд переходных ступеней, которые можно было бы использовать, на которые можно было бы опираться и для военных целей. Другими словами, нужно с самого начала в порядке замысла, в порядке плана, а потом и его осуществления, добиться того, чтобы наша гражданская, хозяйская, культурная, транспортная авиация являлась могущественным резервом, тактической базой для нашей военной авиации. Здесь, поскольку мы в области военного строительства перешли или, скромнее сказать, переходим на работу планового порядка по более широким чертежам, охватывающим не только сегодняшний день и его злобу, но перспективу 2-х, 3-х, 5-ти и более лет, нам нужно во что бы то ни стало достигнуть сопряжения наших военных планов, т.-е. планов строительства, упрочнения Красной Армии, с одной стороны, и планово-хозяйственных, в особенности промышленных, с другой стороны. Нам нужно сопрячь план создания военной авиации с планом развития и укрепления авиационной промышленности, а эту последнюю развернуть в теснейшей связи с авиацией гражданской. И,—в этом я не сомневаюсь,—нам, т. е. Красной Армии, ее руководящим органам, удастся договориться с О-вом Друзей Воздушного Флота насчет такой совместной программы, где мы друг друга не стесняем, друг другом не командуем, ибо здесь, товарищи, бюрократизация была бы величайшей опасностью для дела. Если бы военное ведомство пыталось подчинить себе эту работу, командуя всеми ее разветвлениями, это убило бы неизбежно материальный и идейный интерес хозяйственных органов, местных советов, общественных организаций. Единственная возможность здесь—договориться, допустив самое широкое соревнование, самую широкую инициативу мест, центра, хозяйственных, ведомственных, культурных органов и организаций.

И договориться мы сможем и сумеем. Неосуществимых задач ставить себе не будем. Программа наша должна итти в ногу с процессом возрождения хозяйства страны, разве только забегая на известное расстояние вперед. Не даром же авиация является тактическим авангардом, если хотите, воздушной кавалерией человеческой культуры. И поэтому ей обгонять более тяжелые роды оружия нашей материальной культуры допустимо. Но отрыв должен быть избегнут строгим учетом материальной базы. Не сомневаюсь, что те товарищи с мест, которые присутствуют здесь, с настоящего нашего заседания О-ва Друзей Воздушного Флота увезут к себе на места некоторый повышенный запас интереса, внимания и любви к этому делу исключительной важности. Наша пресса,—мы твердо рассчитываем,—будет давать общественному мнению нашей страны все более и более обстоятельную информацию в области воздушного флота и авиации вообще. Общество Друзей Воздушного Флота раскинет свою сеть как можно шире. Эта сеть не должна быть непременно централизованной. В отдельных национальных республиках могут быть и, несомненно, будут свои самостоятельные общества, которые будут договариваться с нами. Здесь, товарищи, соревнование есть большой творческий принцип, а ни в коем случае не бюрократическая централизация. И мы здесь достигнем, — можно не сомневаться, — больших и крупных успехов.

Товарищи! Авиация—серьезное оружие, угрожающее нам. Авиацией лучше всего вооружены те страны, которые хуже всего к нам относятся. В этом нужно отдать себе ясный отчет. Но до тех пор, пока мы не разовьем нашу авиацию, до тех пор, пока мы в наших пространствах не создадим материальную, технически-культурную надстройку над нашими нынешними пространствами, до тех пор мы остаемся, в силу нашей отсталости, менее уязвимыми для иностранной авиации, чем какая-нибудь Америка, Англия, Бельгия или Франция. В наших минусах — пока что наши плюсы. В наших плюсах—наши минусы. Иначе, товарищи, как объяснить, что такая страна, как мы, страна столько претерпевшая, страна все же отсталая, стоит сейчас изолированно перед всем миром, столь превосходно вооруженным, столь богатым и, прежде всего, богатым ненавистью против нас.

Есть, товарищи, две страны, которые позволяют себе ныне роскошь изолированного положения, это — Соединенные Американские Штаты и Соединенные Советские Штаты. Соединенные Американские Штаты изолировали себя добровольно, т.-е. они вмешиваются, когда хотят, и не вмешиваются, когда не хотят. Европа должна им, кажется, около 20-ти миллиардов золотых рублей. Насколько я помню, нам Европа ничего не должна (смех, аплодисменты). Радоваться тут нечему, — я предпочел бы, чтобы Европа нам была должна. Но зато и мы ей ничего не должны, о чем мы твердо заявили на съезде нашей партии: долги наши мы ликвидировали до последней копейки 25-го октября 17-го года. Товарищи, разумеется, Нью-Иорку, который сосредоточил в своих руках 40 миро-

вого золотого резерва, и которому Европа должна эти самые 20 миллиардов золотых рублей, им там, за океаном, легко вести политику блестящей изолированности. Мы же являемся связью между Азией и Европой. Мы часть европейского континента. 40% золотого резерва у нас нет, — это я вам говорю совершенно откровенно — и тем не менее, товарищи, и это уже не шутка, мы являемся страной, которая ни с кем не связана союзом и ни от кого не получает поддержки. Конечно, это избавляет нас от обязательств, но также и от помощи. Европа прошла и проходит через столько судорог, сколько было мировых конференций, из которых каждая имела своей задачей нас удушить, а мы — Союз Советских Республик — очень бедные, истощенные, стоим в нашей революционной изолированности, и сегодня ни у кого, по крайней мере, ни у одного здравомыслящего человека во всем мире нет и не может быть надежды на то, что капиталистической Европе, которая переживает спазмы за судорогами и судороги за спазмами, что ей удастся нас опрокинуть. Нет, мы уже завоевали себе очень большую, очень длительную передышку, и мы ее используем для многого, в том числе и для строительства Красного Воздушного Флота. Где придется этому Красному Воздушному Флоту быть примененным, этого не знаете вы, этого не знаю я. Это укажет нам будущая судьба Европы и всего мира.

Письмо в редакцию газеты „Экономическая Жизнь“.

Дорогой товарищ!

Я, к сожалению, не могу дать статью для ближайшего отдела «Экономической Жизни», посвященного авиации и авиопромышленности. Позвольте ограничиться на этот раз кратким письмом и прежде всего выражением величайшего удовлетворения по поводу того, что «Экономическая Жизнь» столь своевременно решила ближе подойти к этому вопросу.

Общая политическая агитация вокруг воздушного флота, бесспорно, необходима. Без такого рода агитации, т.-е. без привлечения к делу внимания широких народных масс, мы вообще ничего крупного сделать не можем. Но вопросы авиации — это вопросы промышленности, организации, обучения, плана и правильного его выполнения. Мы вышли, к счастью, уже из того периода, когда все вопросы решались агитацией и импровизацией. Трудовые массы попрежнему готовы итти на величайшие жертвы, если перед ними поставлена большая задача. Но массы стали более зрелыми и требуют не только постановки большой задачи, но и выработки правильных методов подхода к ее разрешению. Вызвать действительный интерес к делу авиации, развить этот интерес, углубить его, сделать его длительным — можно только направляя его по каналам правильной организации, хорошо продуманного замысла и систематического выполнения его.

Авиация есть сложнейшее дело, которое требует и серьезной постановки авиационной промышленности, и правильной сети подсобных учреждений по всей стране, и прилива героической молодежи в авиационные школы, и напряженного труда конструктора-изобретателя. Нужно, чтобы все элементы этого большого дела находились в необходимом соответствии, обеспечивая динамическое равновесие, а стало-быть и развитие. Другими словами, в это дело, как и во всякое другое большое и серьезное дело, нужно внести сразу элементы предвидения и согласования, т.-е. практического плана.

Вот почему так важно, чтобы общая агитация в стране, — а эта агитация принимает вполне обнадеживающий характер, — дополнялась серьезно продуманной разработкой вопросов авиации под промышленным и организационным углом зрения. Руководящая роль в этой области могла бы по праву принадлежать «Экономической Жизни». В этом я и вижу смысл того более значительного места, которое вы собираетесь отвести в вашей газете вопросам авиации и авиопромышленности.

2 мая 1923 г.

«Экономическая Жизнь», № 97.

Орудие будущего

К предстоящей неделе воздушного флота.

Накануне великой империалистской бойни авиация едва вышла из стадии первых экспериментов и полетов напоказ. Мощное развитие авиации целиком совпадает с годами войны. К концу ее авиация достигает уже поистине поразительного расцвета. Можно сказать, что последняя война, взятая в целом, почти не использовала авиации, а только создала ее. Если бы при нынешнем состоянии авиационной техники, начать сначала, т.-е. с июля 1914 г., весь ход военных операций был бы иной. В этом смысле авиация целиком — орудие будущего.

Но не только в этом. Хозяйственная и культурная служба воздушного флота едва лишь успела наметиться. Правда, уже сейчас, по первой спешной наметке, видно, что культурное значение авиации необозримо, но практически оно еще целиком впереди.

Типы аэропланов сменяют друг друга чрезвычайно часто. Летательные аппараты «морально изнашиваются», по выражению Маркса, несравненно быстрее, чем морские суда, паровозы и даже автомобили: это свидетельствует о том, что авиационная техника еще не вышла из эпохи юношеского беснования. Самолет не достиг еще той гармонии между задачей и техническими средствами, того внутреннего равновесия механизма, которые обеспечивают, обыкновенно, каждой машине известный период зрелой устойчивости: осуществленный «идеальный» тип машины, как свидетельствует история техники, деспотически господствует над воображением изобретателей, — изменения и усовершенствования касаются разве лишь второстепенных деталей, — до тех пор, пока какое-нибудь новое открытие или изобретение, побочного происхождения, не нарушит одним ударом самодовольного равновесия. Авиация — орудие будущего и в том отношении, что «идеальный» тип ее аппарата еще впереди.

Для нас, для технически и экономически отсталой страны, это не минус, а плюс: если своевременно пользуясь всеми преимуществами централизованного социалистического государства, возьмемся за дело, то сможем в авиационной области победить нашу отсталость раньше, чем во многих других областях. Для автомобилей, легковых и грузовых, нужны «культурные», т.-е. шоссейные дороги, — а их у нас мало, и они плохи. Воздушные же наши пути не хуже американских, — только пользуйся. Нужно, однако, не выжидать законченных плодов извне, а самим во-время вклю-

читься в цепь развития: строить самолеты, совершенствовать их, приспособлять к нашим климатическим и иным условиям, самостоятельно перерабатывать технический боевой, транспортный и прочий опыт авиации всего мира, производить непрерывный отбор летнего человеческого материала, воспитывать его, обучать и совершенствовать, — словом, обеспечить непрерывность авиационного творчества во всех его разветвлениях.

Однако, прежде чем вознестись за облака, авиация должна плотно прикоснуться к земле, т.-е. к массе. Этой цели и будет служить в первую голову неделя авиации. Нужно, чтобы труженик города и деревни подошел ближе к самолету, обозрел его, понял его, т.-е. увидел в нем великое орудие будущего, свое орудие, — иначе самолет раньше или позже оказался бы целиком направленным против него.

Авиация есть новое орудие, и именно эта новизна ее, необычность, чудесность является одним из немаловажных условий ее военного действия. Известно, что англичане широко применяют авиацию, даже без связи с сухопутными войсками, для усмирения колониальных восстаний в Азии и Африке. Самолет, как орудие психического террора, выполняет поручение господ рабовладельцев, прежде чем успеет обнаружить на деле свои боевые качества. Но не только в колониях — и у нас, на нашем севере, который они пытались превратить в колонию, англичане не без успеха пользовались авиацией для терроризирования и деморализации неопытных, плохо сколоченных и незнакомых с авиацией пехотных частей. Спускаясь низко и треща пулеметом, летчики Черчилля—Чайковского [47] сеяли нередко убийственную панику в наших отрядах. Почему? Потому что красноармейцы не знали самолета, ни свойств его, ни района действия, ни силы его, ни слабости.

Легковой автомобиль, какой-нибудь «Форд», — самая безобидная машина. Но если въехать на нем на площадь сельской ярмарки, с пыхтением и рычанием, то можно вызвать величайшую катастрофу: завидев и заслышав штампованное чудовище, тощие деревенские лошаденки совершают невероятные прыжки, телеги сшибаются одна с другой, опрокидываются, горшки превращаются в черепки, люди попадают под колеса и под копыта. Между тем, на улицах Лондона и даже Москвы городская лошадь при приближении автомобиля не ведет и ухом. Для того, чтобы неприятельская авиация не оказалась в момент столкновения окруженной ореолом мистической силы, т.-е. не могла сеять панику, нужно в мирное время сблизить армию во всей ее толще, с авиацией, породнить авиацию со всеми частями армии и родами оружия. Приучение красноармейца, вплоть до кашевара пехотного полка, к самолету должно войти составной частью в обучение и воспитание армии. Тем более командному составу, от низшего до высшего, нужно стать ближе к авиации, чтобы во время войны точно знать, чего можно ждать от нее и чего требовать. А это не всегда наблюдалось. И хорошие часы откажутся служить, если попытаться вколачивать ими гвозди. Нужно знать употребление часов, прежде чем класть

их в жилетный карман, и даже весьма не вредно знать устройство внутреннего их механизма.

Но дело идет не только об армии. Авиация есть род оружия с наиболее универсальной сферой действия. Самолеты отрываются от базы на много и много сотен верст, залетают глубоко в неприятельский тыл, разрушают железнодорожные пути, ангары, электрические станции, совершают налеты на города, внося в них разрушение, смерть и панику. Если все другие роды оружия и технические средства направлены исключительно или преимущественно против неприятельской армии, то авиация не в меньшей мере направлена против мирного населения. Помимо прямых разрушительных действий авиация имеет при этом своей задачей дьявольскую игру на нервах тыла, — с целью устрашить, утомить, деморализовать население и тем самым в корне подсечь силу сопротивления неприятельской армии. Устойчивость тыла против разрушающих влияний вражеской авиации будет, при прочих равных условиях, тем больше, чем ближе этот тыл знает авиацию и ее свойства. Нельзя позволить врагу умножать и без того грозную силу авиации на коэффициент мистического ужаса!

Особое и большое место занимает вопрос о летном персонале. Поэтами, говорят, люди рождаются. Но это относится в значительной мере и к летчикам. Нужно особое сочетание психо-физических свойств, чтобы обеспечить авиатору уверенную работу в воздухе. Однако, и самые лучшие органические и психические предпосылки не создают еще боевого летчика без хорошей системы летного и обще-военного обучения. Необходимо, поэтому, с одной стороны, пробудить и развить широкие интересы молодежи к авиации, а, с другой стороны — организовать тщательный научно-поставленный индивидуальный отбор, функции авиаторов так ответственны, так сложны и многообразны, от летчика столь многое зависит в ходе военных операций, что армия и страна в праве требовать, чем дальше, тем больше, чтобы наши летчики были не просто военно-грамотными, а и военно-просвещенными людьми.

Нужно, вместе с тем, помнить, что уже самый процесс обучения авиации связан с опасностями, каких не знают в таком размере не только другие профессии, но и другие роды оружия. Необходимо, поэтому, обставить как можно более благоприятно работников воздушного флота. Если во всех областях военного дела, где человек сочетается с машиной, решает в последнем счете человек, то в авиации это очевиднее, чем где бы то ни было. Внимание к летному ученику! Внимание к летчику-мастеру воздушного цеха!

Военные теоретики не прочь поспорить на тему о том, какое место занимает авиация в общей механике обороны: является ли она одним из вспомогательно-технических средств армии и флота, или же, на ряду с сухопутной армией и морским флотом, — равноправной с ними силой воздушной стихии. Вопрос этот нельзя, однако, решать абстрактно. Все

зависит от степени развития авиации и от того материального места, какое она успела занять в общей схеме вооруженных сил. Здесь тоже количество переходит в качество. Авиация начинает свою карьеру, как вспомогательное средство армии и флота. Развиваясь, усложняясь, приучаясь действовать комбинированными средствами, она имеет тенденцию отслоиться от своей сухопутной или водной метрополии и занять равноправное с нею место в царстве воздуха. Она уже ставит себе самостоятельную задачу: господство над воздушной стихией. В Англии авиация выделена в особое министерство. И немудрено: самолет грозит нанести смертельный удар островной британской неприступности, на - страже которой стоит всесильный морской флот. Иное дело — СССР. Наши пространства, наш советский океан суши, делают нас гораздо менее уязвимыми для авиации, чем островную Англию, окруженную океаном воды. Неразрывная связь авиации с сухопутной армией имеет для нас, поэтому, и долго будет иметь решающее значение. Под этим углом зрения будем строить военную авиацию и в этом духе ее воспитывать.

Авиация — все возрастающее в своем могуществе орудие империализма. Будем строить социалистическую авиацию. Империализм не отказался от мысли превратить нас в колонию. Будем строить авиацию, которая оградит нашу свободу, а, может быть, поможет и колониям вернуть свою независимость. Будем строить авиацию для хозяйственных, для культурных, для военных целей, авиацию трудящихся и угнетенных. Настойчиво и упорно будем вводить авиацию в обиход страны. Будем помнить: авиация не забава и не одно из многих вспомогательных технических средств армии, авиация — великий инструмент будущего. К суше и к воде она присоединяет воздух, как новую величайшую арену человеческого творчества.

Работу авиационного строительства поведем не только энергично и дружно, но и планомерно, сразу вводя все повышающийся интерес масс к воздушному флоту и их самоотверженную помощь в каналы правильной организации. Военное ведомство в этой области уже не одиноко. Бок - о - бок с ним работает Общество Друзей авиации и Добровольный Воздушный Флот. Этот тройственный союз будет расти и крепнуть. Неделя воздушного флота свяжет его — через партию — с массой и откроет — мы не сомневаемся — новую, вторую, более богатую главу в развитии советской авиации.

30 мая 1923 г.,
«Правда», № 121.

Авиация и металлисты.

Из доклада на Московской Губернской Конференции металлистов 5-го июня 1923 г.

В ближайший период основной технической потребностью Красной Армии является авиация. В этом месяце мы будем иметь неделю Красной Авиации, и товарищам-металлистам, которые стоят у машиностроения, авиацией нужно заняться в первую голову. Авиация есть величайшее орудие будущего, как я на-днях писал в «Правде». И в области хозяйства, и в области военной — судьбы народов все больше и больше будут зависеть от авиации. Уже сейчас теоретически мыслим налет из какой-нибудь базы, расположенной на нашей западной границе, на нашу Красную Москву, такой налет, который в течение нескольких часов может обратить в развалины самые прочные государственные, профессиональные и промышленные учреждения Москвы. Авиация находится в периоде лихорадочного роста. Развитие и совершенствование аэропланов, его грузоподъемности и разрушительной силы динамита и бомб, которые аэроплан поднимает, все растет не по дням, а по часам. Если взять максимальную скорость в 300 верст в час, — наилучшие аэропланы это покрывают, — то эскадрилья с западной границы в кратчайший срок, через 2—3 часа, может быть над Москвой.

Вот, товарищи, какая грозная опасность грозит от авиации. Существуют различные оборонительные средства артиллерийского характера, вроде зенитных батарей, но все эти оборонительные средства ничто перед самой же авиацией. Бороться против авиации можно только при помощи авиации. Мы имеем возможность авиацию развивать гораздо более быстрым темпом, чем другие отрасли промышленности, хозяйства и военного дела. Авиационная промышленность принадлежит к типу более легкой промышленности, самолет стоит 12 тысяч золотых рублей, может стоить и 20—25 тысяч, в зависимости от размеров и количества моторов и лошадиных сил в этих моторах; возрождение авиации не требует ни шоссейных дорог, ни железных дорог, ее область — воздушная стихия, а наш воздух при всей нашей бедности, нищете и отсталости ничуть не хуже американского, французского или английского воздуха. Авиация должна стать подлинно народной рабоче-крестьянской идеей, программой, ибо наше спасение в военном смысле, ограждение наше, — в авиации. Авиация нужна нам и для развития нашей культуры. При наших пространствах

нам трудно добраться до крестьянина с литературой, с газетой, многие годы пройдут, прежде, чем мы сможем всюду провести железные дороги, а на аэроплане мы достигнем до крестьянина в самом глухом углу с газетой, книжкой и пр. И даже для транспортных задач, для тяжелых грузов, авиация будет играть колоссальную роль. Вот почему я прошу вас в числе других забот иметь в своей промышленности и заботу о красной авиации и выдвинуть из вашей молодежи не только красных инженеров, но и красных пролетарских летчиков металлистов.

Из архива.

Приказ

Революционного Военного Совета С. С. С. Р.

23-го ноября 1923 г. № 2545, г. Москва.

Сегодня — год тому назад — учреждена была академия воздушного флота. Ей пришлось развертывать почти заново свою работу в исключительно тяжелых условиях, доставшихся в наследство после периода империалистической бойни и напряженной гражданской войны.

Особенно тяжело эти общие условия отразились на авиации, как области сравнительно мало исследованной и в то же время, в виду открываемых ею неизмеримых перспектив, требующей значительных сил и средств.

Именно за последние годы авиация сделала крупнейшие завоевания, упрочивая свою роль в деле хозяйственного и культурного строительства и в то же время непрерывно выдвигаясь на одно из первых мест, как оружие войны.

Народы Советского Союза достаточно ярко проявили свою волю догнать в области авиации наиболее передовые страны в возможно короткий срок. Академия воздушного флота призвана руководить этой всенародной волей, вооружая ее оружием науки и указывая ей наиболее короткие и верные пути достижения.

Ближайшей задачей Советского Союза, а следовательно, и его академии, в области авиации должно стать создание прочного научно-практического руководящего ядра для строительства красной авиации собственными силами и средствами и для выработки авиационной тактики, в неизменном соответствии с тактикой Красной Армии и Красного Флота.

Нужно воспитать прочные кадры пролетарских авио-инженеров и техников, способных участвовать в хозяйственном строительстве страны, готовых в минуту опасности беззаветно охранять воздушные подступы к рабоче-крестьянской крепости тем новым оружием, которое вложили им в руки наука и опыт.

Приветствуя академию воздушного флота имени проф. Жуковского в день первой ее годовщины, Революционный Военный Совет СССР ждет от ее руководителей и слушателей дальнейшей дружной и упорной работы на пользу строительства красных воздушных сил.

ВОЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Вступительное и заключительное слово на дискуссии о военной доктрине

в Военно-Научном Обществе при Военной Академии Р. К. К. А. 1-го ноября 1921 г.[48].

I

Товарищи, сейчас мы подводим итоги, пересматриваем наши ряды и готовимся. Работа наша в армии имеет сейчас кропотливый, мозаичный и детальный характер. Но было бы недостойно революционной армии из-за деревьев не видеть леса. Именно потому, что мы сейчас наши усилия в области военного дела детализируем, конкретизируем и переводим наше внимание на частные вопросы, из которых слагается целое, именно потому мы должны отрываться время от времени от этой деятельной работы и окидывать взглядом все здание Красной Армии в целом. Здесь мы сталкиваемся с вопросом о военной доктрине или об единой военной доктрине, что иногда отожествляют. Понятие о военной доктрине не представляется сейчас ясно очерченным и исполненным определенного точного научного содержания. Понятие — единая военная доктрина — наполнялось сплошь и рядом мистическим и метафизическим содержанием, рассматривалось как какое-то излучение национального духа.

Сейчас, в виду резкого поворота истории, на плоскости классовой революционной борьбы делается естественная попытка понятие военной доктрины наполнить классовым содержанием. Эта попытка еще впереди. Здесь нужна величайшая бдительность, чтобы не дать себя увлечь в какую бы то ни было мистическую или метафизическую ловушку, хотя бы и прикрытую революционной терминологией, ибо из классовой военной доктрины можно тоже сделать мистику и метафизику, а мы хотим конкретного, точного исторического содержательного понятия. Поэтому мы прежде всего спрашиваем себя, есть ли военная доктрина совокупность военных методов, есть ли это теория, или же военная доктрина есть искусство, совокупность некоторых прикладных методов, которые в сумме учат, как драться.

Нужно различать науку, как объективное познание того, что есть, от искусства, которое учит, как действовать.

«Красная Армия»,
№ 7 — 8, 1921 г.

II

Прежде чем говорить по существу вопроса, я хочу отметить, что ближе всего стоят друг к другу, хотя как будто на разных полюсах, тов. Верховский и тов. Свечин. Тов. Верховский в каком-то ужасе говорит: какая у нас разноголосица, нет ничего объединяющего, как можно строить что-нибудь при таком положении, а тем более побеждать. — Но ведь мы все-таки построили и воевали не так уж плохо. Я меньше чем кто-нибудь идеализирую Красную Армию, но когда нам нужно было отбиваться, мы наносили врагам удары, несмотря на нашу разноголосицу. Я думаю, что тов. Верховский субъективно подходит к делу, он не видит того неоспоримого и никем не оспаривавшегося фундамента Красной Армии, который заложен фактически рабочим классом. Была в армии старая верхушка, были добросовестные, честные элементы из старого офицерства, но они растворились и растворяются. Армия провозгласила новый принцип и создает командный состав нового социального происхождения, косолапый командный состав, может быть, недостаточно грамотный, но с большой исторической волей. Все мы теоретически ошибаемся, но как можно не видеть существа, фундамента, который несокрушим и на который никто не указал? Чего же пугается тов. Верховский — при его прекрасных военных качествах, ему бояться нечего.

Тов. Свечин говорит: Если выдумают доктрину, то меня, Свечина, ущемят при этом, потому что будет цензура. Тов. Свечин—старый военный человек, который очень благоговеет перед Суворовым и суворовскими традициями — испугался цензуры. Он испугался, что военная доктрина не даст развития мыслям, — это отчасти та же мысль, что и у тов. Верховского. Если понимать единую доктрину в том смысле, что есть господствующий класс, который взял армию в свои руки, то никто против этого не протестовал. Вспомните, что писалось в 17-м — 18-м году — наши тезисы, доклады на съездах советов: их основная мысль была — применение сознания и воли рабочего класса, установившего новую власть и новое государство, к вооруженным силам страны. Это незыблемый факт, о котором спора нет и со стороны тех, которые спорили, а те, кто пытался бороться против этого с оружием в руках, потерпели неудачу и больше не пытаются.

Возьмите, например, книгу «Смена вех». Люди, которые давали министров Колчаку, поняли, что Красная Армия не есть выдумка эмигрантов, что это не разбойничья банда, — она является национальным выражением русского народа в настоящем фазисе развития. Они абсолютно правы. Никто этого не станет отрицать, что появился новый командный состав, который осуществляет стремления трудящегося народа, хотя и строит армию с ошибками против русской грамотности и против гра-

мотности военной. Наше несчастие, что страна безграмотная, и, конечно, годы и годы понадобятся, пока исчезнет безграмотность, и русский трудовой человек приобщится к культуре.

Здесь делалась попытка, в частности в речи тов. Вацетиса, которая была очень содержательна и ценна, дать очень расширительное понятие доктрины. Военная доктрина обнимает все то, что нужно для войны. Для войны нужно, чтобы солдат был здоров, для здорового солдата, помимо пайка и обмундирования, нужна известная гигиена, нужна медицина. Здесь вся суть в аберрации мысли. Если Клаузевиц сказал, что война есть продолжение политики другими средствами, то некоторые военные переворачивают эту мысль и говорят, что политика есть служебное средство для войны, что все знания человечества есть подсобные источники для военных знаний и ставят перед военной доктриной знак равенства с человеческими знаниями вообще. Это абсолютно неверно.

Нам говорят затем: нужно желать драться, нужно иметь волю к победе. Разве мы не видели, что эта воля к победе есть у русского народа, что она родилась у донских и кубанских крестьян, которые выдвинули своего Буденного, свою конницу, не то что раньше, когда воля старого дворянства навязывалась народу. Эта воля к победе родилась даже у вековечно-задавленного русского мужика, — я уже не говорю о рабочих. Но нужно иметь волю к победе, нужно желать драться не для того только, чтобы драться, а необходима большая историческая цель. У царизма была цель, она в прежних условиях охватывала часть народа, который в себе развил известную волю к победе. Ну, а сейчас есть историческая цель, стоящая над войной? Есть такая цель или нет ее? Да кто же может сомневаться в том, что цель такая есть, что теперешнее правительство обладает передовыми отрядами рабочих, которые увлекают за собой крестьянство. То, что мы одерживали победы — это не случайность. Стало быть, воля к победе была. Она найдена не из военной доктрины, а в определенной исторической задаче, которая составляет смысл всей существующей эпохи.

Говорят также, что нужно знать, когда драться и почему драться. Нужно уметь находить ориентировку в международной обстановке. Ну что же, разве мы ее не находили? Тут тов. Свечин говорил, что революционная эпоха есть эпоха эмпиризма. Как сказать. Никогда, ни в одной стране не было власти, которая была бы настолько теоретична, как наша власть. Мы, в качестве группы подпольных эмигрантов, говорили, что капиталистическая война неизбежно закончится революцией. Мы теоретически до революции предсказали ее. Что же это, как не теоретический прогноз? Конечно, применение науки здесь не может быть таким точным, как в астрономии, мы делаем ошибки, может быть, на пять—десять лет. Мы надеялись на продолжение революции на Западе. Этого не случилось, но характер развития мы все же предсказали. Что представляет собой злосчастный Брест-Литовск? Это тоже ориентировка, тоже теоретический

учет. Наши противники считали, что их существование является незыблемым фактом, а наше — какой-то нелепостью, но мы стояли на точке зрения теоретического прогноза и считали, что их дни сочтены, а наше существование — незыблемый факт. Я не могу быть военным доктринером уже по отсутствию необходимого военного ценза, но в выработке этого прогноза я участвовал вместе с другими товарищами: с немцами драться нельзя и потому нужно пойти на уступки, а потом уже их разбить. Что же это, как не ориентировка? Знать, когда драться, — это было нам дано основами марксизма, примененного к обстановке. Но желать драться и знать, когда драться — это еще не все, нужно еще уметь драться. Вот тут вступает в свои права военное искусство или наука.

Но зачем тащить все решительно в военную науку? Кое-что есть на свете и помимо военной науки, есть коммунизм и мировые задачи, которые ставит себе рабочий класс, и война, как один из методов этого рабочего класса. Здесь я должен сказать, что товарищи, которые говорили от имени новой военной доктрины, меня абсолютно не убедили. Я вижу в этом опаснейшую вещь: красными шапками закидаем, — это старая российская доктрина. В самом деле, что говорили некоторые товарищи? Они говорили, что наша доктрина в том, чтобы не командовать, а уговаривать, убеждать, импонировать авторитетом. Великолепнейшая вещь, чего лучше, дадим тов. Лямину 3 тысячи тамбовских дезертиров, пусть он создаст полк по своему методу. Я хотел бы на это посмотреть. Разве можно что-нибудь сделать при разности культурного уровня и невежестве одним росчерком пера? Наш режим называется режимом диктатуры, мы этого не скрываем, а тут некоторые говорят, что нам нужны не главнокомандующие, а главноуговаривающие, т.-е. то, что было у Керенского. Авторитетность вещь хорошая, но не реальная. Если импонировать только авторитетом, то зачем нам тогда ЧК и Особый Отдел? Наконец, если мы можем только авторитетом импонировать тамбовскому мужику, то почему нам не импонировать и немецкому, и французскому?

Тов. Вацетис упоминал, что право выше силы. Это не так. Верно только, что насильники, которые стыдились применяемого насилия, всегда прикрывались этим лицемерием. Право не выше силы, оно не выдерживает натиска пушки. Против пушки действует пушка. Если же вы скажете, что вам нужно поднимать культуру крестьянина и мужика, то это для нас старая истина, мы все к этому стремимся, и наш государственный аппарат и, в частности, военное дело должно итти по этой линии. Но наивностью было бы думать, что эта задача будет осуществлена завтра.

Говорят, что доктрина Красной Армии заключается в партизанских действиях в тылу противника, в глубоких рейдах. Но первый большой рейд сделал Мамонтов, а вождем партизанщины был Петлюра. Что же это значит? Каким образом доктрина Красной Армии совпадает с доктринами Мамонтова и Петлюры? Некоторые товарищи пытались также влить

в доктрину Красной Армии переброску на тачанках. Если у нас нет шоссе и блиндированных автомобилей, то, конечно, мы будем переправляться на тачанках, это лучше, чем тащить пулемет на спине, но причем тут военная доктрина? Абсолютно невероятная постановка вопроса. Наша отсталость и техническая неподготовленность не могут быть материалом для военной доктрины.

Относительно маневренности я скажу, что маневренность не мы выдумали. Она в значительной мере была и у наших врагов и определялась тем, что на огромном пространстве находилось сравнительно небольшое количество войск, а также жалкими путями сообщения. Здесь говорили о захвате городов, пунктов и т. д. Мамонтов их у нас захватывал, а мы у него. В этом и состоит гражданская война. На одной и той же территории у Мамонтова были наши союзники, а у нас мамонтовские. Мамонтов расстреливал нашу агентуру, а мы его. На этом пытаются строить доктрину. Это абсурд.

Тов. Тухачевский грешит по части опрометчивых обобщений. У него выходит так, что на позиционной войне поставлен крест. Это абсолютно неверно. Если мы проживем в условиях мира 5 или 10 лет, что не исключено, то подрастет новое поколение, и та оскомина, которую набила война, пройдет. Задержка революции на Западе означала бы, что буржуазия получает передышку. Техника оправляется и у них и у нас. Мы получаем возможность выбросить большие массы и лучше вооруженные, а при большей массовидности армии и лучшем ее вооружении создается более прессированный фронт. Наша избыточная маневренность, при которой мы сплошь и рядом проходили верст 100 вперед и 150 назад, объяснялась тем, что армия по отношению к пространству была жиденькая, слабенькая, вооружение было недостаточное, и исход боев решался факторами второстепенного характера. Для чего же нам за это держаться? Нам надо эту стадию маневренности преодолеть. Она является оборотной стороной партизанщины. Я много раз вспоминаю, как в первый период строительства нашей армии некоторые товарищи говорили, что не нужно более крупных соединений. Лучше пусть будет полк, 2 — 3 батальона, артиллерия, кавалерия — и это будет самостоятельной единицей. В этом была идея примитивной маневренности. Мы от нее теперь отошли и идеализировать маневренность было бы в высокой степени опасно.

Тут указывали, что нужно разрешить вопросы относительно роли артиллерии по отношению к пехоте. В Киевском округе я присутствовал при жарком споре о взаимоотношении между артиллерией и пехотой. Таких вопросов сотни в каждой армии. Это значит, что нужно на основании опыта гражданской войны перечитать внимательно устав и применить важнейшие пункты устава к полевой обстановке. Устав должен быть подвергнут проверке. Он должен практически пройти через сознание.

Решают вопрос о том, что должно быть — наступление или оборона. Говорят, что наша армия должна наступать. Здесь очень много путаницы,

и я боюсь, что тов. Тухачевский поддерживает в этом отношении тех, которые путают и говорят, что наша армия должна быть наступательной. Почему? Если война есть продолжение политики другими средствами, то разве наша политика наступательная? А Брест-Литовск? А вчерашнее наше заявление о признании до-военных долгов? Это — маневр. Только лихой кавалерист считает, что всегда надо наступать. Только простак думает, что отступление — смерть. Наступление и отступление могут являться составными частями маневра и одинаково вести к победе. На 3-ем конгрессе 3-го Интернационала было целое течение, утверждавшее, что в революционную эпоху нужно только наступать. Это — величайшая ересь и преступнейшая ересь, которая стоила немецкому пролетариату лишней крови и не дала ему победы, а если бы эту тактику применяли в дальнейшем, то это привело бы к гибели революционного движения Германии. В гражданской войне нужно маневрировать, а если война есть продолжение политики другими средствами, то как же мы можем сказать, что военная доктрина всегда требует наступления. В газете «Деба» есть статья одного французского генерала, который пишет следующее: «У нас в Лотарингии наступали мы, французы. В результате нашего наступления немцы отступили. Но отступили они с расчетом. Передовые силы оттянули, выставили вперед замаскированные, пулеметные артиллерийские позиции, а затем разгромили огромное количество живой силы. Это была катастрофа. Отчего началась наша победа в июне 1918 г? Немецкое наступление могло быть решающим. Но мы научились у них в 1914 г. и занялись эластичной обороной, а от нее перешли к контр-наступлению, когда немцы истощили свои силы, и разгромили немецкую армию».

Вы укажете на Великую Французскую Революцию и ее армию. Но не забывайте, что Франция тогда была самым культурным народом в Европе, не только самым революционным, но и самым культурным и сильным в техническом отношении, если не считать Англии, которая на суше ничего не могла сделать. Франция могла позволить себе роскошь наступательной политики. И все таки она сорвалась, и закончилось это Ватерлоо возвращением Бурбонов [49], хотя, действительно, в течение длительного периода она победно прошла по Европе. А мы самый некультурный, один из самых отсталых народов в Европе. Судьба исторически заставила нас совершить пролетарскую революцию в окружении народов, которые еще не охвачены ею. Нам предстоят войны, и мы должны учить наш генеральный штаб оценивать положение. Нужно ли наступать или нужно отступать? Вот тут необходима наука величайшей гибкости и эластичности, а если мы навяжем доктрину нашим генштабистам: — наступайте! — то мы сделаем колоссальную ошибку, и это будет — стратегия авантюризма, а не революционная стратегия.

Я не согласен опять-таки со вторым положением, которое выдвинул тов. Тухачевский. Он считает, что переход к милиционной армии неправилен. Трудности в переходе есть, но, тем не менее, мы все таки пере-

ходим к миллиционным формам. В нашей стране с населением с лишком в сто миллионов, мы держим армию в один миллион — это есть приближение к милиции. Во Франции — 700 тыс., а у нас около миллиона. Еще шаг в этом же направлении, и мы упремся в чистую милицию. Мы будем это делать осторожно, потому что трудности во взаимоотношениях рабочих и крестьянства существуют. Но наша новая политика приближает к нам крестьянина, а не отдаляет. Поезжайте в любую деревню. Поговорите с мужиком, он вам скажет, что сегодня он лучше относится к Советской власти, чем вчера. Если мы станем богаче через год, а мы, конечно, немножко богаче станем, а через два года будем еще богаче, — то эта спираль начнет расширяться, но и тогда мы не будем действовать на мужика путем сплошных уговоров, как полагают некоторые молодые генштабисты. Во всяком случае будут не только уговоры и объятия, а будет и принуждение, хотя меньшей степени, чем раньше. В то же время между крестьянами и рабочим классом создадутся более благоприятные условия для организации милиции. Поэтому доктрина требует только сведения элемента принудительности к меньшему объему, чем в армии казарменного типа. Если же доктрина будет выводиться из того принципа, что милиции не нужно, а нужна казарменная армия, то мы придем к всевозможным ошибочным метафизическим положениям.

И так, товарищи, резюмирую в двух словах. Если насчет воли к победе сказать, что у командного состава не всегда наблюдается умение частичную победу и частичный успех развернуть до полной победы, то это правда. Это объясняется рабоче-крестьянским составом нашего нового командного состава, который легко удовлетворяется первым достигнутым успехом. Но у нас были споры относительно воли к победе вообще. Я должен привести следующий пример: все коммунисты знают, что Туркестан был отрезан от всего мира, окружен дутовцами и другими белогвардейцами и тем не менее он $1^1/_2$ года продержался [50], не имея поддержки со стороны. Что это, как не колоссальная воля к победе? Никакого лучшего примера для основания доктрины вы не дадите. Какая другая доктрина кроме марксизма, может дать умение ориентироваться в обстановке? Возьмите и прочитайте ноты Чичерина, прочитайте статьи в «Правде» и в «Известиях», они указывают на верную ориентировку в международной обстановке. Возьмите английский «Таймс» или французский «Тан», там в смысле фразеологии куда тоньше, чем у нас, но мы ориентируемся в международной обстановке во сто раз лучше, и это нам помогло в обстановке окружения продержаться 4 года, и дальше мы будем держаться. Наша доктрина называется марксизмом, зачем ее выдумывать во 2-й раз. А чтобы выдумать что-нибудь, кроме тачанок, надо поучиться у буржуазии, раз у нас есть уменье ориентироваться и воля к победе. Надо внушить нашим командирам и ротному, и батальонному, и полковому, что не только нужно иметь волю к победе, а нужно знать, как сделать донесение, что значит связь, что значит сторожевая охрана и разведка. И для этого необходимо исполь-

зовать опыт старой практики. Азбуке надо учиться, а если военная доктрина будет говорить: — Красными шапками закидаем, — то она нам ни на что не нужна. Необходимо выбить эту спесь и революционное верхоглядство. Когда стратегия развивается с точки зрения революционной молодежи, то получается хаос. Почему? Потому что устав не подучен. Мы относились пренебрежительно к царским уставам и, благодаря этому, их не учили, а между тем старый устав подготовляет новый. Марксисты все время проходили через старую науку, они прошли через Фейербаха, Энгельса, через французских энциклопедистов и материалистов, через политическую экономию. Маркс до самых седин сидел над изучением высшей математики. Энгельс изучал военное дело и естественные науки и, если мы будем среди военной молодежи прививать мысль, что старая доктрина никуда не годится, а теперь наступила новая эпоха, когда на все можно смотреть с точки зрения «птичьего d'oiseau», как говорится у Глеба Успенского, то это будет вреднейшая вещь.

Конечно, среди молодого поколения бывает протест против рутины это неизбежно, но наша Академия Генерального Штаба и Реввоенсовет будут это всячески обуздывать и будут правы. Я не смотрю на это наше объяснение, как на последнее. У нас кое-что застенографировано, будет просмотрено, кое-что будет напечатано и, может быть, будут еще такие собрания. Не будем отрываться также и от насущных потребностей, от пайка и от сапог, я считаю, что хороший паек лучше плохой доктрины, и насчет сапог я утверждаю, что наша военная доктрина начинается с того, что красноармейцу надо говорить: научись смазывать сапоги и чистить винтовку. Если к нашей воле к победе, к готовности к самопожертвованию, мы научимся еще смазывать сапоги, то мы будем иметь самую лучшую военную доктрину и, поэтому, надо обращать внимание на эти практические детали.

Теперь насчет техники. Техника, конечно, плоха, но сегодня Европа на нас напасть не может, ей не позволяет рабочий класс; отсюда вывод: она нас терпит. Она вступает с нами в экономические сношения. Концессии хоть туго, но идут. Европейский империализм через свои концессии и торговые сношения будет вынужден развивать нашу промышленность и вооружать нас своей рукой технически против себя. Это неизбежно, он обречен на это, он должен это сделать, и если бы я это сказал вслух, перед аудиторией Ллойд-Джорджа, Бриана и Мильерана, то они шарахнулись бы назад, но все таки вынуждены были бы это сделать, ибо другого пути у них нет. Европейский мировой кризис и давление рабочего класса толкают их на сношение с нами. Наконец, это делают не государства, а капиталисты, которые думают о своей выгоде прежде всего, а отсюда вывод, — не забегать вперед. Тут тов. Свечин был прав, когда сказал, что время работает за нас. Время есть очень важный фактор в истории. Иногда сказать слово на 5 минут раньше, чем нужно, значит потерять кампанию, и на 5 минут позже тоже не годится, нужно во-время. Сейчас

нам нужно обрасти техническим и хозяйственным жирком. Хозяйство наше в состоянии расстройства и очень медленного подъема. Мы еще успеем поспорить о военной доктрине и уяснить и уточнить наше понятие, и спор будет только на пользу делу строительства Красной Армии. Предлагаю в честь Красной Армии провозгласить дружное ура.

Из архива.

Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство [51].

> «В искусствах практических не следует гнать слишком вверх цветы и листья теории, но держать их поближе почвы опыта».
>
> Клаузевиц. «Война» (Теория стратегии).

1. Наш метод ориентировки.

В Красной Армии, несомненно, наблюдается оживление военной мысли и подъем теоретических интересов. Свыше трех лет мы строились под огнем и дрались, затем демобилизовались и размещались. Этот последний процесс еще не закончен и по сей день, но армия уже приблизилась к большей организационной определенности и известной оседлости. В ней растет и ширится потребность оглянуться на пройденный путь, подвести итоги, сделать необходимейшие теоретические и практические выводы, чтобы получше подковаться к завтрашнему дню.

А что несет завтрашний день? Новые вспышки гражданской войны, питаемой извне? Или открытое нападение на нас буржуазных государств? Каких? Как подготовиться к отпору? Все эти вопросы требуют международно-политической, внутренно-политической и военно-политической ориентировки. Обстановка меняется непрерывно, меняется, значит, и ориентировка, не принципиальная, но практическая. До сих пор мы успешно справлялись с военными задачами, которые ставило нам международное и внутреннее положение Советской России. Наша ориентировка оказалась более правильной, дальше и глубже захватывающей, чем ориентировка сильнейших империалистических держав, которые пытались по очереди или совместно свалить нас, но обожгли руки. Нашим преимуществом является то, что мы обладаем незаменимым научным методом ориентировки — марксизмом. Это орудие могущественное и в то же время очень тонкое, само оно в руки не дается, — нужно научиться им владеть. Прошлое нашей партии в долгих испытаниях научило нас применять методы марксизма в сложнейшем переплете факторов и сил переломной исторической эпохи. Орудием марксизма мы определяем и основы нашего военного строительства.

Совсем иначе на этот счет обстоит дело у наших врагов. Если из области производственной техники передовая буржуазия изгоняла косность,

рутину и суеверия и стремилась строить каждое предприятие на точных основах научных методов, то в области общественной ориентировки буржуазия по своему классовому положению оказалась бессильной подняться до высоты научных методов. Наши классовые враги — эмпирики, т.-е. действуют от случая к случаю, руководствуясь не анализом исторического развития, а практическим опытом, рутиной, глазомером и нюхом.

Правда, английская империалистическая каста дала нам на основе эмпиризма пример широчайшего стяжательского захвата, победоносной дальнозоркости и классовой выдержки. Про английских империалистов недаром сказано, что они мыслят веками и материками. Этот навык практически взвешивать и оценивать важнейшие факторы и силы правящая великобританская каста приобрела, благодаря преимуществам своего положения, на наблюдательной вышке своего острова, в условиях сравнительно медленного и планомерного накопления капиталистического могущества.

Парламентские методы личных комбинаций, подкупов, красноречия, обмана и колониальные методы кровожадности, ханжества и всех видов подлости одинаково вошли в богатый арсенал клики величайшей империи. Опыт борьбы английской реакции с великой французской революцией чрезвычайно изощрил методы великобританского империализма, сделал его более гибким, разнообразно вооруженным и, следовательно, более застрахованным от исторических неожиданностей.

Тем не менее, могущественная классовая сноровка миродержавной английской буржуазии оказывается — и чем дальше, тем больше — несостоятельной в эпоху нынешних вулканических потрясений буржуазного режима. Лавируя с большой ловкостью, великобританские эмпирики эпохи упадка — их законченным выразителем является Ллойд-Джордж — неизбежно расшибут себе лоб.

Германский империализм поднялся, как антипод великобританского. Лихорадочное развитие немецкого капитализма дало возможность правящим классам Германии накопить гораздо больше материально-технических ценностей, чем навыков международной и военно-политической ориентировки. Германский империализм появился на мировой арене, как выскочка, зарвался, сорвался и расшибся в прах. А ведь еще недавно, в Брест-Литовске, представители германского империализма считали нас фантазерами, случайно и ненадолго всплывшими на поверхность.

Наша партия шаг за шагом училась искусству всесторонней ориентировки, начиная с первых подпольных кружков, через все свое развитие, с его бесконечными теоретическими дискуссиями, практическими попытками и неудачами, наступлениями и отступлениями, тактическими спорами и поворотами. Русские эмигрантские мансарды Лондона, Парижа и Женевы оказались в последнем счете обсервационными пунктами огромного исторического значения. Революционное нетерпение дисциплинировалось научным анализом исторического процесса. Воля к действию

сочеталась с выдержкой. Путем действий и размышлений наша партия научилась применять марксистский метод. И сейчас он служит ей верную службу.

Если про наиболее дальновидных эмпириков английского империализма можно сказать, что у них в связке значительный набор ключей, пригодных для многих типических исторических ситуаций, то в наших руках универсальный ключ, дающий возможность правильно разобраться во всех ситуациях. И если весь наследственный запас ключей Ллойд-Джорджа, Черчилля и других явно непригоден для того, чтобы открыть выход из революционной эпохи, то наш марксистский ключ для нее-то прежде всего и предназначен. Об этом нашем величайшем преимуществе перед нашими противниками мы не боимся заявить вслух, ибо ни присвоить себе, ни подделать наш марксистский ключ они не в силах.

Мы предвидели неизбежность империалистической войны, как пролога эпохи пролетарской революции. Под этим углом зрения мы затем наблюдали ход войны, ее методы, меняющиеся группировки классовых сил, и на этом наблюдении складывалась уже более непосредственно — если говорить высоким штилем — «доктрина» советского строя и Красной Армии. Научное предвидение дальнейшего хода развития давало нам несокрушимую уверенность в том, что история работает на нас. Эта оптимистическая уверенность составляла и составляет основу нашей деятельности.

Марксизм не дает готовых рецептов. Меньше всего мог бы он дать в области военного строительства. Но и здесь он дал нам метод. Ибо если верно, что война является продолжением политики, только другими средствами, то армия является продолжением и увенчанием всей общественно-государственной организации, только со штыком на перевес.

Мы приступали к военным вопросам, исходя не из некоей «военной доктрины», как суммы догматических положений, а из марксистского анализа потребностей самообороны рабочего класса, который взял в свои руки власть, должен вооружиться, разоружив буржуазию, бороться за свою власть, вести за собой крестьян против помещиков, не позволять кулацкой демократии вооружать крестьян против рабочего государства, создать для себя надежный командный состав и проч., и проч.

В строительстве Красной Армии мы пользовались и красногвардейскими отрядами, и старыми уставами, и крестьянскими атаманами, и бывшими царскими генералами, что, конечно, можно назвать отсутствием «единой доктрины» в области формирования армии и ее командного состава. Но такая оценка будет педантично пошловата. Конечно, мы не исходили из догматической «доктрины». Мы фактически созидали армию из того исторического материала, который был под руками, объединяя всю эту работу под углом зрения борющегося за свое самосохранение, утверждение и расширение рабочего государства. Если кому-нибудь нужно метафизически скомпрометированное слово доктрина, то можно сказать, что, созидая Красную Армию, вооруженную силу на новой классовой основе,

мы тем самым строили новую военную доктрину, ибо, несмотря на разнообразие практических средств и смену приемов, в нашем военном строительстве не могло быть и не было ни безъидейного эмпиризма, ни субъективного произвола: вся работа с начала до конца объединялась единством классовой революционной цели, единством направленной на нее воли, единством марксистского метода ориентировки.

2. С доктриной или без доктрины?

Попытки предпослать пролетарскую «военную доктрину» самой работе по созданию Красной Армии делались и возобновлялись не раз. В противовес «империалистическому» принципу позиционности выдвигался еще с конца 1917 г. абсолютный принцип маневренности. Революционной маневренной стратегии подчинялась организационная форма армии: корпуса, дивизии, даже бригады объявлялись слишком тяжеловесными соединениями; провозвестники пролетарской «военной доктрины» предлагали свести всю вооруженную силу Республики в отдельные комбинированные отряды или полки. В сущности это была слегка причесанная идеология партизанщины. На крайнем «левом» фланге партизанщина защищалась открыто. Уставам объявлялась священная война; старым — потому, что они являются выражением отжившей военной доктрины, новым — потому, что они слишком похожи на старые. Правда, и тогда уже сторонники новой доктрины не представили не только проекта новых уставов, но ни одной статьи, в которой наши уставы подвергались бы серьезной принципиальной или деловой критике. Привлечение старого офицерства, тем более на командные должности, объявлялось несовместимым с проведением революционной военной доктрины и пр. и пр.

На самом деле, шумные новаторы сами были целиком в плену у старой военной доктрины: они только старались поставить минус там, где раньше был плюс. В этом и выражалась вся их самостоятельность. Действительная работа по созданию вооруженной силы рабочего государства пошла, однако, по другому пути. Мы старались — особенно на первых порах, — как можно больше использовать навыки, приемы, знания и средства, оставшиеся от старого, совершенно не заботясь о том, в какой мере новая армия будет в формально-организационном и техническом смысле отличаться от старой или, наоборот, походить на нее. Мы строили армию из наличного человеческого и технического материала, стремясь всегда и всюду обеспечить в организации армии, т.-е. ее личного состава, в управлении ею, в ее сознании и в ее настроениях, господство пролетарского авангарда. Институт комиссаров вовсе не есть какой-либо догмат марксизма или необходимая часть пролетарской «военной доктрины», — он явился в известных условиях необходимым орудием пролетарского контроля, руководства и политического воспитания в армии и тем приобрел огромное значение в жизни вооруженных сил Советской республики. Мы комбини-

ровали старый командный состав с новым и только таким путем достигли необходимого результата: армия оказалась способной сражаться на службе рабочего класса. По своим целям, по преобладающему классовому составу своего командно-комиссарского корпуса, по своему духу, по своей политической морали, Красная Армия отличается коренным образом от всех остальных армий мира и враждебно им противостоит. В области формально-организационной и технической она становилась и становится на них тем более похожей, чем больше развивалась. Одних потуг на новое слово в этой области недостаточно.

Красная Армия есть военное выражение пролетарской диктатуры. Кому нужна более торжественная формула, тот может сказать, что Красная Армия есть военное воплощение «доктрины» пролетарской диктатуры, во-первых, потому, что в самой Красной Армии обеспечена диктатура пролетариата, — во-вторых, потому, что диктатура пролетариата без Красной Армии была бы невозможна.

Беда, однако, в том, что оживление военно-теоретических интересов вызвало на первых порах возрождение некоторых доктринерских предрассудков первого периода, получивших, правда, несколько новую формулировку, но отнюдь не ставших от этого лучше. Некоторые проницательнейшие новаторы вдруг открыли, что мы живем и даже не живем, а прозябаем без военной доктрины, как андерсеновский король в сказке ходил без платья и не знал того. «Необходимо, наконец, создать доктрину Красной Армии», — говорят одни. — «Мы сбиваемся во всех практических вопросах военного строительства потому, что у нас не разрешены до сих пор основные вопросы военной доктрины: что такое Красная Армия, какие перед ней исторические задачи, будет ли она вести оборонительные или наступательные революционные войны и пр. и пр.», — подпевают другие.

Выходит так, что Красную Армию мы создали, и притом, победоносную, но вот военной доктрины ей не дали. Так она, Красная Армия, неприкаянной и живет. На прямой вопрос, какова должна быть доктрина Красной Армии, отвечают: она должна заключать в себе совокупность начал строения, воспитания и применения нашей вооруженной силы. Но это ответ чисто-формальный. И у нынешней Красной Армии есть свои принципы «строения, воспитания и применения». Вопрос идет о том, какой доктрины нам не хватает, то-есть каковы по содержанию те новые принципы, которые должны войти в программу военного строительства. И вот здесь-то начинается самая конфузная путаница. Один делает сенсационное открытие, что Красная Армия есть классовая армия, армия пролетарской диктатуры. Другой к этому присоединяет, что, будучи революционной армией и международной, Красная Армия должна быть наступательной. Третий предлагает в целях наступательности обратить особое внимание на кавалерию и авиацию. Наконец, четвертый предлагает не забывать о применении тачанок Махно. С миру по тачанке — Красной Ар-

мии доктрина. Однако, нужно сказать, что в этих открытиях крупицы здоровых — не новых, но правильных, мыслей совершенно тонут под шелухой пустословия.

3. Что такое военная доктрина?

Не будем искать общих логических определений потому, что они сами по себе вряд ли выведут нас из затруднения *). Подойдем лучше к вопросу исторически. Старый взгляд гласил, что основы военной науки вечны и общи для всех времен и народов. Конкретное же преломление этих вечных истин имеет национальный характер. Отсюда — немецкая военная доктрина, французская, русская и т. д. Если, однако, проверить инвентарь вечных истин военной науки, то получим немногим более нескольких логических аксиом и эвклидовских постулатов. Защита флангов, обеспечение коммуникации и отступления, удар по наименее защищенному пункту противника и пр. и пр. — все эти истины, в этой своей всеобъемлющей формулировке, далеко выходят в сущности за пределы военного искусства. Осел, который ворует овес из прорванного мешка (наименее защищенное место противника) и бдительно поворачивает свой круп в сторону, противоположную ожидаемой опасности, делает это на основании вечных принципов военной науки. Между тем, нельзя сомневаться, что тот осел, который ест овес, не читал ни Клаузевица, ни даже Леера.

Война, о которой мы говорим, есть общественное и историческое явление, которое возникает, развивается, меняет формы и должно исчезнуть. Уже поэтому одному она не может иметь вечных законов. Но субъектом войны является человек, который имеет известные устойчивые анатомические и психические черты и вытекающие из них приемы и навыки. Человек действует в определенной и сравнительно устойчивой географической среде. Таким образом, во всех войнах всех времен и народов были некоторые общие, относительно устойчивые (но вовсе не абсолютные) черты. На их основе развивается историческое военное искусство. Его методы и приемы меняются так же, как и общественные условия, его определяющие (техника, классовое строение, формы государственной власти).

---

*) Т. Фрунзе пишет: «Можно было бы предложить такое определение «единой военной доктрины»: это есть принятое в армии данного государства единое учение, устанавливающее формы строительства вооруженных сил страны, методы боевой подготовки войск их вождения на основе господствующих в государстве взглядов на характер лежащих перед ним военных задач и способы их разрешения, вытекающие из классового существа государства и состояния его производительных сил». («Красная Новь», № 2 стр. 94. Статья М. Фрунзе «Единая военная доктрина и Красная армия»).

Можно условно принять и это определение. Однако, как свидетельствует вся статья тов. Фрунзе, выводы из приведенного определения ничем не обогащают идейного арсенала Красной Армии. Подробнее об этом мы, впрочем, скажем далее.

Под именем национальной военной доктрины и понимался сравнительно устойчивый, но все же временный комплекс (сочетание) военных расчетов, методов, приемов, навыков, лозунгов, настроений — в соответствии со всем строем общества и, прежде всего, с характером господствующего класса.

Что такое, например, военная доктрина Англии? В ее состав, очевидно, входят (или входили): признание необходимости морской гегемонии, отрицательное отношение к постоянной сухопутной армии и к воинской повинности, или, еще точнее: признание необходимости, чтобы английский военный флот был сильнее двух следующих самых сильных флотов, вместе взятых, и тем обеспечивал возможность содержания маленькой армии на добровольческих началах. С этим было связано поддержание такого порядка в Европе, при котором ни одна из сухопутных держав не могла получить решающего перевеса на континенте.

Несомненно, что эта английская «доктрина» была самой устойчивой из всех военных доктрин. Ее устойчивость и определенность обусловливались длительным, планомерным, безостановочным развитием великобританского могущества — без таких событий и потрясений, которые радикально меняли бы мировое (или европейское, что раньше означало то же самое) соотношение сил. Сейчас, однако, это положение окончательно нарушилось. Сильнейший удар своей «доктрине» Англия нанесла во время войны, будучи вынуждена строить свою армию на основе воинской повинности. «Равновесие» на европейском континенте нарушено. Устойчивость нового соотношения сил ни в ком не вызывает доверия. Могущество Соединенных Штатов исключает возможность дальнейшего автоматического поддержания господства великобританского флота. Сейчас рано предсказывать, чем закончится вашингтонская конференция. Но совершенно очевидно, что со времени империалистической войны «военная доктрина» Великобритании стала недостаточной, несостоятельной и прямо негодной. А новой на смену еще нет. И очень сомнительно, чтобы она появилась, ибо эпоха военных и революционных потрясений и радикальной перегруппировки мировых сил ставит очень узкие пределы военной доктрине в том смысле, в каком мы ее выше определили по отношению к Англии: военная «доктрина» предполагает относительную устойчивость внешней и внутренней обстановки.

Гораздо менее определенный и устойчивый характер, даже и в прошлую эпоху, получает военная доктрина, если мы обратимся к странам европейского континента. Что составляло — хотя бы за промежуток времени между франко-прусской войной 1870—71 годов и империалистической войной 1914 г. — содержание военной доктрины Франции? Признание, что Германия есть наследственный непримиримый враг, идея реванша, воспитание армии и молодого поколения в духе этой идеи, культивирование союза с Россией, преклонение пред военной мощью царизма, наконец, поддержание, хотя и не очень уверенное, бонапартистской военной

традиции смелого наступления. Длительная эпоха вооруженного мира (с 1871 по 1914 гг.) придавала все же относительную устойчивость военно-политической ориентации Франции. Но чисто военные элементы французской доктрины были очень скудны. Война подвергла доктрину наступления жестокому испытанию. Французская армия после первых же недель зарылась в землю, и хотя истинно-французские генералы и истинно-французская пресса не уставали твердить в первый период войны, что подземная, траншейная война есть низменное немецкое изобретение и не отвечает геройскому духу французского воина, тем не менее вся война разыгралась, как позиционная борьба на истощение. В настоящее время доктрина чистого наступления, хотя и перенесена в новые уставы, но, как увидим, встречается резкий отпор в самой Франции.

Военная доктрина после-бисмарковской Германии была несравненно более агрессивной по существу, в соответствии с политикой страны, но более осторожной по стратегическим формулировкам. «Принципы стратегии ни в чем не возвышаются над здравым смыслом» — учила германская инструкция для высших военачальников. Однако, быстрый рост капиталистического богатства и народонаселения поднимал правящие верхи и прежде всего дворянско-офицерскую касту Германии на все большую высоту. Правящие классы Германии лишены были опыта деятельности в мировом масштабе, не рассчитали сил и средств, придали своей дипломатии и стратегии архи-агрессивный характер, совершенно разошедшийся со «здравым смыслом». Германский милитаризм пал жертвой своей необузданной наступательности.

Что отсюда вытекает? Что под именем национальной доктрины в прошлые эпохи понимался комплекс устойчивых руководящих дипломатических и военно-политических идей и более или менее связанных с ними стратегических директив. При чем так-называемая военная доктрина — формула военной ориентировки правящего класса данной страны в международных условиях — оказывалась тем более оформленной, чем более определенным, устойчивым и планомерным в своем развитии было внутреннее и международное положение страны.

Империалистическая война и выросшая из нее эпоха величайшей неустойчивости во всех областях совершенно вырвали почву из-под национально-военных доктрин и поставили в порядок дня необходимость быстрого учета изменяющейся обстановки, ее новых группировок и комбинаций и «беспринципного» лавирования под знаком забот и тревог сегодняшнего дня. Вашингтонская конференция открывает на этот счет поучительную картину. Совершенно неоспоримо, что сейчас, после того, как старые военные доктрины подверглись испытанию в империалистской войне, ни у одной страны не осталось таких устойчивых принципов и идей, которые можно было бы назвать национальной военной доктриной.

Можно, правда, высказать предположение, что национальные военные доктрины снова сложатся, как только определится новое мировое соотно-

щение сил и место в нем каждого отдельного государства. Однако, это предполагает ликвидацию революционной эпохи потрясений, смену ее новой эпохой органического развития. Но именно для такого предположения нет никаких оснований.

4. Общие места и пустословие.

Казалось бы, что достаточно устойчивым элементом «военной доктрины» всех капиталистических государств в нынешнюю эпоху могла бы явиться борьба против Советской России. Но и этого нет: сложность мировой обстановки, чудовищный переплет противоречивых интересов и, главное, неустойчивость социальной базы буржуазных правительств исключают возможность последовательного проведения хотя бы только одной военной «доктрины» — борьбы против Советской России. Или, точнее сказать, борьба против Советской России так часто меняет свою форму и развивается по такой линии зигзагов, что для нас смертельной опасностью было бы усыплять свою бдительность доктринерскими словечками и «формулами» международных отношений. Единственная для нас правильная «доктрина»: быть на чеку и глядеть в оба! Даже при самой грубой постановке вопроса: где ждет нас главное поле военной деятельности в ближайшие годы — на востоке или на западе, — не может быть дано безусловного ответа. Слишком сложна международная обстановка. Общий ход исторического развития ясен, но события не соблюдают очередности и назревают не по календарной программе. Практически же реагировать приходится не на «ход развития», а на факты, на события. Нетрудно предугадать такие исторические варианты, при которых мы окажемся вынужденными ангажироваться преимущественно на востоке или, наоборот, на западе, содействовать революции, ведя оборонительную войну, или, наоборот, оказаться вынужденными перейти в наступление. Только марксистский метод международной ориентировки, учета классовых сил, их комбинаций и изменений может нам позволить в каждом конкретном случае найти надлежащее решение. Общей формулы, выражающей «сущность» наших военных задач в ближайший период, придумать нельзя.

Можно, однако, — и это нередко делается — придать понятию военной доктрины более конкретное и узкое содержание, в смысле основных принципов чисто-военного дела, регулирующих все стороны военной организации, тактики и стратегии. В этом смысле можно сказать, что военная доктрина непосредственно определяет собою содержание воинских уставов. Но что же это за принципы? Некоторые доктринеры изображают дело так: нужно определить сущность и назначение армии, задачу, которая ей предстоит, и отсюда уже выводить ее организацию, ее стратегию и тактику и эти выводы закрепить в уставах. На самом деле такая постановка вопроса схоластична и безжизненна.

Какие банальности и бессодержательности понимаются под основными принципами военного искусства, видно из торжественно цитируемых слов Фоша о том, что сущность современной войны заключается в том, чтобы «найдя неприятельские армии, уничтожить их, приняв для этого направление и тактику, приводящие к цели возможно скорее и вернее». Чрезвычайно содержательно! Необыкновенно расширяет наш горизонт! В дополнение к этому остается лишь сказать, что сущность современных методов питания состоит в том, чтобы найти дырку рта, внести туда пищу и, разжевав ее с возможно меньшей затратой энергии, проглотить. Отчего бы из этого принципа, который нисколько не хуже фошевского, не попытаться вывести дедуктивным путем, какую именно пищу и как готовить, когда и кому поглощать и, главное, как эту пищу добыть.

Военное дело очень эмпирическое, очень практическое дело. Попытки возведения его в систему, где из основных принципов выводятся и полевой устав, и штаты эскадрона, и покрой шинели, являются очень рискованными упражнениями. Это хорошо понимал еще старик Клаузевиц. «Быть может — писал он — возможно написать систематическую теорию войны, исполненную мысли и содержательную, но наши до-нынешние далеки от этого. Они (не говоря даже о ненаучном их духе), гоняясь за связностью и полнотою системы, преисполнены общими местами и пустословием всякого рода».

5. Есть у нас «военная доктрина» или нет?

Итак, нужна ли нам «военная доктрина» или не нужна? Кое-кто обвинял меня в том, что я «уклоняюсь» от ответа на этот вопрос. Но, ведь, для того, чтобы ответить, нужно знать, о чем спрашивают, т.-е. что понимают под военной доктриной. Пока вопрос не поставлен ясно и осмысленно, приходится «уклоняться» от ответа. Чтобы приблизиться к правильной постановке вопроса, расчленим, после всего изложенного выше, самый вопрос на его составные части. С этой точки зрения в «военную доктрину» могут войти следующие элементы:

1. Основная (классовая) ориентировка нашей страны, представленной своим правительством, в вопросах хозяйства, культуры и пр., т.-е. во внутренней политике.

2. Международная ориентировка рабочего государства. Важнейшие линии нашей мировой политики и в связи с этим возможные театры наших военных действий.

3. Состав и строение Красной Армии в соответствии с природой рабоче-крестьянского государства и задачами его вооруженной силы.

4. Стратегическое и тактическое учение Красной Армии.

Учение об организации армии (п. 3) вместе со стратегическим учением (п. 4) и должны, очевидно, составлять военную доктрину в собственном (или в тесном) смысле слова.

Расчленение можно бы повести и далее. Так, возможно выделить из перечисленных пунктов вопросы о технике Красной Армии и постановке пропаганды в ней и пр.

Нужно ли, чтобы у правительства, у руководящей партии, у военного ведомства по всем этим вопросам были определенные воззрения? Ну, разумеется, нужно. Можно ли строить Красную Армию, не имея взглядов на то, каков должен быть ее социальный состав, как укомплектовывать офицерско-комиссарский корпус, как формировать, обучать и воспитывать части и пр.? В свою очередь, нельзя иметь ответа на эти вопросы, не разобравшись в основных, внутренних и международных задачах рабочего государства. Другими словами, военное ведомство должно иметь руководящие начала, на которых оно строит, воспитывает и реорганизуют армию.

Нужно ли (можно ли) совокупность этих начал называть военной доктриной?

На это я отвечал и отвечаю: если кто хочет совокупность принципов и практических методов Красной Армии назвать военной доктриной, то, не разделяя такого пристрастия к блеклым позументам старой официальщины, я не стану, однако, из-за этого воевать (моя уклончивость). Но если кто осмеливается утверждать, что у нас этих принципиальных начал и практических методов нет *), что наша коллективная мысль над этим не работала и не работает, то я отвечаю: вы говорите неправду, вы опьяняете себя и других пустословием. Вместо того, чтобы вопить о военной доктрине, вы предъявите ее, продемонстрируйте, покажите хоть частицу той военной доктрины, которой не достает Красной Армии. Но вся беда в том, что как только наши военные «доктринеры» от причитаний о пользе доктрины переходят к попыткам предъявить таковую или наметить хотя бы самые общие ее очертания, они либо повторяют с грехом пополам то, что было давно сказано, что вошло в сознание, что закреплено резолюциями партийных и советских съездов, декретами, положениями, уставами, инструкциями гораздо лучше и точнее, чем у наших мнимых новаторов, либо путаются, сбиваются и несут совершенно непозволительную отсебятину.

Сейчас мы это покажем на каждом из составных элементов так называемой военной доктрины в отдельности.

6. «Какую и для каких задач армию мы готовим?»

«Старая армия служила орудием классового угнетения трудящихся буржуазией. С переходом власти к трудящимся и эксплоатируемым классам возникла необходимость создания новой армии, которая явится оплотом Советской власти в настоящем, фундаментом для замены постоянной армии всенародным вооружением в ближайшем будущем и послужит поддержкой для грядущей Социалистической Революции в Европе».

---

*) Т. Соломин обвиняет нас (см. военно-научный журнал «Военная Наука и Революция») в том, что мы до сих пор не ответили на вопрос, «какую и для каких задач армию мы готовим».

Так гласит декрет Совета Народных Комиссаров от 12 января 1918 г. об образовании Красной Армии. Я очень жалею, что не могу здесь привести все то, что говорят о Красной Армии наша партийная программа и резолюции наших съездов. Настоятельно рекомендую читателю перечитать их: это полезная и поучительная литература. Там очень ясно сказано, «какую и для каких задач армию мы готовим». Что же собираются на этот счет прибавить новоявленные военные доктринеры? Вместо того, чтобы мудрствовать над перелицовкой точных и ясных формулировок, лучше заняться их пропагандистским разъяснением среди молодых красноармейцев. Это куда полезнее.

Но, скажут — и говорят — в резолюциях и декретах недостаточно подчеркнута международная роль Красной Армии и, в частности, необходимость готовиться к наступательным революционным войнам. На этом особенно настаивает Соломин. «Мы готовим классовую армию пролетариата, — пишет он там же (стр. 22) — рабоче-крестьянскую армию не только к обороне против буржуазно-помещичьей контр-революции, но и к революционным войнам (и оборонительным, и наступательным) против империалистских держав, к войнам полугражданского (?) типа, в которых наступательная стратегия может сыграть значительную роль». Таково это откровение, почти что революционное евангелие от Соломина. Но — увы, — как часто бывает с апостолами, наш автор жестоко ошибается, думая, что он открывает нечто новое. Он только плохо формулирует старое. Именно потому, что война есть продолжение политики с винтовкой в руках, для нашей партии не было и не могло быть принципиального спора о месте, какое могут и должны занять революционные войны в развитии мировой революции рабочего класса. Вопрос этот поставлен и разрешен в русской марксистской печати не со вчерашнего дня. Я мог бы привести десяток руководящих статей партийной печати, особенно со времени империалистской войны, в которых о революционной войне рабочего государства говорится, как о чем-то, само собою разумеющемся. Но я отойду еще дальше назад и приведу строки, которые мне пришлось писать в 1905—1906 годах.

«Это (развитие русской революции) с самого начала придает развертывающимся событиям интернациональный характер и открывает величайшую перспективу: политическое раскрепощение, руководимое рабочим классом России, поднимает руководителя на небывалую в истории высоту, передает в его руки колоссальные силы и средства и делает его инициатором мировой ликвидации капитализма, для которой история создала все объективные предпосылки. . . . .

«Если российский пролетариат, временно получивший в свои руки власть, не перенесет по собственной инициативе революцию на почву Европы, его вынудит к этому европейская феодально-буржуазная реакция.

«Разумеется, было бы праздным делом предопределять теперь те пути, какими русская революция перебросится в старую капиталистическую Европу: эти пути могут оказаться совершенно неожиданными. Скорее

для иллюстрации мысли, чем в виде предсказания, мы остановимся на Польше, как на соединительном звене между революционным востоком и революционным западом.

«Торжество революции в России означает неизбежно победу революции в Польше. Не трудно себе представить, что революционный режим в девяти польских губерниях русского захвата неизбежно поставит на ноги Галицию и Познань *). Правительства Гогенцоллерна и Габсбурга ответят на это тем, что стянут военные силы к польской границе, чтобы затем перешагнуть через нее и раздавить врага в его центре — Варшаве. Ясно, что русская революция не сможет оставить в руках прусско-австрийской солдатчины свой западный авангард. Война с правительствами Вильгельма II и Франца-Иосифа станет при таких условиях законом самосохранения для революционного правительства России. Какое положение займет при этом германский и австрийский пролетариат? Ясно, что он не сможет оставаться спокойным наблюдателем контр-революционного крестового похода своих национальных армий. Война феодально-буржуазной Германии против революционной России означает неизбежно пролетарскую революцию в Германии. Кому такое утверждение покажется слишком категорическим, тому мы предложим представить себе другое историческое событие, которое было бы более способно толкнуть германских рабочих и германскую реакцию на путь открытого соразмерения сил». (См. Троцкий. «Наша Революция», стр. 280).

Разумеется, события расположились не в той исторической последовательности, которая лишь примерно, для иллюстрации мысли, намечалась в этих строках 16 лет тому назад. Но основной ход развития подтвердил и подтверждает прогноз о том, что эпоха пролетарской революции неизбежно станет эпохой революционных войн, и что завоевание власти молодым русским пролетариатом неизбежно толкнет его на поле войны с силами мировой реакции. Таким образом, уже полтора десятилетия тому назад нам было в основном ясно, «какую и для каких задач армию» мы должны будем готовить.

7. Революционная политика и методизм.

Итак, насчет революционной наступательной войны для нас принципиального вопроса не существует. Но по отношению к этой «доктрине» пролетарское государство должно сказать то же, что сказал по отношению к революционному наступлению рабочих масс в буржуазном государстве (доктрина оффензивы) последний международный конгресс: только предатель может отрицать наступление; только простак может сводить к нему всю стратегию.

---

*) Напоминаю, что это писалось в 1905 г.

К сожалению, среди наших новоявленных доктринеров есть немало таких простаков наступления, которые под флагом военной доктрины пытаются внести в наш военный оборот те самые однобокие «левые» тенденции, которые ко времени III Коммунистического конгресса получили свое завершение в виде теории оффензивы: так как (!) у нас революционная эпоха, то (!) Коммунистическая партия должна вести политику оффензивы. Перевод «левизны» на язык военной доктрины означает возведение ошибки в степень. Сохраняя принципиальную основу непримиримой классовой борьбы, марксистская тактика в то же время отличается чрезвычайной гибкостью, подвижностью, или, говоря военным языком, маневренностью. Этой принципиальной выдержанности при гибкости методов и форм противостоит жесткий методизм, который из участия или неучастия в парламентской работе, из признания или отрицания соглашения с некоммунистическими партиями и организациями делает абсолютный метод, будто бы пригодный для всех и всяких обстоятельств.

Самое слово «методизм» чаще всего применяется в военно-стратегической литературе. Стремление возвести в устойчивую систему известную комбинацию действий, отвечающую определенным условиям, характеризует эпигонов, посредственных полководцев и рутинеров. Так как люди воюют не всегда, а с большими перерывами, то давление методов и приемов последней войны над сознанием военных деятелей эпохи мира представляет обычное явление. Методизм ярче всего проявляется, поэтому, в военной области. Несомненно, что ошибочные тенденции методизма находят свое выражение в потугах построения доктрины «наступательной революционной войны».

В доктрину входят два элемента: международно-политический и оперативно-стратегический, ибо речь идет, во-первых, о том, чтобы на языке войны развить наступательную международную политику, с целью ускорения революционной развязки, и, во-вторых, о том, чтобы усвоить самой стратегии Красной Армии наступательный характер. Эти два вопроса, хотя и связанные в известных отношениях, нужно, однако, расчленить.

Что мы не отказываемся от революционных войн, об этом свидетельствуют не только статьи и резолюции, но и крупные исторические факты. После того, как польская буржуазия навязала нам (весной 1920 г.) оборонительную войну, мы сделали попытку развить нашу оборону в революционное наступление. Правда, оно не увенчалось успехом. Но именно отсюда вытекает немаловажный дополнительный вывод: революционная война, неоспоримое орудие нашей политики при известных условиях, может — при других условиях — дать результат, противоположный тому, на какой была рассчитана.

В период Брест-Литовска нам пришлось впервые применять в широком масштабе политико-стратегическое отступление. Тогда многим казалось, что оно будет для нас гибельным. Но прошло всего несколько месяцев, как обнаружилось, что время хорошо поработало за нас. В феврале 1918 года уже подкопанный германский милитаризм был, однако, еще достаточно

силен, чтобы раздавить нас с нашими ничтожными в то время военными силами. В ноябре он уже рассыпался в прах. Наше брестское международно-политическое отступление было нашим спасением.

После Бреста нам пришлось вести непрерывную войну с белыми армиями и иностранными оккупационными отрядами. Эта малая война была и оборонительной и наступательной как в политическом, так и в военном отношении. В целом, однако, наша государственная международная политика за этот период была преимущественно политикой обороны и отступления (отказ от советизации прибалтийских государств, неоднократные предложения нами мирных переговоров, при нашей готовности итти на самые крупные уступки, «новая» экономическая политика, признание долгов и проч.). Мы проявляли, в частности, величайшую уступчивость по отношению к Польше, предлагая ей условия более выгодные, чем те, какие были намечены для нее странами Антанты. Усилия наши не увенчались успехом. Пилсудский напал на нас. Война получила явно оборонительный характер с нашей стороны. Этот факт в чрезвычайной степени содействовал сплочению общественного мнения не только рабочих и крестьян, но и многочисленных буржуазно-интеллигентских элементов. Успешная оборона естественно развернулась в победоносное наступление. Мы, однако, переоценили революционность внутреннего положения Польши в тот период. Эта переоценка нашла свое выражение в чрезвычайной, т.-е. несоразмерной с рессурсами, наступательности нашей операции. Мы шли вперед слишком налегке, и результат известен: мы были отброшены.

Почти одновременно с этим могучая революционная волна в Италии разбилась — не столько о сопротивление буржуазии, сколько о предательскую пассивность руководящих рабочих организаций. Неудача нашего августовского похода на Варшаву и разгром сентябрьского движения в Италии изменили соотношение сил в пользу буржуазии во всей Европе. В политическом положении буржуазии проявляется с этого времени больше устойчивости, в ее поведении — больше уверенности. Попытка немецкой коммунистической партии искусственной генеральной оффензивой ускорить развязку не дала и не могла дать желаемого результата. Революционное движение обнаружило более медленный темп, чем мы ожидали в 18—19 гг. Социальная почва остается, однако, минированной. Торгово-промышленный кризис принимает чудовищные размеры. Резкие переломы политического развития, в форме революционных взрывов, вполне возможны в самом недалеком будущем. Но, в общем, развитие получило более затяжной характер. Третий конгресс Интернационала призвал коммунистические партии к тщательной и упорной подготовке. Во многих странах коммунистам пришлось проделать значительные стратегические отступления, отказавшись от непосредственного разрешения тех боевых задач, которыми они задавались недавно. Инициатива наступления временно перешла в руки буржуазии. Работа коммунистических партий имеет сейчас, по преимуществу, оборонительный и организационно-подготовительный характер. Наша рево-

люционная оборона остается, как всегда, эластичной и упругой, то-есть способной при соответственной перемене условий превратиться в контрнаступление, которое в свою очередь может завершиться решающей битвой.

Неудача похода на Варшаву, победа буржуазии в Италии, временный отлив в Германии заставили нас проделать крутое отступление, которое началось с рижского договора и остановилось на условном признании царских долгов.

В области хозяйственного строительства мы, за тот же период, совершили не меньшее отступление: допущение концессий, уничтожение хлебной монополии, сдача в аренду многочисленных промышленных предприятий и пр. Основной причиной этих последовательных отступлений является факт продолжающегося капиталистического окружения, т.-е. относительной устойчивости буржуазного режима.

Чего же собственно хотят те глашатаи военной доктрины (мы называем их для краткости доктринерами — они этого заслужили), которые требуют, чтобы мы ориентировали Красную Армию под углом зрения наступательной революционной войны? Хотят ли они голого признания принципа? Тогда они ломятся в открытую дверь. Или же они считают, что в международной или в нашей внутренней обстановке наступили такие условия, которые ставят для нас наступательную революционную войну в порядке сегодняшнего дня? Но тогда наши доктринеры должны направить свои удары не по военному ведомству, а по нашей партии и по Коммунистическому Интернационалу, ибо не кто другой, как мировой конгресс, этим летом дал отпор наступательной революционной стратегии, как несвоевременной, призвал все партии к тщательной подготовительной работе и одобрил, как вытекающую из обстоятельств, оборонительно-маневренную политику Советской России.

Или, может быть, кое-кто из наших доктринеров считает, что в то время, как «слабые» коммунистические партии в буржуазных государствах должны вести подготовительную работу, «всемогущей» Красной Армии надлежит развернуть наступательную революционную войну? Может быть, и впрямь некоторые нетерпеливые стратеги собираются переложить тяжесть международного или хотя бы только европейского «последнего решительного боя» на плечи Красной Армии? Кто всерьез проповедует такую политику, тому уж лучше повесить себе жернов на шею и поступить согласно дальнейшему евангельскому указанию.

8. Воспитание «в духе» наступления.

Пытаясь выпутаться из противоречий наступательной доктрины в эпоху оборонительного отступления, т. Соломин придает «доктрине» революционной войны... воспитательное значение. Сейчас, признает он, мы действительно заинтересованы в мире и будем его всячески отстаивать. Но, несмотря на нашу оборонительную политику, революционные войны неизбежны. Мы к ним должны готовиться, а, следовательно, и воспитывать

наступательный «дух» на предмет будущей потребности. Наступление надо, следовательно, понимать не во плоти, а в духе и истине. Другими словами, наряду с мобилизационным запасом сухарей т. Соломин хочет иметь мобилизационный запас наступательного энтузиазма. Час от часу не легче. Если выше мы видели у нашего суровейшего критика непонимание методов революционной стратегии, то здесь мы констатируем непонимание законов революционной психологии.

Мы нуждаемся в мире не по соображениям доктрины, а потому, что трудящиеся устали от войны и лишений. Наши усилия направлены на то, чтобы отстоять для рабочих и крестьян возможно длительный период мира. Мы выясняем самой армии, что не можем демобилизоваться только потому, что нам грозят новые нападения. Из этих условий Соломин делает тот вывод, что мы должны «воспитывать» Красную Армию в идеологии наступательной революционной войны. Какой идеалистический взгляд на «воспитание»! «Мы не в силах воевать и не собираемся воевать, но должны быть готовыми, — меланхолически мудрит т. Соломин, — а потому готовиться к наступлению, — такова противоречивая формула, к которой мы пришли». Формула действительно противоречивая. Но если Соломин думает, что это «хорошее» противоречие, диалектическое, то он ошибается: это просто путаница.

Наша внутренняя политика в последний период имела одной из важнейших своих задач сближение с крестьянином. Особенно остро вопрос о крестьянстве встает перед нами в армии. Думает ли Соломин серьезно, что теперь, когда непосредственная помещичья опасность устранена, а европейская революция остается потенциальной, мы можем сплотить более чем миллионную, на девять десятых крестьянскую армию под знаменем наступательной войны во имя развязки пролетарской революции? Такого рода пропаганда была бы мертва.

Конечно, мы ни на минуту не собираемся скрывать от трудящихся, в том числе и от Красной Армии, что принципиально мы всегда будем за наступательно-революционную войну в тех условиях, когда она может содействовать освобождению трудящихся в других странах. Но думать, что на этом принципиальном заявлении можно создать или «воспитать» действенную идеологию Красной Армии в нынешних условиях, значит не понимать ни Красной Армии, ни нынешних условий. В самом деле, каждый толковый красноармеец не сомневается, что, если на нас зимой и весной никто не нападет, то мы-то уж во всяком случае не нарушим мира, а будем изо всех сил залечивать раны, пользуясь передышкой. В нашей истощенной стране мы учимся военному делу, вооружаемся, строим большую армию, для того, чтобы обороняться, если на нас нападут. Вот эта «доктрина» — ясная, простая и отвечающая действительности.

Именно потому, что мы так ставили вопрос весной 1920-го года, каждый красноармеец твердо усвоил себе, что буржуазная Польша навязала нам войну, которой мы не хотели и от которой мы стремились огра-

дить народ величайшими уступками. Именно из этого сознания выросло величайшее возмущение против врага и ненависть к нему. Именно благодаря этому война, начавшись, как оборонительная, могла развернуться, как наступательная.

Противоречие между оборонительной пропагандой и наступательным — в конечном счете — характером войны является «хорошим», жизненным, диалектическим противоречием. И у нас нет никакого основания изменять характер и направление нашей военно-воспитательной работы в угоду путаникам, хотя бы и говорящим во имя военной доктрины.

Когда говорят о революционных войнах, то вдохновляются чаще всего воспоминанием о войнах великой французской революции. Там тоже начали с обороны, на обороне создали армию, затем перешли в наступление. Под звуки марсельезы вооруженные санкюлоты революционным помелом прошлись по всей Европе.

Исторические аналогии — дело очень соблазнительное. Прибегать к ним нужно, однако, с осторожностью. Иначе за формальными чертами сходства можно проглядеть материальные черты различия. Франция в конце XVIII столетия была самой богатой и самой цивилизованной страной европейского континента. Россия XX столетия является самой бедной и самой отсталой страной Европы. Революционная задача французской армии имела гораздо более поверхностный характер, чем те революционные задачи, которые стоят перед нами сейчас: тогда дело шло о низвержении «тиранов», об устранении или смягчении феодального крепостничества. Ныне дело идет о полном уничтожении эксплоататорства и классового гнета.

Но и в отношении буржуазно-революционных задач роль оружия Франции, т.-е. передовой страны по отношению к отсталой Европе, оказалась очень ограниченной и преходящей. К моменту падения бонапартизма, выросшего из революционной войны, Европа вернулась к своим королям и феодалам.

В той гигантской классовой борьбе, которая разыгрывается ныне, роль военного вмешательства извне может иметь только сопутствующее, содействующее, вспомогательное значение. Военное вмешательство может ускорить развязку и облегчить победу. Но для этого нужно, чтобы революция созрела не только в социальных отношениях, — это уже есть, — но и в политическом сознании. Военное вмешательство, как щипцы акушера: примененное во-время, оно способно облегчить родовые муки; пущенное в ход преждевременно, оно может дать лишь выкидыш.

9. Стратегическое и техническое содержание «военной доктрины» (маневренность).

Сказанное до сих пор относится не столько к самой Красной Армии, к ее строению и методам действий, сколько к тем политическим задачам, какие ей ставит рабочее государство.

Подойдем теперь к военной доктрине в более узком смысле слова. Мы слышали от тов. Соломина, что до тех пор, пока мы не утвердим доктрины наступательной революционной войны, мы будем путаться и сбиваться в организационных, военно-педагогических, стратегических и иных вопросах. Однако, этого общего места нам маловато. Вместо того, чтобы повторять, что из хорошей доктрины должны воспоследовать хорошие практические выводы, отчего бы не попробовать эти выводы предъявить. Увы! Как только наши доктринеры пытаются подойти к выводам, они преподносят нам либо беспомощный пересказ задов, либо вреднейшую отсебятину.

Энергичнее всего наши новаторы пытаются укрепить якорь военной доктрины в области оперативных вопросов. Стратегически Красная Армия, по их заявлениям, принципиально отличается от всех других армий, так как в нашу эпоху позиционной неподвижности основными чертами операций Красной Армии являются: маневренность и наступательность.

Несомненно, что операции гражданской войны отличаются чрезвычайной маневренностью. Но нужно со всей точностью поставить вопрос: вытекает ли маневренность Красной Армии из ее внутренних свойств, классовой природы, революционного духа, боевого порыва, — или же из объективных условий: огромности военных театров и относительной малочисленности войск? Этот вопрос имеет немаловажное значение, если допустить, что революционные войны будут вестись не только на Дону и на Волге, но и на Сене, на Шельде и на Темзе.

Но вернемся пока к родным рекам. Отличалась ли маневренностью только Красная Армия? Нет, стратегия белых сплошь маневренная. Их войска были в большинстве случаев слабее наших количественно и морально, но выше по военной квалификации. Отсюда необходимость маневренной стратегии выростала прежде всего для белых. Мы у них учились этой маневренности на первых порах. В последний период гражданской войны мы всегда имели маневр против маневра. Наконец, наибольшей маневренностью отличались действия отрядов Унгерна и Махно — этих бандитских вырождений гражданской войны. Какой отсюда вывод? Маневренность свойственна не революционной армии, а гражданской войне, как таковой.

Операции в национальных войнах сопровождаются страхом перед пространством. Оторвавшись от базы, от своих, от области своего языка, армия или отряд попадает в абсолютно чуждую среду, где не найдет ни опоры, ни прикрытия, ни помощи. В гражданской войне каждая из сторон найдет в тылу противника в большей или меньшей степени сочувствие и поддержку. Национальные войны ведутся (по крайней мере, велись) тяжеловесными массами с использованием всех национально-государственных рессурсов обеих сторон. Гражданская война означает раздвоение сил и средств потрясенной революцией страны и ведется, особенно на первых порах,

инициативным меньшинством каждой стороны, следовательно, более или менее жидкими и потому подвижными массами и потому гораздо больше зависит от импровизации и случайностей.

Маневренность характеризует гражданскую войну в обоих лагерях. Нельзя, следовательно, маневренность считать особым выражением революционного характера Красной Армии.

В гражданской войне мы победили. У нас нет никакого основания сомневаться в том, что перевес стратегического руководства был на нашей стороне. В последнем счете, однако, победа была обеспечена энтузиазмом и самоотвержением рабочего авангарда и поддержкой крестьянской массы. Но эти условия не создаются Красной Армией, а представляют собой исторические предпосылки ее возникновения, развития и успехов.

Тов. Варин в журнале «Военная Наука и Революция» [52] говорит о том что подвижность наших войск превосходит все исторические прецеденты. Это очень интересное утверждение. Желательно было бы его тщательно проверить. Несомненно, что исключительная быстрота продвижения, требующая выносливости и самоотвержения, обусловливалась революционным духом армии, тем порывом, какой вносили в нее коммунисты. Вот интересная работа для слушателей нашей Военной Академии: сравнить походы Красной Армии с точки зрения расчетов движения с другими историческими примерами, в частности, с походами армий великой французской революции. С другой стороны, надо сравнить те же элементы у красных и белых в нашей гражданской войне. Когда мы наступали, они отступали, и наоборот. Действительно ли мы проявили в среднем большую выносливость в переходах, и в какой мере она явилась одним из факторов нашей победы? Что в отдельных случаях коммунистическая закваска могла дать сверхчеловеческое напряжение сил, это бесспорно. Но обнаруживается ли этот результат на целой кампании, в течение которой должны были сказаться пределы физиологической емкости организма — это подлежало бы особому обследованию. Такое исследование не обещает, конечно, опрокинуть вверх дном всю стратегию. Но оно, несомненно, обогатит наше познание природы гражданской войны и революционной армии некоторыми ценными фактическими данными.

Стремление закрепить и возвести в догмат те черты стратегии и тактики Красной Армии, которые характеризовали ее в прошлый период, могло бы нанести величайший ущерб и даже стать роковым. Уже заранее можно сказать, что операции Красной Армии на азиатском материке — если бы им там суждено было развернуться — имели бы по необходимости глубоко маневренный характер. Важнейшую, а в некоторых случаях и единственную роль пришлось бы играть коннице. Но, с другой стороны, нет никакого сомнения в том, что военные действия на западном театре имели бы гораздо более связанный характер. Операции на территории с другим по национальному составу и более плотным населением, — при более высоком отношении численности армии к территории — несомненно,

приблизили бы войну к позиционной и во всяком случае свели бы маневренную свободу к несравненно более узким границам.

Признание недоступности для Красной Армии защиты укрепленных пунктов (Тухачевский) в общем и целом правильно подводит уроки прошлого периода, но ни в каком случае не может быть признано безусловным указанием для будущего. Защита укрепленных пунктов требует крепостных войск или, вернее, войск высокого уровня, сплоченных опытом и уверенных в себе. В прошлый период мы это только накопляли. Каждый полк в отдельности и вся армия в целом были живой импровизацией. Можно было обеспечить подъем, порыв — и мы этого достигали, но нельзя было искусственно создать необходимую рутину, автоматическую спайку, уверенность соседних частей во взаимной выручке. Нельзя было приказом создать традиции. Теперь это в значительной мере есть и будет накопляться чем дальше, тем больше. Этим самым заложены предпосылки как для лучшего ведения маневренных операций, так, в случае нужды, и для позиционных действий.

Надо отказаться от попыток строить абсолютную революционную стратегию, беря для нее элементы из ограниченного опыта трехлетней гражданской войны, где части определенного качества сражались в определенных условиях. От этого очень хорошо предостерегал Клаузевиц.

«Совершенно естественно, — писал он, — что в революционных войнах (Франции) оказался такой, а не иной способ сражаться, — способ, который теория вперед предвидеть не могла. Но зло состоит в том, что эти способы, построенные на данных условиях, легко могут пережить сами себя; они остаются неизменными в то время, когда обстоятельства понемногу совершенно изменились. От этого именно должна предохранить ясная и разумная критика. Такому методизму подчинялись в 1806 г. прусские генералы» и пр. Увы! — не одни только прусские генералы склонны к методизму, то-есть к шаблону и трафарету.

10. Наступление и оборона в свете империалистской войны.

Второй специфической чертой революционной стратегии объявляется наступательность. Попытка построения на этом доктрины представляется тем более односторонней, что в эпоху, предшествовавшую мировой войне, стратегия наступления культивировалась в отнюдь не революционных штабах и военных академиях почти всех больших стран Европы. Вопреки тому, что пишет т. Фрунзе *), наступление было (да формально остается еще и сейчас) официальной доктриной Французской республики. Жорес неутомимо боролся против доктринерства чистого наступления, противопоставляя ему пацифистское доктринерство чистой обороны. Крутая реакция против традиционной официальной доктрины французского гене-

*) См. цитированную статью в «Нови».

рального штаба наступила в результате последней войны. Небесполезно будет здесь привести два ярких свидетельства. Французский военный журнал «Ревю Милитэр Франсэз» (1-е сентября 1921 г., стр. 336) приводит следующее положение, включенное французским генеральным штабом в 1913 году в заимствованный у немцев «Устав о ведении боевых действий крупными единицами». «Уроки прошлого,—читаем мы здесь,—принесли свои плоды: французская армия, вернувшись к своим традициям, не допускает отныне в ведении операций другого закона, кроме наступления». «Этот закон — говорит журнал, — введенный вскоре затем в наши уставы по общей тактике и частной тактике отдельных родов оружия, должен был лечь в основу всей нашей военной науки, которая внедрялась в сознание как слушателей нашего Генерального Штаба, так и нашего командования при помощи собеседований, практических упражнений на карте или в поле и, наконец, путем так называемых больших маневров».

«Это обстоятельство, — продолжает военный журнал, — вызвало в то время такое увлечение знаменитым законом наступления, что всякий, кто дерзнул бы выступить с какой-нибудь оговоркой в пользу обороны, встретил бы очень плохой прием. Чтобы быть хорошим слушателем Генерального Штаба, было необходимо, хотя и недостаточно, беспрестанно спрягать глагол атаковать».

Консервативный «Журналь де Деба», в № от 5 октября 1921 г. подвергает под тем же углом зрения резкой критике вышедший этим летом устав пехотных маневров. «В начале этой отличной книжки, — говорит газета, — излагается целый ряд принципов, выставляемых, как официальная военная доктрина 1921 года. Эти принципы превосходны; но почему составители отдали дань старому обычаю, почему первую страницу они посвящают прославлению наступления? Почему на самом видном месте они выставляют следующую аксиому: «Тот, кто нападает первым, действует на психологию противника обнаружением воли, более сильной, чем воля последнего».

Проанализировав опыт двух выдающихся моментов борьбы на французском фронте, газета говорит: «Наступление может подействовать только на психологию противника, лишенного средств или слабого в такой степени, на какую никогда нельзя рассчитывать. На противника, сознающего свою силу, атака вовсе не производит угнетающего действия. В факте неприятельского наступления он отнюдь не видит обнаружения воли, более сильной, чем его собственная. Если оборона сознательно задумана и подготовлена, как в августе 14-го года (немцами) или как в июле 18-го года (французами), тогда, наоборот, обороняющийся считает, что его воля сильнее потому, что противник попадает в западню».

«Вы делаете странную психологическую ошибку, — продолжает военный критик, — опасаясь пассивности француза и его пристрастия к обороне. Француз всегда готов броситься в наступление — будь то первым

или вторым, в наступление, как следует организованное. Но не рассказывайте ему больше сказок из тысячи одной ночи о господине, который атакует первым, обладая более сильной волей».

«Одним фактом наступления еще не обеспечивается успех. Оно бывает успешно, когда для него собраны всевозможные средства, превосходящие средства противника. Ибо в конце-концов побеждает всегда тот, кто оказывается более сильным в момент борьбы».

Конечно, можно попытаться отвести этот вывод, как вытекающий из опыта позиционной войны. На самом же деле он вытекает из маневренной войны с еще большей непосредственностью и очевидностью, хотя и в ином виде. Маневренная война есть война больших пространств. В стремлении истребить живую силу врага она не дорожит пространством, Ее подвижность выражается не только в наступлении, но и в отступлении, которое есть только перемена позиции.

11. Наступательность, инициативность и активность.

В первый период революции красные войска вообще уклонялись от наступления, предпочитая братание и разговоры. В период, когда революционная идея стихийно разливалась по стране, этот метод был очень действителен. Белые в тот период, наоборот, пытались форсировать наступления, чтобы удержать свои войска от революционного распада. Даже и после того, как разговоры перестали быть важнейшим рессурсом революционнной стратегии, белые продолжали отличаться большей наступательностью, чем мы. Только постепенно красные войска развили в себе активность и уверенность, обеспечивающие возможность решительных действий. Маневренность чрезвычайно характеризует дальнейшие операции Красной Армии. Конные рейды являются наиболее ярким выражением этой маневренности. Однако же рейдам нас научил Мамонтов. У белых же мы учились быстрым прорывам, охватам, проникновению в тыл противника. Вспомним-ка! Против белых отрядов мы первое время пытались охранять Советскую Россию кордоном, держась друг за друга. Только потом, научась у врага, смыкались в кулаки и придавали этим кулакам подвижность, посадили рабочих на коней, научились совершать крупные конные налеты. Уже это маленькое усилие памяти достаточно, чтобы понять, как неосновательно, односторонне, теоретически и практически фальшиво звучит «доктрина», будто революционной армии, как таковой, свойственна маневренная наступательная стратегия. В известной обстановке она соответствует больше всего контр-революционной армии, которая недостаток количества вынуждена возмещать работой квалифицированных кадров.

Именно в маневренной войне разница между обороной и наступлением чрезвычайно стирается. Маневренная война есть война в движении.

целью движений является истребление живой силы противника на 100 верст дальше или ближе. Маневр обещает победу, если сохраняет в наших руках инициативу. Основными чертами маневренной стратеги являются не формальная наступательность, а инициативность и активность.

Та мысль, что Красная Армия в каждый данный момент решительно наступала на важнейшем фронте, временно ослабляя себя на остальных фронтах, и что именно этим ярче всего характеризуется ее стратегия за время гражданской войны (статья т. Варина), верна по существу, но односторонне выражена и потому не дает всех необходимых выводов. Наступая на одном фронте, который мы в данный момент, по политическим или военным соображениям, считали важнейшим, мы ослабляли себя на других фронтах, считая возможным обороняться и отступать на них. Но ведь это именно и свидетельствует, — странно, как этого не замечают! — что в общий наш оперативный замысел отступление входило на ряду с наступлением, как необходимое звено. Те фронты, где мы, обороняясь, отступали, были только участками общего нашего кольцеобразного фронта. На этих участках сражались части той же Красной Армии, ее бойцы и командиры, и если свести всю стратегию к наступлению, то очевидно, что войска на тех фронтах, где мы ограничиваемся обороной и даже отступаем, должны бы поддаться упадку и деморализации. В работу воспитания войск должна, очевидно, входить идея, что отступление не есть бегство, что бывает стратегическое отступление, вызываемое то стремлением сохранить в неприкосновенности живую силу, то сократить фронт, то глубже завлечь врага, чтобы тем вернее его раздавить. А раз законно стратегическое отступление, стало быть, неправильно сводить всю стратегию к наступлению. Особенно это ясно и неоспоримо — повторяем — именно по отношению к маневренной стратегии. Очевидно, маневр есть сложная комбинация движений и ударов, перебросок, маршей и боев — с окончательной целью раздавить врага. Но если из маневра исключить стратегическое отступление, то очевидно, что стратегия примет чрезвычайно прямолинейный характер, т.-е. перестанет быть маневренной.

12. Тоска по устойчивым схемам.

«Какую же и для чего мы строим армию? — спрашивает т. Соломин. — Иначе говоря: какие враги нам угрожают и какими стратегическими путями (оборона или наступление) мы наиболее быстро и экономично справимся с ними?» («Военная Наука и Революция» № 1, стр. 19).

Эта постановка вопроса ярче всего свидетельствует, что мысль самого Соломина, который вещает о новой военной доктрине, находится целиком в плену у методов и предрассудков старого доктринерства. У австро-венгерского генерального штаба (как и у других) имелись в течение десятилетий разработанные варианты войны: вариант «и» (против Италии)

и вариант «р» (против России) и соответственные комбинации этих вариантов. Численность итальянских и русских войск, их вооружение, условия мобилизации, стратегического сосредоточения и развертывания были в этих вариантах величинами, если не постоянными, то устойчивыми. Таким образом, австро-венгерская «военная доктрина», опираясь на определенные политические предпосылки, твердо знала, какие враги угрожают империи Габсбургов, и из года в год размышляла над тем, как с этими врагами «экономично» справиться. Мысль работников Генерального Штаба во всех странах текла по определенному руслу «вариантов». На изобретение лучшей брони у будущего неприятеля отвечали усилением артиллерии и наоборот. Воспитанным в этой традиции рутинерам должно быть очень не по себе в условиях нашего военного строительства. «Какие враги нам угрожают?», т.-е., где наши генерально-штабские варианты будущих войн? И какими стратегическими путями (оборона или наступление) мы собираемся осуществить предначертанные варианты? Читая статью Соломина, невольно вспоминаю юмористическую фигуру начетчика военной доктрины, генерала генерального штаба Борисова. Какой бы вопрос ни обсуждался, Борисов неизменно поднимал два пальца, чтобы иметь возможность сказать: «Вопрос этот может быть разрешен только в кругу других вопросов военной доктрины, а посему прежде всего надо установить должность начальника генерального штаба». Из чрева этого начальника генерального штаба должно произрасти древо военной доктрины и принести все необходимые плоды, примерно, как это произошло в древности с дочерью восточного царя. Соломин, подобно Борисову, вздыхает в сущности об утерянном рае устойчивых предпосылок «военной доктрины», когда известно было за десять, за двадцать лет, какие враги, откуда и как угрожают. Соломину, как и Борисову, нужен универсальный начальник генерального штаба, который собрал бы воедино черепки разбитой посуды, поставил на полку и наклеил ярлыки: вариант «и», вариант «р» и пр. и пр. Может быть, Соломин назовет нам заодно и ту универсальную голову, которую он имеет в виду? Что касается нас, то мы — увы, такой головы не знаем, и даже думаем, что ее не может быть, ибо задачи ей ставятся неосуществимые. Говоря на каждом шагу о революционных войнах и о революционной стратегии, Соломин как раз и проглядел **революционный характер** нынешней **эпохи**, порождающий полное нарушение устойчивости как в международных, так и во внутренних отношениях. Германия, как военная держава, не существует. Тем не менее, французский милитаризм вынужден лихорадочными глазами следить за самыми незначительными событиями и изменениями во внутренней жизни Германии и на ее границах: а вдруг Германия поставит на ноги несколько миллионов человек? Какая Германия? Может быть это будет Германия Людендорфа? Но, может быть, эта Германия только даст толчок, который будет смертельным для нынешнего гнилого полуравновесия, и расчистит путь Германии Либкнехта и Люксембург? Сколько

«вариантов» нужно иметь генеральному штабу? Сколько планов войны нужно иметь, чтобы «экономично» справиться со всеми опасностями?

У меня в архиве есть не мало докладных записок и толстых, и тонких, и средних, ученые авторы которых с любезным педагогическим терпением разъясняли нам, что уважающая себя держава должна завести определенные, урегулированные отношения, уяснить заранее своих возможных врагов, завести подходящих союзников, или, по крайней мере, нейтрализовать всех, кого можно. Ибо — разъясняли эти докладчики, — нельзя готовиться «в темную» к будущим войнам; нельзя определить ни численности армии, ни ее штатов, ни ее расположения. Под этими докладами я не помню подписи Соломина, но мысли его были. Авторы все, как на зло, были борисовской школы.

Международная и в том числе международно-военная ориентировка сейчас потруднее, чем в эпоху тройственного союза и тройственного согласия. Но тут уж ничего не поделаешь: эпоха величайших в истории потрясений, военных и революционных, нарушила кое-какие варианты и шаблоны. Устойчивой, традиционной, консервативной ориентировки не может быть. Ориентировка должна быть бдительной, подвижной и ударной, если хотите — маневренной. Ударной — не значит наступательной, а значит строго отвечающей сегодняшней комбинации международных отношений и сосредоточивающей на сегодняшней задаче максимум сил.

Ориентировка в нынешних международных условиях требует гораздо более квалифицированной работы мысли, чем выработка консервативных элементов военной доктрины в прошлую эпоху. Но зато и работа эта выполняется в гораздо более широком масштабе и с применением гораздо более научных методов. Основная работа по оценке международного положения и вытекающих отсюда для пролетарской революции и Советской Республики задач выполняется партией, ее коллективной мыслью, и в директивных формах — ее съездами и ее центральным комитетом. Мы имеем в виду не только Российскую Коммунистическую Партию, но и нашу международную партию. Какими педантскими кажутся требования Соломина составить каталог наших врагов и определить, будем ли мы и на кого именно наступать, в сравнении с той работой по оценке всех сил революции и контр-революции, в их сегодняшнем состоянии и в их развитии, какую сделал последний конгресс Коммунистического Интернационала! Какой же вам еще «доктрины»?

Тов. Тухачевский обращался к Коммунистическому Интернационалу с предложением устроить при нем международный генеральный штаб [53]. Конечно, это предложение было неправильно, не отвечало обстановке и задачам, какие формулировал сам конгресс. Если сам Коммунистический Интернационал мог быть фактически создан лишь после того, как в важнейших странах создались сильные коммунистические организации, тем более международный генеральный штаб мог бы возникнуть только на основе национальных генеральных штабов н е с к о л ь к и х пролетарских государств. Пока этого

нет, международный штаб неизбежно превратился бы в карикатуру. Тухачевский счел необходимым свою ошибку усугубить, напечатав свое письмо в конце своей интересной книжки «Война классов». Это ошибка того же порядка, как и стремительный теоретический натиск тов. Тухачевского на милицию, будто бы стоящую в противоречии с Третьим Интернационалом. Необеспеченные наступления представляют вообще, — заметим мимоходом,— слабую сторону тов. Тухачевского, одного из даровитейших наших молодых военных работников.

Но и без не отвечающего обстановке и потому прожектерского международного Штаба, сам международный Конгресс, как представительство революционных рабочих партий, выполнил и через свой Исполнительный Комитет продолжает выполнять основную идейную работу «Генерального Штаба» международной революции: учет друзей и врагов, нейтрализацию колеблющихся с целью дальнейшего их привлечения на сторону революции, оценку изменяющейся ситуации, определение ударных задач, сосредоточение на них усилий в международном масштабе.

Выводы этой ориентировки очень сложны. Они не укладываются в несколько штабных вариантов. Но уж такова наша эпоха. Преимущество нашей ориентировки в том и состоит, что она отвечает характеру эпохи и ее отношений. По этой ориентировки мы равняемся и в нашей военной политике. Она имеет сейчас активно-выжидательный, оборонительный, подготовительный характер. Более всего мы при этом озабочены тем, чтобы обеспечить за нашей военной идеологией, за нашими методами и нашим аппаратом такую упругую гибкость, которая позволяла бы нам, при всяком повороте событий, сосредоточить главные силы на главном направлении.

13. Дух обороны и дух наступления.

Но, ведь, «нельзя одновременно воспитывать в духе обороны и в духе наступления» — говорит Соломин (стр. 22). Вот это-то и есть доктринерство. Почему нельзя? Кто сказал, что нельзя? Где и кем это доказано? Никем и нигде, ибо это в корне неверно. Все искусство нашего военного строительства (не только военного) в Советской России состоит в том, чтобы сочетать международные революционно-наступательные тенденции пролетарского авангарда с революционно-оборонительными тенденциями крестьянской массы и даже широких кругов самого рабочего класса. Это сочетание отвечает всей международной обстановке. Уясняя смысл ее передовым элементам армии, мы тем самым научаем их правильно сочетать оборону и наступление не в стратегическом только, а в революционно-историческом смысле слова. Не думает ли Соломин, что это угашает «дух»? У него и его единомышленников есть на это намеки. Но уж это чистейшая лево-эсэровщина! Уяснение существа международной и внутренней обстановки, и активное, «маневренное» к ней приспособление, не могут угашать дух, а могут только закалять его.

Или, быть может, в чисто военном смысле нельзя готовить армию и для обороны, и для наступления? Но и это пустяки. Тухачевский подчеркивает в своей книжке ту мысль, что оборона в гражданской войне не могла или почти не могла иметь позиционной устойчивости. Отсюда Тухачевский делает тот правильный вывод, что оборона в таких условиях должна иметь по необходимости активный и маневренный характер так же, как и наступление. Если мы слишком слабы для нападения, мы стремимся вырваться из объятий противника, чтобы затем собраться в кулак на его дальнейшем пути и ударить его по больному месту. Неверно до нелепости утверждение Соломина, будто армия дрессируется по специальности — для обороны или для нападения. На самом деле, армия обучается и воспитывается для борьбы и победы. Оборона и наступление входят переменными моментами в борьбу, тем более маневренную. Кто хорошо обороняется там, где нужно обороняться, и хорошо наступает там, где нужно наступать, тот побеждает. Вот единственно здоровое воспитание, которое мы должны дать нашей армии, прежде всего, в лице ее командного состава. Ружье со штыком годится для обороны и нападения. Точно так же и рука бойца. Сам боец и часть, в которую он входит, должны быть подготовлены для борьбы, для отстаивания себя, для отпора врагу, для разгрома врага. Хорошо наступает тот полк, который умеет обороняться. Хорошая оборона доступна только полку, желающему и умеющему наступать. Уставы должны учить драться, а не натаскивать на наступление.

Революционность есть состояние духа, а не готовый ответ на все вопросы. Она может дать подъем, обеспечить порыв. Подъем и порыв — драгоценнейшее условие успеха, но не единственное. Нужна ориентировка, нужна выучка. А доктринерские шоры долой!

14. Ближайшие задачи.

Неужели же в сложном переплете международных отношений не выделяются более ясные и отчетливые элементы, по которым мы должны были бы равняться в нашей военной работе ближайших месяцев?

Такие элементы есть, и они слишком громко говорят за себя, чтобы их можно было почитать секретными. На Западе это — Польша и Румыния, а за их спиной — Франция. На Дальнем Востоке это — Япония. Вокруг да около Кавказа — Англия. Остановимся здесь только на вопросе о Польше, как наиболее ярком и вразумительном.

Французский министр-президент Бриан заявил в Вашингтоне, будто мы готовим к весне наступление на Польшу. У нас не только каждый командир и красноармеец, но каждый рабочий и крестьянин знает, что это чистейший вздор. Знает это, конечно, и сам Бриан. Мы до сих пор так дорого платили большим и малым бандитам за то, чтобы они хоть временно оставили нас в покое, что только для прикрытия дьявольского замысла против нас можно говорить о «плане» нашего наступления на Польшу. Какова же наша действительная ориентировка в отношении Польши?

Мы твердо, настойчиво, не на словах, а на деле, — и прежде всего, строжайшим выполнением рижского договора — доказываем польским народным массам, что мы хотим мира и тем самым содействуем его сохранению.

Если, тем не менее, польская военная клика, подталкиваемая французской биржевой кликой, обрушится на нас весной, война с нашей стороны будет иметь и по существу, и в народном сознании, действительно оборонительный характер. Именно это ясное и отчетливое сознание нашей правоты в навязанной нам войне придаст высшую спайку всем элементам армии: и передовому пролетарию — коммунисту, и беспартийному, но преданному Красной Армии специалисту, и отсталому красноармейцу — крестьянину, и тем лучше всего подготовит нашу армию к инициативному и самоотверженному наступлению в этой оборонительной войне. Кому эта политика кажется неопределенной, условной, кому неясно, «какую и для каких задач армию мы готовим», кто думает, что «нельзя одновременно воспитывать и в духе обороны, и в духе наступления», тот ничего не понимает, тому лучше молчать, и не мешать другим!..

Но если в мировой обстановке мы наблюдаем столь сложные сочетания факторов, то как же нам всетаки практически ориентироваться в военном строительстве? Какой численности иметь армию? В каких соединениях? С какой дислокацией?

Все эти вопросы не допускают какого-либо абсолютного решения. Речь может итти только об эмпирических приближениях и о своевременных к ним поправках в зависимости от перемены обстановки. Только безнадежные доктринеры думают, что ответы на вопросы мобилизации, формирования, обучения, воспитания, стратегии и тактики можно получить дедуктивным, формально-логическим путем из предпосылок священной «военной доктрины». Не магических, всеспасающих военных формул не хватает нам, а более тщательной, внимательной, точной, бдительной, добросовестной работы на тех основах, которые нами уже прочно заложены. Наши уставы, наши программы, наши штаты несовершенны. Это бесспорно. Прорех, неправильностей, устарелого, незаконченного—сколько угодно. Это нужно исправлять, улучшать, уточнять. Но как и под каким углом зрения?

Нам говорят, что в основу пересмотра и исправлений нужно положить доктрину наступательной войны. «Эта формула означает — пишет Соломин—самый решающий (!) поворот (в строительстве Красной Армии); приходится пересмотреть все (!) сложившиеся у нас взгляды, произвести полную (!) переоценку ценностей с точки зрения перехода от чисто оборонительной стратегии к наступательной. Воспитание командного состава, подготовка одиночного бойца... вооружение — все это (!) должно впредь проходить под знаком наступления»... (стр. 22).

«Только при наличии такого единого плана — пишет он же — начавшаяся реорганизация Красной Армии выйдет из состояния бесформенности,

разброда, несогласованности, шатания и отсутствия ясно сознанной цели». Выражения у Соломина, как видим, строго наступательные, но утверждения—вздорные. Бесформенность, шатание и разброд — в его собственной голове. Объективно в нашем строительстве есть трудности и есть практические ошибки. Но ни разброда, ни шатания, ни несогласованности нет. И армия не позволит Соломиным выписывать свои организационные и стратегические мыслете и тем вносить шатание и разброд.

Уставы и программы нужно пересмотреть не под углом доктринерской формулы чистого наступления, а с точки зрения проделанного четырехлетнего опыта. Нужно читать, обсуждать и проверять уставы на совещаниях командного состава. Нужно, чтобы живое еще воспоминание о боевых действиях, больших и малых, было сопоставлено с формулой устава, и чтобы каждый командир сознательно сказал себе, отвечают ли слова делу или нет, и если расходятся, то в чем. Собрать этот упорядоченный опыт, подъитожить его, оценить его в центре стратегическим, тактическим, организационным, политическим критерием более высокого опыта; разгрузить уставы и программы от устарелого, излишнего, приблизить их к армии и заставить армию почувствовать, насколько они нужны ей, и в какой мере они могут заменить ей самодельщину — вот действительно большая и насущная задача!

Ориентировка международного масштаба и большого исторического размаха у нас есть. В одной своей части она уже проверена опытом; в другой—проверяется и выдерживает испытание. Революционной инициативой и духом наступления коммунистический авангард обеспечен в достаточной мере. Не словесное, крикливое новаторство насчет новых военных доктрин нам нужно, и не трескучее их провозглашение, а систематизация опыта, улучшение организации, внимание к мелочам.

Прорехи нашей организации, нашу отсталость и бедность, особенно техническую, не возводить нам нужно в символ веры, а устранять всемерно, стремясь приблизиться, в этом отношении, к империалистским армиям, которые все заслуживают быть разгромленными, но у которых есть кое-какие преимущества: богатая авиация, обильные средства связи, хорошо обученный, тщательно подобранный командный состав, точность учета средств, правильность взаимоотношений. Конечно, это лишь организационно - техническая оболочка. Морально, политически буржуазные армии распадаются или идут навстречу распаду. Революционный характер нашей армии, классовая однородность командного состава и массы бойцов, коммунистическое руководство, вот где могущественнейшая и несокрушимая наша сила. Ее у нас никто не отнимет. Все внимание должно быть ныне направлено не на фантазерскую перестройку, а на улучшение и уточнение. Правильно доставлять в части пищу, не гноить продуктов, варить хорошие щи, научить истреблять вошь и содержать тело в чи-

стоте, правильно вести занятия, и поменьше в комнате, побольше под открытым небом; толково и конкретно подготовлять политические беседы; снабдить каждого красноармейца служебной книжкой и правильно вести записи; научить чистить винтовки, смазывать сапоги, научить стрельбе, помочь командному составу превратить в свою внутреннюю сущность уставные заповеди о связи, о разведке, донесениях, охранении; учиться и учить применению к местности; правильно наматывать портянки, чтобы не натирать ноги; еще раз смазывать сапоги—такова наша программа на ближайшую зиму и на ближайшую весну.

Кто эту деловую программу назовет в праздничный день военной доктриной, с того не взыщется.

22 ноября — 5 декабря 1921 г.

Москва.

Из беседы

с представителем американской печати.

До конца 17-го года я никогда не думал, что буду заниматься военными делами. Книги по военным вопросам я читал так же, как читал книги, скажем, по астрономии и по другим вопросам. Читал их в тюрьме, но стал больше интересоваться военными вопросами во время империалистической войны. Я жил во Франции во время войны. Никакими военными познаниями не обладал. Считаю, что во всех областях жизни к творчеству прилагаются некоторые общие методы. Говорят, например: юридическая логика. На самом деле, это человеческая логика, приложимая к юридическим вопросам. Так в области администрации хороший администратор завода или фабрики будет также хорошим военным администратором. Методы администрации, в общем и целом, одни и те же. Человеческая логика находит такое же приложение в военной области, как и в других: точность, настойчивость, все эти качества необходимы во всех областях, где люди хотят строить, создавать, учиться.

Элементарные технические познания приобретались нами в опыте; мы все время были под огнем. Ошибок и фронтов было у нас достаточно, наблюдений было много, стало быть, можно было учиться. Целыми фронтами командовали люди, которые раньше никогда не были военными, как например, т. Фрунзе. Для того, чтобы быть хорошим артиллеристом, особенно ученым артиллеристом, нужно пройти артиллерийскую академию; а для того, чтобы руководить построением армии, не нужно иметь специального артиллерийского или иного образования, — нужно иметь некоторые административные и политические качества.

Из архива.

Доклад

и заключительное слово на совещании военных делегатов XI съезда Р. К. П. 1-го апреля 1922 г. [54]

I

В чем вопрос?

Сперва несколько слов к истории вопроса. Критическое и нетерпеливое движение в сторону некоей новой военной доктрины проявилось еще до X-го съезда партии. Главным очагом движения была Украина. Товарищи Фрунзе и Гусев формулировали более года тому назад тезисы, посвященные единой военной доктрине, и попытались провести их через съезд. В качестве докладчика по вопросу о Красной Армии я заявил, что считаю тезисы теоретически неправильными, практически — неплодотворными. Товарищи Фрунзе и Гусев сняли тогда свои тезисы, что, разумеется, вовсе не значит, что они согласились с моими доводами. Некоторая группировка под знаменем «военной доктрины пролетариата» среди военных работников продолжалась. Все вы помните статью тов. Соломина, некоторые выступления тов. Гусева и т. д. Я счел себя вынужденным выйти из выжидательной позиции, так как статьи Соломина и др. могли, при дальнейшем попустительстве, внести величайший хаос в сознание руководящих элементов армии. На мою статью о «военной доктрине или мнимом военном доктринерстве» ответа пока что еще не последовало. Тем не менее, разногласия и предрассудки в этом вопросе не изжиты, хотя нет уже никакого сомнения, что партийное общественное мнение в большинстве своем определилось.

Настоящие прения, возникшие по инициативе тт. Фрунзе и Ворошилова, имеют задачей своей выяснение все того же вопроса о военной доктрине. Внешним толчком послужили программные тезисы об обучении и воспитании Красной Армии, защищавшиеся тов. Фрунзе на недавнем совещании украинских командиров. Я должен сказать прямо с самого начала, что я считаю эти тезисы более опасными и более вредными, чем статьи на ту же тему тов. Гусева и др. Статья т. Соломина слишком явно не отвечает логике вещей, общему пониманию и опыту нашему. Она написана явно в момент доктринерского затмения. Я очень жалею, что автора здесь нет, и он не может лично защитить свой взгляд. Но его статья есть политический факт, и я вынужден о ней говорить, дабы она не могла оказывать дальнейшего вредного влияния. Что касается украин-

ских тезисов, то они гораздо более осторожны, причесаны, умыты, так что сразу похоже даже, будто все в порядке; более того — и тут я должен отдать честь маневренному искусству автора тезисов, — в некоторых пунктах в скобках написано: Троцкий, Троцкий, Троцкий... Выходит прямо-таки, что это почти что цитаты из моих статей. Терминология тоже обновлена. Слово «доктрина» заменено термином «единое военное мировоззрение», что, по-моему, раз в сто хуже. И здесь мы подходим уже от истории вопроса к существу его.

Единая военная доктрина предполагает, очевидно, что у нас есть единая промышленная доктрина, единая торговая доктрина и т. д., так что из совокупности их созидается единая доктрина советской деятельности. Терминология пышная и манерная, но еще терпимая. Если же мы пишем: «единое военное мировоззрение», то это будет куда покрепче. Оказывается, что есть какое-то «военное» воззрение на весь мир. Мы до сих пор полагали, что у нас есть марксистское мировоззрение. Оказывается, надо еще иметь единое военное мировоззрение. Нет, товарищи, уберите этот термин как можно скорее!

Споря против наименования «доктрина», я говорил, что из-за слова драться не стал бы. Но, по-моему, совокупность взглядов и настроений, прикрываемая этим термином, очень опасна.

Ремесло войны и... марксизм.

В самом деле. Тезисы говорят нам, что единое военное мировоззрение представляет собой совокупность взглядов, сведенных в систему при помощи марксистского метода анализа общественных явлений. Вот что буквально сказано в пункте 1-м: «Это воспитание и обучение должно производиться на основе единых, проникающих во всю толщу армии, взглядов по основным вопросам, касающимся задач Красной Армии, основ ее строительства и методов ведения боевых операций. Совокупность этих взглядов, сведенных в систему при помощи марксистского метода анализа общественных явлений и преподаваемых Красной Армии в уставах, приказах и наставлениях, и дает армии необходимое ей единство воли и мысли». Включаются ли сюда стратегия, тактика, техника военная, наши военные уставы, — включаются ли они в эту «совокупность взглядов, сведенных в систему при помощи марксистского метода», — да или нет? На этот вопрос надо ответить. По моему, должны бы входить. Как же без них? Уставы — не в смысле уставных наших книжек, а в смысле их принципов — должны, ведь, входить в это «единое военное мировоззрение»? Ибо если их выкинуть, то и военного ничего не останется. Будет просто «мировоззрение». Его военный характер определяется именно уставами, которые резюмируют военный опыт, определяют наши военные приемы. Но разве уставы наши создавались марксистскими методами? В первый раз об этом слышу. Уставы резюмируют военный опыт. Они, может быть, хромают, и мы будем их

направлять на основе нашего военного опыта. Но как же их свести воедино марксистским методом?

Что такое марксистский метод? Это метод научного мышления. Это метод исторической, общественной науки. Правда, наш журнал называется «Военная Наука». Но в нем еще осталось много несообразностей и самое несообразное есть его название. Военной «науки» нет и не было. Есть целый ряд наук, на которые опирается военное дело. Сюда входят в сущности все науки, начиная с географии и кончая психологией; большой полководец должен обязательно знать основные элементы многих наук, — хотя, разумеется, есть полководцы-самородки, которые действуют наощупь эмпирически, но которым помогает врожденный нюх. Война опирается на многие науки, но война не есть наука, — война есть практическое искусство, уменье. Пруский стратег король Фридрих II говорил, что война есть ремесло для невежественного, искусство — для одаренного и наука — для гения. Но он врал. Это неверно. Война не есть ремесло для невежественного, потому что невежественные солдаты — это пушечное мясо войны, а вовсе не ее «ремесленники». Всякое ремесло требует, как известно, обучения, и, стало быть, война есть «ремесло» для тех, которые правильно изучают военное дело. Это есть ремесло жестокое, кровавое, но ремесло, т.-е. правильно усвоенное уменье, с известными, выработанными опытом навыками. Для людей, очень одаренных и гениальных, это уменье превращается в высокое искусство.

Превратиться в науку война не может по самой своей природе, как не может стать наукой архитектура, коммерция, ветеринарное дело и проч. То, что называют теорией войны или военной наукой, не есть совокупность научных законов, объясняющих объективные явления, а есть совокупность практических приемов, способов приспособления, сноровок, отвечающих определенной задаче: разбить врага. Кто этими приемами владеет в высокой степени, в широком масштабе, и путем комбинаций достигает больших результатов, тот возвышает военное дело на степень жестокого и кровавого и с к у с с т в а. Но о науке здесь говорить не приходится. Наши уставы и являются сводкой таких практических правил, выведенных из опыта.

В трясине схоластики и утопии.

Марксизм же есть метод науки, т.-е. познания объективных явлений в их объективной связи. Каким же образом можно приемы военного ремесла или искусства строить при помощи марксистского метода? Это то же самое, что строить при помощи марксизма теорию архитектуры или ветеринарный учебник. Историю войны, как и историю архитектуры, можно написать с марксистской точки зрения, ибо история есть наука. Но иное дело так называемая теория войны, т.-е. практическое руководство. Этого смешивать не нужно, ибо получится не единство мировоззрения, а величайшая путаница.

При помощи марксистского метода можно облегчить себе в высокой мере общественно-политическую и международную ориентировку. Это бесспорно. Только при помощи марксизма и можно разобраться в мировой обстановке, особенно в нынешнюю исключительную эпоху.

Но при помощи марксизма нельзя построить полевой устав. Ошибка здесь в том, что под военной доктриной или, еще хуже, под «единым военным мировоззрением» понимают и общую нашу государственную ориентировку, международную и внутреннюю, и военные практические приемы, уставные правила и предписания, — и все это хотят как бы заново построить при помощи марксистского метода. Но наша государственная ориентировка давно строилась и строится марксистским методом, и строить ее заново из недр военного ведомства нет никакой надобности. Что же касается чисто военных методов, как они закреплены в наших уставах, то тут уже с марксистским методом подходить вряд ли целесообразно. В уставы, конечно, нужно вносить максимальное единство, проверяя его на опыте, но говорить по этому поводу о едином военном мировоззрении просто-таки смешно.

Таковы первый и второй пункты тезисов т. Фрунзе.

Теперь пункт 3-й: «Выработка этого единого мировоззрения рабоче-крестьянской армии началась уже с первых шагов ее существования». Это как бы полемика против тов. Гусева, который давал понять, что никаких принципов строительства у нас нет и не было. «В ходе дальнейшей практической работы выкристаллизовались и определились все основные элементы военной системы пролетарского государства, вытекающие из его специфической классовой природы». Тут уже хвачено слишком далеко. Выходит так, что военная система наша вытекает целиком из специфической классовой природы пролетарского государства. Нужно определить эту природу, из нее вывести единую военную доктрину, а из военной доктрины получить все необходимые частные, практические выводы. Это — метод схоластический, безнадежный. Классовая природа пролетарского государства определяет социальный состав Красной Армии и особенно ее руководящего аппарата, определяет ее политическое мировоззрение, цели и настроения. Разумеется, все это оказывает известное косвенное влияние и на стратегию и на тактику, но выводятся-то они не из пролетарского мировоззрения, а из условий техники, в особенности военной, из возможностей снабжения, из географической обстановки, из характера врага и т. д.

Есть ли у нас единое промышленное или единое торговое мировоззрение? Можем ли мы из «специфической природы пролетарского государства» вывести наилучший учебник внешней торговли или наилучший способ административной или коммерческой организации наших трестов? Такая попытка была бы смешной и безнадежной. Думать, что можно, вооружаясь марксистским методом, решить вопрос о наилучшей организации производства на свечном заводе, значит — не иметь понятия ни о мар-

ксистском методе, ни о свечном заводе. А между тем, полк, с точки зрения своих собственных специфических задач, есть завод, который нужно организовать правильно, т.-е. в соответствии с его назначением. Утверждаю, что попытка выводить из системы пролетарского государства дедуктивным, т.-е. логическим, путем организацию пехотного или кавалерийского полка, штаты его, его тактические приемы есть абсолютно утопическая и никчемная задача. И авторы критикуемых тезисов чувствуют это, ибо они колеблются между «единой пролетарской доктриной» и французским полевым уставом 1921 г. Это мы увидим, впрочем, дальше...

Никаких абстракций — только конкретно!..

Предпосылки существования армии имеют, разумеется, целиком политический характер. Государство должно иметь ответ на вопрос: какую и для чего армию мы готовим? А так как наша армия революционная и сознательная, то она и сама должна иметь ясный и правильный ответ на этот вопрос. Этой цели служит пункт 4-й украинских тезисов. Я считаю, что политически это одно из самых опасных мест. Здесь сказано: «Факт глубокого принципиального противоречия между строем пролетарской государственности, с одной стороны, и окружающим буржуазно-капиталистическим миром, с другой, делает неизбежными и столкновения, и борьбу этих двух враждебных миров. В соответствии с этим, задачей политического воспитания Красной Армии является поддержание и укрепление ее постоянной готовности выступить на борьбу с мировым капиталом. Это боевое настроение должно закрепляться планомерной политической работой, проводимой на основе классовой пролетарской идеологии, в живых и общедоступных формах».

Здесь подход к вопросу заведомо не политический, абстрактный, по существу неверный и опасный. Борьба между пролетариатом и буржуазией идет во всем мире. В этой борьбе либо на нас будут нападать, либо мы будем нападать. Необходимо армию держать в готовности, воспитывая ее на основе классовой пролетарской идеологии — «в живых и общедоступных формах». Да, ведь, это самое отвлеченное коммунистическое доктринерство, против которого мы все возражали на прошлом заседании, когда говорили о военной пропаганде! Это великолепная программа: в первое полугодие превратить 1/4 крестьян-красноармейцев в коммунистов, во второе полугодие прибавить еще 1/4, затем еще 1/4, и таким путем, т.-е. путем казарменной пропаганды, изменить соотношение классов в стране, и создать армию, которая в своем политическом сознании исходила бы из международной классовой пролетарской идеологии, как движущей своей силы. Но, ведь, это же в корне ложный, заведомо утопический подход.

Вчера мы как будто все говорили: не забывайте, что наша армия в подавляющем большинстве состоит из молодых крестьян. Она представляет собою блок руководящего рабочего меньшинства и руководимого

им крестьянского большинства. Основой блока является необходимость защищать Советскую Республику. Защищать ее приходится потому, что на нее нападают буржуазия и помещики—враги внутренние и внешние.

На этом сознании покоится вся сила блока рабочих и крестьян. Разумеется, мы сохраняем за собой программное право ударить классового врага по собственной инициативе. Но одно дело наше революционное право, а другое дело—реальность сегодняшнего положения и завтрашней перспективы. Иному может показаться, что это второстепенное различие. А я утверждаю, что от этого зависит жизнь и смерть армии. Кто этого не понимает, тот всей нашей эпохи не понимает и, в частности, не понимает, что такое нэп. Это все равно, что сказать: нужно, на основе пролетарской идеологии,—«в живых, общедоступных формах»—воспитать весь народ в духе социалистической организации хозяйства. Легко сказать! Но тогда к чему новая экономическая политика с ее децентрализацией, с ее рынком и проч.? Это, скажут, уступка мужику. Вот то-то оно и есть. Если бы мы этой уступки не сделали, то опрокинули бы Советскую Республику. Сколько лет будет длиться эта хозяйственная полоса? Мы не знаем—два года, три ли, пять или десять—пока революция не наступит в Европе. Как же вы хотите это обойти вашим «военным мировоззрением? Вы хотите, чтобы крестьянин, на основах пролетарской доктрины, был готов в любой момент воевать на международных фронтах за дело рабочего класса. Воспитывать в этом духе коммунистов, передовых рабочих—наш прямой долг. Но думать, что на этой основе можно построить армию, как вооруженный блок рабочих и крестьян,—значит быть доктринером и политическим метафизиком, ибо крестьянство проникается идеей необходимости существования Красной Армии постольку, поскольку усваивает себе, что, несмотря на наше глубокое стремление к миру и наши величайшие уступки, враги продолжают угрожать нашему существованию.

Разумеется, обстановка может измениться: большие события в Европе могут создать совсем иные условия для нашей военной инициативы. Это находится в полном соответствии с нашей программой. Но, ведь, вы же пишете не программу. Методы воспитательной работы нам нужно вырабатывать для сегодняшнего дня, а не на вечные времена. И здесь основным, решающим лозунгом, который отвечает всей обстановке и всей нашей политике, является оборона. В эпоху величайшей демобилизации армии, непрерывного сокращения ее, в эпоху нэп'а, в эпоху подготовительной, организационной и воспитательной работы в европейском пролетарском движении—после проделанного отступления,—в эпоху единого рабочего фронта, т.-е. во время попыток совместных практических действий со Вторым и Двух-с-половинным Интернационалом—смешно и нелепо говорить армии: «Может быть, завтра буржуазия нападет на нас, а может быть и мы завтра нападем на буржуазию». Это значит искажать перспективы, затемнять в головах красноармейцев воспитательное значение нашей между-

народной уступчивости и парализовать огромную воспитательную, революционную силу этой уступчивости, которая проявится в том случае, если на нас тем не менее нападут.

«Уступка» красноармейцу-крестьянину.

Казалось бы, что все эти соображения нами уяснены — и в нашей партии и в международном масштабе; этим вопросам посвящены были в огромной степени 3-й Международный Конгресс и недавняя конференция. Но как только мы задались целью создать для себя какое-то единое военное мировоззрение, так сейчас же все установленные политические предпосылки нашей внутренней и международной работы летят прахом, и мы начинаем исходить из голых абстракций: «международная классовая борьба — на нас нападают, мы нападаем и проч., нужно быть готовым к наступлению!..» Нельзя безнаказанно проделывать такого эксперимента над сознанием красноармейской массы. Она хочет и в праве знать вместе со всеми трудящимися нашей страны: какую и для чего армию мы готовим? Не для 1930 г., а сегодня? Почему мы задерживаем под знаменем 1899 г. и до каких пор? Ответы наши на эти вопросы будут очень ясны и убедительны, если только мы сами не начнем себя сбивать.

А пункт 5-й эту доктринерскую ошибку усугубляет. Тут прямо сказано, что «армия будет выполнять в дальнейшем свое боевое назначение в условиях революционной войны, либо защищаясь против нападения империализма, либо выступая совместно с трудящимися других стран в совместной борьбе». Эти две возможности ставятся, как равноправные для сегодняшнего дня: либо то, либо другое. Ну, как вы скажете саратовскому крестьянину: либо поведем тебя в Бельгию свергать буржуазию, либо ты будешь саратовскую губернию оборонять от англо-французского десанта в Одессе или Архангельске? Разве повернется язык так ставить вопрос? Да никогда! Каждый из вас, говоря перед полком или перед собранием рабочих и крестьян, неизбежно приблизится к действительности и скажет: мы соглашаемся на известных условиях на уплату царских долгов, ибо хотим избежать войны; но козни врагов наших очень сильны; мы еще вынуждены держать до поры, до времени в армии 99-й год... Чем фактичнее, чем конкретнее мы представим нашей аудитории трудности нашего международного положения, величину наших уступок, тем яснее будет для нее необходимость сохранения Красной Армии, и, вместе с тем, тем больше будет наша речь отвечать правде сегодняшнего дня. Если же мы выдвинем «доктрину»: либо на нас нападут, либо мы нападем, — мы только собьем с толку наших комиссаров, политруков, командиров, ибо дадим им ложную картину действительности, и всей агитации усвоим ложный тон. С такой абстрактной речью мы не заберемся в душу мужика. Это вернейший путь срезать нашу военную пропаганду и политическую агитацию.

Покушение на философию.

Шестой пункт тезисов. Тут переходим от политики к стратегии, т.-е. уж в область чисто военных вопросов. Тезисы формулированы, как вы знаете, т. Фрунзе. Должен сказать, чтобы не было никакого недоразумения, что я считаю т. Фрунзе одним из самых даровитых наших военных работников и никогда не взял бы на себя ту практическую стратегическую работу, которую поручил бы ему. Но сейчас вопрос не о работе т. Фрунзе, как выдающегося полководца, а о его попытке создать военную философию. Покойник Плеханов, который много грешил в политике под конец своей жизни, был, как известно, особенно придирчив в вопросах философии. Он говаривал, что марксист имеет право не заниматься философией, — но уж если ты, такой-сякой, занимаешься ею, да еще вслух, то не путай. Это была его любимая присказка. Если он ловил кого-либо на философских уклонениях, то нападал, как волкодав. Иной раз ему говорили: «Что же вы, Георгий Валентинович, жестоко нападаете на человека, — у него, может быть, и времени не было изучать философию?» И он отвечал: «Пусть помолчит, а не разводит отсебятины, потому что из этого вытекают вреднейшие политические последствия». Петра Струве Плеханов поймал на философской путанице задолго до того, как тот стал отходить от марксизма политически.

Здесь мы имеем перед собою не философию в подлинном смысле слова, а попытку военной философии. Вовсе мы не обязаны ею сейчас заниматься. Общая ориентировка у нас есть. Можно быть эмпириком в военном деле, исправлять и поправлять на основе опыта. И себе я разрешал быть эмпириком в области военно-организационной и нисколько не претендовал бы, если бы т. Фрунзе оставался эмпириком в области стратегической. Но он занялся обобщениями, перешел в область философии стратегии — и, по-моему, напутал. У него самого стратегические корни крепки, но других он может сбить.

Вот что говорит шестой пункт: «До сих пор нашей революции приходилось вести борьбу теми же основными методами военной тактики и стратегии, которые практиковались и в армиях буржуазных стран». Прошу вас заметить это. Теперь послушаем далее: «Но произведенное революцией изменение характера и живой силы Красной Армии, передавшее руководящую роль внутри ее пролетарским элементам, нашло свое отражение в характере применения общих приемов тактики и стратегии». Это выражено очень тяжеловесно и расплывчато. Но посмотрим еще далее.

В пункте седьмом говорится: «Наша гражданская война носила по преимуществу маневренный характер. Это являлось результатом не только чисто объективных условий (огромность театра военных действий, относительная многочисленность войск и пр.), но и в н у т р е н н и х с в о й с т в К р а с н о й А р м и и, ее р е в о л ю ц и о н н о г о д у х а, б о е в о г о п о р ы в а,

как проявлений классовой природы руководивших в ней пролетарских элементов и пр.». Мы только что слышали, что у нас была до сих пор в основе «буржуазная» стратегия; здесь же говорится, что наша гражданская война носила маневренный характер в результате классовой природы пролетариата. Эта несогласованность не случайна. Сказать, что маневренный характер войны определялся не только материальными условиями (огромной территорией и малой плотностью войск), но «внутренними» свойствами Красной Армии, как таковой, значит сделать утверждение ложное с начала до конца. Это ничем не подтверждается, ничем не может быть подтверждено и пахнет бахвальством.

Черты нашей маневренности.

Прежде всего надо подойти к анализу нашей маневренности. Она развернулась раньше у наших врагов, а не у нас — это, ведь, исторический факт: наши враги учили нас маневренности. Это я уже показал в своей статье о военной доктрине. Увлечение маневренностью началось особенно с рейдов, и опять-таки их начали белые, которые делали их сперва лучше нас. Они научили нас маневренности. Это прежде всего. Этого никто не может отрицать. Это вытекало из того, что их войска были более квалифицированы, с большим офицерским кадровым составом, чем у нас. У них вначале было больше конницы (казаки!). Поэтому они к маневренности были более приспособлены. У них в то же время было меньше крестьянской массы, и эта масса была у них, по политическим причинам, гораздо менее устойчива, чем у нас. Это делало для них необходимым маневренность. Они должны были выигрывать в скорости (подвижности) то, чего им не хватало в массе. Мы у них учились. Это несомненный факт. Так что, если говорить, что маневренность вытекает из революционной природы пролетариата, то как же вы объясните стратегию белых? Ваше утверждение вопиюще неверно!

Можно одно сказать: крестьянству как в его революционных, так и контр-революционных движениях, маневренность в настоящем смысле недоступна, потому что подлинно крестьянской формой войны, когда крестьянство предоставлено себе самому, является партизанщина (так же, как в религии крестьянство не идет дальше секты, — церкви оно не может создать). Государства оно своими силами не может создать, — это мы видали особенно ярко на примере украинской махновщины. Для того, чтобы поднять крестьянство на уровень государства и армии, нужна какая-то рука над ними. У белых это — дворянство, помещики и буржуазные офицеры, которые кое-чему научились у помещиков-офицеров. Они берут крестьян за горло, ставят над ними централизованный аппарат насилия, насыщенный офицерством и — начинают маневрировать. У нас руководящую роль играют рабочие, которые привлекают крестьянство, организуют его и ведут вперед. Поскольку маневренность (не партизанщина!) пред-

полагает централизованную военную организацию в гражданской войне, маневренность была свойственна обоим лагерям. Не говорите же, что маневренность вытекает из революционных свойств пролетариата. Это — неверно. Она вытекает из размеров страны, из численности войск, из объективных задач, которые стоят перед армией, как армией, но вовсе не из революционной природы пролетариата.

А черты нашей маневренности в прошлом? Основная черта — это, увы, бесформенность... У нас есть много оснований, товарищи, гордиться нашим прошлым, но некритически идеализировать его мы не в праве. Нам надо учиться, итти дальше. А для этого нужно критически оценивать, а не петь акафисты.

Не «доктрина», а кадры!

У нас критическая проверка маневренности гражданской войны и критическая оценка почти еще не начиналась, а без этого мы вперед не пойдем. У нас были отдельные прекрасные замыслы, были блестящие в маневренном смысле операции, которые обеспечили нам многие победы, но, в общем, наша стратегическая линия характеризуется бесформенностью, Мы бурно и решительно наступали, мы дерзко маневрировали, но нередко, в результате маневра, отскакивали на сотни верст назад. Объяснять это революционным характером пролетариата, боевым духом и проч., — значит растекаться мыслью по древу. Революционный характер передовых рабочих и сознательных крестьян находит свое выражение в их самоотвержении, в их героизме, — при всяких операциях, при всякой стратегии. Неустойчивость же и бесформенность нашей маневренной стратегии объясняется тем, что наш боевой порыв был сплошь да рядом недостаточно организован: нам не хватало настоящих, серьезных кадров. Вот, где ключ к вопросу: у нас был слишком слабый низший командный состав и недостаточно подготовлен средний. Вот почему замысел, иногда прекрасный, ломался и дробился в процессе исполнения и давал в результате гигантский отскок. Почти на всех фронтах мы проделывали войну дважды, иногда трижды. Почему? Вследствие количественной и качественной недостаточности кадров.

Война есть всегда уравнение со многими неизвестными. Иначе и не может быть. Если бы все элементы войны были заранее известны, то не было бы и самой войны: просто один сдавался бы без боя другому предвидя заранее результат. Но задача военного искусства состоит в том, чтобы количество неизвестных в уравнении войны свести к наименьшему числу, а этого можно достигнуть лишь обеспечив наибольшее соответствие между замыслом и исполнением. Что это значит? Это значит иметь такие части и такой их руководящий состав, чтобы цель достигалась путем преодоления препятствий места и времени комбинированными средствами. Другими словами, нужно иметь устойчивый и в то же время

гибкий, централизованный и в то же время пружинистый командный аппарат, владеющий всеми необходимыми навыками и передающий их вниз. Нужны хорошие кадры. Этого вопроса не разрешишь песнопениями о революционной маневренности. В этой последней недостатка не было, а еще меньше недостатка мы чувствовали и чувствуем по части идеализации маневренности. Можно сказать, что если наш командный состав болел чем-либо к концу гражданской войны, так это именно избытком маневренности. Своего рода маневренным запоем. О маневрах только и говорили. Рейдами только и бредили. А чего не хватает нам? Устойчивости в самом маневре, которая обеспечивается только хорошим комсоставом маневрирующий армии. Сюда нужно передвинуть все внимание на время предстоящей учебы. Схематическая идеализация маневренности, будто бы вытекающая из классовой природы пролетариата, не ведет нас вперед, а задерживает и даже тянет назад.

Опасность абстракции «гражданской войны вообще».

Мысль восьмого пункта, как она здесь выражена, заключает в себе опасность не только и даже не столько для нас, сколько для революционных партий других стран. Нельзя забывать, что у нас теперь учатся, и когда мы занимаемся революционными и в том числе революционно военными обобщениями, нам надо помнить не только о Москве и Харькове, но и глядеть на Запад, чтобы не посеять там недоразумений. Восьмой пункт тезисов гласит: «Условия будущих революционных войн будут представлять ряд особенностей, приближающих эти войны к типу гражданских. В связи с этим характер этих войн, несомненно, будет маневренный. Поэтому наш комсостав должен воспитываться преимущественно на идеях маневрирования и подвижности, а вся Красная Армия должна быть подготовлена и обучена искусству быстро и планомерно производить марш-маневры».

Под революционными войнами здесь понимаются войны рабочего государства с буржуазным государством, в отличие от чисто гражданской войны, т. е. войны пролетариата и буржуазии одного и того же государства. В восьмом пункте высказывается та мысль, что будущие революционные войны будут приближаться по типу к гражданской войне и потому будут иметь маневренный характер. Но о какой гражданской войне здесь говорится? Очевидно, о нашей, которая протекала в конкретных условиях наших необъятных пространств, малой плотности населения и плохих средств сообщения. Но беда в том, что эти тезисы устанавливают какой-то отвлеченный тип гражданской войны, исходя из того, что маневренность будто бы вытекает из классовой природы пролетариата, а не из соотношения между театром войны и плотностью войск. Но, ведь, помимо нашей гражданской войны, мы знаем еще один пример довольно крупного масштаба во Франции — Парижская Коммуна! Там непосредственная задача

состояла в обороне парижского укрепленного плацдарма, из которого только и можно было развернуть дальнейшее наступление. Что такое Коммуна в военном отношении? Это была оборона укрепленного парижского района. Оборона могла и должна была быть активной и упругой, но Париж надо было отстоять во что бы то ни стало. Парижем пожертвовать во имя маневра значило бы подрубить под корень революцию. Коммунары не сумели отстоять Парижа; контр-революция завладела им и истребила десятки тысяч рабочих. Как же я могу, исходя из опыта донских, кубанских и сибирских степей, говорить парижскому рабочему: из твоей классовой природы вытекает маневренность. Ведь, это же не шуточка такого рода обобщение, сделанное наспех!

В высоко развитых промышленных странах с плотным населением, с крупнейшими жизненными центрами, с заранее подготовленными белогвардейскими кадрами, гражданская война может получить — и во многих случаях, несомненно, получит — гораздо менее подвижный, гораздо более связанный, т. е. приближающийся к позиционности характер. О какой-либо абсолютной позиционности вообще не может быть речи, тем более в гражданской войне. Дело идет о соотношении элементов маневренности и позиционности. И здесь можно сказать с уверенностью, что даже в нашей архи-маневренной стратегии гражданской войны элемент позиционности присутствовал и в некоторых случаях играл крупную роль. Не может быть никакого сомнения, что в гражданской войне на Западе элемент позиционности будет занимать несравненно больше места, чем у нас. Пусть кто-нибудь попробует это отрицать. В гражданской войне на Западе пролетариат, вследствие своей численности, будет играть большую и более решающую роль, чем у нас. Уже из этого одного ясно, как неверно маневренность связывать с пролетарской классовой природой. Венгрии, в советское время, не хватило территории для того, чтобы, отступая и маневрируя, создать армию; пришлось поэтому сдать врагам революцию (Ворошилов: «Они могут маневрировать иначе»). Разумеется, это великолепное соображение, что можно маневрировать «иначе», — т. е. вводя маневры в рамки защиты определенного плацдарма. Но в таком случае господствовать уже будет позиционность над маневренностью. Маневры будут до поры до времени играть подсобную роль при защите определенного района, являющегося пролетарским очагом самой гражданской войны. Когда же мы говорим о маневренной стратегии гражданской войны, то имеем в виду русский образец, когда мы поступались огромными пространствами и городами с тем, чтобы сохранить свои живые силы и подготовить удар по живой силе врага. Во время Коммуны положение во Франции было таково, что потеря Парижа означала гибель революции. В советской Венгрии арена борьбы была шире, но все же очень ограничена. Но и у нас арена маневренности не беспредельна. Мы обманываем себя, нередко забывая, что контр-революция надвинулась с окраин, где нет действительно жизненных очагов революции. Отсюда тот

бешеный размах операций и чудовищных отступлений без смертельной опасности и без смертельных последствий для Советской Республики. По мере того, как белые приближались к Петрограду с одной стороны, к Туле с другой, наш плацдарм получал для нас безусловно жизненное значение. Мы не можем отдавать ни Петрограда, ни Тулы, ни Москвы, чтобы затем «маневрировать» на Волге или на Северном Кавказе. Конечно, и защита Московского плацдарма (в случае, еслибы враги в 1919 г. дальше развивали свой успех) не привела бы нас непременно к траншейной неподвижности. Но необходимость цепляться за территорию и отстаивать каждую квадратную версту встала бы перед нами несравненно повелительней. А это значит, что элементы позиционности чрезвычайно выросли бы за счет элементов маневренных.

Пункт десятый тезисов признает позиционность, — но тут же, в священной тревоге, прибавляет, что для нас крайне опасно было бы «увлечение позиционными методами, как основной формой борьбы». Откуда сие? Где это наши товарищи открыли опасность увлечения позиционностью? Запой у нас есть, но маневренный, а никак уже не позиционный... Может быть, тут имеют в виду наше военно-инженерное ведомство, которое за этот период настроило слишком много крепостей? Иначе я не могу понять этой оговорки.

Пролетарская стратегия... маршала Фоша?

Пункт одиннадцатый: «Тактика Красной Армии была и будет пропитана активностью в духе смелых и энергично проводимых наступательных операций. Это вытекает из классовой природы рабоче-крестьянской армии (опять!) и в то же время совпадает с требованиями военного искусства». «Совпадает!» Как это хорошо устроено! Маневренность, вытекающая из классовой природы пролетариата, как раз совпадает с требованиями военного искусства, созданного другими классами! «Наступление при прочих равных условиях всегда выгоднее обороны». При прочих равных условиях — это правильно, что и говорить. Но это еще не все. Далее читаем: «Ибо тот, кто нападает первым, действует на психологию противника обнаружением воли более сильной, чем воля последнего» (Полев. франц. устав. 1921 г.). Вот видите: стратегия должна быть наступательной, ибо это, во-первых, вытекает из классовой природы пролетариата, и, во-вторых, совпадает с французским полевым уставом 1921 года. (Смех. Ворошилов: «Тут нет ничего смешного»). Нет, есть. Это немного напоминает, уважаемый товарищ Ворошилов, тех вюртембергских демократов 1848 года, которые говорили: мы хотим республики, но с нашим добрым герцогом во главе... Так и здесь, — мы хотим истинно пролетарской стратегии, но такой, которая одобрена маршалом Фошем. Оно как-то надежнее. Республика, да еще с герцогом во главе — это уж

самое лучшее! (Смех). Тут, конечно, ничего смешного нет, по товарищу Ворошилову, — но чем скорее вы это вычеркнете, тем лучше для теоретического достоинства нашей армии.

А затем, это и по существу неправильно. Во-первых, этот тезис — Фоша или кого другого, — я не знаю, кто редактировал новый французский полевой устав, — сейчас подвергается жесточайшему обстрелу именно во французской военной литературе. Наступление, конечно, имеет преимущество перед обороной. Без наступления — нет победы. Но сказать, что тот, кто наступает первым, действует на психологию противника, значит удариться в наступательный формализм. Без наступления — нет победы. Наступление имеет в последнем счете преимущество над обороной. Но наступать нужно не непременно первым, а тогда, когда это вызывается обстановкой.

Недавно вышла книжка французского автора за инициалами X. У. — «О принципах военного искусства». Немецкая военная литература объявляет эту книгу самым замечательным военным произведением во Франции, после войны. Автор книги решительным образом выступает против цитированного товарищем Фрунзе тезиса нового французского полевого устава. Он приводит в пример попытки французов наступать «первыми» на Лотарингском театре 1914 г., где немцы на укрепленных позициях спокойно ждали наступающего врага. Моральный перевес был при этом целиком на стороне рассчитанной и подготовленной обороны, которая для нападающего являлась прямо западней. В последнем периоде войны немцы взяли на себя инициативу летнего наступления 1918 г. Англо-французская армия, сдержав наступление и обессилив врага, в свою очередь перешла от упругой обороны к контр-наступлению, которое стало роковым для армии Гогенцоллерна. Без наступления — нет победы. Но побеждает тот, кто наступает тогда, когда нужно наступать, а не тот, кто наступает первым.

Если мыслить конкретно...

Но не пора ли перестать разговаривать о «наступлении вообще»? Многие мысленно вырывают из операций гражданской войны один какой-либо отрезок, где мы удачно и победоносно наступали, и, исходя из этого опыта, рисует себе, по образцу его, картину наших грядущих наступлений. Надо приучиться мыслить более конкретно. Государства, которые могут вовлечь нас в войну, известны. Возможный военный театр, следовательно, обозрим. Война начинается с мобилизации, с сосредоточения, с развертывания. В наших стратегических предвидениях нужно, поэтому, исходить из подготовительных операций, — прежде всего из мобилизации. Кто же начнет наступать первым? Очевидно, тот из противников, кто соберет для этого достаточно силы. Дает ли нам мобилизация необходимый перевес? К сожалению, нет. При технической помощи империалистических стран,

наши возможные противники могут иметь известный перевес в отношении техники, — не только военной, но и транспортной. Это даст им в результате преимущества в отношении мобилизации. Какой же отсюда вывод? А тот, что наш стратегический план — не абстрактный, а рассчитанный на конкретную обстановку и конкретные условия, — должен намечать на первый период войны не наступление, а оборону. Цель ее — выигрыш времени для развертывания мобилизации. Мы, следовательно, сознательно предоставляем врагу нападать первым, отнюдь не считая, что это дает ему какой-то «моральный» перевес. Наоборот, имея за себя пространство и численность, мы спокойно и уверенно намечаем тот рубеж, где, обеспеченная нашей упругой обороной, мобилизация подготовит достаточный кулак для нашего перехода в контр-наступление.

Формулировка французского полевого устава явно неправильна. Здесь говорится о необходимости наступать первым, очевидно с точки зрения необходимости выиграть темп. Бесспорно, темп в кровавой игре войны — великое дело. Шахматисты знают, что значит темп на поле в 64 клеточки. Но только азартный молодой игрок считает, что темп выиграет тот, кто первый начнет шаховать. Наоборот, это нередко верный путь к потере темпа. Если я первый перехожу в наступление, а мое наступление не питается достаточно мобилизацией, и я вынужден отступать, притом, попирая собственную мобилизацию, то, конечно, я потерял темп и, может быть, даже безнадежно. Наоборот, если предварительное отступление входит в мой план, если этот план ясен старшему командному составу, уверенному в завтрашнем дне, и если эта уверенность передается сверху вниз, не разбиваясь о предрассудок, будто наступать нужно непременно первым, тогда у меня все шансы наверстать темп и победить.

Четырнадцатый пункт, говорящий, что насущной задачей является пересмотр наших уставов, положений, инструкций, с точки зрения опыта гражданской войны, абсолютно верен. Но это было нами сказано три года тому назад и закреплено решением съезда, изданы соответственные приказы и созданы учреждения для пересмотра устава. К сожалению, дело подвигается несколько медленно. Его надо ускорить. Но в виде новой «военной доктрины» сообщать нам, что нужно пересмотреть уставы, тогда как для пересмотра давно созданы уже соответственные учреждения, значит, поистине, без нужды ломиться в давно открытые двери.

Практические выводы в конце тезисов, в общем, правильны. Но они не вытекают совершенно из предпосылок и, кроме того, недостаточны; и они не дают центральной задачи — обеспечения устойчивости и квалификации армии путем воспитания низшего командного состава. Нам нужны отделенные командиры! Какая бы стратегия ни была нам навязана развитием событий, — маневренная, позиционная или комбинированная, — основным моментом операции останется воинская часть, а ее основной ячейкой — отделение с отделенным командиром во главе. Это кирпич, из которого, если он хорошо обожжен, можно построить всякое здание.

Старина в «новизне».

Прочитавши тезисы товарища Фрунзе, я перелистал Суворовскую «науку побеждать». Конечно, это название неправильное — «наука»; но Суворов понимал его простецки, т.-е. в смысле того, что подлежит усвоению. В этом именно смысле, когда давали солдату шпицрутены, то приговаривали: «вот тебе наука». Генерал-поручик Прево де-Люмиан записал под диктовку Суворова семь законов войны. Вот они:

1. Действовать не иначе, как наступательно.
2. В походе — быстрота, в атаке — стремительность, холодное оружие.
3. Не нужно методизма, а верный взгляд военный.
4. Полная власть главнокомандующему.
5. Неприятеля атаковать и бить в поле, т.-е. не сидя в укрепленных районах, а перемещаясь за врагом.
6. В осадах времени не терять. Всего лучше открытый штурм.
7. Никогда сил не раздроблять для занятия пунктов. Обошел неприятель — тем лучше; он сам идет на поражение.

Что это такое, — да никак пролетарская доктрина?! Прямо-таки стратегия, «вытекающая из классовой природы пролетариата» и из гражданской войны, — только немного короче и лучше изложенная!.. Суворов, конечно, за наступление. Но он же говорит: не нужно методизма, а верный взгляд военный... Однако, ведь, Суворов вел в бои крепостную армию под командой дворянского офицерства. Таким образом, оказывается, что принципы «наступательной доктрины пролетариата» совпадают не только с полевым уставом буржуазно-империалистической Франции, но и с военной «наукой» суворовской дворянско-крепостнической России!

Отсюда вовсе не вытекает, что «законы войны вечны», — как говорят некоторые педанты. Речь тут идет вовсе не о законах в научном смысле, а о практических приемах. Некоторые простейшие обобщения (в роде, например, совета — «наступай, да постремительней») относятся ко всем видам борьбы живых существ. Глазомер, быстрота и натиск нужны не только при столкновении одной организованной и вооруженной силы с другой, но и при драке двух мальчишек, и даже при преследовании зайца гончей собакой. Но, если семь суворовских заповедей не являются вечными законами войны, то еще меньше можно их выдавать за самые новейшие принципы пролетарской стратегии.

Есть ли разница между Красной Армией и армией Суворова? Есть. Огромная. Неизмеримая. Там крепостническая армия, темная. Здесь революционная, с растущим сознанием. Цели противоположные. Мы подрываем все то, что Суворов защищал. Но это различие является не военной доктриной, а классовым политическим мировоззрением. У Суворова в этой самой книжке, в афоризмах его, изложено и общественное мировоззрение. Не имей его, Суворов не был бы полководцем. Все его психологическое

искусство состояло в том, чтобы извлечь максимум из того инструмента, каким являлся крепостной солдат. В своей общественной доктрине Суворов опирался на два полюса: шпицрутены и «с нами бог». На этом самом месте у нас коммунистическая программа и советская конституция.

Тут некоторый шажок вперед мы сделали. И не маленький. По этой части вряд ли харьковские тезисы могут нам предложить что-нибудь новое. Да мы и не чувствуем никакой потребности в обновлении нашего общественного мировоззрения. Что же касается вопросов стратегии, то тут, как мы видим, дело свелось к тому, что пообещали нам новую пролетарскую доктрину, а кончили тем, что списали правила Суворова, да и списали то с ошибками.

II

Доктрина, воззрение, монистический взгляд.

Прежде всего надо занять позиции, которые очищает противник в своем «маневренном» отступлении. Это первое дело.

Тов. **Фрунзе** признает, что в его формулировках есть неточности, неясности, недоговоренности. Если бы дело касалось наброска статьи, то, само собой разумеется, такие недочеты были бы совершенно естественной вещью. Но когда говорят: «у вас нет доктрины, а у меня она есть», — как ставит (или ставил?) вопрос тов. Фрунзе, — тогда дело совершенно другого порядка. Ведь на X Съезде партии тт. Фрунзе и Гусев очень сурово обвиняли меня в том, что я не интересуюсь вопросом о военной доктрине, а, между тем, в ней-то, по их словам, и заключалась вся суть. Они тогда слегка постукивали по моему черепу томом Энгельса (без достаточных оснований, — но об этом в другой раз). Что же делать: Энгельс выступал, как теоретик военного дела, а мы деремся пока эмпирически. Покажите же вашу «доктрину», товарищи критики. Но поосторожнее, драться можно ухватом, если нет другого оружия, — но теорию писать ухватом нельзя; тут нужны другие инструменты. Но ведь никто нас не заставляет торопиться с этим вопросом? Дело не горит. Правда, тов. Фрунзе очень деликатно намекает на то, как, мол, было после русско-японской войны, когда, по высочайшему повелению, должны были прекратить все разговоры о военной доктрине и заняться изучением уставов. Получается как бы некоторая не очень приятная аналогия: тов. Фрунзе предлагает заняться вопросом о доктрине, а я «приказываю» прекратить превратные толкования и заняться уставами.

Но на деле-то это сопоставление очень произвольно и острием своим поворачивается против тов. Фрунзе. Ибо в чем состояла задача и цель тех русских офицеров, которые после русско-японской войны заговорили о военной доктрине? Они представляли собою критический элемент в армии. Они были недовольны ее строем и хотели перемен. Это была прогрессивная часть офицерства, те самые, которые потом объеди-

нились вокруг Гучкова и Милюкова, и которых черносотенцы называли «младо-турками». Следовательно, знамя военной доктрины было для них знаменем критики прошлого и программой военной реформы. Они хотели, по возможности, европеизировать нашу армию и даже искали в этом направлении опоры в Государственной Думе. Им было приказано замолчать, не критикивать, не подрывать самодержавной азиатщины. А как обстоит дело у нас? В чем состоит военная доктрина тов. Фрунзе? В некритической идеализации прошлого. То, что характеризовало известный период войны, наши глашатаи доктрины стремятся вывести из классовой природы пролетариата и увековечить. В чем меня обвиняет т. Фрунзе в своей речи? В том, что я лишаю прошлое обаяния; он считает идеализацию прошлого необходимым элементом морального воспитания армии. Но, ведь, как раз на этой точке зрения стояли те, которые внушили Николаю его высочайшее повеление — прекратить разговоры о доктрине, не подрывать обаяния прошлого. Мы же вам говорим: пожалуйста, не грозите закидать врага шапками, хотя бы и революционными, а давайте будем учиться у врага азбуке военного дела. Вот в чем основная разница и вот чего не желает усвоить тов. Фрунзе.

Зато тов. Минин обогатил нас новым термином: если мы отказались от единой военной доктрины, если тов. Фрунзе готов отказаться и от военного мировоззрения, то тов. Минин предлагает нам «монистический взгляд» на военное дело. Это звучит гордо: монистический взгляд, — не хуже твоей доктрины. — Но что вы хотите этим сказать? Что нужно единство взглядов, приемов, методов в рамках армии? Ну, еще бы. Незачем тратить красноречие на доказательство того, что армия несовместима с таким порядком или беспорядком, когда один в лес, а другой по дрова. Стало быть, все согласны? Единство методов нужно, назовем это единство «доктриной», — и кончено! Тов. Каширин так, примерно, и предлагал: нужно, чтобы государство в одной доктрине определило свой взгляд на войну. Выходит, будто весь спор из-за слов? Ан, нет: суть спора глубже — в путанице понятий. Что вы понимаете, в конце концов, под военной доктриной: ответ на вопрос, о том, за что сражаться, или ответ на вопрос, как сражаться, или, наконец, ответ на оба эти вопроса вместе? (Каширин: «На оба вместе»). Вот в том-то и дело, — вам нужна военная доктрина в смысле какого-то ответа о «смысле и целях войны». Вы тут целиком в плену у буржуазного государства. Так как оно вело и ведет войны ради грабежа и насилия, то оно вынуждено мотивировать действительные цели войны особой парадной, «национальной военной доктриной». Задача этой доктрины: обманывать народные массы, гипнотизировать их, ослеплять.

В плену у буржуазной идеологии.

Английская доктрина: цивилизаторская роль англо-саксов во всем мире и особенно в колониях; высшие интересы культуры требуют го-

сподства Великобритании на морях; отсюда — английский флот должен быть сильнее двух следующих за ним самых сильных флотов. За этой военной доктриной скрывались классовые интересы буржуазии. Есть ли у нас нужда создавать особую доктрину для выяснения того, зачем и почему нам приходится воевать? Нимало. У нас есть коммунистическая программа, у нас есть советская конституция, у нас есть закон о земле: вот наш ответ. Какого же вам еще? Разве есть в какой-либо стране ответ, хоть сколько-нибудь приближающийся по силе к тому ответу, какой дается нашей революции! Она уничтожила господствующие, имущие классы; вручила власть трудящимся и сказала: обороняйте эту власть, обороняйте себя, — вот вам и цель войны.

Вы требуете, чтобы армия себе поставила цель в виде какой-то доктрины, — а между тем революция ради собственных своих потребностей создала из нас армию и приказала нам: учитесь, такие-сякие, военному делу, как следует быть, и деритесь, как нужно. Мы и дрались три с лишним года. Когда же стало досужнее, мы поставили себе глубокомысленный вопрос: а где бы это разыскать доктрину, которая объясняла бы нам, за что мы будем сражаться? Да, ведь, это же смешной педантизм! Есть второй вопрос: как сражаться. Тут говорят нужно единство методов. Ну, еще бы, а для чего же мы боролись с партизанщиной, с местничеством, с отсебятиной? Для чего создали централизованный аппарат, возглавляемый Революционным Военным Советом Республики? Для чего написали уставы, инструкции и учинили трибуналы? Сколько раз нам приходилось (и мне лично) обьяснять и доказывать, что лучше единство плохих методов, чем разнообразие хотя бы самых лучших. Приходилось мне это доказывать в борьбе с партизанщиной и в Царицыне, на родине тов. Минина, который теперь не любит, когда один в лес, а другой по дрова. В те времена некоторые из нынешних сторонников военной доктрины заявляли, что-де мы будем выполнять на фронте хорошие приказы, а приказы, которые сочтем неправильными, выполнять не будем. В те времена приходилось и сурово поступать с самостийными начдивами и комбригами, выросшими из партизанщины и не желавшими понять значения единства организации и единства методов. Все наши усилия в течение всего времени существования Красной Армии сводились именно к тому, чтобы обеспечить максимальную планомерность, наивысшее единство, наивысшую согласованность. Этому, ведь, и служили и служат все наши уставы, штаты, положения, приказы, циркуляры, инструкции, инспекционные комиссии и трибуналы. И сейчас значительная часть взаимоотношений Реввоенсовета Республики с округами и фронтами состоит в борьбе с их уклонениями от штатов и норм, установленных центром. Разумеется, наши уставы и штаты не абсолютны. Мы их пересмотрим при свете нашего опыта. Пересматривая и улучшая наши методы, мы тем самым отстаиваем их единство. Перенося вопрос в плоскость элементарных рассуждений о пользе единства методов, вы нас фактически отбрасываете назад

года на три к периоду нашей борьбы с партизанщиной и самостийностью и выдаете это за какую-то новую военную доктрину.

Наступление и оборона.

Тов. Кузьмин подошел к вопросу о наступательной и оборонительной войне. И оказалось, что тут никакого затруднения нет: Тов. Кузьмин всю эту беду немедленно руками разведет. Троцкий, мол, возражает против наступательной революционной войны и отстаивает оборону. А вот я, Кузьмин, скажу красноармейцам, рабочим и крестьянам: «Россия теперь — осажденная крепость, вы ее гарнизон, а вот завтра, может, понадобится вам выйти из крепости в поле, чтобы разрушить блокаду!» Вот и все, дело очень простое. Но ведь, товарищи, это же не серьезное политическое, а совершенно фельетонное отношение к вопросу. Достаточно, видите ли, найти подходящее сравнение, военный образ, чтобы все затруднения как рукой сняло... Нет, дело совсем не в этом. Нужно только ясно отделить политический вопрос от стратегического. Политически мы твердо стоим на позиции обороны. Мы не хотим войны, и все население нашей страны должно это знать и понять. Мы принимаем все меры к тому, чтобы избежать войны. Мы заявляем о нашей готовности уплатить на известных условиях царские долги. Я вспоминаю, как один товарищ говорил мне: «Зачем вы говорите открыто, что мы готовы признать царские долги?» Этот товарищ как бы стеснялся того, что нам приходится итти на такую уступку, и пытался преподнести ее рабочим и крестьянам в замаскированном виде. Это — грубая ошибка. Говорить надо ясно, просто и откровенно. И в последнем счете это пойдет только на пользу. Мы говорим рабочим и крестьянам: с нас требуют уплаты царских долгов. Царь брал деньги у биржи для того, чтобы вас, рабочие и крестьяне, душить, и теперь от вас, рабочие и крестьяне, требуют, чтобы вы заплатили за ваше удушение царем. И мы, Советская власть, готовы, на известных условиях пойти даже на уплату этих подло-бесчестных кровавых долгов. Почему? Потому, что хотим оградить нашу страну от испытаний новой войны». Таким путем мы уясняем крестьянам мирный и оборонительный характер нашей политики. На нас бросали банды. Мы эти банды истребляли, но в наступление не переходили. Мы, поистине, обнаруживали и обнаруживаем невероятное долготерпение. Почему? Потому, что хотим обеспечить народу мир. Вот это есть сейчас основа нашей политико-воспитательной работы в армии и в стране. А если нам не дадут мира? Если вынудят воевать? Тогда самый отсталый крестьянин поймет, что вина целиком на наших врагах, что другого выхода нет, возьмет рогатину и пойдет вперед. Тогда может развернуться в стратегическом смысле и наступательная война с нашей стороны. Тогда красноармеец, рабочий и крестьянин скажут: «Вся наша политика была направлена на оборону и на мирные отношения. Но если эти соседи, эти правительства не дают нам мира, несмотря на все

наши усилия, то нам, в целях обороны, не остается ничего другого, как опрокинуть их»... Таков будет крайний вывод всей страны в случае, если наша оборонительная и миролюбивая политика окажется сорванной нашими врагами. Вот в чем существо вопроса. Кто это поймет, тот найдет правильную линию для политической работы в армии. А притчей про осажденную крепость тут многого не достигнешь. Это только метафора, образ для передовой статьи или фельетона. Самарский мужик прочитает или услышит, как другой прочитает, почешет в затылке и скажет: «Хитро пишет тов. Кузьмин, ловко пишет». Но ради этой метафоры, уверяю вас, он драться не пойдет.

Тов. Ворошилов ссылался здесь на мои слова о том, что при известных условиях путь от Петрограда до Гельсингфорса может оказаться короче, чем от Гельсингфорса до Петрограда. Да, правильно, говорил; и, при известных условиях, снова готов повторить. Но, ведь, это и есть то самое, что я только что разъяснял. Это вовсе не значит, что мы собираемся, действительно, наступать на кого-либо из соседних стран. Это-то вы прекрасно понимаете. Правда, в пограничном районе, где наши бойцы особенно близко наблюдали бандитизм польского, румынского, финляндского происхождения, там в наших войсках настроения в пользу удара через границу бывают моментами очень сильны. «Даешь войну!» Эти слова там раздаются нередко, особенно у кавалеристов. Наши курсанты тоже не прочь на практике проверить то, чему обучаются теоретически. Да и во всей нашей армии господствует, к счастью, настроение готовности к бою.

Но, ведь, этим вопрос не исчерпывается. Война есть дело большое, серьезное, длительное. Она предполагает новые мобилизации нескольких возрастов, мобилизации лошадей, усугубление гужевой повинности и пр. и пр. Совершенно очевидно, что мы не могли бы начать войну путем пропаганды той правильной отвлеченной мысли, что, дескать, интересы трудящихся во всем мире одинаковы и пр. и пр. Эта-то мысль правильная, и в нашей пропаганде, прежде всего в нашей собственной партии, она должна занять виднейшее место. Но между пропагандой идеи международной революции и политической подготовкой трудящихся масс всей страны к возможным уже в ближайшее время военным событиям — разница огромная. Это разница между пропагандой и агитацией, между теоретическим предвидением и политикой сегодняшнего дня. Чем яснее, настойчивее, конкретнее, чем несомненнее мы сумеем показать и разъяснить всему населению страны действительно миролюбивый, действительно оборонительный характер нашей международной политики, тем больше будет все население готово, в случае, если нам все же навяжут войну, дать силы и средства для наступательной стратегии широкого масштаба. Тов. Фрунзе против этого не возражает. Наоборот, он заявил даже, что было бы глупейшей затеей говорить сейчас о наступательной войне с нашей стороны. Это правильно. Но прочитайте кое-какие свежие статьи

ближайших единомышленников тов. Фрунзе по этому вопросу: там говорится, что до сих пор мы «сидели» на обороне, а теперь готовимся к наступлению. Очень хорошо, что тов. Фрунзе решительно и даже резко отмежевался от этой ложной политической точки зрения, которая кроме затруднений, путаницы и вреда ничего нам дать не может.

Но нельзя же отказываться от идеи политического наступления вообще? Ну, еще бы! Мы ни в малейшей степени не собираемся отказываться от мировой пролетарской революции и от победы над буржуазией в международном масштабе. Мы были бы изменниками и предателями, подобно господам Второго и Двух-с-половинного Интернационалов, если бы отказались от революционного наступления. Но ведь соотношение между подготовительной, оборонительной работой и наступлением достаточно полно и ясно разработано в международном политическом масштабе на III Конгрессе Коммунистического Интернационала. Там же были сторонники доктрины оффензивы. Они тоже говорили: «оффензива отвечает революционной природе рабочего класса или характеру нынешней революционной эпохи». И когда их осаживали и одергивали, эти «левые» восклицали: «Так вы отказываетесь от наступления?— Нисколько не отказываемся, дорогие товарищи, но во благовремении. Без наступления победа невозможна; но только простак думает, что вся политическая тактика сводится к лозунгу «при вперед!»

В обстановке «печальной необходимости».

Идея революционной наступательной войны может быть связана лишь с идеей международного пролетарского наступления. Но разве сегодняшний лозунг Коминтерна таков? Нет, мы выдвинули и отстаиваем идею единого рабочего фронта, совместных действий, даже с партиями II Интернационала, которые не хотят революции, — на почве отстаивания сегодняшних жизненных интересов пролетариата, ибо им угрожает со всех сторон наступающая буржуазия. Наша задача — овладеть массой. Как же, товарищи, вы не заметили этой тактики, не усвоили ее смысла, не уяснили себе ее связи с новой экономической политикой у нас внутри страны? Совершенно очевидно, что дело идет сейчас о большой подготовительной работе, в данный момент оборонительного характера, с широким массовым захватом. Из этой работы неизбежно вырастает на известном этапе массовое наступление, руководимое коммунистами; но сегодняшняя задача не такова. Согласуйте же нашу военную пропаганду с общим ходом политики мирового рабочего класса. Нелепо говорить Красной Армии о революционной наступательной войне, когда европейские коммунистические партии мы призываем к тщательной подготовке на все более широком массовом базисе. Изменится мировая обстановка — тогда изменится и лозунг нашей воспитательной работы.

Так обстоит сегодня вопрос с наступлением в политическом смысле. Но остается стратегическая и тактическая сторона вопроса. И здесь, после всех разъяснений тов. Фрунзе, я остаюсь целиком при том взгляде, что формула французского полевого штаба неверна, страдает наступательным формализмом. Наш полевой устав выражает идею наступления значительно правильнее. «Наилучший способ достижения поставленной цели — действовать наступательно». Здесь не говорится, что будто бы тот, кто наступает первым, «обнаруживает более сильную волю». Задача войны — разгром противника. Разгром невозможен без наступления. Более сильную волю обнаруживает тот, кто для наступления создает наиболее благоприятные условия и использует их до конца. Но это вовсе не значит, что нужно для обнаружения воли наступать первым. Это вздор. Если материальные условия мобилизации не позволяют этого, то я буду безнадежный формалист и тупица, если построю свой план на том, что я должен первым перейти в наступление. Нет, я превосходство своей воли обнаружу в том, что создам благоприятные условия для своего наступления вторым, вырву на известном, заранее намеченном рубеже инициативу и добьюсь победы, хотя буду наступать вторым (Фрунзе: «Это менее выгодно!». Может быть, это и менее выгодно по сравнению с отвлеченной страной, у которой иные железные дороги, иной аппарат мобилизации; но, ведь, мы же не геометрическую задачу решаем, а намечаем конкретный план действий, в зависимости от материальных и духовных условий нашей страны, в ее взаимоотношениях с другими странами. С одной стороны, тов. Фрунзе всемерно подчеркивает, что мы будем сражаться, располагая низшей техникой, чем наши враги, и даже эту низшую технику как бы вводит в нашу военную «доктрину». Нам нужно, разумеется, сделать все для того, чтобы технику нашу уравнять с техникой врагов. Но весьма понятно, что в отношении авиации, например, у них будет перевес. Тов. Фрунзе считается с этим, всячески подчеркивает это и в качестве одного из средств противодействия рекомендует, например, приучение войск к ночным операциям. Почему же он забывает положение транспорта, который является в нынешних условиях важнейшей частью военной техники? Нельзя же забывать мобилизацию, сосредоточение и развертывание. Именно из этого должна исходить серьезная стратегия. Что нужно наступать — это бесспорно. Это не только в нашем уставе сказано, но и в старом царском почти теми же словами. Мы это слышали из уст Суворова. Да и как победить врага, если не ударить его по черепу? А для этого нужно напасть на него, наскочить. Это знали полководцы ветхозаветной древности. Но вы хотите нам сообщить нечто новое, вы говорите нам о пролетарской стратегии, вытекающей из революционной природы пролетариата. Вас не удовлетворяет, повидимому, формула нашего полевого устава. Вы создаете свою формулу, которая — о, неожиданность! — оказывается взятой из французского полевого устава. Но эта, якобы новая, формула неверна и нашим условиям явно не соответствует. Если мы

вобьем в голову нашему комсоставу, что революционная природа и «сильная воля» требуют, чтобы ты наступал **первым**, то первый же период наших операций на Западе может сбить наш командный состав с толку, ибо условия могут нам навязать и, по всей вероятности, навяжут вступительный период упругой обороны и маневренного отступления (**Фрунзе**: «Печальная необходимость»)... Да, вся война, тов. **Фрунзе**, есть печальная необходимость.

В пределах этой печальной необходимости надо строить свой план, считаясь с некоторыми другими «печальными необходимостями», если они имеют капитальный характер. А состояние транспорта, в самом широком смысле слова, есть одно из капитальнейших условий войны. Следовательно, природа нашей страны, ее расстояния, распределение ее населения, ее железные, шоссейные и проселочные дороги делают весьма вероятным, что исходной линией нашего наступления будет рубеж, отстоящий на значительное расстояние от нашей государственной границы. Если наш командный состав поймет внутреннюю логику такого стратегического плана, начинающегося с завесы, обороны и даже отступления, чтобы уплотнить войска на намеченном рубеже и перейти в решающее наступление, без которого, разумеется, победа невозможна, если наш командный состав проникнется этой действительно маневренной идеей, а не формалистическим взглядом на наступление, тогда он не будет дезорентирован, сбит с толку, не потеряется, а передаст свою спокойную уверенность всей армии.

Наша агитация, как «род оружия».

Тут в защиту того, что у нас есть своя «военная доктрина», приводили нашу революционную агитацию, как новый род оружия, нами введенного. Но и это неверно. И здесь мы обманываем себя. В самом деле, пропаганда поставлена в буржуазных армиях несравненно шире, богаче, разнообразнее, чем у нас. В первые два года войны я жил во Франции и наблюдал там механику империалистской агитации: куда же нам тягаться с ней при нашей бедности сил и средств? У нас газеты маленькие, на плохой бумаге и печатаются крайне неотчетливо, а, главное, тираж незначительный. А во Франции такая распутно-лживая, буржуазно-наглая газета, как «Пти Паризьен» («Маленький Парижанин») выходила во время войны в количестве чуть ли не 3 миллионов экземпляров. Тираж некоторых других империалистских газет переваливал за миллион. Каждый солдат получал газету, а то и две. Тут и стихи, и проза, и фельетон, и карикатура. И газеты всех цветов радуги: и монархические, и республиканские, и социалистические, и все били в одну точку: войной до конца. И католический поп тут же ходил по траншее и действовал, как очень ловкий агитатор: он хлопал солдата по плечу и говорил ему: «Только еще и остались две хорошие вещи на свете: винцо да господь-бог!»

А социалистический депутат, приезжая на фронт, говорил о борьбе за свободу, равенство и пр. Тут же театр, и балет, и шансонетка. И все это первоклассное. И все это било в одну точку. Чудовищная машина обмана, гипноза, усыпления, развращения! Так в чем же наша сила? В коммунистической программе. В революционной идее. Когда наши враги говорят о чудовищной силе нашей пропаганды, то это нужно относить не к нашей организации и технике пропаганды в армии, а к внутренней силе нашей революционной программы, которая отражает действительные интересы трудящихся масс и поэтому захватывает их за живое. Не мы изобрели политику. Не мы изобрели агитацию и пропаганду. Враги и в этом отношении материально и организационно сильнее нас, как царизм был несравненно сильнее нашей партии, когда она сидела в подпольи и действовала листочками и прокламациями. Но в том-то и суть дела, что со всем своим аппаратом и со всей своей техникой буржуазия не может удержать массы. А мы их завоевываем и завоюем во всем мире. Стало быть, нет надобности открывать новый род оружия, входящего в военную доктрину пролетариата. Ибо коммунистическая программа открыта до возникновения Красной Армии, и сама Красная Армия есть только оружие для того, чтобы обеспечить возможность осуществления коммунистической программы.

Поменьше размашистых обобщений.

Связь стратегических и тактических методов с классовой природой пролетариата вовсе не такая тесная, безусловная и непосредственная, как разъясняется многими товарищами. На основании своих, каюсь, скромных сведений по истории военного дела, я взялся бы доказать, что Красная Армия с начала своего существования проделывала те этапы, какие прошло развитие новых европейских армий, скажем, с XVII века. Разумеется, переход от этапа к этапу совершался очень быстро, как бы по сокращенному конспекту. Ребенок во чреве матери, развиваясь из зародыша, повторяет в основных чертах этапы развития человеческого вида. Нечто подобное, повторяю, можно, наблюдать на примере развития Красной Армии. Она вовсе не начала с маневренности. Первые ее боевые попытки дают нам картину угловатой, грубой позиционности кордонного типа. Организация и стратегические методы менялись в процессе борьбы под ударами врагов. Так развернулась маневренность последнего периода гражданской войны. Но это не последнее слово стратегии Красной Армии. В эту расплывчатую хаотическую маневренность мы должны ввести элементы устойчивости: прочные, упругие кадры. Придет ли эта более квалифицированная армия к позиционным методам? Это зависит от условий дальнейших войн, от того, где они наступят, насколько большие массы будут единовременно вовлечены в военные действия, и на какой территории эти последние развернутся.

Тов. Буденный объяснил позиционность империалистической войны отсутствием большой инициативы, нерешительностью руководства. «Не было гениального полководца!»... Я думаю, что это объяснение неправильно. Суть в том, что империалистическая война была не войной армий, а войной наций, притом наций богатейших, огромной численности и с огромными материальными рессурсами. Война шла не на жизнь, а на смерть. На каждый удар противная сторона находила ответ, каждую дыру затыкала. Фронт уплотняли непрерывно с обоих сторон; артиллерия, снаряды, люди нарастали там и здесь. Таким образом, задача вышла за пределы стратегии. Война превратилась в глубочайшее измерение взаимных сил по всем направлениям. Ни авиация, ни подводные лодки, ни танки, ни конница, сами по себе не могли дать решающего результата: они только служили средствами постепенного истощения сил врага и постоянной проверки его состояния — держится он еще или готов пасть? Это была в подлинном смысле слова война на истощение, в которой стратегия имеет не решающее, а подсобное значение. Совершенно бесспорно, что в ближайшее время повторение такой войны невозможно. Но столь же невозможно повторение на европейской территории методов и приемов нашей гражданской войны: условия и обстановка там слишком отличны. Вместо размашистых обобщений следовало бы более определенно задуматься над конкретными условиями.

«Единая доктрина» в будущей гражданской войне.

Возьмем для примера Англию и попытаемся представить себе, какой характер примет или, вернее, может принять гражданская война на великобританских островах? Разумеется, мы не можем пророчествовать. Разумеется, события могут сложиться и совершенно иначе, но все же полезно сделать попытку представить себе ход революционных событий в своеобразных условиях высоко развитой капиталистической страны с островным положением.

Пролетариат составляет в Англии подавляющее большинство населения. В нем много консервативных тенденций. Он трудно раскачивается. Но зато, когда он сдвинется окончательно с места и преодолеет первое организованное сопротивление внутренних врагов, его господство на островах окажется подавляющим в силу его подавляющей численности. Значит ли это, что буржуазия Великобритании не сделает попытки при помощи Австралии, Канады, Соединенных Штатов и пр. сокрушить английский пролетариат? Конечно, сделает. Для этого она попытается сохранить в своих руках военный флот. Он ей нужен будет не только для голодной блокады пролетарской Великобритании, но и для десантов. Французская буржуазия не откажет в черных полках. Тот самый флот, который служит ныне для обороны великобританских островов и для их непрерывного продовольственного снабжения, станет орудием нападения на эти острова. Проле-

тарская Великобритания окажется при этом осажденной морской крепостью. Отступать из нее некуда, разве только в море. А мы предположили, что море остается в руках врага. Гражданская война примет, следовательно, характер защиты острова от военных кораблей и десантов. Повторяю, это не пророчество: события могут сложиться иначе. Но кто отважится сказать, что намеченная мною схема гражданской войны невозможна? Вполне возможна и даже вероятна. Было бы хорошо, если бы наши стратеги над этим призадумались. Они бы тогда окончательно убедились, как неосновательно выводить маневренность из революционной природы пролетариата. Кто знает, не придется ли английскому пролетариату покрывать побережье своих островов окопами, широкими лентами проволочных заграждений и позиционной артиллерией.

Образцы гражданской войны, близкие нашему недавнему прошлому, нам нужно искать не в будущем Европы, а в прошлом Соединенных Штатов. Несомненно, что гражданская война в Соединенных Штатах в 60-х годах прошлого столетия обнаруживает очень много общих черт с нашей гражданской войной. Почему? Потому что и там были огромные пространства, редкое население, недостаточные пути сообщения. Конные рейды и там играли огромную роль. Замечательно дело, что и там инициатива исходила от «белых», т.-е. от рабовладельцев — южан, которые вели войну против буржуазных и мелко-буржуазных демократов Севера. У южан были степи, плантации, степные пастбища, хорошие лошади и привычка к верховой езде. Первые рейды на тысячи верст были произведены ими. По их примеру создали конницу северяне. Война имела расплывчато-маневренный характер и закончилась победой северян, которые отстаивали прогрессивные тенденции хозяйственного развития против южных плантаторов-рабовладельцев.

На пути к пролетарской стратегии.

Тов. Тухачевский по существу соглашался со мной, но делал какие-то оговорки, смысл которых мне не ясен. «То, что тов. Троцкий одергивает за фалды — говорит Тухачевский — полезно», — но полезно, повидимому, только до известного предела, насколько я могу понять, ибо самое стремление создать нечто новое, в смысле пролетарской стратегии и тактики, кажется Тухачевскому стремлением плодотворно-прогрессивным. Тов. Фрунзе, идя по той же линии, но дальше, цитирует Энгельса, который писал в 50-х годах, что завоевание власти пролетариатом и развитие социалистического общества создаст предпосылки новой стратегии. Я тоже не сомневаюсь, что если бы страна с развитым социалистическим хозяйством оказалась вынужденной вести войну с буржуазной страной (как это представлял себе Энгельс), картина стратегии социалистической страны была бы совсем иная. Но это не дает никаких оснований для попыток высасывать сегодня из пальца «пролетарскую стратегию» Р. С. Ф. С. Р. Новое стра-

тегическое слово вырастает из стремления улучшить, оплодотворить практику войны, а вовсе не из голого стремления сказать «нечто новое». Это все равно, как если кто, ценя оригинальных людей, поставил бы себе задачей стать оригинальным, — разумеется, ничего, кроме самого жалкого обезьяничанья, он бы не дал. Развивая социалистическое хозяйство, повышая культурный уровень и сплоченность трудящихся масс, повышая квалификацию Красной Армии, улучшая ее технику и ее кадры, мы, несомненно, обогатим военное дело новыми приемами, новыми методами,—именно потому, что вся наша страна будет расти и развиваться на новых основах. Но ставить себе задачу умозрительным путем вывести из революционной природы пролетариата новую стратегию — значит заниматься перелицовкой сомнительных положений французского полевого устава и неизбежно попадать впросак.

К накоплению культуры!

В заключение хочу остановиться на вопросе об отделенном командире. Разумеется, все признают важность и значение отделенного командира, но не все хотят видеть в нем центральный пункт нашей военной программы на ближайший период. А некоторые товарищи даже говорят об этом вопросе с известной снисходительностью: «Конечно, кто же отрицает... Да, разумеется... Да, понятно... но на отделенном командире свет клином все же не сошелся»... и пр. и пр. и пр. Немножечко в этом духе говорил наш милейший тов. Муралов: «Разумеется—говорит— надо чистить сапоги, пуговицы пришивать и воспитывать хорошего отделенного командира, но это далеко еще не все». Почему-то отделенный командир здесь связан с пуговицами и сапогами. Напрасно! Пуговицы, сапоги и проч. относятся к тем «мелочам», которые в совокупности своей имеют огромнейшее значение. Отделенный же командир ни в каком случае не есть мелочь. Нет,—это важнейший рычаг нашей военной механики.

Но, кстати, сперва несколько слов о пуговицах, сапогах, борьбе с вошью и проч. Тов. Минин обвинял меня в том, что я сбиваюсь на культурничество. Жаль, что он не обвинял в том же заодно и т. Ленина за его доклад на Съезде, ибо главная мысль т. Ленина была та, что нам для нашего строительства не хватает культурности, и что эту культурность нам нужно настойчиво, упорно и систематически накоплять и повышать путем воспитания и самовоспитания. Термин «культурничество» сюда не подходит, потому что этим словом мы называли и даже клеймили тех крохоборов, которые при господстве царизма и буржуазии надеялись возродить страну путем мелких и мельчайших просветительных, кооперативных, санитарных и проч. мероприятий. Мы этому противопоставляли программу революции и завоевания власти рабочим классом. Но теперь это осуществлено, власть рабочим классом завоевана: это значит, что созданы политические условия для культурной работы в небывалом до

сих пор историческом масштабе. Эта культурная работа сплошь складывается из деталей и мелочей. Победоносная революция дает нам возможность вовлечь в культурную работу самые глубокие низы народа. Это есть сейчас главная задача. Нужно учить грамоте, нужно учить точности, бережливости — и все это на опыте нашего государственного и хозяйственного строительства изо дня в день, из часа в час. То же самое и в армии.

Сегодняшний военный лозунг.

Но отделенный командир — это все же особь статья. Это никак не мелочь, это — командир, вождь, глава основной воинской группы — отделения. Нельзя строить здание из рассыпающегося песку. Нужен хороший строительный материал, нужно хорошее отделение, а это значит — хороший, надежный, сознательный, уверенный отделенный командир.

«Но вы, — говорят некоторые, — забываете о старшем командном составе?» Нет, не забываю, и именно старшему командному составу я ставлю эту задачу—воспитать отделенного командира. Не может быть лучшей школы для полкового, бригадного, дивизионного командира, как работа по воспитанию отделенного. Наши повторительные курсы, академии и академические курсы очень важны и полезны, но лучше всего обучается учитель, обучая своих учеников, лучше всего обучится командир полка, комбриг и начдив, поставив в центре своего внимания на ближайший период обучение и воспитание отделенного командира, ибо этого нельзя сделать, не уясняя самому себе лучше и лучше все без исключения вопросы организации и тактики Красной Армии. Надо самому все вопросы продумать ясно, до конца, не обманывая себя, чтобы ясно и отчетливо сказать отделенному командиру, чем он должен быть и чего от него требуют. Отделенный командир — это центральная сейчас задача. Общие фразы о воспитании командного состава в духе маневренности дают по существу очень мало, отвлекая внимание от важнейшей задачи настоящего периода. Было время, когда надо было разбить нашу примитивную неподвижность и кордонность, было время, когда лозунг маневренности был спасительным; тогда клич «Пролетарий на коня!» выражал основную потребность. Конечно, и тогда имела значение не только конница, но и пехота, и артиллерия и проч.; однако же, если бы мы тогда не создали красной конницы, мы, вероятно, погибли бы. Поэтому, в призыве «Пролетарий, на коня!» резюмировалась центральная, основная потребность тогдашнего периода в развитии армии. Новая эпоха выдвигает новую задачу: привести в порядок основную клеточку армии — отделение, резюмировать наш военный опыт для отделенного командира, поднять его знание, его самосознание. Все сейчас упирается в эту точку. Надо это понять и твердо взяться за работу.

Военное знание и марксизм.

Речь на заседании Военно-Научного Общества при Военной Академии Р. К. К. А. 8-го мая 1922 г. *)

I

Вступительное слово.

Позвольте открыть заседание Военно-Научного Общества, по счету пятьдесят первое, как мне сообщили сейчас.

Темой сегодняшнего нашего обсуждения должно явиться место, занимаемое военным знанием и военным умением в системе человеческого знания вообще. Каюсь с самого начала, что ответственность за инициативу этой дискуссии падает в значительной мере на меня. Не потому, чтобы я считал этот сложный, отвлеченный, теоретико-познавательный и философский, в худом и хорошем смысле этих слов, вопрос самым злободневным и неотложным в нашей военной учебе. Но мне показалось, что эти вопросы навязываются нам всем ходом идейного развития и некоторой теоретико-идейной борьбой на верхах нашей армии.

В одном из наших изданий, которое близко стоит к вашему обществу, я прочитал две статьи [55], из которых одна доказывала, что военная наука не может быть построена и не может применять для своих собственных задач методы марксизма, ибо военная наука относится к порядку естественных наук. Эта статья была сопровождена полемико-критической статьей, повидимому, ближе выражающей точку зрения редакции. Здесь, наоборот, была сделана попытка доказать, что методы марксизма являются универсальными научными методами — и потому свою компетенцию распространяют на военную науку. Каюсь, опять-таки, что мне обе эти точки зрения показались неправильными: военная наука не принадлежит

---

*) Стенограмма этой речи сохранилась в крайне несовершенном виде. Исправление ее представляло большие трудности. Но я разыскал в своих старых бумагах довольно обширные наброски незаконченной мною статьи на ту же тему: военная наука, военное искусство, вечные законы, марксизм и прочее. Эта незаконченная мною и неопубликованная статья писалась вскоре после того заседания Военно-Научного Общества, к которому относится данная речь. Я воспользовался старыми набросками, чтобы заменить ими неясные места стенограммы. Это придало работе несколько бо́льшую законченность, и я считаю возможным опубликование ее в таком виде. *Л. Т.*

к числу естественных наук, ибо она — не «естественная» и не «наука». Пожалуй, наша сегодняшняя дискуссия приблизит нас к познанию этого вопроса.

Но если даже принять, что «военная наука» есть наука, то все же никак нельзя принять, что она может строиться по методу марксизма; ибо исторический материализм вовсе не является универсальным методом для всех наук. Здесь величайшее заблуждение, которое показалось мне чреватым вреднейшими последствиями. Можно заниматься всю свою жизнь военным делом с большим успехом, не размышляя никогда относительно теоретико-познавательных методов военного дела, — как я могу каждый день смотреть на часы, не зная внутреннего механизма, сцепления колесиков и рычажков. Если я знаю цифры и стрелки, то я не совру. Если же я хочу, не удовлетворяясь движением стрелок на циферблате, говорить о структуре часов, то я должен быть с ней знаком, как следует быть; отсебятине тут места не должно быть.

На другой дискуссии (по поводу единой военной доктрины) я уже приводил черту из жизни Георгия Валентиновича Плеханова — первого крестоносца марксизма на русской почве, человека обширного ума и высокого дарования. Когда Плеханов замечал, что вопросы философского материализма и исторического противопоставляются друг другу или, наоборот, сливаются воедино, он каждый раз горячо протестовал. Философский материализм представляет собою теорию, лежащую в основе естественных наук; исторический материализм объясняет историю человеческого общества. Исторический материализм есть метод, объясняющий не все мироздание, а строго определенную группу явлений, обследующий развитие исторического человека. Философский материализм объясняет движение вселенной, как изменение и превращение материи, и доводит свое объяснение до «высших» проявлений духа. Быть марксистом в политике и не знать исторического материализма — трудновато, чтобы не сказать: невозможно. Быть марксистом в политике и не знать философского материализма — возможно, — и таких примеров сколько угодно...

И вот когда кто-нибудь из марксистов (по старому — «социал-демократов») забредал в область философии и начинал путать, покойник Плеханов крыл такого беспощадно. Сколько раз ему говорили: «Что же вы, Георгий Валентинович, ведь это человек молодой, ему не было времени заниматься вопросами философии, он боролся в подпольи». Но Плеханов резонно отвечал: «Если он не знает, пусть молчит, — никто ведь его за язык не тянет... В нашей программе не сказано, что с.-д. должен быть подкован на все четыре ноги философского материализма. Ты должен быть активным членом партии, ты должен быть мужественным борцом за рабочее дело но уж если ты покушаешься на философскую область, то не путай»... И он вставал во весь рост, беря в руки свой великолепный полемический хлыст. Если пересмотреть партийную историю, то у многих на ребрах видны еще следы этого хлыста и по-сейчас.

Полагаю, что в области философии военного дела надо следовать хорошей традиции покойника Плеханова. Вовсе мы не обязаны заниматься вопросами, которые называются «гносеологическими», «теоретико-познавательными», философскими; но уж если ими случилось заняться, то тут нельзя путать и забираться с несоответственным оружием в другую область, пытаясь метод марксизма применять непосредственно в военном деле в собственном смысле этого слова (не в военной политике). Пытаться строить специальную область военного дела методом марксизма есть величайшее заблуждение, не меньшее, чем пытаться вдвинуть военное дело в ряд естественных наук. Если не ошибаюсь, представители обоих направлений сегодня собираются выступить; вероятно, они лучше моего изложат ход своих мыслей, — и тогда мы с ними поспорим.

Я не думаю, товарищи, что мы сегодня придем к каким-нибудь общеобязательным решениям по этому вопросу. Но если мы внесем некоторую ясность в вопрос, и если вывод будет таков: поосторожнее с непосредственным применением марксизма в специальных областях творчества, то это уже будет очень большим завоеванием. С нашей «военной доктриной» которая имеет некоторую связь с сегодняшним вопросом, мы, как известно, кружили и путали сколько угодно, и я не думаю, чтобы мы себя очень обогатили, разве только в отрицательном смысле: все убедились, что из всего этого ничего особенного не вышло. Мы обещались построить «единую военную доктрину» на «пролетарском, марксистском» фундаменте, а поспорив, вернулись к тому, что надо пересмотреть, на основе проделанного опыта, наши уставы. И мы просматриваем их, — медленно, ковыляя по дорогам, да по ухабам, так как дороги у нас проселочные и оврагов не мало. Но я твердо надеюсь, что реальная польза от пересмотра уставов будет; новой военной доктрины комиссионным путем не выдумаем; зато от многого хлама избавимся, а кое-что точнее формулируем. Что же касается нынешнего нашего заседания, то польза от постановки на дискуссию широкого вопроса о взаимоотношении военного дела и марксизма будет больше, так сказать, умственно-гигиенического характера, путаницы несколько поубавится. А практическая задача такова: давайте учиться говорить о коннице проще, не будем загромождать наше обсуждение авиации пышной марксистской терминологией, громкими терминами, широко-вещательными проблемами, которые сплошь да рядом оказываются шелухой без ядра и содержания...

Вот, товарищи, те вступительные замечания, которые я позволю себе сделать. В интересах аудитории, где есть товарищи разной степени искушенности в вопросах философии, я очень просил бы всех докладчиков и участников прений изъясняться как можно конкретнее, точнее, проще, понятнее. Думаю, что я в значительной мере близок к истине, утверждая, что не все здесь присутствующие проштудировали философию, так сказать, с начала до конца, и даже кое-кто из нас, наверное, не читал самых элементарных книжек по философии. Думаю, что такая постановка, т.-е. обра-

щение к аудитории философски неискушенной, будет иметь еще и то преимущество, что поможет разглядеть содержимое багажа каждого докладчика; ибо философская терминология — это есть прием, похожий на гримировку... Гримировка страшно внушительная, а под ней — ничего и нет. Между тем этот оккультизм для авгуров, для посвященных, эти средневековые традиции и приемы у нас держатся, как я заметил, во многих статьях наших военных изданий. Итак, прошу излагать свои мысли попроще.

Позвольте, товарищи, перейти сейчас к прениям. В порядке намеченных докладов, попрошу тов. Лукирского сделать свое сообщение.

II

Заключительное слово.

Список ораторов исчерпан. Позвольте сказать в заключение несколько слов в защиту обиженного, по-моему, здесь искусства, — обиженного за счет военной науки, которую некоторые товарищи в свою очередь защищали от наших обид, по-моему мнимых.

Говоривший последним тов. Огородников — да и до него некоторые — особенно атаковал тов. Свечина, с которым и мне в свое время приходилось полемизировать: как это вдруг цеховой человек военной науки занимается таким самоотречением, развенчивает военное знание, заявляя, что здесь о науке и речи нет?

Обходным движением подошел к этому вопросу тов. Полонский. Разберемся, говорит он: «Знание может быть либо научно, либо ненаучно. Если военное дело научно, то оно наука, если ненаучно, то грош ему цена». Тов. Полонский сравнивал полководца с хирургом. Сравнение неплохое! Хирург делает операцию. Это есть действие, для которого требуется навык, известное искусство, а вот для студента, который следит за операцией, — говорит тов. Полонский — это наука. Конечно же, это не так. И для студента операция — не наука, а выучка. Если рисует художник, то это искусство; а кругом сидят и копируют; что для них, для учеников, по-вашему, это наука? Нет. Выучка — это еще не наука. Так понимали «науку» в суворовские времена, когда стегали солдата шпицрутенами, это и была «наука побеждать».

Один из выступавших говорил: нельзя приравнивать военное дело к искусству, — искусство, де, имеет эстетический критерий. А практическое искусство? А искусство построения мостов, искусство построения домов, искусство канализации? У практического искусства, не забудем, есть и научное основание. Конечно, в последнем счете все науки выросли из практики, из ремесла, из действия, но потом они освободились от непосредственной «грубой» связи, сохраняя тем не менее, свое утилитарное историческое значение. Делая химические опыты или следя в лаборатории

за скрещиванием видов, ученый может преследовать непосредственную практическую цель, но может и не преследовать ее. С другой стороны и чисто-теоретический вывод обогащает в последнем счете практику. Искусство может опираться на множество наук. Один человек разрабатывает науку, как науку «бескорыстно», как говорится, другой оперирует только с выводами науки для практических целей; третий улавливает интуитивно, творческим нюхом то, что нужно ему для практики. Тов. Снесарев лучше других подошел к сути, предложив для военного дела термин «обнаученное искусство». Можно, конечно, выдумать десяток других терминов, и я не предлагаю узаконить термин Снесарева, но, по-моему, автор термина показал себя более свободным от цеховых предрассудков, когда сказал: «Я и названия ремесла не испугаюсь, тем более не испугаюсь искусства».

Многие товарищи подходили к занимающему нас вопросу с точки зрения «аристократической», с точки зрения полководцев, сегодняшних или будущих военных вождей, — а если взять военное дело в целом, ведь всякий солдат должен знать свой маневр. Тот маневр, который знает, должен знать рядовой пехотинец — наука это или нет? Вы говорите о полководце: он должен знать географию, историю, — недурно будет, прибавлю, если политическую экономию узнает, — он должен знать историю военного дела хотя бы за последнее столетие. Но разве военное дело исчерпывается полководцем? Нет. Есть, не будем забывать, солдат, отделенный командир взводный; у этих военное дело остается на уровне ремесленной сноровки.

Если солдат не знает маневра, он просто пушечное мясо; если знает маневр — он «ремесленник». Дальше пойдет уже искусство, оперирующее методами и выводами многих наук, которые эксплоатируются военным делом. Методы, например, географии, могут и должны быть использованы для военного дела. Обязательно нужна также статистика. Нужна этнография. Нужна история. Все это науки. Но само военное дело не наука. Надо различать, с одной стороны, науку, которая устанавливает законосообразность явлений, их причинность, а с другой — искусство, которое имеет в виду целесообразность приемов. Это не одно и то же — целесообразность приемов, навыков, методов и законосообразность объективных явлений. Я могу тем целесообразнее выработать метод, чем лучше я знаю законосообразность явлений, но все же нельзя смешивать одно с другим.

Наш метод военного дела в Советской Республике в последнем счете определяется техникой, соотношением классов и проч. Но из этих правильных марксистских положений нельзя вывести штаты конного полка! Глеб Успенский великолепно показал во «Власти земли», что вся жизнь и все мышление крестьянина зависят от власти земли, определяются целиком состоянием производственных средств крестьянина. Марксизм может ответить на вопрос: почему до тех пор, пока мужик ходит в лаптях, он будет верить в домового? Лапти определяются крестьянским способом

производства; последний вызывает также целый ряд других, неразрывных с лаптями явлений — узкий кругозор, рабскую зависимость от дождя, солнца и других элементарных явлений природы, а все это в совокупности создает предрассудки. Все это марксизм может проследить и объяснить. Но может ли марксизм научить плести лапти? Нет, не может. Он может объяснить, почему мужик ходит в лаптях, — потому что кругом лес, кора да бедность, — но плесть лапти марксистским методом нельзя! А тов. Ахов именно хочет при помощи марксизма плести лапти. Ничего не выйдет!

Один из выступавших протестовал против названия военного дела искусством, на том, видите ли, основании, что военное дело не подчиняется критерию изящного. Но это уж чистейшее недоразумение. Торговля, в особенности на Сухаревке, уж, наверное, не поддается эстетическому критерию, но все же существует искусство торговли. У торговли есть свои сложные методы, связанные с некоторыми наукоподобными теориями: двойная итальянская бухгалтерия, коммерческая корреспонденция, коммерческая география и пр. Что же такое торговля: наука или нет? Маркс из торговли сделал науку — в том смысле, что установил законы капиталистического общества, сделав торговлю объектом научного исследования. Но можно ли торговать «по-Марксу» на Сухаревке?.. Нет, нельзя. Одним из самых устойчивых, если не вечных, принципов торговли является правило: «не обманешь — не продашь». Марксизм объяснит, откуда появился этот «принцип», как его потом заменила двойная итальянская бухгалтерия, которая означает то же самое, но в более деликатной форме. Но может ли марксизм создать новую бухгалтерию? Или избавлен ли марксист от необходимости изучать бухгалтерию, если он хочет серьезно заняться торговлей? Попытки объявить марксизм методом всех наук и искусств скрывают под собой нередко упорное нежелание забираться в новые области: ведь гораздо легче иметь «паспарту», т.-е. ключ, который подходит ко всем дверям и замкам, чем изучать бухгалтерию, военное дело и пр... Это величайшая опасность, когда марксистскому методу пытаются придать такого рода абсолютный характер. Маркс нападал на таких квази-марксистов и в одном из своих писем он буквально заявил: «Я не марксист!» когда ему подсовывали, вместо объяснения исторического процесса, вместо внимательного и добросовестного исследования того, что происходит, известный маршрут для истории. Тем более он не собирался своей общественно-исторической теорией заменять все другие области человеческого познания. Значит ли это, что военачальнику не нужен марксистский метод? Отнюдь не значит. Было бы абсурдом отрицать великое значение материализма для дисциплины мысли во всех областях. Марксизм, как и дарвинизм, это высшая школа человеческой мысли. Методы войны нельзя вывести из теории Дарвина, из закона естественного отбора, но военачальник, который проштудировал Дарвина, будет, при прочих качествах, прочнее подкован: у него будет шире

кругозор и больше находчивости, он будет подмечать те стороны природы и человека, которых раньше не замечал. Тем более это относится к марксизму.

Одно замечание к словам тов. Ахова о роли исторического анализа в разъяснении того или другого понятия или гипотезы. Совершенно правильно, — историческая точка зрения в высшей степени плодотворна, и история науки лучше всякой кантианской гносеологии. Человек должен прочищать свои понятия и термины, как зубной врач прочищает свои инструменты. Но для этого нужна не кантианская гносеология, которая берет раз навсегда запечатленные понятия, — термины нужно брать исторически. Но история терминов, гипотез и теорий не заменяет самой науки. Физика есть физика. Военное дело есть военное дело.

Марксизм можно с величайшим успехом применить даже к истории шахматной игры. Но нельзя научиться по-марксистски играть в шахматы. При помощи марксизма мы установим, что такое было старое обломовское дворянство, которое по лености даже в шахматы не играло; позже, когда развились города, появились интеллигенты и купцы, возникла и потребность упражнять мозги в шашечной и шахматной игре. А теперь у нас пошли в шахматные клубы рабочие. Рабочие играют ныне в шахматы потому, что сбросили тех, кто на них ездил. Все это отлично объясняет марксизм. Можно весь ход классовой борьбы показать одним углом на истории развития шахматной игры. Я утверждаю, что можно, по методу Маркса, написать прекрасную книгу об истории развития шахматной игры. А научиться шахматной игре «по-Марксу» нельзя. Шахматная игра имеет свои «законы», свои «принципы». Правда, как я недавно читал, в эпоху Наполеона шахматная игра была маневренной и такой оставалась до середины XIX века, а за время вооруженного мира — от франко-прусской до последней империалистической — шахматная игра оставалась сплошь «позиционной», а теперь будто бы опять становится подвижной «маневренной». По крайней мере, в этом уверяет один американский игрок. Возможно, что социальные условия, какими-то неведомыми путями, просачиваются в мозг шахматиста, и он отражает эти условия в стиле игры, сам того не сознавая. Материалист-психолог может найти в этом большой интерес. Но научиться все же играть в шахматы «по-Марксу» никак нельзя, как нельзя научиться сражаться «по-Марксу». Тому, как применять внезапность, когда это нужно по отношению к неуловимому Махно, марксизм не научит.

То, что составляет сущность военного дела, — это совокупность правил о том, как побеждать. Эти правила, худо ли хорошо ли, резюмируются нашими уставами. Есть ли они — наука? Думаю, что наши уставы наукой назвать нельзя. Это рецептура, совокупность правил и приемов ремесла или искусства.

Тем товарищам, которые хотят марксистским методом строить военное дело, я предложил бы пересмотреть с этой точки зрения полевой

устав и точно указать, какие изменения — с точки зрения марксизма — нужно внести в правила разведки, охранения, артиллерийской подготовки или атаки. Я очень хотел бы, чтобы мне сказали хоть одно новое слово в этой области, пользуясь марксистским методом, — не «взгляд и нечто», а именно новое практическое слово.

Таковы ошибки молодой и незрелой марксистской мысли в области военной теории. Им противостоят ошибки военных академиков-метафизиков. Нам говорят, что военная наука открывает и формулирует вечные принципы военного дела. Что означают эти принципы? Есть ли это научные обобщения или практические указания? В каком смысле их можно назвать вечными?

Война есть известная форма отношений между людьми. Следовательно, методы и приемы войны зависят от анатомических и психических свойств индивидуального человека, от формы организации коллективного человека, от его техники, от физической и культурно-исторической обстановки и пр. Таким образом, приемы и методы войны определяются изменяющимися обстоятельствами, и потому сами не могут ни в каком случае быть вечными.

Но совершенно очевидно, что в этих приемах и методах имеются элементы большей и элементы меньшей устойчивости. Так, например, в методах конницы мы найдем элементы, общие нам с эпохой Аннибала и ранее того. Методы авиации, очевидно, лишь недавнего происхождения. В методах пехоты можно найти черты, общие ей с действиями самых отсталых и первобытных орд или племен, которые вели войны друг с другом прежде, чем приучили лошадь. Наконец, в военных операциях, вообще, можно найти элементарнейшие приемы, которые общи людям с дерущимися животными. Ясно, что и в этих случаях дело идет не о «вечных истинах» в смысле научных обобщений, вытекающих из свойств материи, а о более или менее устойчивых приемах ремесла или искусства.

Совокупность «военных принципов» не составляет военной науки, ибо военной науки нет, как нет слесарной науки. Есть целый ряд наук, которые необходимо знать полководцу для того, чтобы чувствовать себя вполне подкованным в своем *искусстве*. Но военной науки не существует; есть военное ремесло, которое может подниматься на степень военного искусства.

Научная история войны не есть военная наука, а есть социальная наука или часть социальной науки. Научная история войны объясняет, почему в данную эпоху, при данной общественной организации, люди воевали так, а не иначе, и почему такие-то приемы вели в эту эпоху к победе, тогда как другие методы вызывали поражение. Начиная с общего состояния производственных сил, научная история войны должна учитывать все дальнейшие надстроечные факторы, в том числе и планы и ошибки командования. Но совершенно очевидно, что научная история войны по самому существу своему направлена на объяснение того, что изменяется, и на причины этих изменений, а не на установление вечных истин.

Какие истины может дать нам история? Роль и значение роста средневековых городов для развития военного дела. Изобретение огнестрельного оружия. Низвержение феодального строя и значение этой революции для армии и проч.

Марксова политическая экономия есть бесспорнейшая наука, но это не наука о том, как вести хозяйство, или как конкурировать на рынке, или как строить тресты. Это наука о том, как в известную эпоху сложились известные хозяйственные отношения (капиталистические) и в чем состояла внутренняя обусловленность, закономерность этих отношений. Экономические законы, установленные Марксом, не являются вечными истинами, а характеризуют лишь определенную эпоху хозяйственного развития людей и, во всяком случае, не являются вечными принципами, как изображает дело буржуазная Манчестерская школа, согласно которой частная собственность на средства производства, купля и продажа, конкуренция и проч. являются вечными принципами хозяйства, вытекая из человеческой природы (которая, однако, сама совершенно не вечна).

В чем состоит основная теоретическая ошибка либеральной Манчестерской школы в политической экономии? В том, что обобщения (законы), определяющие хозяйственную практику человечества в эпоху товарного хозяйства, Манчестерская школа превращает в вечные принципы, которые будто бы должны руководить хозяйственной деятельностью на вечные времена.

Разумеется, и для экономистов-манчестерцев не тайна, что принципы торговли, конкуренции существовали не всегда, а возникали на известной стадии развития. Но доктринеры манчестерства выходят из затруднения таким путем, что начинают летосчисление экономической науки с возникновения капиталистических отношений. Раньше человечество погрязало во мраке невежества или в феодальном варварстве, но затем оно открыло истину свободной торговли, и эта истина остается вечным принципом человеческого прогресса. Для манчестерцев их экономические законы имеют такое же значение, как законы химии. В средние века человечество погрязало в крепостничестве, партикуляризме и религиозных предрассудках: оно не знало ни законов химии, ни законов вольного рынка; потом оно открыло и те и другие. Их объективная ценность, их «вечность» не компрометируются тем, что люди их раньше не знали.

Совершенно так же относятся к военным истинам доктринеры военного дела. Военные обобщения или, вернее, приемы известной эпохи они превращают в вечные истины. Если люди раньше не знали этих вечных истин, тем хуже для этих людей, погрязавших в варварстве. Но с того времени как они открыты, они становятся вечными принципами военного дела. Ошибочность такого подхода совершенно очевидна, если взять надлежащий масштаб. Средневековое хозяйство вовсе не было продуктом невежества; оно имело свою внутреннюю закономерность, вытекавшую из существовавшего тогда состояния человеческой техники и связанного с этим классового строения общества.

Очень простые законы, определявшие экономические взаимоотношения феодала или синьора с его крестьянами, или цехового ремесленника с его заказчиками, являются столь же «законными», с точки зрения экономической науки, как и сложнейшие законы капиталистического хозяйства; и те и другие имеют преходящий характер.

Армия ландскнехтов, постоянные армии XVII — XVIII столетия, национальная армия, вызванная к жизни великой французской революцией, соответствуют определенной эпохе экономического и политического развития, опираются на известную технику, от которой зависят в своих построениях и методах действий. Военная история может и должна установить эту общественную обусловленность армии и ее методов. А что делает военная философия? По общему правилу она методы и приемы последней эпохи рассматривает, как вечные истины, открытые, наконец, человечеством и долженствующие сохранять свое значение для всех времен и народов. Открытие этих вечных истин приурочивается, преимущественно, к наполеоновской эпохе. Затем, те же истины или принципы, но в менее развернутом виде, обнаруживаются в операциях Аннибала и Цезаря. Средне-вековый период превращается в провал, в течение которого вечные принципы войны пришли в забвение, наряду с античной наукой и философией.

Есть, однако, разница между ошибками манчестерцев и ошибками доктринеров вечных принципов военной науки. Разница эта покоится в различии обоих родов деятельности. Экономические отношения в капиталистическом обществе слагаются, как говорит Маркс, за спиной у людей в результате их муравьиной хозяйственной работы, и затем сами люди оказываются лицом к лицу с уже сложившимися отношениями собственности, которые определяют собой отношения человека к человеку.

В военном деле элемент планового строительства, сознательно руководящей человеческой воли имеет несравненно более широкое применение. План, воля, расчет, усмотрение, инициатива, прилагаются при капиталистических отношениях в пределах индивидуального хозяйства. Законы же капиталистического хозяйства вырастают из взаимоотношений этих индивидуальных хозяйств друг с другом: поэтому-то они и складываются «за спиною» людей. Армия же по самому существу своему является общегосударственным предприятием и, следовательно, план и замысел применяются здесь в государственных рамках. Это не устраняет, разумеется, решающей зависимости военного дела от хозяйства, но субъективный элемент, в лице руководителей военного дела, получает простор, которого не может быть в сфере хозяйства.

Однако, это различие отнюдь не имеет безусловного и неизменного характера. Действие «вечного» принципа свободной конкуренции привело, как известно, к монополии, к созданию могущественных национальных и даже интернациональных трестов. Лица, стоящие во главе их, получают такое поле для стратегических маневров, которое может вполне сравниться

с театром военных действий последней величайшей войны. Разумеется у Рокфеллера простор для проявления «свободной воли» в области хозяйственного строительства неизмеримо больше, чем у какого-нибудь заурядного промышленника или купца 50—100 лет тому назад. Но Рокфеллер не есть произвольное нарушение манчестерских истин, а их исторический продукт и, вместе с тем, их живое отрицание.

У каждого промышленника-купца, начиная с гоголевской Козлиной Бороды и кончая бритым Рокфеллером, имеются свои маленькие вечные истины торговых операций: «не обманешь — не продашь» и пр. — до сложнейших калькуляций нефтяного треста. Итальянская бухгалтерия, разумеется, не наука, а совокупность ремесленных навыков. Она может подниматься до степени искусства, примененного в размерах гигантского треста. Приемы и навыки управления промышленным предприятием, методы снабжения его сырьем, методы тейлористской организации труда, методы калькуляции цен и проч. представляют собой сложнейшую практическую систему, которую можно даже назвать «доктриной» в смысле совокупности навыков, приемов, методов, способов, в наилучшей мере обеспечивающих ограбление рынка. Но это, конечно, не наука. Проще говоря, политическая экономия, т.-е. действительная наука, изучает внутренние отношения капиталистического общества, а вовсе не указывает способов, как вернее обогатиться. Военная история, научно поставленная, изучает типические черты организации армии и войны в каждую данную эпоху, в их взаимоотношенях с социальным строем общества, но вовсе не учит и не может учить, как созидать артиллерию и как вернее побеждать.

Военное искусство нашего времени резюмируется в уставах. Они представляют собою сгусток прошлого опыта, перечеканенный на монету, предназначенную для завтрашнего дня. Это есть совокупность приемов ремесла или искусства. Как совокупность учебников по лучшей организации промышленных предприятий, по калькуляции, по бухгалтерии, по коммерческому корреспондированию и проч. не составляет науки капиталистического общества, так совокупность военных руководств, инструкций и уставов не составляет военной науки.

Для того, чтобы убедиться, как велики неясность и противоречивость в вопросе о так называемых вечных принципах военного дела (они же — законы военной науки) возьмем книгу самого победоносного полководца нашей эпохи Фоша «О принципах войны».

В предисловии 1905 года Фош, на основании первых данных о русско-японской войне, пишет: «Маневренные наступательные операции в конце концов преодолевают всяческие сопротивления». Фош выдает эту мысль за одну из вечных истин военного искусства, в противоположность, кстати сказать, тем нашим отечественным новаторам, которые в наступательной маневренной стратегии видят специфические свойства революционной войны. Мы увидим дальше, что ошибаются обе стороны: Фош, который считает наступательную маневренность вечным принципом, и те товарищи,

которые в маневренной наступательности видят специфический принцип Красной Армии. В предисловии к первому изданию Фош сочувственно цитирует слова фон-дер-Гольца: «Если верно, что принципы военного искусства вечны, то факты, которые оно изучает и с которыми считается, подчинены постоянной эволюции. Совокупность этих вечных принципов военного искусства и составляет теорию войны». Именно наличность этой теории и делает, по Фошу, войну искусством. Таким образом, можно сказать, что теорией войны является совокупность тех принципов, которые применялись во всех правильных операциях, нарушение которых вело к неудаче, и которые должны будут применяться во всех войнах грядущих эпох. Таким образом, существуют такие принципы («вечные»), которые одинаково лежали в основе военных операций при сдаче Трои, когда греческие хитрецы прятались в брюхо деревянного коня, и в нашу эпоху, когда эскадрильи самолетов низвергают на города сверху сотни пудов взрывчатого вещества чрезвычайной силы разрушения или массы отравляющих веществ. Что же это за принципы?

Дело идет не об анатомических или психологических законах. Несомненно, что в этом отношении изменения не так уж радикальны. Грек или троянец с проткнутым сердцем умирал точно так же, как умирают наши бойцы. Трус пугался и увиливал от боя. Полководец ободрял своих воинов и проч. Основной психо-физиологический и анатомический склад человека изменился не так уж значительно. Незачем говорить, что законы природы остались теми же. Но в величайшей степени изменилось взаимоотношение между человеком и природой. Та искусственная среда, которую коллективный человек поставил между собою и природой—орудия, инструменты, машины — выросла в такой мере, что совершенно переродила приемы труда, его организацию, общественные отношения. Несомненно, что со времени Трои сохранилось стремление у человеческих групп (у наций, классов) истреблять, побеждать и покорять друг друга. Искусственная среда или человеческая техника в широком смысле слова преобразовала войну, точно так же, как и все другие человеческие отношения. Несомненно, что уже в период осады Трои эта цель достигалась не при помощи одних только ногтей и зубов, но при содействии искусственных орудий, которые человек ставил между собой и врагом. Эта наиболее общая основа остается неизменной. Другими словами, — война есть враждебное столкновение человеческих групп, вооруженных орудиями убийства и истребления, с непосредственной целью физическим путем добиться господства над враждебной стороной.

Такое определение ограничивает понятие войны общественными и историческими рамками. Указание общих черт войны — во-первых, столкновение человеческих групп, во-вторых, применение орудий, в третьих, цель —добиться перевеса над враждебной стороной, — не дает, разумеется, еще никаких принципов военного искусства. Вместе с тем, это же определение ограничивает «вечность» самой войны: в тот период, когда чело-

век еще не научился драться палкой или камнем, не организовался в правильно-действующие стада (роды и племена), о войне, очевидно, не могло быть и речи, ибо столкновение двух наших отдаленных предков в лесу, где они перегрызали друг другу глотки из-за самки, не может быть отнесено к военному искусству, освещенному светом «вечных принципов». Таким образом, вечность военного искусства приходится сразу ограничить, открыв ей текущий счет лишь с того момента, когда человек твердо стал на задние лапы, вооружился дубиной и научился действовать в бою, как и в хозяйстве, коллективно, отрядами, хотя еще и без твердо установленных штатов.

Фон-дер-Гольц, и за ним Фош, признают, что факторы, изучаемые военным искусством, изменяются (палка, ружье, автоматическая винтовка, пулемет, пушка и проч.), но принципы искусства остаются, если и не вечными, то неизменными с того времени, как существует война.

В чем же они состоят? В предисловии ко 2-му изданию Фош как бы выдвигает, в качестве главного принципа, маневренную наступательность. Но в первой лекции он дает следующий ответ: «Итак, теория войны существует. На первый план она ставит принципы:

Принцип экономии сил.

Принцип свободы действий.

Принцип свободного распоряжения силами.

Принцип обеспечения» и т. д.

И далее, для того, чтобы подкрепить самого себя («помоги моему неверию»), Фош приводит несколько цитат и, в том числе, слова маршала Бюжо: «Принципов абсолютных имеется мало, но все-таки они существуют».

В чем же состоит первый из абсолютных принципов, именно принцип экономии сил? Задача войны: сокрушить живую силу врага. Достигнуть этого можно только ударом. Для удара нужно сосредоточение собственных сил. Но прежде, чем окажется возможным нанести этот удар, необходимо разведать, где неприятель, охранить себя от неожиданного удара с его стороны, обеспечить коммуникации и проч. Для этого нужно выделение соответственных отрядов (разведка, охранение и проч.). Принцип экономии сил состоит в том, чтобы отделить от основных отрядов для вспомогательных и подготовительных задач не больше и не меньше сил, чем это требуется существом этих задач и, в то же время, обеспечить себе возможность в решающий момент привлечь к делу и эти подсобные отряды для нанесения сосредоточенного удара. Фош разъясняет, что такой результат может быть достигнут только путем маневренной наступательности как основного ядра, так и вспомогательных отрядов. Таким образом, вечный принцип экономии сил характеризует, по Фошу, только маневренную стратегию. И немудрено, сам он допускает в святилище военного искусства лишь маневренные наступательные операции, считая «теории, бывшие у нас в ходу до этого времени, ложными». Исходя из маневренной наступательности, как единственной стратегии, Фош предсказывает,

что «начальные боевые действия в будущей войне явятся решающими» (стр. 10). В соответствии с этим же воззрением, Фош делает «вывод, что она (будущая война) не может долго продолжаться, и что нужно ее вести с жестокой энергией и быстро достигнуть своей цели, — иначе она будет безрезультатна» (стр. 38).

В сущности, достаточно привести эти выводы, чтобы вечные принципы Фоша предстали перед нами в свете дальнейших событий в довольно-таки жалком виде. Во время последней войны французская армия — после первых, дорого ей стоивших попыток наступления — переходит к позиционной обороне:

начальные неудачи вовсе не предрешают исхода войны, как предсказывал Фош;

война длится четыре года;

война по существу все время сохраняет позиционный характер и разрешается в траншее;

первый полевой маневренный период служит только для того, чтобы обнаружить необходимость закопаться в землю;

последний полевой период только обнаруживает то, что уже было достигнуто в траншеях: истощение сил сопротивления Германии.

Этот опыт чего-нибудь да стоит. Если, по Фошу, теории, которые господствовали во французской военной школе до 1883 года, были ложными теориями, а свет истинных принципов воссиял в конце прошлого столетия, то уже через десяток лет после написания книги обнаружилось, что война разыгралась в полном противоречии с теми предсказаниями, которые Фош выводил из вечных принципов.

Можно, конечно, сказать, что ошибка тут целиком на стороне Фоша, который по-просту не сумел из правильных принципов сделать необходимые выводы. Но на самом деле, если «вечный» принцип экономии сил очистить от неправильных выводов Фоша, то от самого принципа останется не очень многое. По мысли Фоша, который питается здесь, главным образом, наполеоновским опытом, нужно, прежде всего, отыскать врага, и обеспечить себя, выдвинув вперед, по бокам и назад необходимые разведывательные и охранительные отряды, а затем, наметив основную линию удара, подчинить все силы единству сокрушающего наступательного действия. Голый принцип «экономии» сил тут, в сущности, не при чем. Все дело сводится к схеме наполеоновского наступательного маневра, причем моменту сосредоточенного удара подчиняются все остальные соображения.

Итак, принцип экономии сил состоит в целесообразном распределении сил на основное ядро и вспомогательные отряды при сохранении возможности применить их все для истребления живой силы врага. Однако, тот же Фош дает другое, более конкретное и более частное истолкование принципу экономии сил, основываясь на известном разговоре Бонапарта с Моро. Вернувшись из Египта, Бонапарт объяснял Моро, как он обеспечил за

собой превосходство сил при меньшей численности тем, что сперва обрушился всеми силами на один фланг, разбил его, воспользовался вызванным этим расстройством и ударил всеми силами на другой фланг. Значит ли это, что из «теоремы» (как выражается Фош) экономии сил вытекает принцип последовательного разгрома флангов? Очевидно, нет. Мы имеем здесь частный случай удачной операции, которая характеризуется многими важнейшими элементами: численностью, вооружением, настроением, расположением, командованием и проч. Задача была разрешена Наполеоном в конкретных условиях одним из возможных способов. Успехом доказано, что Наполеон сумел использовать в данном случае свои силы, или, если угодно, что он использовал их экономно, или что он применил принцип «экономии сил». И только. Но в таком истолковании принцип экономии сил есть лишь другое название для принципа целесообразности. Сей принцип советует: действуй со смыслом, не расходуй зря сил. Это немножко вроде... «принципов» Козьмы Пруткова. Если я не знаю военного дела, как такового, то этот принцип мне ничего не даст. Когда закон математики говорит, что квадрат на гипотенузе равен сумме квадратов на катетах, то я с этим иду навстречу каждому подходящему явлению и могу теорему практически применить. Но если я знаю только «принцип экономии сил», то куда я его приложу? Это лишь мнемонический знак, который можно применять, уже имея все соответственные практические познания и навыки. Внезапность, экономия сил, свобода действий, инициатива и т. д., и т. д. — это суть только мнемонические знаки для того, кто знает военное дело. «Вольные каменщики» знаки ремесла каменщиков превратили в франмасонские знаки. Так и у военного дела известный накопленный опыт имеет символические условные названия; только и всего — не больше.

Абсолютный или вечный характер принципа «свободы действия» Фош доказывает тем, что возводит его к Ксенофонту: «Военное искусство состоит в умении сохранить свободу действий». Но каково содержание этой свободы? Прежде всего, нужно отстаивать свободу инициативы по отношению к врагу, т.-е. не давая ему возможности связывать твою волю. В таком общем виде это совершенно бесспорно. Но это относится и к фехтованию, и шахматной игре, и ко всем вообще видам двухстороннего спорта, наконец, к парламентским и судебным прениям. В дальнейшем Фош придает этому же принципу другое истолкование. Свободу действий сохраняет только главнокомандующий. Все остальные командиры связаны, ибо действуют в рамках его заданий. Следовательно, воля их ограничена не только материальной обстановкой, но и формальными предписаниями. Но экономия сил, здравый смысл или целесообразность — как угодно — требуют, чтобы рамки, поставленные высшим командованием низшему, не были слишком узкими, другими словами: нужно ставить ясно очерченную цель, предоставляя подчиненному командованию максимальную свободу в выборе и комбинировании средств для осуществления поставленной цели. В таком общем виде принцип опять-таки бесспорен. Трудность состоит, однако, в том, чтобы при отдаче

приказа уметь найти ту черту, где определение цели уже переходит в излишнюю опеку над выбором средств. Сама по себе «теорема» тут никакого готового решения не дает. В лучшем случае лишь напоминает о том, что командующий должен найти какое-то решение этого вопроса.

Но и помимо этого, совершенно ясно, что Фош дает принципу свободы действий двойственное истолкование: с одной стороны, эта та степень боевой инициативы, которая обеспечивает необходимую независимость от воли врага, а с другой стороны, это — достаточно широкая свобода маневрирования для низшего командования в пределах целей и задач, поставленных высшим командованием.

Однако, и то и другое толкование ни в каком случае не может быть названо теоремой, даже в самом широком смысле этого слова. В математике мы под теоремой понимаем такое соотношение переменных величин, которое сохраняется при всех количественных изменениях этих последних, другими словами, равенство не нарушается, какие бы арифметические значения мы ни подставили вместо алгебраических определений величин. Что же означает принцип экономии сил или свободы действий? Есть ли это действительно теорема, позволяющая, путем подстановки конкретных величин, делать правильные практические выводы? Ни в каком случае. Если попытаться придать этому принципу действительно «абсолютное» значение, т.-е. довести его до степени теоремы, то получается бесспорное пустое место, вроде: надо целесообразно использовать все силы; надо сохранить за собой инициативу действий, надо отдавать целесообразные или осуществимые приказы и потому не включать в них лишних условий и проч. В таком виде это вовсе не военные принципы, а аксиомы целевой человеческой деятельности вообще.

На самом же деле у военных теоретиков эти и подобные им принципы имеют более конкретное истолкование, т.-е. в них вкладываются (открыто или замаскированно) полки, корпуса и армии определенного строения и вооружения, действующие на основе многочисленных уставов, инструкций, резюмирующих опыт прошлого. В таком виде вечные принципы не имеют в себе ничего вечного и ничем не похожи на теоремы, а являются условным обозначением некоторых приемов, эмпирических навыков, положительных и отрицательных опытов и пр. и пр. В сущности, все военные теоретики не выходят из рамок этого противоречия: чтобы доказать вечность принципов военного искусства, они выкидывают из них весь «балласт» живого исторического опыта и сводят их к плеоназмам, к общим местам, к постулатам Евклида, к логическим аксиомам и пр. Чтобы доказать, с другой стороны, важность этих принципов для военного дела, они начиняют эти принципы содержанием определенной эпохи, определенного этапа в развитии армии или в развитии военного дела и тем самым придают им характер полезных практических шпаргалок для памяти. Это не научные обобщения, а практические директивы, не теоремы, а уставы.

Они не вечны, а временны. Их значение тем больше, чем менее они абсолютны, т.-е. чем больше они наполнены конкретным содержанием данного периода военного дела, живых его особенностей в организации, технике и проч. Они не абсолютны, а обусловлены. Они входят не в науку, а в практическое руководство искусства. Утверждение Фридриха: «Война есть наука для людей выдающихся, искусство для посредственностей и ремесло для невежд» — не верно. Науки войны — в точном смысле слова — нет и не может быть. Есть искусство войны. С другой стороны, и ремесло предполагает обучение, а кто обучен, тот не невежда. Правильнее было бы сказать, что война есть ремесло для среднего человека и искусство для выдающегося. Что же касается невежды, то он только сырой материал войны, ее пушечное мясо, а вовсе не ремесленник.

Попытка увековечить наполеоновские принципы оказалась, как мы видели, несостоятельной. Это обнаружила империалистская война. Иначе и быть не могло — уже по одному тому, что войны революции, как и выросшие из них наполеоновские войны, характеризовались огромным морально-политическим перевесом революционного французского народа и его армии над всей остальной Европой. Французы наступали во имя новой идеи, которая была связана с могущественными интересами народных масс. Враждебные армии неуверенно защищали старое. В последней же империалистской войне ни одна из сторон не являлась носительницей нового принципа, воплощенного в новом революционном классе. Война имела империалистский характер на обеих сторонах. Но в то же время она равно угрожала существованию обеих сторон, и, прежде всего, Германии и Франции. Стремительного удара, который вызвал бы сразу же деморализацию и упадок духа в другом лагере, не получилось и не могло получиться, в виду большого человеческого и материального могущества обоих лагерей, которые выдвигали постепенно все силы и средства. Поэтому первоначальные действия, в противоположность предвидениям Фоша, вовсе не предопределили судьбу всей войны. Поэтому же наступление разбилось о наступление, и армии, все более подпираемые с тылу, закопались в землю. Поэтому же война длилась долго — до истощения материальных и моральных ресурсов одной из сторон. Таким образом, империалистская война разыгралась с начала до конца в нарушение «вечного» маневренно-наступательного принципа, провозглашенного Фошем. Это обстоятельство только еще более подчеркивается тем, что Фош оказался победителем — против своих собственных принципов. В объяснение нужно помнить, что, если принципы Фоша были против него, то за него были английские и американские солдаты — и особенно — англо-американские снаряды, танки и самолеты.

Можно, конечно, сказать, что принцип экономии сил сохраняет свое значение и для позиционной войны, ибо и там нужно целесообразное распределение сил между передовыми частями и разными категориями резерва. Это совершенно бесспорно. Но в таком общем толковании не

остается уж и следа от схемы распределения сил для сосредоточенного наступательного удара. «Вечный» принцип расплывается в общее место. При позиционной, оборонительной, наступательной, как и при маневренной, войнах нужно целесообразное и экономное распределение сил, в зависимости от поставленной задачи. Совершенно очевидно, что этот «вечный принцип» в такой же мере относится к войне, как и к промышленности, как и к торговле. Нужно всегда экономно использовать силы, т.-е. добиться максимальных результатов при минимальной затрате энергии. На этом «вечном» принципе основано все человеческое развитие и, прежде всего, техника: человек потому и стал применять каменный топор, дубину и проч., что таким путем он достигал наибольших результатов с затратой наименьших сил. Именно потому от дубины он перешел к пике и мечу. От них — к ружью и штыку, потом — к пушке и т. д. По этой же причине он переходит ныне к электрическому плугу. Вечный принцип войны сводится, таким образом к «принципу», который является двигателем всего человеческого развития. Что же касается того конкретного истолкования принципа экономии сил, какое дается Фошем, то оно оказалось несостоятельной попыткой придать абсолютный характер наполеоновскому наступательному маневру, разрешающемуся сосредоточенным ударом.

Итак, поскольку принцип экономии сил «вечен», — в нем нет ничего военного. А поскольку он получает военное истолкование, — в нем нет ничего вечного.

Но почему все же столь упорно говорят о «вечных» принципах? Потому, как уже сказано, что в основе стоит человек. Свойства человека мало меняются. Свойства анатомические, физиологические, психологические изменяются очень медленно по сравнению с изменением общественных форм. Соотношение рук и ног человека и строение его головы в нашу эпоху, примерно, такие же, как и в эпоху Аристотеля. Мы знаем, что Маркс с наслаждением читал Аристотеля. И если бы было возможно Аристотелю, перенесенному в нашу эпоху, предложить для чтения книги Маркса, то, вероятно, он понял бы их прекрасно.

Анатомический и психо-физический склад человека несравненно более устойчив, чем общественные формы. Применительно к этому в военном деле есть две стороны: индивидуальная, выражающаяся в некоторых навыках и приемах, определяющихся в значительной мере биологической природой человека, не вечной, но устойчивой; и коллективно-историческая, зависящая от общественной организации воюющего человека. Но именно этот последний момент и решает дело, потому что война начинается там, где общественно-организованный вооруженный человек борется с другим общественно-организованным вооруженным человеком, а иначе это будет — драка животных.

Тов. Лукирский подошел к вопросу таким образом: есть, с одной стороны, опыт, эмпирическое исследование, — метод несовершенный;

и есть, с другой стороны, «чистый разум», который дедуктивно, путем логических приемов делает «абсолютные» выводы и тем обогащает военное дело. Как материалист, я привык рассматривать разум как орган исторического человека в процессе его приспособления к природе. Я не могу противопоставлять разум материи, я не соглашусь думать, будто разум может из себя рождать то, чего не дал материальный опыт. Разум наш лишь координирует и сочетает выводы нашей практики; из «чистого» разума человек не может извлечь ничего нового, чего он не всосал из опыта. Разумеется, опыт не механически «складывается», а в него вносится порядок, который отвечает порядку самих явлений и приводит к познанию закономерности этих явлений. Но думать, что разум может родить из себя самопроизвольно такой вывод, который не подготовлен и не обоснован опытом — это абсолютно неверно. А раз так, то не может быть и двоякого рода принципов: практических и вечных.

Позвольте на этом кончить.

Мы уже провели одну дискуссию относительно «военной доктрины»; сейчас мы достигли последних философских высот. А теперь давайте спустимся вниз, к практической учебе. Мы затеяли было Сборник для отделенного командира, но это дело пока не вышло. Что труднее написать — абстрактные тезисы или сборник для отделенного командира? Последнее в сто раз труднее; зато в тысячу раз плодотворнее. Я пользуюсь настоящим многолюдным собранием, присутствием многих компетентных работников и еще раз обращаюсь со своим предложением: давайте дадим общие указания для отделенного командира—маленькую образцовую книжку «Наука побеждать». Это была бы великолепная школа для всех нас — изложить наш военный опыт в таких ясных и отчетливых правилах, чтобы отделенный командир мог с пользой для себя не только прочитать, но и заучить их.

Из одних и тех же кирпичей можно построить и фабрику, и жилой дом, и храм. Нужно только, чтобы кирпичи были из хорошего материала и правильно обожжены. Одни и те же полки, с одной и той же выучкой, с одними и теми же данными можно расположить и использовать для самых различных стратегических и тактических заданий: нужно только, чтобы основная клеточка — отделение — была жизненна и упруга. А для этого нужен сознательный отделенный командир, который знает свое дело и знает себе цену. Задача всех задач состоит сейчас в том, чтобы воспитать этого отделенного командира. Воспитать пролетарского отделенного командира вовсе не значит внушить ему, будто до сих пор была буржуазная тактика, а теперь пойдет пролетарская. Нет, такое обучение сбило бы его с толку. Создать пролетарского отделенного командира значит помочь нашему нынешнему отделенному приобрести хотя бы ту сумму познаний и навыков, какая имеется у отделенного буржуазных армий, чтобы сознательно использовать эти знания и навыки в интересах рабочего класса.

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечания

1. **Венгерская Советская Республика** была образована 21 марта 1919 г. и просуществовала до 2 августа 1919 г. См. об этом в первой книге II тома прим. 73.

Баварская Советская Республика существовала с 7 апреля 1919 г. до 1 мая 1919 г.

2. **Третий Конгресс Коммунистического Интернационала** происходил с 22 июня по 12 июля 1921 г.

3. **Об этой ноте** см. речь в Московском Совете от 20 сентября 1921 г. в первой книге III тома, стр. 256 — 261, и там же примечания — 8 и 50.

4. **Зарождение бандитизма на западной окраине нашей** Республики относится еще к осени 1920 года, когда остатки дивизии Булак-Балаховича после отхода на территорию Польши, оставили несколько банд и много организаторов, которые должны были подготовить почву для всеобщего восстания в Белоруссии.

В течение зимы 1920 года было произведено до 40 погромов, из которых 21 падал на Мозырский уезд, где оперировала дивизия Булак-Балаховича. В течение весны и лета 1921 года работа белых организаций сильно возросла. Политический и военный центр бандитизма находился в Варшаве (Центральный Комитет Союза Защиты Родины и Свободы) и возглавлялся Б. Савинковым. Открытая вербовка и снабжение оружием производилась при ближайшем участии Польского Генерального Штаба. С июля 1921 года в Белоруссии началась, после тщательной подготовки, энергичная работа по ликвидации этих банд. Уже к 20 сентября 1921 года вместо 40 банд с общей численностью 3.000 чел. насчитывалось всего лишь 14 банд — 275 чел. Попытки Савинкова и Булак-Балаховича поднять с помощью Польского Генштаба белорусское крестьянство против Советской власти закончились неудачно.

5. **Министерство Витоса** подало в отставку 12 сентября 1921 г., после чего образовался кабинет под председательством Пониковского.

6. В конце декабря 1921 г. между Ллойд-Джорджем и Брианом происходили переговоры по вопросу об отношении к Советской России и о германских репарациях. На конференции в Каннах, происходившей 6 — 13 января, было решено по инициативе Ллойд-Джорджа созвать **всеобщую мирную конференцию в Генуе** в начале марта 1922 г. для разрешения русской и германской проблем с участием Советской России и Германии. Вследствие министерского кризиса в Италии (падение кабинета Бономи) Генуэзская конференция была отсрочена и открылась 10-го апреля. На первом заседании председатель советской делегации т. Чичерин возбудил вопрос о всеобщем разоружении, указывая, что только таким путем можно обеспечить мирное положение в Европе. Представитель Франции Барту протестовал против такой постановки вопроса, указывая, что конференция в Каннах ограничила рамки Генуэзской конференции вопросами экономического и финансового характера. Предложение советской делегации было, таким образом, отклонено.

По вопросу о восстановлении России союзники приняли в основу лондонский меморандум союзных экспертов, в котором, в качестве предварительных условий оказания экономической помощи России, предусматривается признание Советской

Россией обязательств прежних правительств, восстановление частной собственности иностранцев и возмещение иностранцам убытков. Эти требования и были предъявлены русской делегации на конференции. В ответ на них русская делегация внесла 15-го апреля контр-предложение о возмещении убытков, причиненных России интервенцией союзников. После переговоров русская делегация пошла на уступки и 24-го апреля выразила готовность отказаться от требования возмещения убытков, при условии продления срока уплаты долгов, предоставления России кредитов и признания де-юре. По вопросу о восстановлении частной собственности иностранцев в России между государствами Антанты возникли разногласия. Англия и Италия отказались от этого требования, но особенно на этом настаивала Бельгия. Франция колебалась, а затем поддержала бельгийскую точку зрения. Соглашения по спорным вопросам на Генуэзской конференции не было достигнуто. Было принято постановление созвать новую конференцию для дальнейших переговоров в Гааге и было подписано перемирие между всеми государствами на 4 месяца. Конференция закрылась 19 мая.

7. Бриан подал в отставку 12 января 1922 г. после конференции в Каннах. Заместителем Бриана был Пуанкарэ.

8. О событиях в Карелии см. примеч. 51 к первой книге III тома.

9. О брест-литовских переговорах и наступлении немцев см. примечание 20 к I тому.

10. О падении правительства Бономи см. в первой книге III тома 60 примечание.

11. Общую обстановку в Приморье см. в прим. 38 и 53 к первой книге III тома.

12. В декабре 1921 г. Исполком Коминтерна принял тезисы «Об едином фронте рабочих и об отношении к рабочим, принадлежащим ко 2-му, 2½-му и амстердамскому Интернационалам, а также к рабочим, поддерживающим анархо-синдикалистские организации». После принятия этих тезисов начались переговоры со 2-м и 2½-м Интернационалами. 2-го апреля 1922 г. состоялось первое совещание делегаций трех Интернационалов. На этом совещании была принята резолюция о созыве в ближайшем будущем конференции трех Интернационалов. Перед первым заседанием конференции 21-го мая 1922 г. состоялось совещание английской рабочей партии, бельгийской рабочей партии, входящих во 2-й Интернационал, и французской социалистической партии, входящей в 2½-й Интернационал, на котором было решено созвать конференцию всех социалистических партий без коммунистов. Таким образом, неуспех конференции трех Интернационалов был предрешен, и первое заседание конференции в Берлине 23-го мая 1922 г. оказалось последним.

13. Текст присяги см. в I томе, стр. 125.

14. Лондонский меморандум экспертов по вопросу о восстановлении России был выработан под влиянием притязаний Уркарта и других английских и французских капиталистов.

15. Речь идет о договоре, заключенном в Рапалло, около Генуи, 16-го апреля 1922 года во время Генуэзской конференции, между Германией и Советской Россией. В основу его был положен взаимный отказ от всех претензий и возобновление дипломатических сношений. Рапалльский договор вызвал протест держав Антанты и исключение Германии из политической комиссии Генуэзской конференции, занимавшейся русским вопросом.

16. Конференция по разоружению была созвана в Москве по инициативе Советского правительства в начале декабря 1922 г. В ней принимали участие окраинные государства — Польша, Литва, Эстония, Латвия и Финляндия. Было послано приглашение также Румынии, но она отказалась принять участие в конференции. Представители Советской России возбудили на этой конференции вопрос о конкретном сокращении армий всех государств, участвовавших в конференции, и об

определении численности армий. Такая постановка вопроса встретила противодействие Польши, которая считала, что конференция должна добиться лишь «морального разоружения». В виду того, что соглашения не было достигнуто, конференция закончилась безрезультатно в середине декабря.

17. Конференция в Гааге, явившаяся продолжением Генуэзской конференции, начала свои работы 15-го июня 1922 г. На этой конференции государства Антанты продолжали настаивать на требованиях, формулированных ими на Генуэзской конференции — восстановления частной собственности иностранцев, уплаты долгов, возмещения убытков и проч. Российская делегация, во главе с тов. Литвиновым, ставила удовлетворение этих требований в зависимость от предоставления России кредитов. В виду разногласий между государствами Антанты по этому вопросу и отказа дать определенное обещание экономической помощи Советской России конференция окончилась безрезультатно 18 июля 1922 г.

18. Четвертый Конгресс Коммунистического Интернационала происходил с 5-го ноября по 5-ое декабря 1922 г.

19. Во второй половине 1922 г. Украинская, Белорусская и Закавказские республики возбудили вопрос об объединении в единое союзное государство всех Советских Социалистических Республик. X Съезд Советов, состоявшийся в конце декабря, присоединился к пожеланию этих республик. После X Съезда был созван I Съезд Союза ССР, на котором 30-го декабря 1922 г. была принята декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик и подписан союзный договор между РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР и Закавказской СФСР.

20. Фашистское правительство Муссолини было образовано в конце октября 1922 г. Происходивший фашистский конгресс в Неаполе потребовал отставки кабинета Факта и передачи власти фашистам. Одновременно с этим во многих городах Италии началось открытое выступление фашистов, в результате которого была установлена фашистская диктатура.

Фашистское правительство Муссолини с самого начала повело резкую политику по отношению к рабочим организациям и запретило повсеместно празднование 1-го мая.

21. Имеется в виду протест английского правительства в письме британского представителя в Москве Ходжсона от 30-го марта 1923 г. на имя НКИД против исполнения смертного приговора над католическим священником Буткевичем, который судился вместе с архиепископом Цепляком и был осужден за государственную измену.

22. Оккупация рурской промышленной области французскими войсками началась 10-го января 1923 г. под предлогом невыполнения Германией взятых ею на себя обязательств по Версальскому договору и необходимости наблюдения за деятельностью германских угольных синдикатов. Оккупация сопровождалась насилиями над рабочими, высылками, арестами и расстрелами.

23. Экстренное заседание Пленума Московского Совета от 12-го мая 1923 г. было созвано в связи с ультиматумом Керзона от 8-го мая.

24. Тов. Воровский, полномочный представитель Советской России в Италии, приехавший в Лозанну для участия в международной конференции, был убит 10-го мая 1923 г. русским белогвардейцем Конради.

25. См. в первой книге III тома, 36-ое примечание.

26. Перед XII Съездом РКП (17 — 25 апреля 1923 г.) происходила дискуссия по вопросу об отношении партии к хозяйственным органам.

27. Имеется в виду меморандум Керзона от 29-го мая, врученный находившемуся в Лондоне для переговоров с английским правительством т. Красину, в котором Керзон повторяет требования первого ультиматума, но без указания срока.

28. Бонар-Лоу подал в отставку 20 мая 1923 г., после чего во главе кабинета стал Болдуин.

29. Отношение Англии к австро-сербскому конфликту, послужившему поводом к мировой войне, было в начале неопределенным. Англия выступила на стороне России и Франции только после открытия военных действий, мотивируя свое выступление нарушением Германией бельгийского нейтралитета.

30. 26 бакинских коммунистов были расстреляны 20 сентября 1918 г., после свержения Советской власти в Баку.

31. Болгарское правительство Стамбулийского, лидера крестьянской партии, было свергнуто организацией офицеров запаса при поддержке воинских частей. Стамбулийский был взят в плен и через несколько дней убит. После переворота образовалось реакционное правительство Цанкова.

32. Резолюция XII Съезда РКП (б.) по национальному вопросу, осуждая пережитки великодержавного шовинизма и пережитки национализма в среде народов, прошедших иго национального гнета, указывает в качестве практических мер для урегулирования национального вопроса следующее: а) при построении центральных органов союза должно быть обеспечено равенство прав и обязанностей отдельных республик как во взаимных между ними отношениях, так и в отношении центральной власти Союза; б) в системе высших органов союза должен быть учрежден специальный орган представительства всех без исключения национальных республик и национальных областей на началах равенства, с возможным учетом представительства всех национальностей, входящих в состав этих республик; в) исполнительные органы Союза должны быть сконструированы на началах, обеспечивающих реальное участие в них представителей и удовлетворение нужд и потребностей народов союза; г) республикам должны быть предоставлены достаточно широкие финансовые и, в частности, бюджетные права, обеспечивающие возможность проявления их собственной государственно-административной, культурной и хозяйственной инициативы; д) органы национальных республик должны быть построены по преимуществу из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов; е) должны быть изданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обслуживающих местное население и национальные меньшинства, — законы, преследующие и карающие со всей революционной суровостью всех нарушителей национальных прав, и в особенности прав национальных меньшинств; ж) должна быть усилена воспитательная работа в Красной армии в духе насаждения идей братства и солидарности народов Союза и должны быть предприняты практические мероприятия по организации национальных войсковых частей, с соблюдением всех мер, необходимых для обеспечения полной обороноспособности республик.

33. В статье о кооперации, напечатанной 27-го мая 1923 г. в «Правде», тов. Ленин пишет: «...коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную, организационную «культурную» работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество...»

34. Оккупация рурской промышленной области французскими войсками, лишившая Германию центра металлургической промышленности, нанесла тяжелый удар экономическому и финансовому положению Германии. Правительство Куно, будучи бессильно бороться с Францией, провозгласило пассивное сопротивление. Французское командование ответило на это ссылками сопротивляющихся чиновников и кровавыми репрессиями, а затем совершенно отрезало Рур от остальной Германии. Немецкая марка начала стремительно падать. В феврале 1923 г., после занятия Рура, доллар стоил 22 тысячи марок, в июле же падение марки приняло катастрофический характер и к 8-му августа 1923 г. курс марки дошел до 3.300.000 за доллар. Недовольство рабочих стало проявляться в массовых стачках сначала в Рурской области, а затем в центральной Германии и в Силезии. В противовес образовавшимся фашистским

отрядам стали организовываться красные сотни. Все больше стали усиливаться крайние партии — коммунисты, с одной стороны, и фашисты — с другой. Бавария стала центром германского фашизма, а Саксония и Тюрингия стали оплотом коммунистов. 11 августа началась всеобщая забастовка в Берлине, в результате которой Куно подал в отставку. Его место занял Штреземан, лидер народной партии, в кабинет которого вошли социал-демократы, в том числе Гильфердинг, занявший место министра финансов. Штреземан заявил о согласии выполнить репарационные обязательства при условии очищения Рура и невмешательства во внутренние дела Германии. Переговоры, которые он вел по этому поводу с Францией, двигались очень медленно и не приводили к положительным результатам. Германская марка продолжала катастрофически падать. Условия жизни делались все тяжелее и положение все более острым. 27-го сентября Штреземан ввел осадное положение во всей Германии. Вся исполнительная власть была передана министру обороны Гесслеру, а президент Эберт издал манифест о прекращении пассивного сопротивления в Руре. По всей Германии были назначены гражданские правительственные комиссары. Особенно напряженный характер приняли отношения между правительством Штреземапа и Саксонским правительством Цейгнера, которое к началу октября состояло из левых с.-д. и коммунистов и формировало красные сотни. Главнокомандующий саксонским рейхсвером ген. Мюллер издал распоряжение о роспуске пролетарских сотен и комитетов действия. В виду отказа саксонского правительства подчиниться этому распоряжению, Сект, начальник имперского рейхсвера, двинул в Саксонию части рейхсвера, которые начали производить аресты руководителей пролетарских сотен. 26 октября Штреземан потребовал отставки саксонского кабинета, ссылаясь на то, что коммунисты, члены правительства, призывали к насильственным действиям против рейхсвера. Саксонское правительство отвергло ультиматум Штреземана. В ответ на это 29-го октября имперский комиссар Гейнце занял здание министерства частями рейхсвера и разогнал правительство. Незадолго до этого, 23-го октября вспыхнуло рабочее восстание в Гамбурге, которое было подавлено рейхсвером, а 21-го октября рейнские сепаратисты, поддерживаемые французами, провозгласили независимую Рейнскую республику в Аахене. В начале ноября рейхсвер занял также Тюрингию, в которой было левое правительство, с участием коммунистов.

В Баварии же против центрального правительства открыто выступали фашисты. Во главе движения стояли Людендорф и Гитлер. 8-го ноября они свергли правительство Кара, но, в виду того, что рейхсвер к ним не примкнул, восстание было на следующий день подавлено. В результате всех этих событий правительству Штреземана удалось удержаться у власти. Политику правительства Штреземана продолжало правительство Маркса, которое образовалось к концу ноября, и в котором Штреземан занимал место министра иностранных дел.

Всем этим событиям, которые могли привести к рабочей революции в Германии, и посвящаются речи и статьи IV главы.

35. Пиренейский полуостров (Испания), Апеннинский полуостров (Италия) и Балканский полуостров (Болгария, Юго-Славия, Греция).

36. Стиннес — известный германский капиталист, стоявший во главе грандиозного концерна промышленности, включавшего в себя предприятия угольной промышленности, металлообрабатывающей, машиностроительной, электротехнической и проч., владелец пароходств и целого ряда газет, оказывавший громадное влияние на политическую жизнь Германии.

37. Восстание левых с.-р. 6—8 июля 1918 г. См. т. I, стр. 266—302.

38. Доклад «Современное положение и задачи военного строительства» издан отдельной брошюрой ВВРС, Москва 1924 г.

39. Крестьянское восстание в Болгарии, руководимое коммунистами, против реакционного правительства Цанкова, произошло в 20-х числах сентября 1923 г. Оно вспыхнуло одновременно в разных местах Болгарии, но было жестоко

подавлено правительством, при содействии врангелевцев. Часть повстанцев бежала в Юго-Славию.

40. 9 ноября 1918 г. — день германской революции — свержение Вильгельма II и провозглашение республики. См. примеч. 70 к I тому.

41. Песня на юмористические стихи, сочиненные Л. Н. Толстым, осмеивающие неудачное наступление ген. Реада на Черной речке во время севастопольской кампании.

42. Возможность производства широкого опыта в строительстве вооруженных сил Республики на милиционных началах была впервые широко выявлена в январе 1923 года на совещании командующих войсками округов, фронтов и отдельных армий. 12 января того же года РВС СССР вынес постановление о переводе первых десяти дивизий в территориальные. Первые сборы этих дивизий протекали с 5—10 сентября до 15 октября. Сборы эти прошли почти без всяких уклонений от явки и с большим подъемом. Результаты первых сборов с несомненной ясностью подчеркнули возможность в условиях Советского Союза широко применять территориальный принцип комплектования армии.

43. Интервью американскому сенатору Кингу. См. выше, стр. 114.

44. На улице Знаменке в Москве помещается здание Реввоенсовета Союза ССР.

45. О борьбе под Казанью, см. I том, стр. 232 — 266 и примечания к этим страницам.

46. Речь эта напечатана в брошюре «Торжественное заседание Общества Друзей Воздушного Флота». Изд. «Военный Вестник» Москва, 1923 г.

47. Черчилль — английский морской министр, активный деятель интервенции, по инициативе которого английские войска оккупировали русский север и поддерживали эсеровское правительство Чайковского в Архангельске в 1918 году.

48. Дискуссия о военной доктрине состоялась в Военно-Научном обществе в день первой годовщины со дня основания этого общества 1 ноября 1921 года. После вступительного слова тов. Троцкого первым докладчиком выступил профессор Незнамов. После него высказались тов. Петровский, Верховский и многие активные работники Военно-Научного общества.

После всех выступлений заключительное слово произнес тов. Троцкий.

49. Имеется в виду сражение при Ватерлоо в 1815 г. Наполеон был разбит соединенными силами англичан и пруссаков, после чего был сослан на остров св. Елены, а на французский престол была возведена династия Бурбонов, в лице Людовика XVIII.

50. Об этом подробнее, см. примечания 70 и 75 во II томе, кн. 1-ая. Статья «Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство».

51. Издана отдельной брошюрой ВВРС. Москва, 1921 г.

52. Статьи тов. Варина. «К итогам гражданской войны». Журн. Военная наука и революция 1921 года.

53. Письмо т. Тухачевского опубликовано в книге его «Война классов».

54. Напечатаны в брошюре «Основные военные задачи момента». ВВРС. Москва, 1922 г.

55. Имеются в виду статьи в журн. «Красная Армия», № 12, март 1922 г.: «Об одном теоретическом увлечении» и «По поводу статьи Кванина».

Предметный указатель

Хронология важнейших событий

(к первой и второй книгам III-го тома)

1921 г.

15 января.	Образование кабинета Бриана во Франции.
23 февраля.	Установление советского строя в Грузии.
1 марта.	Начало Кронштадтского мятежа.
8—16 марта.	X Съезд РКП.
16 марта.	Подписание русско-английского торгового договора.
18 апреля.	Вооруженное выступление коммунистов в средней Германии.
8 мая.	Подписание русско-германского торгового договора.
22 июня—12 июля.	III Конгресс Коминтерна.
4 июля.	Образование кабинета Бономи в Италии.
20 августа.	Подписание договора с Гувером об оказании помощи голодающим России.
18 сентября.	Польский ультиматум Советской России.
19 сентября.	Образование кабинета Пониковского в Польше, после отставки Витоса.
Серед. октября—середина ноября,	Борьба на Украине с петлюровскими бандами Тютюника.
Серед. октября—нач. янв. 1922 г.	Борьба с карельскими бандами.
23—25 октября.	Попытка монархического переворота в Венгрии.
28 октября.	Декларация о признании Советской Россией довоенных долгов.
2 ноября.	Открытие Вашингтонской конференции по разоружению.
12—22 декабря.	Переговоры между Ллойд-Джорджем и Брианом по русскому и германскому вопросам.
22—27 декабря.	IX Съезд Советов.

1922 г.

6—13 января.	Конференция в Каннах.
12 января.	Отставка французского премьера Бриана и образование кабинета Пуанкарэ.
31 января.	Назначение Ратенау министром иностранных дел Германии.
18—25 февраля.	Отставка итальянского кабинета Бономи и образование кабинета Факта.
27 марта—2 апреля	XI Съезд РКП.

10 апреля—19 мая. Генуэзская конференция.
16 апреля. Подписание русско-германского договора в Рапалло.
17 мая. Подписание договора на Генуэзской конференции о перемирии между всеми государствами на 4 месяца.
23 мая. Конференция трех Интернационалов в Берлине.
15 июня—18 июля. Гаагская конференция.
24 июня. Убийство Ратенау германскими монархистами.
27 августа—3 сентября. Разгром Греции кемалистами.
19 октября. Отставка Ллойд-Джорджа и образование кабинета Бонар-Лоу.
25 октября. Очищение японскими войсками Владивостока.
27—29 октября. Фашистский переворот в Италии, образование правительства Муссолини.
5 ноября—5 декабря. IV Конгресс Коминтерна.
14 ноября. Постановление Народного Собрания ДВР об объединении с Советской Россией.
15 ноября. Выборы в английский парламент, победа консерваторов.
15—16 ноября. Министерский кризис в Германии, отставка Вирта и образование кабинета Куно.
20 ноября. Открытие Лозаннской конференции по вопросу о Ближнем Востоке.
Начало—середина декабря. Конференция по разоружению в Москве.
16 декабря. Убийство польского президента Нарутовича фашистом Невядомским.
23—27 декабря. X Съезд Советов.
30 декабря. Декларация I Съезда Советов Союза об образовании СССР.

1923 г.

10 января. Оккупация Рура французскими войсками.
30 марта. Расстрел немецких рабочих в Эссене.
17—25 апреля. XII Съезд РКП.
8 мая. Ультиматум Керзона Советской России.
10 мая. Убийство тов. Воровского в Лозанне белогвардейцем Конради.
20 мая. Отставка Бонар-Лоу в Англии, образование кабинета Болдуина.
9 июня. Переворот в Болгарии, свержение правительства Стамбулийского и образование правительства Цанкова.
11 августа. Отставка Куно в Германии и образование правительства Штреземана.
27 сентября. Введение Штреземаном осадного положения в Германии.
21 октября. Провозглашение германскими сепаратистами Рейнской Республики.
23 октября. Восстание рабочих в Гамбурге.
29 октября. Разгон Штреземаном саксонского правительства Цейгнера.
8 ноября. Попытка фашистского переворота в Баварии.
23—30 ноября. Отставка кабинета Штреземана в Германии и образование кабинета Маркса.
8 декабря. Поражение консерваторов на выборах в английский парламент и победа рабочей партии.

ПРИЛОЖЕНИЯ

(ко всем томам)

Предметный указатель *)

(ко всем томам.).

---

*) При обозначении страниц в именном и предметном указателях — счет ведется по порядку книг. Например, 2-ая книга II тома — 3-ья по порядку, 1-ая книга III тома — 4-ая кн., 2-ая книга III тома — 5-ая книга.

Именной указатель *)

(ко всем томам).

*) Одним из основных пособий при составлении справок для именного указателя служило полное собрание сочинений В. И. Ленина.

Л. Троцкий

«КАК ВООРУЖАЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ»

(содержание всех томов)

Том I

Стран.

Коммунистическая партия и Красная Армия

Гражданская война в РСФСР в 1918 г.

I. Первые акты союзнической интервенции

II. Чехо-словацкий мятеж

III. Борьба за Казань

IV. Мятеж левых эс-эров 6—8 июля 1918 г. в Москве

Том II, кн. 1

IV. Дезертирство и Трибуналы.

V. Военная наука и литература

Южный фронт

I. Наступление Красной Армии на Украину и Дон (январь—май 1919 г.)

II. Наступление Деникина (май—август 1919 г.)

III. Рейд Мамонтова. — Мироновщина. — Второе наступление Красной Армии на Украину.

(август — декабря 1919 г.)

Восточный фронт

Наступление Колчака (март — апрель 1919 г.)

Борьба за Петроград

Том II, кн. 2

Общая обстановка к началу 1920 г.

Стран.

Трудовые армии

Война с Польшей

Южный фронт

Борьба с Врангелем

На разные темы

(Статьи, заметки, приказы, воззвания)

Том III, книга I

Красная армия на мирном положении

I. Речи, статьи, доклады

Стран.

II. Приказы, циркуляры, телеграммы и пр.

Кронштадтский мятеж

Бандитизм и голод

I. Речи, статьи.

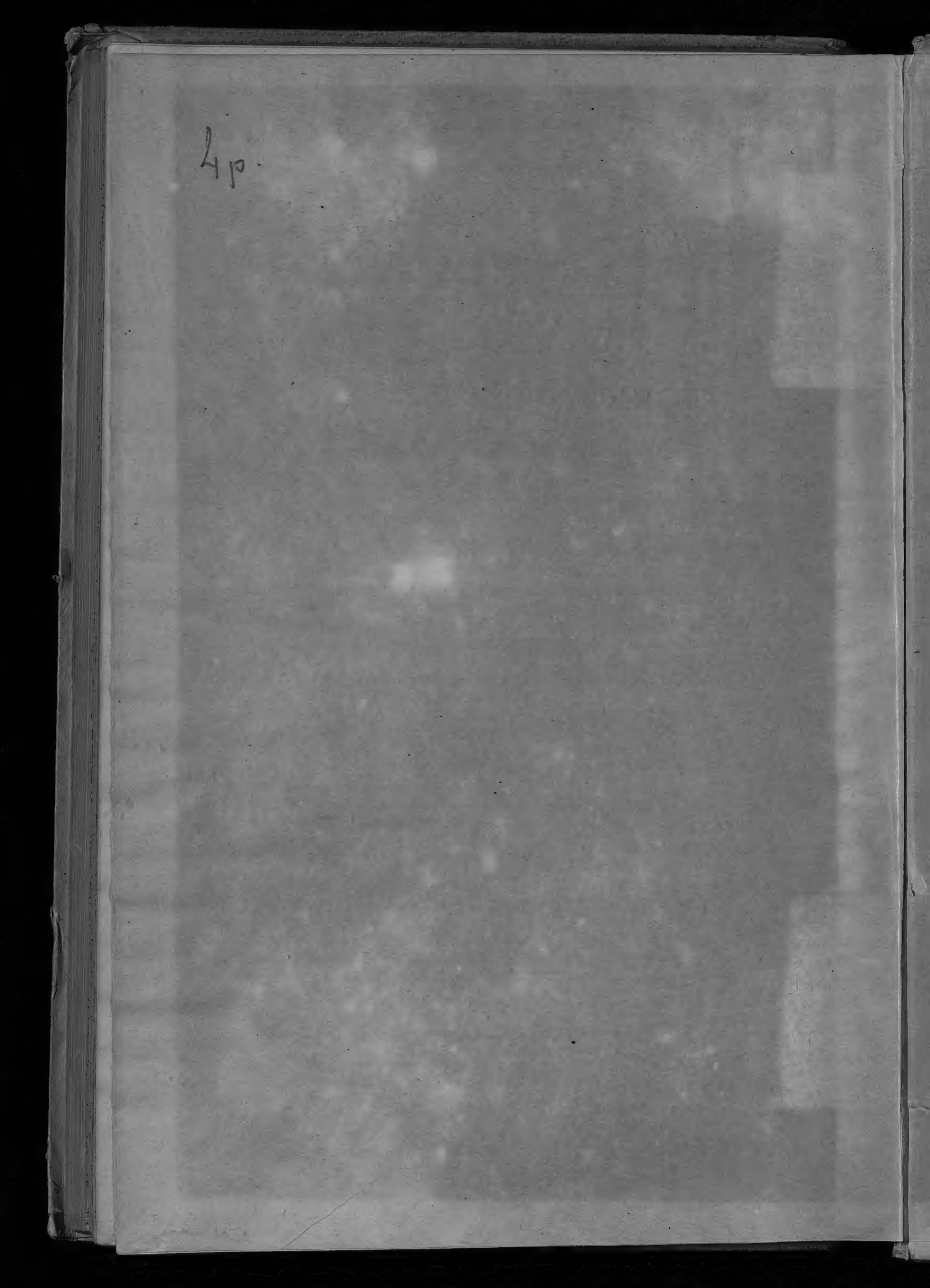
II. Приказы

Военно-политические обзоры

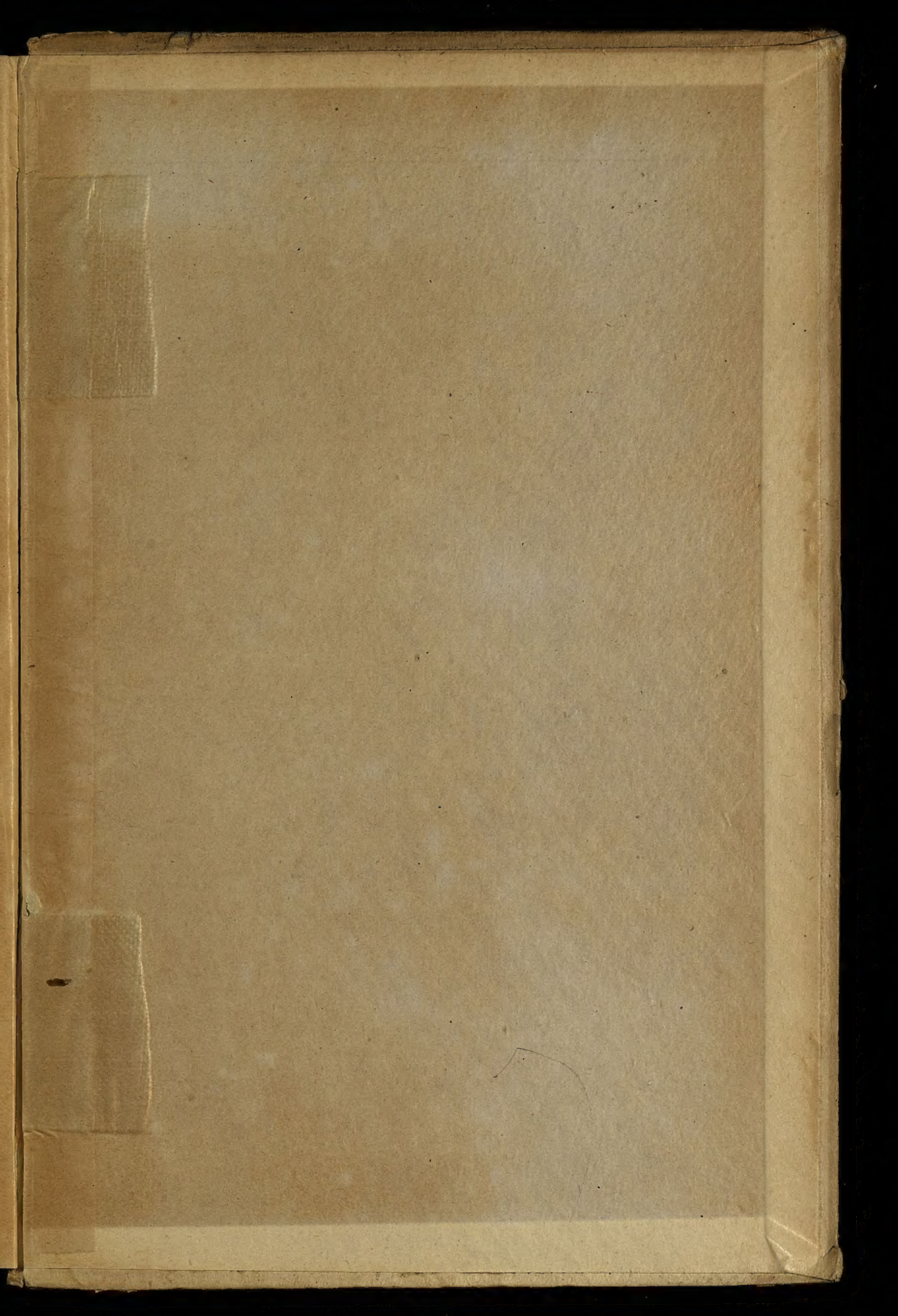
Том III, кн. 2

Строительство воздушного флота

Военно-теоретические вопросы

4р.

4р.

21

ВФ